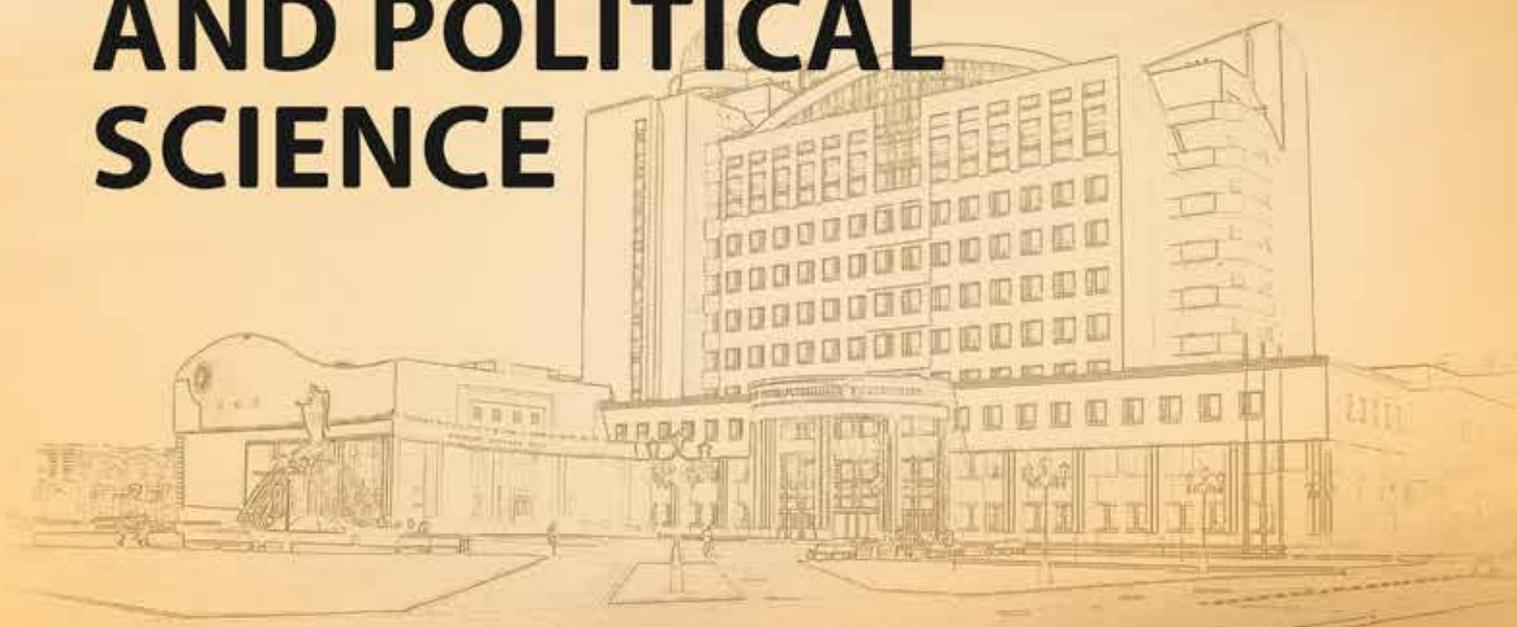

**VIA IN TEMPORE.
ИСТОРИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**VIA IN TEMPORE.
HISTORY
AND POLITICAL
SCIENCE**

Том 48, № 4

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2021. Том 48, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Х.Р. Туманс, доктор истории, ассоциированный профессор кафедры археологии и истории Латвийского национального университета (Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: oponrienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 22,9. Дата выхода 30.12.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 741 **Дороненко И.А.**
Нимфидий Сабин в 68 г.: история двух заговоров
- 749 **Чисталев М.С.**
Деконструкция Aegyptiaca Romana: историографические трансформации и постановка проблемы
- 755 **Телень С.В.**
Флотская префектура и ее место в системе римского командования (ранняя Римская империя)
- 766 **Кольцов П.М., Лаванд С.**
История распространения христианства в Сирии в I в. в контексте эллинистической культуры региона
- 775 **Дмитриев В.А.**
Вторая кампания Шапура I против Рима (253–256? гг. н. э.)
- 784 **Болгова А.М., Денисова И.В., Синица М.М.**
Трибон – плащ философа поздней античности
- 799 **Куликов О.А.**
Политика сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христианской общины
- 807 **Нефёдкин А.К.**
Алквиад – военный теоретик
- 812 **Фролов Д.Л.**
Правовое положение православного сельского духовенства в период «франкократии»
- 820 **Арутюнян А.Ж., Казаров С.С.**
Забывтый герой. Жизнь и научное наследие Саркиса Вараковича Саркисяна (1899–1981 гг.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 827 **Виноградов А.Е.**
Русские «послы» X в.: скандинавы или франки?
- 839 **Залого И.В., Мошкин А.Н.**
Инициирование православным духовенством Курской епархии сбора денежных средств в рамках церковной благотворительности во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- 849 **Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю.**
Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия»
- 859 **Оськин М.В.**
Продовольственные заготовки в Центрально-Черноземном районе в годы Первой мировой войны (1914–1917)
- 871 **Макарова Н.Н., Трофимов А.Е.**
«Новый город» на страницах периодической печати США (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)
- 883 **Иваненко Я.И.**
Деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки к Курской битве: проблемы функционирования и анализ их решения
- 892 **Дудка А.И., Оноприенко И.Г.**
Образование и начало деятельности Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 901 **Подольский В.А.**
Происхождение социальной политики в Германии
- 911 **Джанаби Я.С.Х., Надир М.С.Э.**
Особенности внутренней политической ситуации в Ираке в период с 1920 по 2003 гг.
- 921 **Шмелева О.Ю., Блохина А.Е.**
Образ государства как индикатор развития региона (на примере Нижегородской области и Республики Татарстан)
- 933 **Абрамовский И.С., Огурцова Е.В.**
Социальные сети муниципальных депутатов: проблемы и перспективы (пример г. Ярославля)
- 942 **Коньшева Ю.С.**
Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2021. Volume 48, No. 4

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PIHL). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 22,9. Date of publishing: 30.12.2021. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 741 **Doronenko I.A.**
Nymphidius Sabinus in 68 A. D.: a tale of two conspiracies
- 749 **Chistalev M.S.**
Deconstruction of Aegyptiaca Romana: historiographical transformations and problem statement
- 755 **Telepen S.V.**
Naval prefecture and its place in the roman command system (early Roman Empire)
- 766 **Koltsov P.M., Lawand S.**
The history of the distribution of Christianity in Syria in the I century A. D. in the context of the Helinistic regional culture
- 775 **Dmitriev V.A.**
Shapur I's second campaign against Rome (253–256? A. D.)
- 784 **Bolgova A.M., Denisova I.V., Sinitza M.M.**
Tribon as a pallium of philosopher in late antiquity
- 799 **Kulikov A.O.**
Policy of the Sasanian shah Yazdgard I relating the Christian community
- 807 **Nefedkin A.K.**
Alcibiades is a military theorist
- 812 **Frolov D.L.**
The legal status of the orthodox rural clergy in the period of «francocracy»
- 820 **Harutyunyan H.Zh., Kazarov S.S.**
Forgotten hero. Life and scientific heritage of Sarkis Varakovich Sarkisyan (1899–1981)

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 827 **Vinogradov A.E.**
Russian «ambassadors» of the 10th century: Scandinavians or Franks?
- 839 **Zaloga I.V. Moshkin A.N.**
Initiation by the orthodox clergy of the Kursk diocese of the raise of funds within the framework of church charity during the Russian-turkish war of 1877–1878
- 849 **Karnishina N.G., Karnishin V.Yu.**
The Situation of the Grand Duchy of Finland as part of the Russian Empire at the beginning of the XX century: the view of contemporaries – authors of the magazine «Finland»
- 859 **Os'kin M.V.**
The food procurement in the Central-Chernozem district during the First World War (1914–1917)
- 871 **Makarova N.N., Trofimov A.E.**
«New city» in US periodical press (at the instigation of Magnitogorsk, 1930s.)
- 883 **Ivanenko Ya.I.**
Activities of the Department of Motor Transport and Road services of the Voronezh Front to ensure the operation of military roads in preparation for the Battle of Kursk: functioning problems and analysis of their solutions
- 892 **Dudka A.I., Onoprienko I.G.**
Formation and start of activities of the Belgorod regional branch of the All-Russian public organization of disabled people «All-Russian Society of the Deaf»

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 901 **Podolskiy V.A.**
Origins of the social policy in Germany
- 911 **Janabi Y.S.H., Nadir M.S.E.**
Features of the internal political situation in Iraq in the period from 1920 to 2003
- 921 **Shmeleva O.Y., Blokhina A.E.**
The image of the State as an indicator of the development of the Region (on The Example of the Nizhny Novgorod Region and the Republic of Tatarstan)
- 933 **Abramovsky I.S., Ogurtsova E.V.**
Social networks of municipal deputies: problems and prospects (example of Yaroslavl)
- 942 **Konysheva Y.S.**
Mechanisms and tools of humanitarian and cultural cooperation between Russia and the states in the post-Soviet space

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(03)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-741-748

Нимфидий Сабин в 68 г.: история двух заговоров

Дороненко И.А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Аннотация. Гражданская война 68–69 гг., вошедшая в историографию как «год четырех императоров», показала, по выражению Тацита, «*imperii arcano*» – принципсом можно было стать не только в Риме. Если на первом этапе междоусобицы основной силой была преторианская гвардия, то после апреля 69 г. судьбу Империи определяли легионы. Статья посвящена самому началу «долгого 69 года» – событиям, связанным с деятельностью Нимфидия Сабина. Он был командиром преторианской гвардии в должности префекта претория с 65 по 68 г. Почти ничего не известно о его карьере до префектуры. Античная традиция зафиксировала причастность Сабина к двум заговорам: против Нерона и Гальбы. На основании трудов Иосифа Флавия, Публия Корнелия Тацита, Плутарха, Гая Светония Транквилла и Кассия Диона в статье сделан вывод о том, что Нимфидий сыграл решающую роль в свержении Нерона, но не был причастен к «заговору» против Гальбы.

Ключевые слова: Нимфидий Сабин, преторианская гвардия, Нерон, Гальба.

Для цитирования: Дороненко И.А. 2021. Нимфидий Сабин в 68 г.: история двух заговоров. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 741–748. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-741-748.

Nymphidius Sabinus in 68 A. D.: a tale of two conspiracies

Ilya A. Doronenko

Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russia
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Abstract. The Civil War of 68–69 A. D. (historiographical term: «The Year of the Four Emperors») showed, in the words of Tacitus, «*imperii arcano*»: the princeps could be made not only in Rome. During the first phase of the strife the main force was the Praetorian guard. But after April 69 A. D. legions determined the fate of the Empire. We will approach to the beginning of the «long 69 A. D.» – the events concerned with to the activities of Nymphidius Sabinus. He was commander of the Praetorian Guard as Praetorian Prefect from 65–68 A. D. We barely know anything about his career before praefectura praetorio. Ancient tradition has recorded the belonging of Sabinus in two conspiracies: against Nero and Galba. On the ground of the written accounts of Titus Flavius Josephus, Publius Cornelius Tacitus, Plutarch, Gaius Suetonius Tranquillus, Cassius Dio, we have come to the conclusion, that Nymphidius played a decisive difference in the overthrow of Nero. But Sabinus was not involved in the «conspiracy» against Galba. Nymphidius was marginalized position and did not have opportunities and supporting for struggle against Galba and provincial armies.

Keywords: Nymphidius Sabinus, Praetorian guard, Nero, Galba.

For citation: Doronenko I.A. 2021. Nymphidius Sabinus in 68 A. D.: a tale of two conspiracies. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 741–748 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-741-748.

Введение

Преторианская гвардия при Юлиях-Клавдиях стала опорой принципата. Особую роль со времен Тиберия играла фигура префекта претория – командира преторианцев. В историю вошел «всесильный временщик» Луций Элий Сеян, который, как утверждают источники, стремился свергнуть Тиберия. Но в античной традиции есть еще фигура одного командира преторианцев I века, которого древние авторы характеризовали как амбициозного властолюбца, – Гая Нимфидия Сабина. В статье мы остановимся прежде всего на деятельности префекта в 68 г., когда первая императорская династия Юлиев-Клавдиев потеряла власть, что ввергло Империю в пучину гражданской войны, завершившейся приходом к власти Веспасиана. В тот год с престола был низвергнут Нерон, а на его место пришел Сервий Сульпиций Гальба – наместник Тарраконской Испании. С именем Сабина связывают две попытки смены власти, последняя из которых завершилась гибелью префекта. Постараемся найти объяснение действиям Сабина в 68 г.

Результаты и их обсуждение

В историографии отсутствуют специальные работы о Гае Нимфидии Сабине. В исследованиях о преторианской гвардии А. Пассерини, Дж.Л. Керра, С. Бингэм, А.Р.М. Аргуина, Е.Е. Шерстнева и Г. де ла Бедуайера Сабину посвящены лишь небольшие фрагменты, а описания событий 68 г. повторяют трактовку античных авторов [Шерстнев, 2012, с. 57–59, 73; Passerini, 1939, p. 250–251; Kerr, 1991, p. 116–118; Bingham, 1997, p. 110, 112, 116–117; Argüin, 2006, p. 51, 222; Bédouère, 2017, p. 144–145]. Если о роли префекта в свержении Нерона в историографии существует консенсус, то относительно «второго заговора» есть разногласия. Мы можем отметить только позиции Т. Моммзена и Т.-Э.-Й. Видемана. Оба историка предположили, что Сабин не желал свергнуть Гальбу. Сам же он пал жертвой интриг либо в преторианской гвардии, либо ближайшего окружения нового принцепса [Моммзен, 2002, с. 199; Видеман, 2018, с. 306–307]. Таким образом, и по сей день в историографии отсутствуют работы, которые бы поднимали вопрос о деятельности Сабина в кризисный 68 г. Примечательно, что единичные проявления ревизионизма были отмечены лишь в обобщающих исследованиях по истории Империи, тогда как в работах о преторианской гвардии авторы единодушно принимают сведения из античных источников.

Немногочисленные сведения о Нимфидии Сабине содержат сочинения Иосифа Флавия, Публия Корнелия Тацита, Гая Светония Транквилла, Диона Кассия. Основным же нашим источником является биография Сервия Сульпиция Гальбы под авторством Плутарха. Фрагментарные данные также предоставляют надписи.

О жизни Нимфиция Сабина до заговора Пизона 65 г. нам известно крайне мало. И Тацит, и Плутарх упоминают версию, что отцом будущего префекта мог быть император Калигула (Тас. *Ann.* XV. 72; *Plut. Galba*, IX). В «Анналах» даже описывается, что Сабин походил свирепым лицом и высоким ростом на принцепса. Впрочем, отцом будущего префекта мог быть и гладиатор Марциан. Плутарх сообщает, что связь Калигулы с вольноотпущенницей Нимфидией, матерью нашего героя, началась после его рождения. Сам же Сабин внешне больше походил на Марциана, как сообщает нам биограф (*Plut. Galba*, IX). Однако сложно представить, чтобы автор конца I – начала II вв. имел подробные сведения об облике префекта претория, которому не столь много внимания было уделено в других источниках, и тем более о его отце.

Сохранилась посвяtitельная надпись Юпитеру Наилучшему Величайшему из Паннонии, в которой содержится имя и указание на должность префекта, возможно, ауксиллии (CIL III 04269) [Morgan, 2006, p. 29]. Из другой надписи мы узнаем преномен Сабина – Гай (CIL VI 06621 = ILS 1322). Командиром преторианской гвардии Сабин стал после раскрытия мятежа среди сенаторов и преторианцев в 65 г. До этих событий он руководил городскими когортами [Bingham, 1997, p. 110]. Тогда же был казнен Фений Руф – командир гвардии и участник заговора Пизона [Passerini, 1939, p. 283]. Сабин получил за свои заслуги перед Нероном консульские знаки отличия (Tac. Ann. XV. 72).

Так Нимфидий Сабин стал префектом претория. Его коллегой по командованию гвардией был Гай Софоний Тигеллин. Нимфидий фактически стал могущественным «соучастником власти» [Егоров, 2017, с. 258]. Последние годы принципата Нерона предвещали скорый кризис. Так, император в 67 г. отправился в Грецию, но не для инспекции провинций, а ради искусства. На случай отсутствия принцепса в Риме оставались префекты Города и преторианцев. Сабин находился в столице с большей частью гвардии. В его руках фактически были в то время бразды правления Империей (Jos. V. Iud. IV. 9, 2). Часть гвардии вместе с Тигеллином сопровождала Нерона в Греции (Dio. LXIII. 12, 3; 21, 2) [Védoüyère, 2017, p. 138]. Однако Сабин этим обстоятельством не воспользовался. Вскоре император вернулся в Италию, но там его застало известие о восстании Виндекса. Принципат Нерона рушился, что произошло не без участия гвардии. Преторианцы не могли бы противостоять провинциальным легионам, а утрата императором их поддержки была очевидной [Моммзен, 2002, с. 198].

Нимфидий Сабин наверняка понимал всю сложность своего положения: с одной стороны, Риму угрожают уже войска Гальбы и других наместников, а с другой – все еще сохраняется присяга Нерону. Преторианцы, какое бы представление ни закрепилось о них в традиции, обычно сохраняли верность императорам до последнего (Tac. Hist. I. 5). Однако Нерон перестал пользоваться уважением в армейской среде. Теперь он был готов бежать в Александрию. Просьбы уже низвергнутого императора, чтобы его в Египет сопровождали преторианские трибуны и центурионы, лояльность гвардейцев не усилили бы (Suet. Nero, XLVII). В то же время Сабин решил закрепить «успех» восстания. Ему пришлось пойти на обман [Kerr, 1991, p. 116]. Он от имени Гальбы пообещал преторианцам 7 500, а другим воинам в Риме – по 1 250 денариев (Plut. Galba, II). Г. Морган доказал, что Плутарх подразумевал не всех солдат в Империи вообще, а лишь воинов, которые не служили в гвардии, но находились в Городе [Morgan, 2006, p. 302, n. 7]. Разумеется, у Гальбы не было таких денег. Отказ нового императора от выплат солдатам привел к очередному перевороту – но уже 15 января 69 г. Видимо, Сабин изначально рассчитывал, что Гальба не сможет расплатиться с солдатами, чтобы обратить ситуацию в свою пользу [Шерстнев, 2012, с. 65]. Но воспользоваться такой возможностью он не смог в полной мере.

Преторианцы оставили Нерона, а сенаторы в castra praetoria провозгласили императором Гальбу (Dio. LXIII. 27, 2^b). На первый взгляд, это означало победу для Нимфидия Сабина. Действительно, сразу же он фактически отправил в отставку своего коллегу – Тигеллина (Plut. Galba, VII). Войска в Риме к Сабину, как казалось, были расположены. Симпатий солдат он мог добиться за все то время, пока Нерон был в Греции. Префект претория, однако, решил не останавливаться в своих стремлениях. Он поставил в зависимое положение сенат. Так, Сабин разгневался на неизвестных консулов, которые без ведома командира гвардии отправили государственных рабов Гальбе (Ibid.). Он считал себя полноправным правителем в Риме. Но ни симпатия толпы, которой на расправу были выданы доносчики и любимцы Нерона, ни страх сенаторов не гарантировали положения Сабина.

И Плутарх, и Тацит повествуют о том, что Нимфидий Сабин, возжелавший власти, решился на свержение Гальбы (Plut. Galba, XIII–XIV; Tac. Hist. I. 5–6). Обратимся к источниковой базе обоих авторов. Сложно доподлинно установить, какими же именно све-

днями при рассказе о Сабине пользовались Тацит и Плутарх. Тем не менее прояснить, чьи тексты они использовали, можно. Оба автора по большей части опирались на одни и те же источники [Hardy, 1890, p. XXIV]. «Сравнительные жизнеописания», вероятно, были написаны при Домициане, то есть раньше «Истории» [Hardy, 1890, p. XXV, XXIX]. При этом Тацит в большей степени опирался на Плиния Младшего, тогда как Плутарх – на Клувия Руфа [Godolphin, 1935, p. 328]. Оба «первоисточника» могли содержать сведения о Нимфидии Сабине. Однако мы не можем установить достоверность сообщений в трудах Руфа и Плиния, хотя оба автора были современниками событий, а Клувий в некоторой степени и участником.

Сюжет о «заговоре» Сабина от Клувия Руфа и Плиния перешел в сочинения Тацита и Плутарха. Светоний при составлении биографии Гальбы наверняка опирался на Плиния Старшего, как об этом писал Э. Харди [Hardy, 1890, p. LIX–LX]. Характерно, что в жизнеописании этого автора Сабин приравнивается к Клодию Макру и Фонтею Капитону (Suet. Galba, XI). Об их деяниях Светоний пишет максимально обобщенно: «novas res moliebantur» («новые деяния замыслили»). Эпитоматор Диона Кассия тоже упомянул Нимфидия Сабина вместе с Гаем Фонтеем Капитоном, хотя оказывается, что Гальба предал их суду за бесчинства (Dio. LXIV. 2, 2). Таким образом, самые ранние из дошедших до нас сведений о событиях в Риме до прибытия Гальбы являются наиболее развернутыми рассказами о «заговоре». Тем не менее относительная «древность» источника не означает, что он сразу же становится более достоверным. Префект претория в античной традиции являлся практически всегда потенциальным или настоящим заговорщиком, что особенно проявилось в истории про «всесильного временщика» Луция Элия Сеяна – командира гвардии при Тиберии (15–31 гг.). Поэтому рассмотрим, какими же силами и возможностями располагал Сабин после свержения Нерона.

Нимфидий отправил соглядатая Геллиана с дарами к Гальбе, который еще не достиг Рима. Посланника префекта принцепс при этом демонстративно держал в отдалении, а рабов Нерона и богатый сервис не принял (Plut. Galba, XI). Это свидетельствовало, что Гальба и его окружение не были намерены считаться с Сабиним. Под влиянием легата Тита Виния принцепс назначил еще одного префекта претория – Корнелия Лакона (Ibid., XIII). Нимфидий, как сообщает Плутарх, решил не давать советы Гальбе, а стал «писать письма, запугивая его» (Ibid.). Так, префект сообщал, что Клодий Макр задержал поставки зерна из Африки в Рим, в Сирии и Иудее разгорались мятежи в легионах. Император к этим сообщениям не прислушался. Вполне возможно, что угроза для Рима была преувеличена в письмах префекта. Так, Г. Морган отмечает, что блокада Города была незначительной. Во-первых, нет никаких сведений, что в Риме возникла паника среди плебса, как это было в 70 г., когда новый проконсул Африки Луций Пизон не смог из-за холодов отправить в плавание суда с зерном (Tac. Hist. IV. 38). Во-вторых, у Макра не было столь значительных сил, чтобы заблокировать поставки хлеба. Зерно отправлялось из множества гаваней на небольших судах, а в распоряжении мятежника не было достаточного количества солдат [Morgan, 2000, p. 483–484]. После этого, как сообщает наш основной автор Плутарх, а также дополняющий его Тацит (Tac. Hist. I. 5), Сабин решил на переворот.

Нимфидий в конце лета в преторианском лагере планировал выступить с речью, подготовленной Цингинием Варроном, сенатором и консулом-десигнатом последних месяцев 68 г. [Шерстнев, 2012, с. 66]. Некоторые преторианцы были даже готовы поддержать Сабина, но мятеж пресек на корню первый трибун Антоний Гонорат (Plut. Galba, XIV). Он укорял гвардейцев за измену Нерону и готовность убить родственника Ливии. Сабин, осознав поражение, попытался войти в лагерь, заявляя о верности Гальбе, но тут же был убит (Ibid.). Так об этом рассказывает Плутарх. Но насколько правдоподобна рассказанная им история?

Действительно, положение Сабина было под угрозой. Но он не мог стремиться к императорскому пурпуру, о чем Плутарх сообщал устами антиохийца Клодия Цельса (Ibid., XIII). Префект, судя по всему, никак не пресекал слухи о том, что его отцом был Калигула (Ibid., IX; Tac. Ann. XV. 72). Не беря во внимание исключительные случаи Лже-Неронов, которые были связаны с провинциями, можно сказать, что родство с Юлиями-Клавдиями играло роль, но не главенствующую. Так, всерьез в январе 41 г. рассматривались кандидатуры и дальних родственников императорской семьи – например, Марка Виниция, мужа Юлии Ливиллы, сестры Калигулы. Более того, с самого начала был сомнителен факт родства Сабина с Калигулой, что не давало ему сколько-нибудь значимых шансов на контроль над домохозяйством Цезарей. В то же время Гальба являлся родственником Ливии и происходил из старого сенатского рода. Сам же Нимфидий оставался лишь всадником. Г.Х. Стивенсон предполагал, что Сабин мог рассматривать себя как наследника Нервы [Stevenson, 1934, p. 812–813]. Впрочем, не принадлежа к аристократии и не имея достаточного круга сторонников среди политической элиты, он не мог как силой занять престол, так и стать легитимным наследником. Характерно, как замечает Е.Л. Смирнова, что Сабин был единственным претендентом на престол в 68–69 гг., происходившим не из сенаторского сословия [Смирнова, 2014, с. 225, 227]. Версия о сенатском заговоре тоже маловероятна, так как у сенаторов не было причин восставать против Гальбы, поскольку он был подлинным «сенатским императором» [Егоров, 2017, с. 146].

Сабин в лучшем случае мог располагать в Риме лишь преторианской гвардией, городскими когортами, вигилами и по разным причинам оказавшимися в Городе солдатами из других подразделений. Но, как верно отметил М. Дюрри, преторианцы все еще сохраняли уважение к «императорскому дому и близкой к нему аристократии» [Durry, 1938, p. 371]. Хотя преторианцев и можно рассматривать в качестве выразителей сущности «новой Империи», но все-таки не стоит отрицать самого факта лояльности когорт к существовавшему правящему классу [Дьяченко, Чернышов, 2014, с. 99]. На стороне же Гальбы были его испанские войска и восточные легионы. Возможно, под влиянием Сабина и префект Египта Тиберий Александр присягнул со своими войсками Гальбе [Chilver, 1957, p. 32]. Германские легионы с трудом, но признали нового принцепса. Очевидно, что запуганные Сабином сенаторы и около десяти тысяч солдат в городе – это недостаточная сила для захвата власти над Империей в условиях, когда гражданская война фактически началась. А.Г. Бокщанин писал о том, что «благодаря обману и грубой демагогии» Сабин перетянул на свою сторону люмпен-пролетариат [Бокщанин, 1954, с. 206]. Однако это утверждение не следует непосредственно из источников, представляя собой довольно спорное их толкование. Да и население Рима могло стать лишь опорой власти принцепса, чего добивался затем Вителлий, а не инструментом для завоевания пурпура.

Мог ли Сабин участвовать в разветвленном заговоре и выступать на стороне другого претендента? Маловероятно, так как другие потенциальные кандидаты на престол не были связаны с префектом [Bingham, 1997, p. 117]. Клодий Макр действовал самостоятельно, возможно, сознательно против Сабина [Morgan, 2000, p. 478–479]. Надежных сведений о том, что Капитон действительно посягал на императорский пурпур, нет. В случае с легатом Нижней Германии у Сабина бы не получилось заключить союз, так как войска в провинции скорее бы выдвинули своего кандидата на престол, чем выскочку-префекта. Петроний Турпилиан, консул 61 г., еще Нероном был отправлен с войсками на подавление восстания Гальбы (Dio. LXIII. 27, 1^a). Он был верен своему принцепсу до конца и погиб в Риме после «заговора» Сабина (Tac. Hist. I. 6, 37; Plut. Galba, XV, XVII). Сложно представить, чтобы полководец Нерона пошел бы на союз с префектом, который своего императора предал и обрек на гибель. К тому же у Петрония не было никакой реальной поддержки в войсках.

Что же произошло в Риме в 68 г.? Мы склоняемся к точке зрения, что Сабин стремился к единоличной префектуре, что было тем же самым, что «господство над Римом в

скрытой форме» [Моммзен, 2002, с. 199]. Скорее всего, верным является предположение Т.-Э.-Й. Видемана о том, что Нимфидия и его друзей могли оклеветать или приближенные Гальбы (Лакон, Виний и Икел), или находившиеся в Риме люди. Мы считаем, что префект был убит сторонниками императора в Городе. Неслучайно в источнике вводится фигура Гонората. Вполне возможно, что против Сабина был составлен заговор внутри преторианской гвардии. Благоклонность к префекту войск была видимостью. Офицеры испытывали неприязнь к выскочке. Рядовые помнили об измене Сабина и не стремились к конфликту с Гальбой [Видеман, 2018, с. 306–307]. К тому же в преторианской гвардии к середине I в. существовал если не антагонизм, то серьезное напряжение между рядовыми и офицерами [Ушаков, 1986, с. 83, 93]. Нимфидий сам пал жертвой заговора, когда стремился упрочить свое положение. Гальба использовал ситуацию, чтобы расправиться со сторонниками Сабина (Plut. Galba, XV; Tac. Hist. I. 37; Suet. Galba, XI). Были казнены Макр, Капитон, Варрон и даже Митридат, изгнанный царь Понта. Турпилиану было приказано покончить с собой. В отставку по велению Гальбы отправили тех преторианцев, которых подозревали как соучастников Сабина (Suet. Galba. XVI). Однако эти репрессии не спасли императора от мятежа германских войск, а затем и заговора Отона.

Лето 68 г. стало началом гражданской войны, закончившей оформление принципата, который практически в таком же виде просуществовал вплоть до конца II в. Хотя ведущая роль в начале года четырех императоров и была за преторианской гвардией, но она не могла в одиночку вершить судьбу Империи.

Выводы

Античная традиция значительно персонализировала события 68–69 гг. Так, Нимфидий Сабин стал очередным «заговорщиком-префектом». В отличие от Сеяна, мы мало о нем знаем. Тем не менее даже фрагментарные сообщения источников позволяют усомниться в традиционной версии о «заговоре». Сомнительный статус Сабина среди римской военно-политической элиты, отсутствие поддержки в провинциальных войсках не могли способствовать ни самостоятельному, ни совместному с другими силами выступлению. Стремление Сабина стать единоличным префектом и последовавшие за этим репрессии предвещали быстротечный принципат Гальбы. Сабин попытался изменить префектуру претория, но подобные стремления в полной мере были реализованы лишь во время «военной анархии» III в.

Список литературы

1. Бокщанин А.Г. 1954. Социальный кризис Римской империи в I веке н. э. М., МГУ, 240.
2. Видеман Т.-Э.-Й. 2018. От Нерона до Веспасиана. I. 68 г. н. э. В кн.: Кембриджская история древнего мира. Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э.: в 2 томах. Первый том. Пер. с англ. М., Ладомир: 299–308.
3. Дьяченко А.Ю., Чернышов Ю.Г. 2014. Современная отечественная историография о роли и месте преторианской гвардии в политическом кризисе Римской империи в 68–69 гг. В: Известия Алтайского государственного университета, 4–1 (84): 96–100.
4. Егоров А.Б. 2017. Рим: от республики к империи. СПб., Наука, 311.
5. Моммзен Т. 2002. История римских императоров. По конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886 гг. Пер. с нем. СПб., Ювента, 628.
6. Смирнова Е.Л. 2014. Гражданские войны 68–69 гг. и римский сенат. В: Мнемон (14): 223–230.
7. Ушаков Ю.А. 1986. Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. В кн.: Античная гражданская община. М., МЗГПИ: 78–93.
8. Шерстнев Е.Е. 2012. Преторианцы и легионы в борьбе за императорский престол в марте 68 – апреле 69 гг. Дисс. ... кандидата исторических наук. Саратов, 211.

9. Argüin A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almendra Ediciones, 246.
10. Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome* (PhD diss. British Columbia). Ottawa, National Library of Canada, 290.
11. Chilver G.E.F. 1957. The Army in Politics, A. D. 68–70. *The Journal of Roman Studies*. 47 (1/2): 29–35.
12. De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 336.
13. Durry M. 1938. *Les cohortes pretoriennes*. Paris, E. de Boccard, 454.
14. Godolphin F.R.B. 1935. The source of Plutarch's Thesis in the Lives of Galba and Otho. *The American Journal of Philology*. 56 (4): 324–328.
15. Hardy E.G. 1890. *Plutarch's Lives of Galba and Otho*. N.Y., Macmillan and Co. and L., 289+CXXIV.
16. Kerr J.L. 1991. The role and character of the praetorian guard and the praetorian prefecture until the accession of Vespasian: (PhD diss. Glasgow), 279.
17. Morgan G. 2000. Clodius Macer and Calvia Crispinilla. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. 49 (4): 467–487.
18. Morgan G. 2006. *69 A.D. The Year of Four Emperors*. Oxford, Oxford University Press, 322.
19. Passerini A. 1939. *Le coorti pretorie*. Roma, 362.
20. Stevenson G.H. 1934. Galba. In.: *The Cambridge Ancient History*. Vol. X. Cambridge, Cambridge University Press: 808–816.

References

1. Bokshchanin A.G. 1954. *Sotsial'nyy krizis Rimskoy imperii v I veke n. e.* [The social crisis of the Roman Empire in the first century A. D.]. M., MGU, 240.
2. Videman T.-E.-Y. 2018. *Ot Nerona do Vespasiana*. I. 68. g. n. e. [From Nero to Vespasian. I. 68 A. D.]. V kn.: *Kembridzhckaya istoria drevnego mira. Imperiya Avgusta 43 g. do n. e. – 69 g. n. e.* [Cambridge history of the ancient world. Empire of August 43 B. C. – 69 A. D.]: v 2 polutomakh. *Pervyy polutom. Per. s angl. M., Ladomir: 299–308.*
3. D'yachenko A.Yu., Chernyshov Yu.G. 2014. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya o roli i meste pretorijskoy gvardii v politicheskom krizise Rimskoy imperii v 68–69 gg.* [Modern domestic historiography on the role and place of the Praetorian Guard in the political crisis of the Roman Empire in 68–69]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Altai State University], 4–1 (84): 96–100.
4. Egorov A.B. 2017. *Rim: ot respubliki k imperii* [Rome: from republic to empire]. SPb., Nauka, 311.
5. Mommzen T. 2002. *Istoriya rimskikh imperatorov. Po konspektam Sebast'yana i Paulya Khenzeley 1882–1886 gg.* [History of Roman emperors. According to the abstracts of Sebastian and Paul Hanzel 1882–1886]. *Per. s nem. SPb., Yuventa, 628.*
6. Smirnova E.L. 2014. *Grazhdanskiye voyny 68–69 gg. i rimskiy senat* [The Civil Wars of 68–69. and the Roman Senate]. *Mnemon* (14): 223–230.
7. Ushakov Yu.A. 1986. *Pretorijskaya gvardiya v period grazhdanskoy voyny 68–69 gg. n. e.* [The Praetorian Guard during the Civil War of 68–69 A. D.]. V kn.: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina* [Античная гражданская община]. M., MZGPI: 78–93.
8. Sherstnev E.E. 2012. *Pretoriantsy i legiony v bor'be za imperatorskiy prestol v marte 68 – aprele 69 gg.* [Praetorians and legions in the struggle for the imperial throne in March 68 – April 69]. *Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Saratov, 211.*
9. Argüin A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almendra Ediciones, 246.
10. Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome* (PhD diss. British Columbia). Ottawa, National Library of Canada, 290.
11. Chilver G.E.F. 1957. The Army in Politics, A. D. 68–70. *The Journal of Roman Studies*. 47 (1/2): 29–35.

12. De la Bédoyère G. 2017. Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard. New Haven; London, Yale University Press, 336.
13. Durry M. 1938. Les cohortes pretoriennes. Paris, E. de Boccard, 454.
14. Godolphin F.R.B. 1935. The source of Plutarch's Thesis in the Lives of Galba and Otho. The American Journal of Philology. 56 (4): 324–328.
15. Hardy E.G. 1890. Plutarch's Lives of Galba and Otho. N.Y., Macmillan and Co. and L., 289+CXXIV.
16. Kerr J.L. 1991. The role and character of the praetorian guard and the praetorian prefecture until the accession of Vespasian: (PhD diss. Glasgow), 279.
17. Morgan G. 2000. Clodius Macer and Calvia Crispinilla. Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte. 49 (4): 467–487.
18. Morgan G. 2006. 69 A. D. The Year of Four Emperors. Oxford, Oxford University Press, 322.
19. Passerini A. 1939. Le coorti pretorie. Roma, 362.
20. Stevenson G.H. 1934. Galba. In.: The Cambridge Ancient History. Vol. X. Cambridge, Cambridge University Press: 808–816.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дороненко Илья Алексеевич, магистрант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Ilya A. Doronenko, Master's student of the Department of General History of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-749-754

Деконструкция *Aegyptiaca Romana*: историографические трансформации и постановка проблемы¹

Чисталев М.С.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: marcus7@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются подходы и концепции исследований, посвященных проблемам изучения *Aegyptiaca Romana* в римском обществе, в зарубежном антиковедении. Отмечается, что религиозная интерпретация египетских и египтизированных предметов и артефактов длительное время являлась доминирующей парадигмой. Вплоть до 1970-х годов основной проблемой всех таких исследований являлось игнорирование контекста использования объектов, взаимосвязи формы и материала, специфики стилистического выражения (особенно применительно к объектам, произведенным в Италии), а также отказ принять во внимание возможность наличия более широкого спектра интерпретаций культовых образов. В то же время отличительной особенностью изысканий, опубликованных в последние годы, является смещение акцентов в трактовке *Aegyptiaca Romana* в новую крайность, а именно – полное неприятие религиозного контекста, что представляется слабо аргументированным и необоснованным.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, *Aegyptiaca Romana*, восприятие иноземной культуры.

Для цитирования: Чисталев М.С. 2021. Деконструкция *Aegyptiaca Romana*: историографические трансформации и постановка проблемы. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 749–754. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-749-754.

Deconstruction of *Aegyptiaca Romana*: historiographical transformations and problem statement

Mark S. Chistalev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: marcus7@mail.ru

Abstract. The article analyzes the approaches and concepts of research devoted to the problems of studying *Aegyptiaca Romana* in Roman society in foreign classical studies. In the historiography of *Aegyptiaca Romana*, the religious interpretation, mainly associated with the cult of Isis, has long been the dominant paradigm. Only in the mid-1990s and early 2000s did the first works appear in which there is a rejection of the dogmatic attitude to search for a religious context with an emphasis on general cultural interpretation. In general, the most important result of the research carried out to date is the understanding that the one-sided interpretation of *Aegyptiaca Romana* as closely related to the religious context was erroneous, and the study of the ideas about *Aegyptiaca Romana* should be based on the entire set of the historical relations between Egypt and Rome, it is necessary to take into account the context, the relationship of form and material, the specifics of stylistic expression, and also to consider the possibility of a wider range of interpretations of cultic images, but without shifting to a new extreme of complete rejection of the religious context.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Keywords: Ancient Rome, Egypt, Aegyptiaca Romana, perception of foreign culture.

For citation: Chistalev M.S. 2021. Deconstruction of Aegyptiaca Romana: historiographical transformations and problem statement. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 749–754 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-749-754.

Введение

В историографии Aegyptiaca Romana религиозная интерпретация, преимущественно связанная с культом Исиды, длительное время являлась доминирующей парадигмой. Когда во второй половине XIX в. на территории Италии были обнаружены многочисленные египетские и египтизированные предметы и артефакты, они были автоматически отнесены к категории религиозных предметов, связанных с египетскими культами [Lafaue, 1883]. Не менее значимым является тот факт, что большая часть первых исследователей Aegyptiaca были египтологами, что не могло не сказаться на характеристике находок, сделанных в Исеуме в Помпеях, римском Iseum Campense [Hülßen, 1903] и в Беневенто, как имеющих религиозную основу.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на появление специальных исследований, посвященных археологическим находкам на территории Рима и Италии [Hülßen, 1903], лишь с середины XX в. наблюдается новый импульс в изучении распространения эллинизированных египетских культов.

Появление работ Ж. Леклана и М. Дж. Вермасерена по изучению отношения к египетской религии в римском мире положили начало серии ÉPRO – Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, которая в последующем превратилась в серию RGRW – Religions in the Graeco-Roman World, в которой изучаются социальные и культурные особенности греко-римских религиозных воззрений, в том числе их взаимодействие с ранним христианством, иудаизмом и исламом, на значительном историческом этапе, охватывающем период от 400 г. до н. э. и вплоть до 700 г. н. э.

Особо следует сказать об опубликованной в 1964 г. работе Венсана Тран Там Тинха [Tinh V. Tran Tam, 1964], посвященной культу Исиды, отчасти сохранившей даже в наше время свою значимость в вопросах исследования Aegyptiaca в Помпеях. Будучи одним из первых авторов, кто изучал распространение культа Исиды в Италии в тесной взаимосвязи с объектами материальной культуры, имеющими отношение к Египту, В. Тран Там Тинх оказал существенное влияние на классификацию различных изображений и предметов с египетской тематикой как имеющих отношение к религиозной деятельности. Применительно к находкам из Помпей причиной установления религиозной трактовки в качестве основополагающей является открытие в 1769 г. и последующие раскопки храма Исиды. Его хорошая сохранность, указывающая на быстрое восстановление после землетрясения 62 г. н. э., а также месторасположение позволяли сделать вывод о том, что город был центром культа египетской богини в Кампании, а это, в свою очередь, косвенно подтверждало значительные масштабы распространения культа Исиды в регионе.

В целом В. Тран Там Тинху удалось каталогизировать множество объектов, найденных в Помпеях, которые он связывал с культом Исиды². В него вошли: настенные росписи, рельефы, статуи, небольшие статуэтки и бюсты, украшения, граффити, сисстры³ и т. д. Все они так или иначе стилистически были связаны с Египтом или с образом Исиды. Однако работа В. Тран Там Тинха имела существенный недостаток: автор абсолютно

² Сам автор пишет, что все эти предметы «красноречиво подчеркивают религиозность (в поклонении Исиде – М. Ч.) жителей города» [Tinh V. Tran Tam, 1964, p. 6].

³ В перечне В. Тран Там Тинха дан 21 систр, найденный в Помпеях в различных частях города.

игнорировал не только контекст, в котором данные объекты были обнаружены, но и их функциональное предназначение.

1970-е годы стали определяющими для изучения *Aegyptiaca Romana*, поскольку именно в этот период появились сразу две монографии по египетским и египтизированным артефактам, найденным в Италии: работа Мишеля Малеза «*Inventaire préliminaire des documents égyptiens découverts en Italie*» [Malaise, 1972] и монография Анны Руле «*The Egyptian and Egyptianising monuments of imperial Rome*» [Roulet, 1972]. Систематизация и интерпретация М. Малеза включала в себя находки, сделанные только на территории Италии, в то время как А. Руле расширила границы, включив в каталог артефакты, которые были найдены в провинциях империи. Оба исследования, опубликованные в серии *ÉPRO*, настолько безапелляционно относили *Aegyptiaca Romana* к египетским религиозным культам, что стали основой для многих последующих изысканий, не позволив учесть критику такого подхода, которая в виде осторожных сомнений впервые была высказана К. Шефолдом [Schefold, 1952] еще в 1952 г. В своих публикациях по римской настенной живописи он отмечал, что не все владельцы домов, в которых была обнаружена символика, связанная с культом Исиды, были последователями ее религиозного культа⁴.

Основная проблема всех вышеперечисленных исследований заключается не столько в однобоком подходе к трактовке *Aegyptiaca*, сколько в игнорировании контекста использования объектов, взаимосвязи формы и материала, специфики стилистического выражения (особенно применительно к объектам, сделанным в Италии), а также отказе принять во внимание возможность наличия более широкого спектра интерпретаций культовых образов.

Монография М. Малеза стала отправной точкой для исследования М. Де Вос [De Vos, 1980], появившегося почти десятилетие спустя и изданного в уже упомянутой нами серии *ÉPRO*. Впервые *Aegyptiaca* рассматривалась с новой концептуальной позиции, где главная роль отводилась не египетским религиозным культам, а культурным процессам, происходившим в римском обществе. Однако обозначив римские, а также помпейские фрески и мозаику «египтоманией» в названии своей работы, М. Де Вос не только не раскрывает специфику применения данного термина, но и обходит стороной анализ генезиса самого явления.

Лишь в 1994 г. в связи с проведением выставки «Египтомания: Египет в западном искусстве 1730–1930» и выходом каталога с аналогичным названием [Egyptomania, 1994] редакторам, в частности Жану-Марселю Юмберу [Humbert, 1994]⁵, впервые удалось дать четкое обоснование применению термина «египтомания». Раскрывая масштаб европейского увлечения «египетскими мотивами», Ж.-М. Юмбер обращается не только к объектам архитектуры, интерьерам, скульптуре, живописи, памятникам декоративно-прикладного искусства относительно недавнего европейского прошлого, но и к процессам, происходившим в Римской империи. На различных примерах он демонстрирует актуальность феномена египтомании на разных этапах развития европейского общества, благодаря его способности к трансформации в зависимости от исторических обстоятельств. Заслугой автора также является первое логически выстроенное обоснование принципиальных различий между оригинальными египетскими объектами и египтизированными образцами, для которых, как верно отметил Ж.-М. Юмбер, всегда существует как минимум еще один контекст, не имеющий ничего общего с оригинальным египетским значением: «символический, эзотерический, политический или коммерческий» [Egyptomania, 1994, p. 25].

В этой связи не случайно, что именно середина 1990-х – начало 2000-х гг. становится новым этапом интереса к взаимоотношениям между Египтом и Римом. Пол Мэйбум [Meuboom, 1995] стал одним из первых авторов, отказавшихся от догматической установ-

⁴ «Gewiss können nicht alle Bewohner der Häuser mit Isissymbolen Anhänger dieser Religion gewesen sein» [Schefold, 1952, S. 58].

⁵ Следует отметить еще несколько работ французского египтолога, посвященных теме: [Humbert, 1989; L'Égyptomanie à l'épreuve de l'archéologie, 1996; Imhotep Today, 2017].

ки на поиски религиозного контекста в Нильских сценах на примере Нильской мозаики Палестрины, сделав акцент на общекультурной интерпретации. Он приходит к выводу о том, что символическое значение Нильских сцен определяется их экзотическим характером, в котором очень сложно найти религиозный подтекст [Meuboom, 1995, p. 84].

Среди профильных статей этого периода отдельно следует выделить работу М. Золднер [Söldner, 2000]. Автор отвергает тезис М. Де Вос о наличии египтомании в римском обществе, равно как и отказывается от религиозной интерпретации *Aegyptiaca* в правлении Августа. Опираясь на исследование Пауля Цанкера [Zanker, 1987], М. Золднер настаивает на политическом подтексте египетской тематики, использовавшейся в качестве элементов пропаганды.

Не менее значимым является масштабное исследование Мигеля Верслюйса [Versluys, 2002], в котором ему удалось не только составить самый полный каталог всех известных на момент публикации Нильских сцен, но и убедительно доказать необходимость отказа от давно изжившей себя традиции идентифицировать все египетские сюжеты в частных домах и общественных сооружениях римлян как религиозные. Он указывает на то, что истинное значение Нильских сцен определяется исключительно контекстом его использования, выделяя при этом три различные категории: религиозную, декоративную и политическую. В то же время ранние Нильские сцены он предлагает выделить в качестве отдельного направления, обозначив их Нильскими пейзажами. Что немаловажно, М. Верслюйс отказывается принять аргументацию М. Де Вос и трактовать масштабное распространение *Aegyptiaca* в римском обществе как римскую египтоманию [Versluys, 2002, p. 14].

В общем русле рассмотрения специфики нового подхода, подразумевающего отказ от поиска исключительно религиозной подоплеки в интерпретации египетских предметов, найденных на территории Италии, находится и исследование М. Сьютнем-Барленд [Swetnam-Burland, 2007]. По ее мнению, найденные предметы должны быть сначала достоверно отнесены к *Aegyptiaca Romana*, и лишь затем следует предпринимать попытки по интерпретации находок. Причем автор делает акцент на том, что религиозная трактовка в большинстве случаев является не более чем одним из возможных вариантов. В своей статье М. Сьютнем-Барленд предлагает отказаться от прямолинейного поиска смысловых аналогий в интерпретации *Aegyptiaca Romana* с тем, как использовались эти предметы в самом Египте. На примере *Aegyptiaca* из Исеума в Помпеях она пытается обосновать свою точку зрения и указывает на «общесмысловую» [Swetnam-Burland, 2007, p. 134] направленность египетских и египтизированных артефактов, называя это явление «смысловым диалогом» [Swetnam-Burland, 2007, p. 134].

Другой подход был предложен Пенелопой Дэвис [Davies, 2011], настаивающей на рассмотрении *Aegyptiaca Romana* в более широких культурных границах путем сопоставления их с греческой стилистикой в Риме.

Одними из последних комплексных исследований, подытоживающих свершившийся в последние десятилетия сдвиг парадигмы религиозной интерпретации *Aegyptiaca*, является совместная работа Джузеппины Виттоцци и Мигеля Верслюйса «*La terra del Nilo sulle sponde del Tevere*» [Vittozzi, Versluys, 2013], в которой все объекты египетской материальной культуры помещены в римский контекст, а также неопубликованная диссертация Евы Мол [Mol, 2015]. Акцентируя свое внимание на находках, сделанных в Помпеях, Е. Мол предлагает полное переосмысление *Aegyptiaca Romana* исключительно в рамках римского культурного контекста без оглядки на египетскую традицию. Из этого следует, что автор не только отделяет египетские объекты от египтизированных, но и фактически отказывается от признания за последними какой бы то ни было взаимосвязи с египетскими оригиналами.

Центральной работой, посвященной изучению *Aegyptiaca Romana*, увидевшей свет в течение последних двух лет, является монография Кэтлин Бэрретт [Barrett, 2019]. Свое исследование автор ограничивает египетскими образами в садах помпейских домовладений, при этом в русле современных историографических тенденций полностью отказывается от рели-

гиозной трактовки *Aegyptiaca Romana*. По мнению автора, египетские мозаики и фрески были далеки от простой документальной фиксации традиционного образа жизни в долине Нила, создавая сложное переплетение египетских реалий и *interpretatio Romana*, дополненным продолжающимся процессом формирования римлянами образа другого (на примере египтян) посредством дихотомии свой – чужой. Однако, как подчеркивает К. Бэррет, чуждые римлянам образы постепенно становились частью римской материальной культуры, которые преобразовывали пространство римского дома в «микрокосм империи» (*microcosm of empire*).

Следует отдельно отметить, что в отличие от западной историографической традиции, которая начиная с конца XX в. и до настоящего времени ставит знак равенства между понятиями «египтомания» и «египетский ренессанс»⁶, мы не склонны делать столь поспешные выводы. Безусловно, римское увлечение египетской культурой, начавшееся в правление Августа, после завоевания Египта и начала становления Рима как мировой державы, стало уникальным явлением, к которому уже на ранних этапах (в конце I в. до н. э.) уместно применить термин «египетский ренессанс». Однако понятие «египтомания» предусматривает не любое обращение к египетской тематике, а естественную⁷ популяризацию топов египетской культуры, предполагающую представление о Египте исключительно (или преимущественно) в позитивном ключе, чего в конце I в. до н. э. мы не наблюдаем. Пропагандистские постулаты поэзии эпохи Августа отчасти получили распространение и в материальной культуре: здесь будет уместно вспомнить об обелисках, установленных на спине *Circus Maximus* и в Солярии на Марсовом поле, а также о росписях *Aula Isiaca*, датируемых 25–20 гг. до н. э. Само по себе активное вовлечение египетской тематики в римскую действительность является показателем активного интереса к Египту со стороны римлян, но в правление Августа это явление было лишь частью процесса становления римского имперского сознания, подчеркивающего достижения принцепса. Именно поэтому для характеристики всплеска интереса к египетской культуре в правление Августа уместно использование понятия «египетский ренессанс», а начиная со 2-ой четверти I в. н. э. можно говорить о постепенной трансформации явления в египтоманию.

Выводы

В целом при изучении *Aegyptiaca Romana* следует четко придерживаться подхода, сложившегося в последние десятилетия в историографии, который подразумевает отказ от безоговорочной религиозной трактовки египетских и египтизированных предметов и артефактов без надлежащего исследования того контекста, в котором этот предмет бытовал. Важно отметить, что вплоть до настоящего времени, несмотря на значительное количество исследований, среди объектов *Aegyptiaca Romana* нельзя выделить ни одну группу предметов, которая не вызывала бы определенных споров в мировой историографии. Именно поэтому переосмысление контекстуализации египетских и египтизированных объектов должно проводиться, не впадая в крайности, свойственные как наиболее ранним этапам исследования *Aegyptiaca Romana*, так и современным деконструктивистским подходам.

Referenses

1. Barrett C.E. 2019. *Domesticating Empire: Egyptian Landscapes in Pompeian Gardens*. Oxford, Oxford University Press, 445.
2. Curl S. 2005. *The Egyptian revival: ancient Egypt as the inspiration for the design motifs in the west*. New York, Routledge, 572.

⁶ Подробнее см.: [Curran, 1996; Curl, 2005; Curran, 2007; Imhotep Today, 2017].

⁷ В данном контексте под естественной популяризацией мы понимаем процесс, не связанный с искусственным продвижением образов Египта, в том числе с помощью различных инструментов имперской пропаганды.

3. Curran B.A. 1996. Review of J.M. Humbert, M. Pantazzi, C. Ziegler (eds.), *Egyptomania: Egypt in western art, 1730–1930* (1994). In: *The Art Bulletin*. Vol. 78.4: 739–745.
4. Curran B.A. 2007. *The Egyptian renaissance: the afterlife of ancient Egypt in early modern Italy*. Chicago, The University of Chicago Press, 431.
5. Davies P.J.E. 2011. *Aegyptiaca in Rome: adventus and romanitas*. In: *Cultural identity in the ancient Mediterranean*. Ed. E. Gruen. Los Angeles, Getty Research Institute: 354–370.
6. De Vos M. 1980. *L'egittomania in pitture e mosaici romano-campani della prima età imperiale*. Leiden, Brill, 107.
7. *Egyptomania: Egypt in Western art, 1730–1930*. Ed. J.M. Humbert, M. Pantazzi, C. Ziegler. Paris, Réunion des musées nationaux, 1994.
8. Hülsen C. 1903. *Porticus Divorum und Serapeum im Marsfelde*. In: *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts*. Bd. XVIII: 17–57.
9. Humbert J.M. 1989. *L'Égyptomanie dans l'art occidental*. Courbevoie, ACR Edition, 336.
10. *Imhotep Today: Egyptianizing architecture*. Ed. J.M. Humbert, C. Price. New York, Routledge, 2017.
11. *L'Égyptomanie à l'épreuve de l'archéologie*. Ed. J.M. Humbert. Paris, Musée du Louvre, 1996.
12. Lafaye G. 1883. *Histoire du culte des divinités d'Alexandrie Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Égypte depuis les origines jusqu'à la naissance de l'école Néo-Platonicienne*. Paris, Thorin, 342.
13. Malaise M. 1972. *Inventaire préliminaire des documents égyptiens découverts en Italie*. Leiden, Brill, 207.
14. Meyboom P.G.P. 1995. *The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy*. Leiden, Brill, 409.
15. Mol E.M. 2015. *Egypt in material and mind: the use and perception of Aegyptiaca in Roman domestic contexts of Pompeii*. PhD Diss. Universiteit Leiden, 522.
16. Roullet A. 1972. *The Egyptian and Egyptianizing Monuments of Imperial Rome*. Leiden, Brill, 184.
17. Schefold K. 1952. *Pompejanische Malerei: Sinn und Ideengeschichte*. Basel, B. Schwabe, 207.
18. Söldner M. 2000. *Ägyptenrezeption im augusteischen Rom*. In: *Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte*. Bd. 31: 383–393.
19. Swetnam-Burland M. 2007. *Egyptian Objects, Roman Contexts: A Taste for Aegyptiaca in Italy*. In: *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World*. Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: 113–136.
20. Tinh V. Tran Tam. 1964. *Essai sur le culte d'Isis à Pompéi*. Paris, E. de Boccard, 206.
21. Versluys M.J. 2002. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden, Brill, 509.
22. Vittozzi G.C., Versluys M.J. 2013. *La terra del Nilo sulle sponde del Tevere*. Roma, Aracne, 313.
23. Zanker P. 1987. *Augustus und die Macht der Bilder*. Munich, C.H. Beck, 333.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чисталев Марк Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mark S. Chistalev, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Research Laboratory of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages, Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-755-765

Флотская префектура и ее место в системе римского командования (ранняя Римская империя)

Телепень С.В.

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Белоруссия, 247760, г. Мозырь, Гомельская обл., ул. Студенческая, 28
Email: telepen_serg@mail.ru

Аннотация. Предметом статьи является флотская префектура Римской империи I–II вв. Роль и место префектов флота в системе военного командования рассматриваются в связи с анализом сформировавшейся в данный период схемы всаднической военной и административной карьеры. На основании литературных и эпиграфических источников показаны предпосылки и этапы эквитской карьеры. В статье обосновывается точка зрения о возрастающей заинтересованности императоров в использовании назначенцев из числа всадников – в качестве альтернативы командирам и администраторам из среды сенаторов. Подчеркивается, что интерес со стороны всадников к участию в государственных делах также возрастал, что нашло выражение в стремлении эквитов запечатлеть этапы своей карьеры в соответствующих надписях. Соответственно, в статье рассматривается проблема постепенного встраивания флотской префектуры в систему эквитских постов. Показано, что итогом стало превращение данной префектуры (во всяком случае, что касается командования крупнейшими флотами Империи) в должность прокураторского уровня. Последнее находит объяснение в важной роли, которую римские флотские соединения играли в обеспечении римского господства как в центральной части государства, так и на далекой его периферии.

Ключевые слова: флот Римской империи, императорская власть, римское всадничество, эквитская карьера, префектура, провинции, прокураторы.

Для цитирования: Телепень С.В. 2021. Флотская префектура и ее место в системе римского командования (ранняя Римская империя). *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 755–765. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-755-765.

Naval prefecture and its place in the roman command system (early Roman Empire)

Sergey V. Telepen'

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
28 Studencheskaya St., Mozyr, Gomel' region, 247760, Byelorussia
Email: telepen_serg@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the naval prefecture of the Roman Empire in the 1st – 2nd centuries. The role and place of the prefects of the fleet in the system of military command is considered in connection with the analysis of the scheme of the equestrian military and administrative career that was formed in this period. Based on literary and epigraphic sources, the prerequisites and stages of the Equit career are shown. The article substantiates the point of view of the growing interest of the emperors in the use of appointees from among the equites as an alternative to commanders and administrators from among the senators. It is emphasized that the interest on the part of equites to participate in state affairs also increased which found expression in the desire of equites to capture the stages of their career in the inscriptions. Respectively, the article deals with the problem of the gradual integration of the naval prefecture into the system of Equit posts. It is shown that the result was the transformation of this prefecture (at least with regard to the command of the largest fleets of the Empire) into a position of the

procuratorial level. This is explained in the important role that the Roman naval formations played in ensuring Roman rule both in the central part of the state and on its distant periphery.

Keywords: navy of the Roman Empire, imperial power, Roman equestrian order, equestrian career, prefecture, provinces, procurators.

For citation: Telepen S.V. 2021. Naval prefecture and its place in the roman command system (early Roman Empire). *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 755–765 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-755-765.

Введение

Римская флотская префектура – явление, изученное далеко не полностью. Своей эволюцией она отражает процесс становления и развития не только римских военно-морских сил, но и административного аппарата империи. В условиях «республиканской монархии» бюрократизация государственного аппарата управления была лишь вопросом времени [Межеричский, 2016, с. 783]. Императорские вольноотпущенники, столь значимые в качестве доверенных лиц и назначенцев Юлиев-Клавдиев, должны были постепенно уступить место всадникам как более авторитетным представителям принцепса, к тому же способным составить реальную политическую конкуренцию сенаторам, оставаясь при этом зависимыми от воли императора. Положение командира одной из двух италийских флотий – Мизенской или Равеннской – могло бы в этом случае сделать фигуру доверенного эквита, сменившего в данном качестве императорского вольноотпущенника, сопоставимой с всаднической же фигурой префекта претория.

Результаты и их обсуждение

Необходимо отметить, что занятие флотской префектуры не было основным способом продвижения по всаднической карьерной лестнице. Вообще начальный этап этой лестницы был связан с прохождением военной службы на офицерских должностях уровня от командира когорты до префекта алы [Ле Бозк, 2001, с. 57–58]. В этой связи принято говорить о *militiae equestres*, т. е. о военном этапе эквитской карьеры, состоявшей обычно из трех таких должностей (*tres militiae*), последовательно занимавшихся всадником в течение нескольких лет. Для этого, как и для занятия сенаторских командирских постов, достаточно было принадлежности к данному сословию, в то время как предварительный армейский опыт не требовался [Davenport, 2019, p. 255]. Зато этап *militiae equestres* считался необходимым для последующего назначения эквита на административные должности прокураторского уровня [Талберт, 2018, с. 390].

Если верить Светонию (Suet. *Claud.* 25. 1), данная система в общих чертах определилась при императоре Клавдии (41–54). Далее император Вителлий за время своего недолгого правления (всего несколько месяцев 69 г.) продолжил заменять на важных административных должностях императорских вольноотпущенников всадниками (Tac. *Hist.* I. 58. 1). Это не могло не способствовать усилению позиций всадников также и в качестве командиров. Соответственно, при императоре Адриане (117–138), как предполагает, опираясь на данные эпиграфики, Сеголен Демужэн, в рамках *militiae equestres* был добавлен четвертый пост – префекта двойной (т. е. состоявшей из 1 000 кавалеристов) алы, а система всаднической карьеры (ее военного этапа) приобрела заверченный вид [Demougin, 1988, p. 353–355]. Что касается продолжительности *militiae equestres*, то в науке высказываются различные мнения. Ряд историков, исследующих римскую императорскую армию в целом, полагают, что на каждой из трех-четырёх должностей, занимавшихся эквитом в течение военного этапа его карьеры, он проводил в среднем три года [Webster 1998, p. 113; Ле Бозк, 2001, с. 57; Nassal, 2007, 335; Southern, 2007, p. 129]. Эти данные, очевидно, восходят к предположению Эрика Бирли, сделанному им еще в середине XX в. [Birley,

1953, p. 137]. Однако Питер Брант, специально изучавший вопрос о всаднической службе, убедительно опроверг аргументы Бирли, доказав, что служба на каждой такой командирской должности продолжалась обычно лишь год [Brunт, 1983, p. 47]. Нет оснований сомневаться в том, что флотская префектура эквитов в основном должна была характеризоваться схожими условиями ее прохождения.

Между тем впервые две постоянные флотилии для защиты Италии были созданы еще Августом. Они были дислоцированы в Равенне и Мизене [Reddé, 1986, p. 472]. Впрочем, в период правления Августа и затем Тиберия командование над обоими флотами – Равеннским и Мизенским – не стало еще интегральной частью эквитского *cursus honorum*. Лоуренс Кеппи пишет: «При Августе триерархов и навархов часто набирали в приморских городах-государствах [греческого] Востока. В то время префекты флота обычно назначались из числа военных трибунов или старших центурионов» [Кеппи, 2018, p. 437]. К тому же в науке существует обоснованное мнение о том, что флот Римской империи не играл существенной роли в ее военной организации, что было связано с превращением Средиземного моря после битвы при Акции в римское *mare nostrum* [Банников, Морозов, 2014, с. 34–35].

Явно неполноправное в сравнении с армией положение флота, по мнению многих исследователей, означало и относительно невысокий вначале статус флотских префектов. Кеппи дает здесь следующее объяснение: «Командование флотом больше не требовало специальных мореходных знаний или особых склонностей к военным действиям на море; единственным требованием теперь оставались лишь административные навыки» [Керри, 1984, p. 186]. В другом месте этот исследователь высказывается по поводу префектов Мизенского и Равеннского флотов: «им не требовалось воинского опыта, поскольку их обязанности были в основном административными, и порой одним из префектов флота становился вольноотпущенник императора, пользовавшийся особым доверием последнего» [Кеппи, 2018, p. 448]. Неудивительно, что флотскими командирами на заре Империи могли быть, помимо вольноотпущенников, представители такой не слишком уважаемой в римской армейской среде категории, как греки [Bowie, 2014, p. 41–42, 61]. Показательно также, что в условиях кризиса 68–70 гг. человеческие ресурсы италийских флотов были использованы, чтобы сформировать два новых легиона – I и II Вспомогательные (Тас. *Hist.* II. 43, 67; Dio LV. 24. 2).

Что касается такого критерия значимости флота (а значит, и его префектов), как численность в сравнении с сухопутными силами, то Ян Ле Бозк предполагает, что во всей Римской империи на флоте служило около 40 тыс. человек, т. е. чуть более 10 % всех вооруженных сил государства, составлявших около 300 тыс. [Ле Бозк, 2001, с. 48]. «Общую численность обоих [италийских] флотов можно оценить лишь ориентировочно, примерно в 15–20 тыс. чел., которые составляли экипажи приблизительно семидесяти пяти – ста кораблей» [Кеппи, 2018, p. 437]. Провинциальные флоты были явно меньше. Например, флоты в Сирии и Египте насчитывали, вероятно, по 2,5 тыс. чел. [Kissel, 1995, S. 37]. Разумеется, как-то влиять на политическую ситуацию в этих условиях могли лишь командиры Мизенского и Равеннского флотов.

Чем была флотская префектура, мы можем судить, как правило, исходя из данных эпиграфики. Эквиты в эпоху Империи быстро усвоили традицию военачальников и администраторов сенаторского ранга отображать этапы своей карьеры в торжественных надписях [Bruun, 2015, p. 285; Davenport, 2019, p. 256–260], что дало возможность исследователям реконструировать некую общую схему всаднической карьеры. Первым, кто осуществил эту работу, был Ханс-Георг Пфлаум, чьи труды по данному вопросу не потеряли своей актуальности и поныне. Пфлаум связывал возникновение всаднических рангов уровня прокуратуры с градуированием вознаграждения за занятие эквитской должности. Так, в четвертой главе второй части своего просопографического труда «Прокураторы в Ранней Римской империи» (1950) [Pflaum, 1950, p. 210–296] Пфлаум пишет о прокураторских рангах, определявшихся суммой официального вознаграждения прокуратора. Согласно

мнению автора, не только между рангами, но и внутри них существовала некая иерархия. Пфлаум заключает, что прохождение этих карьерных ступеней было «великим правилом римской иерархии» (*la grand règle de la hiérarchie romain*) [Pflaum, 1950, p. 295]. Соответственно, префекты римского императорского флота могут быть разделены на три группы, различающиеся уровнем вознаграждения:

- вознаграждавшиеся суммой в 60 тыс. сестерциев в год – префекты Сирийского, Мезийского, Паннонского и Сирийского флотов;
- 100 тыс. – Британского, Германского и Понтийского;
- 200 тыс. – Равеннского и Мизенского.

Т. е. префекты Мизенского и Равеннского флотов получали вознаграждение, аналогичное тому, которое полагалось командирам легионов, имевшим сенаторский ранг [Копен, 2001, S. 303]. Следовательно, обе италийские флотские префектуры причислялись к высшим командным постам. Пфлаум относит должность префекта Равеннского флота к третьей по престижности среди всех всаднических, занятие которых вознаграждалось двумястами тысячами сестерциев, а пост префекта Мизенского, соответственно, ставит еще выше [Pflaum, 1950, p. 254]. Соответственно, флотские префектуры, вознаграждавшиеся ста тысячами сестерциев, должны считаться более высокими в сравнении с прокураторскими постами, за которые полагалась аналогичная сумма. Конкретно, по мнению Пфлаума, три префектуры, которые предполагали оперирование в открытом море (префектуры флотов Британского, Германского и Понтийского), относились к такому высшему «эшелону» [Pflaum, 1950, p. 235].

Можно сказать, что «Клавдий интегрировал обе италийские флотские префектуры в прокураторскую иерархию» [Pflaum, 1950, p. 47]. Возможно также, что первые провинциальные флотилии были организованы также при нем. Обоим же италийским флотам было присвоено, вероятно, при Веспасиане [Pflaum, 1950, p. 47] или Домициане [Kerrie, 1984, p. 187] почетное определение *praetoria*. По мнению Ги Вагнера, Мизенский флот «получил звание преторианского в 71 г. и потерял его после переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 г.» [Wagner, 1995, p. 129]. Но возможно также, что италийские флотилии просто принадлежали к главной императорской ставке – *praetorium* [Alföldy, 1987, p. 47]. Т. е. это может означать, что италийские флотилии, поскольку они базировались близ Рима, находились под верховным командованием самого императора [Fornu, 1986, p. 210].

Интересно мнение, согласно которому «Мизенский флот был в основном вовлечен в гражданские дела, в то время как Равеннский в основном был сосредоточен на военных функциях» [Kunić, 1996, p. 95]. Как полагает Алка Кунич, личный состав Равеннского флота составлял 5 тыс. чел. (33 корабля этого флота зафиксированы источниками), а Мизенский флот был в два раза больше – 10 тыс. чел. и 76 кораблей [Kunić, 1996, p. 97]. Разумеется, Мизенский флот выглядит здесь более значимым, что подтверждает мнение Пфлаума о преимущественном значении должности командира Мизенского флота (см. выше). С другой стороны, «не известно, был ли размер Мизенского флота больше, чем Равеннского» [Eck, Lieb, 1993, S. 88].

Однако для полноты картины представляется необходимым оценить также роль префектов провинциальных флотов. Наиболее естественным здесь представляется рассмотреть положение и функции тех военно-морских сил, которые таким командирам эквитского статуса были поручены. Например, Британский флот был римлянами создан между 40 и 43 гг. I в. н. э. в процессе подготовки императора Клавдия к вторжению на Британские острова [Holder, 1982, p. 132]. Главной базой этого флота была Бонония (совр. Булонь). В I-й пол. II в. стоянка этого флота переместилась в порт Дубры (*Portus Dubris*, или *Dubrae* – совр. Дувр). К сожалению, «о британском флоте известно не очень много. Так, не известны типы и количество кораблей, как и количество моряков (возможно, не менее 500). Наиболее вероятно, что основным типом кораблей здесь был либурн» [Holder, 1982, p. 40].

Удивительно, но некоторые префекты британского флота, очевидно, могли иметь ранг центуриона (*CIL* VI. 1643). Главной функцией этого флота была скорее всего невоенная. Как полагает, опираясь на данные эпиграфики, Пол Холдер, «это была по преимуществу транспортировка железа на континент» [Holder, 1982, p. 132]. Как бы там ни было, «к концу III в. Британский флот, вероятно, перестал существовать, будучи разделен на небольшие эскадры, которые разместились при фортах Саксонского берега» [Holder, 1982, p. 133]. Мы можем предположить, что данное рассредоточение было связано с разделением самой Британии на новые провинции.

Германский флот использовался главным образом для переброски войск с одного берега Рейна на другой. «При Августе и в начале правления Тиберия флоты играли важную роль в римской экспансии вглубь Германии... Они использовались как транспортное средство и для проведения разведывательных операций» [Saddington, 1990, p. 225]. Возможно, в самом начале на Рейне были созданы временные флотилии и лишь затем – постоянный Германский флот. Его главная база расположилась тремя километрами южнее Колонии Агриппины (совр. Кельн) [Maxfield, 1990, p. 146]. Однако надо учитывать при этом, что римский флот оперировал в этом регионе еще до учреждения германских провинций. Тиберий (Velleus II. 106. 2–3) и Германик (Tac. *Ann.* I. 45. 3, 60. 3, II. 6. 2) использовали флот для транспортировки своих войск. Друз Старший «первым из римских военачальников совершил плавание по северному Океану и прорыл за Рейном каналы для кораблей» (Suet. *Claud.* 2) (пер. М.Л. Гаспарова). «Как наместник Нижней Германии Корбулон преследовал пиратов вдоль галльского побережья в 47 г. н. э., выведя в море корабли из устья Рейна (Tac. *Ann.* XI. 18. 2)» [Isaac 1990, 102]. Позже система каналов сделала возможным переброску войск из Средиземного моря на Северное море от начала до конца пути на судах (Tac. *Ann.* XIII. 53). «Можно предположить, что постоянный флот на Рейне был создан при Клавдии» [Saddington 1990, p. 220].

К сожалению, известны только несколько командиров Германского флота (*CIL* III. 782; *CIL* VI. 1643). «Те командиры, которые нам известны, являются исключительно выходцами из Средиземноморского региона и особенно Италии» [Konen, 2001, S. 331]. Как замечает Генрих Конен, командиры Германского и Британского флотов получали эти свои назначения только после *tres militia* [Konen, 2001, S. 331]. Это, в свою очередь, указывает на важное значение, которое играли данные флотские префекты в системе обороны указанных провинций.

Появление постоянного римского флота на Дунае, возможно, относится ко времени создания провинции Мёзии, во время правления Августа. Тем не менее присутствие римских военных кораблей на Дунае зафиксировано еще до учреждения этой провинции (около 15 г. н. э.). «Первым, кто сообщает о присутствии римского флота на Дунае, является Овидий, что было связано с событиями 12 г. н. э.» [Bounegru, Zahariade, 1996, p. 1]. Мёзийский флот был организован, вероятно, при Клавдии: «Флот на Дунае впервые упоминается в 50 г., когда вождь свевов был вынужден бежать к римлянам» [Saddington, 1991, p. 398]. Тацит пишет буквально: «И все же ему (вождю свевов Ваннию – *C.T.*) пришлось бежать к поджидавшему его на Дунае нашему флоту» (Tac. *Ann.* XII. 30) (пер. А.С. Бобовича). Трудно сказать, когда этот флот получил почетное звание «Флавианского». Возможно, это произошло при Веспасиане [Старр, 2015, с. 194] либо при Домициане [Berard, 1989, p. 133]. Мёзийский Флавианский флот – такое название присутствует на дипломе 92 (*CIL* XVI. 37). Карл Штробель замечает, что оба дунайских флота (Мёзийский и Паннонский) получили наименование «Флавианский» за ту роль, которую они и их префекты сыграли на Дунае в период Дакийских войн Домициана в 90-е гг. I в. [Strobel, 1989, S. 16]. Но возможно, что Мёзийский флот получил наименование «Флавианский» уже в 86 г. [Strobel, 1989, S. 70]. «При Флавиях по крайней мере один командир Мёзийского флота отвечал за “Дунайский берег”» [Wilkes, 1983, p. 267]. Этот префект – Марк Аррунций Клавдиан [PIR² II, p. 162, no. 753] – позже даже был возведен в сенаторский ранг, запечатлев этапы своей военной карье-

ры, что вообще было характерно для сенаторов, выслужившихся из командиров всаднического статуса [Maurizi, 2013, p. 22–28; Bruun, 2015, p. 274–275].

Несомненно, главной базой Мёзийского флота был Новиодун (совр. Исакча в Румынии). Мёзийский флот оперировал как на Дунае, так и на Черном море. «Мёзийский Флавианский флот делился на две части – морскую и речную» [Bounegru, Zahariade, 1996, p. 32]. «Мёзийский Флавианский флот патрулировал западный и южный берега Черного моря. Подразделения флота базировались в Херсонесе и в Боспорском клиентском царстве» [Żygmowski, 2001, p. 15]. К сожалению, о деятельности Мёзийского флота и его командиров в период Дакийских войн Траяна мы знаем лишь из изображений колонны Траяна. Некоторые сцены показывают здесь флот транспортирующим войска и снаряжение, отражающим диверсионные атаки даков, эскортирующим военачальников, включая самого Траяна [Rossi, 1971, p. 132, 148, 149, 174]. Конечно, единственный мост через Дунай, построенный Аполлодором из Дамаска, не мог выполнить все логистические задачи, стоявшие перед римским командованием в этой зоне. Важная роль деятельности Мёзийского флота в ходе обеих Дакийских войн Траяна может быть удостоверена на основании того факта, что некоторые из высших офицеров консульского ранга получили флотскую награду – *corona classica* (ILS 1022). Надпись 147 г. отражает еще одну необычную функцию Мёзийского флота – транспортировка диких животных для игр, устраивавшихся императором (AE 1987, 867). По мнению Тадеуша Сарновского, два хорошо известных (из письма наместника Мёзии I в. н. э. Флавия Сабина) эпарха – Азиатик и Аррунций Фламма – были командирами Мёзийского флота [Sarnowski, 1987, p. 263–264]. Вероятно, кем-то из этих префектов для состава этого провинциального флота была организована система медицинской помощи, о которой сообщает надпись: N. Seius Ga[---]ius medicus duplicar(ius) / [clas]sis Fl(aviae) Moes(icae) (AE 1995, 1350).

Август, вероятно, создал флот на Дунае с целью обороны Паннонии. Однако затем зона действия этого флота расширилась, охватив также Мёзию. Паннонский флот имел свою постоянную базу в Тавруне (совр. Земун, р-н Белграда) на р. Саве, недалеко от Сингидуна (также в настоящ. вр. терр. Белграда) [Wilkes, 1983, p. 267]. По мнению Карла Штробеля, Паннонский флот получил наименование Флавианского за свое участие в Паннонской войне Домициана, которую тот вел в 89 г. [Strobel, 1989, S. 83 n. 2]. Далее, обнаруженная в Керепесе (недалеко от Будапешта) надпись, посвященная Паннонскому Флавианскому флоту, позволила предположить существование флота в так и не созданных провинциях Сарматии и Маркоманнии [Soproni, 1990, S. 732].

Во время правления Нерона был создан Понтийский флот. Его ядро состояло из кораблей, входивших во флот Понтийского царства, чья территория была римлянами захвачена в 62 или 64 г. н. э. В 66 г. этот флот состоял из 40 кораблей (Joseph. B.J. II. 366/7). Главным местом стоянки Понтийского флота, реорганизованного при Домициане, был Трапезунд или Синопа [French, 1984, p. 59]. Командир Понтийского флота руководил выполнением важных логистических функций [Kissel, 1995, S. 39].

Также, вероятно, существовал флот на Красном море (*in Mari Rubro*), однако о нем нам мало что известно, кроме того, что его создал Траян (Eutrop. VIII 3. 2). Причем это могло быть как море, до сих пор называемое Красным, так и Персидский залив. Если подразумевалось все-таки второе, то при Адриане этот флот должен был прекратить свое существование [Isaac, 1990, p. 127]. Тем не менее ни один командир этого флота из источников не известен. Сирийский флот, созданный, вероятно, Веспасианом, был скорее береговой стражей, чем настоящим флотом, а его главной стоянкой стала Селевкия Пиерия, располагавшаяся недалеко от Антиохии, главного города провинции (в 6 км к северу от устья р. Оронт) [Żygmowski, 2001, p. 17]. Между тем «подразделения этого флота стояли в Мавретании по крайней мере со времен Адриана и почти до конца правления Марка Аврелия» [Adams, 1985, p. 141].

В 197 г., готовясь к войне с Парфией, Септимий Север создал речную флотилию на Евфрате (Dio LXXV. 9) или Тигре (Herod. III. 9). В этом отношении Север, очевидно, по-

вторил аналогичный опыт Траяна, также организовывавшего речные силы в связи с подобной же парфянской кампанией [Adams, 1985, p. 158–161]. Тем не менее «в отличие от других речных границ – по Рейну и Дунаю – реки Месопотамии не показывают присутствия здесь постоянного флота, как и Сирийский флот не выглядит задействованным здесь» [Adams, 1985, p. 163]. Наиболее вероятно, что Египетский флот был также вовлечен в выполнение полицейских и таможенных функций на Ниле.

«Что касается Фракии, ... то здесь нет свидетельств о том, что когда-либо существовал Фракийский флот» [Adams, 1985, p. 124]. *Classis Perinthia*, название которой, вероятно, происходит от Перинфа, главного города этой провинции, была, скорее всего, лишь почетной флотилией фракийского наместника, а не настоящим флотом [Żyromski, 2001, p. 17].

Таким образом, римский имперский флот образовывал в своей совокупности систему, которая охватывала не только Средиземное море, но практически всю Римскую империю. Хотя морские и речные военные силы были подчинены сухопутной армии, они часто играли очень важную роль, особенно во время больших военных кампаний, как, например, Дакийские войны Траяна. Из вышесказанного следует, что роль флота Римской империи могла быть достаточно существенной в том, что касается обеспечения стабильности не только на морских, но и на речных путях, причем как в центральной части государства, так и на далекой его периферии. В этой связи роль флотской префектуры уже не выглядит столь незначительной, какой она была, вероятно, при Августе.

Можно предположить, что старшие офицеры флота (префекты и субпрефекты) не были настоящими флотоводцами, тем более в свете вышесказанного о преимущественно административном характере части флотских префектур. Но с другой стороны, старшие римские офицеры, по сути, генералы, которые командовали легионами (т. е. легаты легионов) также не были профессиональными военными в современном смысле слова [Devijver, 1998, p. 205–206; Махлаюк, 2002, с. 24–25]. Впрочем, в науке высказывается мнение и о том, что командиры не только сенаторского, но и всаднического статуса могли быть в достаточной мере подготовлены к командованию воинами [Rankov, 2008, p. 39]. При этом противопоставление всадников сенаторам здесь довольно условно. Всадники занимали свои посты, оставаясь тесно связанными, в том числе семейными узами, с сенаторами, которые на личных связях обеспечивали представителей всадничества командирскими должностями [Birley, 2003, p. 8–9; Rees, 2007, p. 160–162; Davenport, 2019, p. 264]. Поэтому трудно согласиться с Брианом Кэмпбеллом, который пишет, что «это было прерогативой сенаторов – командовать римскими легионами. Эквиты были назначаемы в качестве префектов флота не потому, что моряки представляли угрозу императору, а ввиду непрестижности для сенаторов занимать подобный пост» [Campbell, 1988, p. 239]. В конце концов, с самого начала принципата даже легионы не все возглавлялись командирами сенаторского ранга, примером чего является императорский Египет (Suet. *Tib.* 52. 2; Dio. *LI.* 17. 1).

Выводы

Постепенно роль эквитов как более лояльного и вместе с тем авторитетного слоя в римской администрации и армии возрастала – вплоть до реформ Галлиена, который вообще освободил сенаторов от участия в командовании вооруженными силами (Aug. *Vict. Caes.* XXXIII. 34). Отсюда следует, что назначение на командирские посты членов всаднического сословия может рассматриваться как выражение эволюционных изменений в римском государстве, развивавшемся в направлении бюрократизации государственной машины, где флотская префектура занимала достаточно важное место. Значимость этого положения обуславливалась не только преторианским статусом Мизенского и Равеннского флотов, но и, очевидно, возраставшей ролью флотов провинциальных.

Список литературы

1. Банников А.В., Морозов М.А. 2014. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб., Евразия, 592.
2. Кеппи Л. 2018. Армия и военный флот. Пер. с англ. В кн.: Боумэн А.-К., Чэмплина Э., Линтотта Э. (ред.). Кембриджская древняя история. Т. 10: Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э. М., Ладомир: 424–453.
3. Ле Бож Я. 2001. Римская армия эпохи Ранней Империи. Пер. с франц. М., РОССПЭН, 400.
4. Махлаюк А.В. 2003. *Scientia rei militaris* (к вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1: 13–31.
5. Межеричкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 992.
6. Старр Ч. 2015. Флот Римской империи. Роль военно-морских сил в поддержании обороноспособности и сохранении античного государства со времен Октавиана Августа и до Константина Великого. Пер. с англ. М., Центрполиграф, 287.
7. Талберт Р. Дж. А. 2018. Сенат и посты, которые занимали в государстве сенаторы и всадники. Пер. с англ. В кн.: А.-К. Боумэн, Э. Чэмплина, Э. Линтотта (ред.). Кембриджская древняя история. Т. 10: Империя Августа 43 г. до н. э. – 69 г. н. э. М., Ладомир: 373–393.
8. Adams J.P. 1985. Logistics of the Roman imperial army. Major campaigns on the eastern front in the first three centuries A. D. Ann Arbor, University Microfilms International, 298.
9. Alföldy G. 1987. *Römische Heeresgeschichte*. Amsterdam, Verlag J.C. Gieben, 575.
10. Berard F. 1989. La cohorte I a Cilicum, la classis Flavia Moesica et les vexillations de l'armée de Mésie inférieure: À propos d'une inscription de Montana. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 79: 129–138.
11. Birley E. 1953. The equestrian officers in the Roman army. In: Birley E. Roman Britain and the Roman Army. Kendal, Titus Wilson & son LTD, 1953: 133–153.
12. Bounegru O., Zahariade M. 1996. Les forces navales du Danube et de la Mer Noire aux Ier – VIe siècles. Oxford, Oxbow Books, 1996, XII, 124.
13. Bowie E. 2014. Becoming wolf, staying sheep. In: Madsen J.M., Rees R. (eds.). Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision. Leiden, Brill, 39–78.
14. Brunt P.A. 1983. Princeps and Equites. *The Journal of Roman Studies*, vol. 73: 42–75.
15. Bruun C. 2015. Roman Government and Administration. In: Bruun C., Edmondson J. (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford, Oxford University Press: 274–298.
16. Campbell B. 1988. Review: Reddé M. *Mare Nostrum: Les Infrastructures, le Dispositif et l'Histoire de la Marine Militaire sous l'Empire Romain*. *The Journal of Roman Studies*, vol. 78: 239.
17. Davenport C. 2019. *A History of the Roman Equestrian Order*. Cambridge, Cambridge University Press, xxv, 717.
18. Demougin S. 1988. *L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens*. Rome, École Française de Rome, 923.
19. Devijver H. 1998. Commanders and officers of legio III Scythica. In: Kennedy D.L. (ed.), *The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies*. Portsmouth, RI: 205–232.
20. Eck W., Lieb H. 1993. Ein Diplom für die classis Ravennas vom 22. November 206. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 96: 75–88.
21. Forni G. 1986. I diploma military dei classiari delle flotte pretorie (inclusi quelli dei classiari-legionari). In: Eck W., Wolff H. (Hrsg.), *Heer und Integrationspolitik die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln., Böhlau: 193–321.
22. French D.H. 1984. *Classis Pontica*. *Epigraphica Anatolica*, Bd. 4: 53–60.
23. Hassal M. 2007. The Army. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. 11. The High Empire, A. D. 70–192. Cambridge, Cambridge University Press: 320–343.
24. Holder P.A. 1982. *The Roman Army in Britain*. New York, St. Martin's Press, 173.
25. Isaac B. 1990. The limits of empire. *The Roman Army in the East*. Oxford, Clarendon Press, XIV, 510.
26. Keppie L. 1984. *The making of the Roman army from Republic to Empire*. London, B.T. Batsford Ltd, XI, 255.

27. Kissel Th. 1995. Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in den Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. – 235 n. Chr.). St. Katharinen, Scripta-Mercaturae Verl, XI, 405.
28. Konen H.C. 2001. Classis Germanica die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr. St. Katharinen, Scripta Mercaturae Verlag, 578.
29. Kunić A.D. 1996. Classis Praetoria Ravennatum with special reflection on sailors that on sailors that origin from Dalmatia and Pannonia. *Živa antika*, sv. 46: 95–110.
30. Maurizi L. 2013. Il cursus honorum senatorio da Augusto a Traiano: sviluppi formali e stilistic nell'epigrafia latina e greca. Helsinki, Societas Scientiarum Fennica, XII, 324.
31. Maxfield V.A. 1990. Mainland Europe. In: Wachter J. (ed.), *The Roman World*. Vol. 1: 139–197.
32. Pflaum H.-G. 1950. Les procurateurs équestres sous le Haut-empire Romain. Paris, Adrien Maisonneuve, 357.
33. PIR² – Groag E., Stein A. (iter. et edid.) 1936. *Prosopographia Imperii Romani*. Saec. I. II. III. Pars II. Sec. ed. Berolini et Lipsiae, XXII, 399.
34. Rankov B. 2008. Military forces. In: Sabin P., van Veas H., Whitby M. (eds.) *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. II: Rome from the Late Republic to the Late Empire. Cambridge, Cambridge University Press: 30–75.
35. Reddé M. 1986. *Mare Nostrum: les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain* (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome CCLX). Rome, École Française de Rome, ix, 737.
36. Rossi L. 1971. *Trajan's column and the Dacian Wars*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 240.
37. Saddington D. 1990. The origin and nature of the German and British Fleets. *Britannia*, vol. 21: 223–232.
38. Saddington D. 1991. The origin and Character of the provincial fleets of the Early Roman Empire. In: Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.), *Roman frontier studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies*. Exeter, University of Exeter Press: 397–399.
39. Sarnowski T. 1987. Zur Geschichte der Moesischen Provinzialflotte im 1 Jr. n. Chr. *Ratiariensia*, № 3/4: 261–265.
40. Soproni S. 1990. Vexillationes Classis Flaviae Pannonicae. In: Vettors H., Kandler M. (Hrsg.), *Akten des 14 Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum*, Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften: 731–736.
41. Southern P. 2007. *The Roman Army. A Social and Institutional History*. Oxford, Oxford University Press, XI, 383 p.
42. Strobel K. 1989. *Die Donaukriege Domitians*. Bonn, Habelt, 151.
43. Wagner G. 1995. Deux inscriptions grecques d'Égypte. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 106: 126–130.
44. Webster G. 1998. *The Roman Imperial Army of the of the First and Second Centuries A. D.* (3d Edition). Norman, University of Oklahoma Press, XXIII, 349.
45. Wilkes J.J. 1983. Romans, Dacians and Sarmatians in the first and early second centuries. In: Hartley B., Wachter J. (eds.), *Rome and her Northern Provinces. Papers Presented to Sheppard Frere in Honour of his Retirement from the Chair of the Archaeology of the Roman Empire*, University of Oxford. Gloucester, Alan Sutton: 255–289.
46. Żyromski M. 2001. Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate. Poznań, Wyd. Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 2001, 157.

References

1. Bannikov A.V., Morozov M.A. 2014. *Istorija voennogo flota Rima i Vizantii (ot Julija Cezarja do zavoevanija krestonoscami Konstantinopolja)* [The history of the navy of Rome and Byzantium (from Julius Caesar to the conquest of Constantinople by the crusaders)]. Saint Petersburg, Evrazija, 592 (in Russian).
2. Keppie L. 2018. Armija i voennyj flot [The army and the navy]. In: Bowman A.-K., Champlin E., Lintott A. (eds.). *Kembridzhskaja drevnjaja istorija*. T. 10: Imperija Avgusta 43 g. do n. je. – 69 g. n. je. [The Cambridge Ancient History. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B. C. – A. D. 69]. Moscow, Ladimir: 424–453 (in Russian).

3. Le Bohec Y. 2001. Rimskaja armija jepohi Rannej Imperii [The imperial Roman army]. M., ROSSPEN, 400 (in Russian).
4. Mahlajuk A.V. 2003. Scientia rei militaris (k voprosu o «professionalizme» vysshih voenachal'nikov rimskoj armii) [Scientia rei militaris (on the “professionalism” of higher commanders of the Roman army)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Istorija [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. Issue. 1: 13–31 (in Russian).
5. Mezheritskiy Ya.Yu. 2016. «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta [Emperor Augustus' «Restored Republic»]. Moscow, Russian foundation for science and education, 992 (in Russian).
6. Starr Ch. 2015. Flot Rimskoj imperii. Rol' voenno-morskih sil v podderzhanii oboronosposobnosti i sohranении antichnogo gosudarstva so vremen Oktaviana avgusta i do Konstantina Velikogo [The Roman Imperial Navy 31 B. C. – A. D. 324]. Moscow, Centrpoligraf, 287 (in Russian).
7. Talbert R. J. A. 2018. Senat i posty, kotorye zanimali v gosudarstve senatory i vsadniki [The Senate and senatorial and equestrian posts]. In: Bowman A.-K., Champlin E., Lintott A. (eds.). Kembrizhskaja drevnjaja istorija. T. 10: Imperija Avgusta 43 g. do n. je. – 69 g. n. je. [The Cambridge Ancient History. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B. C. –A. D. 69]. Moscow, Ladomir: 373–393 (in Russian).
8. Adams J.P. 1985. Logistics of the Roman imperial army. Major campaigns on the eastern front in the first three centuries A. D. Ann Arbor, University Microfilms International, 298.
9. Alföldy G. 1987. Römische Heeresgeschichte. Amsterdam, Verlag J.C. Gieben, 575.
10. Berard F. 1989. La cohorte I a Cilicum, la classis Flavia Moesica et les vexillations de l'armée de Mésie inférieure: À propos d'une inscription de Montana. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 79: 129–138.
11. Birley E. 1953. The equestrian officers in the Roman army. In: Birley E. Roman Britain and the Roman Army. Kendal, Titus Wilson & son LTD, 1953: 133–153.
12. Bounegru O., Zahariade M. 1996. Les forces navales du Danube et de la Mer Noire aux Ier – VIe siècles. Oxford, Oxbow Books, 1996, XII, 124.
13. Bowie E. 2014. Becoming wolf, staying sheep. In: Madsen J.M., Rees R. (eds.). Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision. Leiden, Brill, 39–78.
14. Brunt P.A. 1983. Princeps and Equites. The Journal of Roman Studies, vol. 73: 42–75.
15. Bruun C. 2015. Roman Government and Administration. In: Bruun C., Edmondson J. (eds.), The Oxford Handbook of Roman Epigraphy. Oxford, Oxford University Press: 274–298.
16. Campbell B. 1988. Rewiew: Reddé M. Mare Nostrum: Les Infrastructures, le Dispositif et l'Histoire de la Marine Militaire sous l'Empire Romain. The Journal of Roman Studies, vol. 78: 239.
17. Davenport C. 2019. A History of the Roman Equestrian Order. Cambridge, Cambridge University Press, xxv, 717.
18. Demougin S. 1988. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. Rome, École Française de Rome, 923.
19. Devijver H. 1998. Commanders and officers of legio III Scythica. In: Kennedy D.L. (ed.), The twin towns of Zeugma on the Euphrates: rescue work and historical studies. Portsmouth, RI: 205–232.
20. Eck W., Lieb H. 1993. Ein Diplom für die classis Ravennas vom 22. November 206. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 96: 75–88.
21. Forni G. 1986. I diploma military dei classiari delle flotte pretorie (inclusi quelli dei classiari-legionari). In: Eck W., Wolff H. (Hrsg.), Heer und Integrationspolitik die römischen Militärdiplome als historische Quelle. Köln., Böhlau: 193–321.
22. French D.H. 1984. Classis Pontica. Epigraphica Anatolica, Bd. 4: 53–60.
23. Hassal M. 2007. The Army. In: The Cambridge Ancient History. Vol. 11. The High Empire, A. D. 70–192. Cambridge, Cambridge University Press: 320–343.
24. Holder P.A. 1982. The Roman Army in Britain. New York, St. Martin's Press, 173.
25. Isaac B. 1990. The limits of empire. The Roman Army in the East. Oxford, Clarendon Press, XIV, 510.
26. Keppie L. 1984. The making of the Roman army from Republic to Empire. London, B.T. Batsford Ltd, XI, 255.
27. Kissel Th. 1995. Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in den Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. – 235 n. Chr.). St. Katharinen, Scripta-Mercaturae Verl, XI, 405.
28. Konen H.C. 2001. Classis Germanica die römische Rheinflotte im 1–3 Jahrhundert n. Chr. St. Katharinen, Scripta Mercaturae Verlag, 578.

29. Kunić A.D. 1996. Classis Praetoria Ravennatium with special reflection on sailors that on sailors that origin from Dalmatia and Pannonia. *Živa antika*, sv. 46: 95–110.
30. Maurizi L. 2013. Il cursus honorum senatorio da Augusto a Traiano: sviluppi formali e stilistic nell'epigrafia latina e greca. Helsinki, Societas Scientiarum Fennica, XII, 324.
31. Maxfield V.A. 1990. Mainland Europe. In: Wachter J. (ed.), *The Roman World*. Vol. 1: 139–197.
32. Pflaum H.-G. 1950. Les procurateurs équestres sous le Haut-empire Romain. Paris, Adrien Maisonneuve, 357.
33. PIR2 – Groag E., Stein A. (iter. et edid.) 1936. *Prosopographia Imperii Romani*. Saec. I. II. III. Pars II. Sec. ed. Berolini et Lipsiae, XXII, 399.
34. Rankov B. 2008. Military forces. In.: Sabin P., van Veer H., Whitby M. (eds.) *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. II: Rome from the Late Republic to the Late Empire. Cambridge, Cambridge University Press: 30–75.
35. Reddé M. 1986. Mare Nostrum: les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome CCLX). Rome, École Française de Rome, ix, 737.
36. Rossi L. 1971. Trajan's column and the Dacian Wars. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 240.
37. Saddington D. 1990. The origin and nature of the German and British Fleets. *Britannia*, vol. 21: 223–232.
38. Saddington D. 1991. The origin and Character of the provincial fleets of the Early Roman Empire. In: Maxfield V.A., Dobson M.J. (eds.), *Roman frontier studies 1989. Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies*. Exeter, University of Exeter Press: 397–399.
39. Sarnowski T. 1987. Zur Geschichte der Moesischen Provinzialflotte im 1. J. n. Chr. *Ratiariensia*, № 3/4: 261–265.
40. Soproni S. 1990. Vexillationes Classis Flaviae Pannonicae. In.: Veters H., Kandler M. (Hrsg.), *Akten des 14 Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum*, Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften: 731–736.
41. Southern P. 2007. *The Roman Army. A Social and Institutional History*. Oxford, Oxford University Press, XI, 383 p.
42. Strobel K. 1989. *Die Donaukriege Domitians*. Bonn, Habelt, 151.
43. Wagner G. 1995. Deux inscriptions grecques d'Égypte. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 106: 126–130.
44. Webster G. 1998. *The Roman Imperial Army of the of the First and Second Centuries A. D.* (3d Edition). Norman, University of Oklahoma Press, XXIII, 349.
45. Wilkes J.J. 1983. Romans, Dacians and Sarmatians in the first and early second centuries. In.: Hartley B., Wachter J. (eds.), *Rome and her Northern Provinces. Papers Presented to Sheppard Frere in Honour of his Retirement from the Chair of the Archaeology of the Roman Empire*, University of Oxford. Gloucester, Alan Sutton: 255–289.
46. Żyromski M. 2001. Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate. Poznań, Wyd. Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 2001, 157.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина, г. Мозырь, Белоруссия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Telepen, doctor of historical Sciences, associate Professor of the Department of History and Social Sciences, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Mozyr, Byelorussia

УДК 27:94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-766-774

История распространения христианства в Сирии в I в. в контексте эллинистической культуры региона

Кольцов П.М., Лаванд С.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
e-mail: petrkoltsov52@mail.ru

Аннотация. Одним из важных эпизодов истории Древнего мира является история распространения христианства, новой мировой религии, зародившейся на Ближнем Востоке. Авраамическая монотеистическая религия сумела завоевать широкую популярность среди населения Римской империи и распространилась по всему побережью Средиземного моря – традиционному ареалу античной греко-римской цивилизации. Антиохия – древний город в Сирии, являлся одним из древнейших центров христианства, а Антиохийская церковь – одной из основных христианских церквей. В настоящей статье рассматривается такой фактор распространения христианства в Древней Сирии, как сохранившийся после римских завоеваний культурный феномен эллинизма. Он проявлялся в едином языке образованной элиты – греческом, а также в некоторых других аспектах. Более того, эллинистическая среда не просто стала основой для распространения христианства, но и оказала влияние на формирование облика этой религии. В статье используются отечественная и зарубежная историография. Использование арабоязычных исследований актуализирует статью.

Ключевые слова: Антиохия, история христианства, Древняя Сирия, распространение христианства, апостол Павел, эллинизм, Римский мир.

Для цитирования: Кольцов П.М., Лаванд С. 2021. История распространения христианства в Сирии в I в. в контексте эллинистической культуры региона. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 766–774. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-766-774.

The history of the distribution of Christianity in Syria in the I century A.D. in the context of the Hellenistic regional culture

Petr M. Koltsov, Sukheil Lawand

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
11 Pushkin St., Elista, 358000, Russia

Abstract. One of the important episodes in the history of the Ancient World is the history of the spread of Christianity, a new world religion that originated in the Middle East. The Abrahamic monotheistic religion managed to gain wide popularity among the population of the Roman Empire and spread along the entire Mediterranean coast - the traditional area of the ancient Greco-Roman civilization. Antioch, Ancient Syria, was one of the oldest centers of Christianity, and the Church of Antioch was one of the main Christian churches. This article examines such a factor in the spread of Christianity in Ancient Syria as the cultural phenomenon of Hellenism that survived after the Roman conquests. It manifested itself in the common language of the educated elite - Greek, as well as in some other moments. Moreover, the Hellenistic environment not only became the basis for the spread of Christianity, but also influenced the formation of the image of religion. The article uses domestic and foreign sources and historiography. The use of Arabic-language researches updates the article.

Keywords: Antioch, history of Christianity, Ancient Syria, spread of Christianity, Hellenism, Roman world.

For citation: Koltsov P.M., Lawand S. 2021. The history of the distribution of Christianity in Syria in the I century A. D. in the context of the Helinistic regional culture. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 766–774 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-766-774.

Введение

Антиохийская православная церковь – одна из древнейших церквей в истории, часть христианской Пентархии. Распространение христианства в данном регионе тесно связано с именем апостола Павла. Сирия в период возникновения христианства была эллинистическим регионом, а феномен эллинизма продолжил своё существование и после установления в эллинистическом регионе римского господства. В первую очередь эти уже римские провинции унаследовали эллинистический культурно-цивилизационный код. Связь распространения христианства с эллинистическим наследием Востока является актуальной концепцией в историографии христианства.

В данной статье рассмотрен исторический процесс распространения христианства в Древней Сирии сквозь призму деятельности апостола Павла в контексте эллинистического влияния на восприятие населением этой новой религии. Культурно-цивилизационные основы эллинизма раскрываются в нескольких важных для автора характеристиках.

Важной оговоркой, которую необходимо сделать, является тот факт, что распространение христианства происходило всё же в пост-эллинистическом римском мире, однако эллинизм как культурный феномен не закончил в то время своё существование, а, наоборот, стал важной частью римской культурной картины и римской учёности.

Научная новизна статьи также заключается в использовании арабоязычной историографии, которая позволяет расширить взгляд на историю распространения христианства в регионе.

Результаты и их обсуждение

Можно выделить следующие существенные черты эллинистического мира, которые помогли распространению христианства:

1. Эллинистический космополитизм.
2. Эллинизм – мост между Востоком и Западом.
3. Греческий язык как язык международного общения (лингва франка).
4. Обожествление Александра как божьего сына породило основу для продвижения христианской идеи.
5. Унификационные тенденции в едином пространстве, распространение монотеизма.
6. Наличие крупных городских центров – удобных опорных пунктов для проповеди.

В установлении причинно-следственной связи достаточно остро стоит вопрос отделения основного от второстепенного, однако несомненно, что совокупность вышеуказанных факторов оказала решающее влияние на распространение и принятие христианства населением рассматриваемого региона.

Апостол Павел и эллинистическая культура. Распространение христианства в Сирии связано во многом с деятельностью апостола Павла. История становления Павла как апостола одновременно вбирает в себя христианский миф и является его неотъемлемой частью. Будучи фарисеем, поборником ортодоксальной формы иудаизма, Павел сам участвовал в гонениях на христиан, однако впоследствии присоединился к ним и стал одной из самых почитаемых фигур [Макрей, 2009].

История Павла начинается в городе Тарсе [الحداد درة يوسف {Yusif durat alHadaad}, 2005, ص. {p.} 50], пронизанном эллинистическими корнями. Это был город, расположенный на Юго-Западном берегу Малой Азии, известный также распространённым мифом о

том, что Марк Антоний повстречался там с Клеопатрой. Павел родился в еврейской семье и при рождении получил еврейское имя Саул. Предположительной датой рождения Павла считается 3 г. н. э. Родители Павла вели своё родовое древо к колену Вениамина^{8, 9, 10}, из которого происходил и первый царь Израильского царства – тоже Саул¹¹.

Вопрос о том, как он стал Павлом, т. е. получил греко-римское имя (лат. Paulus – «малый», др.-греч. Παῦλος), сразу же отсылает нас к греческому культурному пространству. В то время евреи, живущие в эллинистических странах, имели традицию давать своим детям два имени: собственно еврейское и греческое [Tchenkover, 1945, p. 244].

Павел, как и его отец, был обучен ремеслу, выделявая ткань из козьей шерсти и умея делать палатки¹². От отца он унаследовал мастерскую, в которой было несколько работников [الحداد درة يوسف {Yusif durat alHadaad}, 2005, ص. {p.} 55]. Основным потребителем продукции этих мастерских были римские легионы. Возможно, именно по этой причине или в том числе по этой причине Павел получил римское гражданство, которое еврею получить было не так-то просто [Tierney, 1929, p. 83–95].

Первоначальные религиозные убеждения Павла сформировались ещё в семье, т. к. фарисеем был его отец, и впоследствии Павел не раз подчёркивал, что следовал этому направлению иудаизма, т. к. это была семейная традиция [خزعل الماجدي {Almajdi Khazeala}, 2014, ص. {p.} 6–23].

Павел был хорошим учеником, он с детства впитал в себя эллинскую учёность, что впоследствии отразилось на характере его проповедей, в которых он продемонстрировал отличное знание греческого языка. Однако наряду с эллинистическим он получил традиционное для еврейского мальчика религиозное образование, познакомился с Мишной, внимательно и дотошно изучил Тору¹³. Возможно, еврейскую учёность он постигал и в Иерусалиме, куда, по одной из версий, был послан отцом, чтобы продолжить учёбу [Деко, 2017, с. 36].

Таким образом, можно сказать, что с самого своего детства Павел столкнулся с наследством эллинской цивилизации, с греческой культурой и учёностью, которая в его случае перемешалась со строгостью фарисейских взглядов на мир. Более того, Павел был частью нового, возведённого на эллинском фундаменте римского мира – он был римским гражданином¹⁴.

Эллинистический космополитизм. Эллинизм был цивилизационным феноменом, который, выйдя из колыбели греческой цивилизации, объединил в общий культурный поток множество регионов Средиземноморья. Общность взглядов породила идею об универсальном человеке, таком, который мог бы принадлежать сразу все народам и всем племенам.

Первым таким человеком стал Александр Македонский, который вольно или невольно стал также родоначальником идеи о «космополитизме», правда, лишь в рамках своей империи. На самом деле дискурс Александра, его наследие, восприятие его деятельности его эллинистическими потомками было в чём-то похоже на восприятие Христа.

В каком-то смысле Римская империя, объединившая Средиземноморье, логически закончила дело Александра, объединив разнообразные страны и народы под эгидой одной державы. Римские завоевания прорвали национальные барьеры, а политическое развитие Рима породило идею «римского гражданства» как юридической формы взаимоотношений Империи и граждан, а не как принадлежности к определённой общине.

⁸ Acta Apostolorum, 23: 6, 26: 5.

⁹ Apostolus Paulus, Epistola ad Philippenses, 3: 5.

¹⁰ Apostolus Paulus, Epistola ad Romanos, 11: 1.

¹¹ Acta Apostolorum, 13: 21.

¹² Там же, 18: 3.

¹³ Там же, 22: 3.

¹⁴ Там же, 16: 37, 22: 25–29, 23: 27.

Стремление Александра Македонского создать единую державу вылилось в самые разнообразные политические мероприятия (включая назначение персидских и иранских чиновников на самые высокие административные посты), но апофеозом стала знаменитая «свадьба в Сузах», которая была прологом к планируемому более масштабному слиянию племён и народов. У завоевателя полумира не хватило времени, чтобы осуществить свой проект до конца. У этой точки зрения есть свои сторонники и свои противники; первые называют Александра «первым интернационалистом» и даже «первым сторонником братства народов», а вторые указывают на рационалистический характер его политики, в рамках которой Александр просто пытался удержать контроль над непомерно разросшейся империей, что было невозможно без привлечения местных кадров, без опоры на местную знать и бюрократию [Кошеленко, Гаибов, 2007, с. 202–222].

Однако опять-таки именно в Римской империи идея смешения народов достигла своего апогея. Не только создавалась надэтническая политическая и культурная принадлежность, но и была сформирована атмосфера принятия нового, наднациональных и универсальных истин. В том числе эта готовность распространялась и на религию [Энгус, 2013].

Римская империя сумела создать относительно эффективную административную систему, которая поддерживала в каждом уголке Рима порядок, основанный на римском праве. Это обстоятельство особенно способствовало распространению христианства потому, что мир и стабильность, что установились на громадном пространстве от Британии до Южного Египта и части Ближнего Востока, создали ситуацию, когда на беспрецедентно большой территории можно было путешествовать, не опасаясь, более, чем это необходимо, за свою жизнь и за сохранность своего кошелька [Егоров, 2006, с. 151–174; Ковалёв, 2020, с. 10–17]. Именно этими найденными торговцами тропами воспользовались впоследствии и христианские апостолы, и проповедники. Не последним фактором была и прекрасная сеть дорог, что связывала отдельные части Рима крепче, чем что бы то ни было [Грачёва, 2017, с. 43–47].

Таким образом, космополитизм, порождённый эллинизмом, передался Римской империи, а затем оказал решающее влияние на распространение христианства, сформировав «аудиторию», готовую к восприятию новой мировой религии, а также дал средства и способы распространения новой веры.

Эллинизм – мост между Востоком и Западом. В историографии чётко прослеживается дихотомия Запад – Восток, которая, однако, отступает, когда речь заходит об эллинизме, а затем и о христианстве. Зародившийся в колыбели западной цивилизации эллинизм пришёл на Восток и обогатил его новым культурным слоем, и наоборот, порождённое этим эллинистическим смешением христианство начало свой путь с Востока на Запад по дорогам Римской империи.

Восток, по крайней мере Ближний Восток с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем, не был чуждой территорией для греков, которые расселились по всему Средиземноморью. Ещё с ахейских времён Малая Азия была родиной греческих полисов, которые в последующем станут частью державы Ахеменидов на тех или иных условиях. Широкие торговые и культурные контакты существовали между греками и малоазиатскими и даже ближневосточными народами ещё до начала походов Александра.

Поэтому идея смешения греческого Запада и персидского Востока не была чрезвычайно революционной. Александр Македонский в своей попытке удержать подчинённые территории проводил активную политику по умиротворению населения. Среди прочего его политика касалась и религиозного мира, преодоления разницы между верами разных народов. Греция познакомилась с культурами Востока, однако лишь в научном, описательном ключе – греки были целиком поглощены своей собственной, сплавивающей их вокруг полиса религиозностью. Греческие культы были разнесены по всему эллинистическому

пространству, став в дальнейшем основой для самого разнообразного заимствования и синкретизма.

Наоборот, Древний Рим, это лоскутное, сотканное римскими легионами из разных племён и народов одеяло, не обладало греческой сплочённостью и религиозностью. Рим сначала позаимствовал религию у греков, совершенно переделав её под себя, а затем стал ареной конкурентной борьбы самых разных восточных религиозных и мистических культов, в которых причудливо смешалась эсхатология и ожидание Мессии. В конце концов, насаждаемый и оттого слишком официальный культ императора был основан на этом пост-эллинистическом религиозном синкретизме [Аллар, 1898].

Существует мнение, что обряды и ритуалы христианства были частично заимствованы не только и не столько из иудейской торжественной и строгой обрядности, но из этих, распространённых вокруг Средиземноморья культов. Именно апостол Павел почерпнул из сирийских, персидских, египетских, анатолийских религиозных практик ту обрядовость и ту манеру проповеди, что в дальнейшем была воплощена в Антиохийской церкви [Энгус, 2013].

Площадкой для этого религиозного синкретизма стала, разумеется, Александрия Египетская, в которой были на греческий язык переведены многочисленные канонические, апокрифические и неканонические христианские книги. Именно в Александрии встретилась греческая философия и иудаизм, а христианство обогатилось, вероятно, серафическим поклонением. В дальнейшем именно Александрия станет школой христианской мысли, породит традиции апологетики [Chamoux, 2002].

Греческий язык как язык международного общения и образования. Греческий язык был ещё одним фактором эллинистического мира, который его перерос. Для средневековья языком учёности был латинский, однако для обширных пространств Римской империи учёность, несомненно, была представлена греческим языком.

Породив эллинистический мир, этот первый объединительный межнациональный проект (пусть он и не задумывался как таковой), греческая цивилизация обеспечила бессмертие или, во всяком случае, более длительную жизнь для своего языка. Если до эллинизма путешественник встречался с проблемой понимания и должен был знать несколько языков и диалектов, – а это серьёзно обременяло странников, то теперь достаточно было вести проповеди на греческом языке. Этого было достаточно, чтобы образованные (да и необразованные тоже) городские жители поняли тебя. Проповеди апостолов, особенно на территории Сирии, имели активный успех именно по этой причине [Энгус, 2013].

Более того, для евреев, в том числе и ортодоксальных иудеев, живших в Сирии и в окрестных регионах, греческий язык стал одним из основных. Именно с греческим языком впитывали они эллинистическую учёность, а затем христианскую философию и христианское учение. В целом же греческий язык преобладал в регионе над древнееврейским или арамейским [Tcherikover, 1959].

Греческому языку удалось первым вырваться за рамки этнических ограничений, перестав быть моделью этнической идентичности, зависящей от расы. Он отбросил также и свои политические и географические границы и стал из разъединяющего фактора одним из оснований христианского единства [Tim, 2001].

Обожествление Александра как божьего сына породило основу для продвижения христианской идеи. Ещё одной особенностью христианской проповеди является концепция «сына Бога», которая также легко была воспринята в пост-эллинистическом римском мире. Именно Александр Македонский стал первым эллинистическим «сыном Бога», а весть о том, что он был сначала «сыном Амона», а затем и «сыном Зевса», широко разлетелась по свету. Даже в арабских источниках упоминается этот факт, Александр Македонский называется там «сыном бога Ибн Амуна» [Энгус, 2013]. Во-вторых, «сыном Бога» стал римский император, благодаря распространяемому официальным Римом куль-

та императора. Таким образом, сама идея «Иисус – сын Бога» упала на уже удобренную почву.

Идея обожествления царей пришла с Востока, в частности, из Персии и Египта, т. е. из родины Империй. Это очень удобная идея, предвещающая государственный монотеизм (который был оформлен уже в раннем зороастризме) [Казаков, 2002, с. 91].

Христианская теология с радостью ухватилось за это представление. Иисус был не просто пророком или проповедником. Он был Богом и сыном Бога, посредником между человеком и Богом. Подобные идеи, уже прошедшие через греческую философию, были истолкованы и развиты в дальнейшем в рамках греческой учёности.

В любом случае для завоёванных территорий Сирии, Галилеи и других окрестных регионов идея Мессии – сына Бога означала ещё и свержение римского владычества. Эту идею широко использовали все христианские проповедники, что поставило христианство в разряд антигосударственных религий в Римской империи [Stoneman, 1997].

Унификационные тенденции в едином пространстве, распространение монотеизма. Эллинизм породил также тенденцию к унификации культурного пространства. Идея поиска истины и древней научности сделали локальные и региональные представления не такими важными, как общая, универсальная истина.

Поиском универсальной истины в Римской империи занималось множество различных религиозных культов, в том числе завозимых с Востока. Одним из таких культов, составивших даже некоторую конкуренцию христианству, как ещё одна тайная религия, был культ Митры, а до него множество других культов, к примеру, греко-римский культ Кибелы [Богатова, 1996, с. 24–26].

Вообще в конечном итоге мы видим, как все эти культы принимают тот или иной монотеистический облик. Идея монотеизма – это идея единства и объединения на наднациональной основе, т. к. племенные и родовые языческие религии, наоборот, тянут общество в центробежном направлении [حكيم سعيد يعقوب {Yaеquba Saeid Hakim}, 2011, ص. {p.} 9].

В конце концов, если люди объединились под властью одного правителя, а власть всякого правителя – от бога, то и бог один. Эта идея монотеизма также способствовала усвоению христианства.

Наличие крупных городских эллинистических центров. В конечном итоге именно в одном из таких городов был рождён апостол Павел, именно в греческой обстановке формировались основные его идеи.

Тарс, Антиохия, другие эллинистические города обладали центром учёности – гимнасием, в котором можно было обучиться как греческому языку, так и греческой учёности. Гимнасии вообще были неотъемлемой чертой древних городов, созданных Селевкидами [Rostovtzeff, 1941].

В то время учёность, даже греческая, неизбежно несла на себе отпечаток религиозности, что нашло своё отражение, вероятно, в восприятии и подаче христианской мысли. Однако это позволило негреческим народам глубже понять греческую культуру, осознать концепцию общечеловеческого единства, что удобрило почву для распространения христианской религии. В конечном итоге собрание городской зажиточной молодёжи в гимназии привело к познанию, к культурному диалогу и тому взаимопониманию, к которому призывали христиане [Tcherikover, 1959].

Эллинизм в таком ключе позволил преодолеть ортодоксально-национальные рамки иудаизма для множества эллинизированных евреев, которые стали искать для своей религиозности гораздо более «космополитичный» вариант [Дубровский, 2013, с. 158–169].

В конечном итоге именно города как наследство эллинов были на первом этапе распространения христианства в Сирии основными центрами проповедей.

Выводы

Таким образом, мы можем сделать вывод, что факторы эллинизации населения Сирии оказали существенное воздействие на распространение христианства в регионе, что нашло отражение как в самом характере христианского вероучения, так и в характере христианской проповеди. Космополитизм, связь Запада и Востока, универсализация, монотеизм, кризис иудаизма и т. д. – всё это стало возможным только благодаря распространению эллинистических идей, а затем их сохранению в рамках Римского мира, Pax Romana. Сам римский мир был своеобразным наследником эллинизма, переняв у последнего множество культурных и социальных черт.

Список литературы

1. Аллар П. 1898. Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. СПб., Синод. тип., 292.
2. Библия. Синадальный перевод. Любое издание.
3. Богатова О.В. 1996. О культе Кибелы в Италии и римских провинциях. Коллегия дендрофоров: религиозное сообщество и профессиональное объединение. В: Античное общество: проблемы истории и культуры – 2 (тезисы докладов научной конференции 29–30 октября 1996 г.). СПб., СПбГУ: 24–26.
4. Грачёва А.Д. 2017. Римские дороги: технологии строительства и использование в регионах в эпоху Республики и Ранней империи. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3–2 (77): 43–47.
5. Деко А. 2017. Апостол Павел. М., Молодая гвардия, 255.
6. Дубровский Г.Я. 2013. Эллинизм и проблемы эллинизации еврейского народа на его исторической родине – Иудее. В: Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 1 (11): 158–169.
7. Егоров А.Б. 2006. Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма). В: Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5: 151–174.
8. Казаков М.М. 2002. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, Универсум, 464.
9. Ковалёв В.В. 2020. Христианство и его роль в эволюции античной культуры. В: Caucasian Science Bridge. Т. 3. 1 (7): 10–17.
10. Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2007. Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского. В: Проблемы истории, филологии, культуры. 17: 202–222.
11. Макрей Д. 2009. Жизнь и учение апостола Павла. Черкассы, Коллоквиум, 534.
12. Энгус С. 2013. Тайные культы древних: религии мистерий. М., Центрполиграф, 414.
13. خزعل الماجدي. 2014. والتوحيد التعدد أديان بين المفقودة الحلقة كشف. بيروت، 384 [Аль-Маджиди Хазал. 2014. Обнаружение недостающего звена между религиями плюрализма и монотеизма. Арабский культурный центр, Касабланка – Бейрут, 384].
14. حكيمة سعيد يعقوب. 2011. (بولس دعوة) الفم ذهبي يوحنا. مصر، للنشر، جذور، 255 [Якуб Саид Хаким. 2011. Иоанн Златоуст (Призвание Павла). Корни публикации, Египет, 255].
15. الحداد درة يوسف. 2005. المسيحية فلسفة. لبنان البولسية المكتبة بولس الرسول - الفلسفة، 320 [Юсуф дора ал-Хаддад. 2005. Христианская философия – Апостол Павел. Библиотека Ливанского полиса, Евангелические исследования, 320].
16. Chamoux F. 2002. Hellenistic civilization. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell publishing, 464.
17. Rostovtzeff, M. 1941. The social & economic history of the Hellenistic world. In 3 vols. Vol. II. Oxford, Clarendon press, 1061.
18. Stoneman R. 1997. Alexander the Great. London & New York, Routledge, 40.
19. Tchenkover V. 1945. The Jews in Egypt in the Hellenistic-Roman age in the Light of the Papyri. Jerusalem, Hebrew University Press Association, 272.
20. Tcherikover V. 1959. Hellenistic civilization and the Jews. Philadelphia, Jewish Publication Society of America, 348.

21. Tierney M. 1929. Tarsus: the birth place of St. Paul studies. In: *An Irish quarterly Review*. Vol. 18. No. 69: 83–95.
22. Tim W. 2001. *Greek literature and the Roman empire*. Oxford, Oxford University Press, 377.

References

1. Allar P. 1898. *Hristianstvo i Rimskaya imperiya ot Nerona do Feodosiya* [Christianity and the Roman Empire from Nero to Theodosius]. St. Petersburg, Sinod. tip., 292 (in Russian).
2. Almajdi Khazeala. 2014. *Kashf alhalqat almafqudat bayn'adyan altaeadud waltawhidi*. Almarkaz althaqafii alearabii, Aldaar Albayda' – Bayrut, 384 [Al-Majidi Khazal, 2014. Uncovering the missing link between the religions of pluralism and monotheism. Arab Cultural Center, Casablanca – Beirut, 384] (In Arabic).
3. Bibliya [Bible]. Synodal translation. Any edition (in Russian).
4. Bogatova O.V. 1996. *O kul'te Kibely v Italii i rimskih provinciyah*. Kollegiya dendroforov: religioznoe soobshchestvo i professional'noe ob"edinenie [On the cult of Cybele in Italy and the Roman provinces. Collegium of Dendrophores: Religious Community and Professional Unity]. In: *Antichnoe obshchestvo: problemy istorii i kul'tury – 2 (tezisy dokladov nauchnoj konferencii 29–30 oktyabrya 1996 g.)* [Ancient society: problems of history and culture – 2 (abstracts of the scientific conference on October 29–30, 1996)]. St. Petersburg, SPbGU: 24–26 (in Russian).
5. Chamoux F. 2002. *Hellenistic civilization*. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell publishing, 464.
6. Deko A. 2017. *Apostol Pavel* [Apostle Paul]. Moscow, Molodaya gvardiya, 255 (in Russian).
7. Dubrovskij G.Ya. 2013. *Ellinizm i problemy ellinizacii evrejskogo naroda na ego istoricheskoy rodine – Iudee* [Hellenism and the problems of the Hellenization of the Jewish people in their historical homeland – Judea]. In: *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Human Science: Humanities Studies]. 1 (11): 158–169 (in Russian).
8. Egorov A.B. 2006. *Poslednie plany Cezarya (k probleme rimskogo globalizma)* [Caesar's last plans (to the problem of Roman globalism)]. In: *Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World]. Issue. 5: 151–174 (in Russian).
9. Engus S. 2013. *Tajnye kul'ty drevnih: religii misterij* [Secret Cults of the Ancients: Mystery Religions.]. Moscow, Centrpoligraf, 414 (in Russian).
10. Grachyova A.D. 2017. *Rimskie dorogi: tekhnologii stroitel'stva i ispol'zovanie v regionah v epohu Respubliki i Rannej imperii* [Roman Roads: Construction Techniques and Regional Uses during the Republic and Early Empire]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 3–2 (77): 43–47 (in Russian).
11. Kazakov M.M. 2002. *Hristianizaciya Rimskoj imperii v IV veke* [Christianization of the Roman Empire in the IV century]. Smolensk, Universum, 464 (in Russian).
12. Koshelenko G.A., Gaibov V.A. 2007. *Sud'by satrapov Vostoka. Epoha Aleksandra Makedonskogo* [The fate of the satraps of the East. The era of Alexander the Great Macedonian]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 17: 202–222 (in Russian).
13. Kovalyov V.V. 2020. *Hristianstvo i ego rol' v evolyucii antichnoj kul'tury* [Christianity and its role in the evolution of ancient culture]. In: *Caucasian Science Bridge*. T. 3. 1 (7): 10–17 (in Russian).
14. Makrej D. 2009. *Zhizn' i uchenie apostola Pavla* [The Life and Teachings of the Apostle Paul]. Cherkassy: Kollokvium, 534 (in Russian).
15. Rostovtzeff M. 1941. *The social & economic history of the Hellenistic world*. In 3 vols. Vol. II. Oxford, Clarendon press, 1061.
16. Stoneman R. 1997. *Alexander the Great*. London & New York, Routledge, 40.
17. Tchenkover V. 1945. *The Jews in Egypt in the Hellenistic-Roman age in the Light of the Papyri*. Jerusalem, Hebrew University Press Association, 272.
18. Tcherikover V. 1959. *Hellenistic civilization and the Jews*. Philadelphia, Jewish Publication Society of America, 348.
19. Tierney M. 1929. Tarsus: the birth place of St. Paul. studies. In: *An Irish quarterly Review*. Vol. 18. No. 69: 83–95.

20. Tim W. 2001. Greek literature and the Roman empire. Oxford, Oxford University Press, 377.
21. Yusif durat alHadaad. 2005. Falsafat almasihiat – Alrasul bulus. Maktabat bulanda lubnan, Dirasat ainjilia, 320 [Yousef Dura Haddad, 2005. Christianity – Apostle Paul. Library Polissi Lebanon, Evangelical Studies, 320] (in Arabic).
22. Yaequba Saeid Hakim. 2011. Yuhanaa dhahabi alfam (daeu t bulis). Judhur lilnashri, Masr, 255 [Jacob Said Hakim, 2011. John Chrysostom (Paul's invitation). Roots for Publishing, Egypt, 255] (in Arabic).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Россия, г. Элиста, Россия

Petr M. Koltsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova, Russia, Elista, Russia

Лаванд Сухейль, аспирант кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Sukheil Lawand, Postgraduate student of the Department of General History, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova, Elista Russia

УДК 94(357) + 94(37).07

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-775-783

Вторая кампания Шапура I против Рима (253–256? гг. н. э.)

Дмитриев В.А.

Псковский государственный университет,
Россия, 180000, Псковская обл., г. Псков, пл. Ленина, 2
E-mail: dva_psk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, основные события и последствия второй Римской кампании шаханшаха Шапура I (242–272). Вторжение в римские владения было спровоцировано самими римлянами, которые в начале 250-х гг. вмешались в персидско-армянский конфликт на стороне Армении, что, в свою очередь, являлось грубым нарушением заключенного в 244 г. римско-персидского договора. Римский демарш оказался серьезной ошибкой, поскольку к ответным действиям со стороны Ирана Рим оказался не готов в силу кризисной ситуации внутри самой Империи. Боевые действия начались в 253 г. и продолжались, вероятно, до 256 г. Не встречая серьезного сопротивления, персидские войска захватили около 40 городов римского Востока, находившихся главным образом на территории Сирии, включая Антиохию. Единственным случаем, когда римлянам удалось организовать эффективную оборону, стали события под Эмесой, где местное ополчение успешно отразило нападение персов. Наиболее упорные бои развернулись под Дура-Европос, который как минимум дважды переходил из рук в руки и в 256 г. был окончательно захвачен персами. Не совсем ясны место и роль в рассматриваемых событиях другой крупной крепости на римско-персидской границе – Нисибиса, который, по одним данным, подвергся атаке персов в ходе этой же кампании, а по другим – несколько позже. Успехи, одержанные Сасанидами в ходе второй Римской кампании Шапура I, стали ударом не только по экономике и военной мощи Рима, но и по его международной репутации. Персия же, напротив, впервые заявила о себе как о мировой державе, способной на равных бороться с Римской империей за гегемонию в Передней Азии.

Ключевые слова: сасанидский Иран, Шапур I, римско-персидские войны, Ближний Восток, военная история, международные отношения.

Для цитирования: Дмитриев В.А. 2021. Вторая кампания Шапура I против Рима (253–256? гг. н. э.). Via in tempore. История Политология. 48 (4): 775–783. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-775-783.

Shapur I's second campaign against Rome (253–256? A. D.)

Vladimir A. Dmitriev

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia
E-mail: dva_psk@mail.ru

Abstract. The article examines the preconditions, main events, and consequences of the second Roman campaign of the Persian shahanshah Shapur I (242–272). The invasion of Roman provinces was provoked by the Romans themselves, who in the early 250s intervened in the Persian-Armenian conflict on the side of Armenia. This action, in turn, was a gross violation of the Roman-Persian treaty concluded in 244. The Roman demarche turned out to be a serious mistake since Rome was not ready for retaliatory actions from Iran due to the crisis within the Empire itself. The hostilities began in 253 and continued probably until 256. Practically meeting no resistance, the Persian troops captured about 40 cities of the Roman East, located mainly in Syria, including Antioch. The only case when the Romans managed to organize an effective defense was the events near Emesa, where the local militia successfully repelled the attack of the

Persian troops. The most prolonged and bitter fighting took place near Dura-Europos, which at least twice passed from hand to hand and in 256 was finally captured by the Persians. It is not entirely clear the place and role in the events under consideration of another large fortress on the Roman-Persian border – Nisibis, which, according to some sources, was attacked by the Persians during the same campaign, and according to others, somewhat later. The successes achieved by the Sasanids during the second Roman campaign of Shapur I were a blow not only to the economy and military power of Rome but also to her international standing. Persia, on the contrary, for the first time declared itself as a world power capable of fighting on equal terms with the Roman Empire for hegemony in the Middle East.

Keywords: Sasanian Iran, Shapur I, Roman-Persian wars, Near East, military history, international relations.

For citation: Dmitriev V.A. 2021. Shapur I's second campaign against Rome (253–256? A. D). Via in tempore. History and political science. 48 (4): 775–783 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-775-783.

Введение

В 20-х гг. III в.¹⁵ на политической карте Евразии появилась новая мировая держава, пришедшая на смену ослабленному и утратившему былое величие Парфянскому царству Аршакидов, – сасанидский Иран. Первые же внешнеполитические шаги Сасанидов продемонстрировали их готовность к бескомпромиссной борьбе против Римской империи с целью коренного изменения геополитической ситуации на Ближнем Востоке в пользу Персии. Развивая мысль А.Г. Бокщанина о том, что предшествовавшая римско-персидским войнам эпоха борьбы Рима и Парфии (I в. до н. э. – II в. н. э.) представляла собой период складывания «системы политического дуализма в Передней Азии» [Бокщанин, 1960; Бокщанин, 1966], мы можем с полным основанием говорить о том, что римско-персидское противостояние III – 1-й четверти VII вв. представляло собой новую фазу эволюции системы политического дуализма (по сути – региональной биполярной системы) в Ближневосточном регионе. Характерной чертой этого этапа стало явное и значительное обострение взаимоотношений Рима и Ирана, достигшее своего апогея в ходе Персидско-византийской войны 602–628 гг., когда под угрозу было поставлено само существование Римской (Византийской) империи¹⁶.

Персидским царем, впервые развернувшим крупномасштабные боевые действия против Рима, был основатель Сасанидской державы Ардашир I (224–242). Однако во внешней политике Ардашира римский вектор еще не был главным – его основное внимание было приковано к восточным областям Ирана и Аравии [Дмитриев, 2019, с. 23–27]. Инициатором же широкой и планомерной экспансии в западном направлении стал сын Ардашира Шапур I (242–272), первым из Сасанидов официально провозгласивший себя «царем царей» (ср.-перс. *šāhān šāh*) не только Ирана, но и «не-Ирана» (ср.-перс. *Ērān ud Anērān*).

Были ли у Шапура основания для столь амбициозного титула? Представляется, что да, и прежде всего – благодаря успехам, достигнутым в борьбе с Римом. Известно о трех войнах Шапура I с Римом, проведенных им в 243–260 гг. Первая (243–244 гг.) и третья (260 г.) кампании имели для сасанидского Ирана скорее оборонительное значение, что, впрочем, не помешало персам не только оба раза разгромить противника, но и пленить в ходе событий 260 г. римского императора Валериана. На этом фоне особняком стоит вторая война Шапура I с Римской империей (253–256 гг.), отличавшаяся от двух других как гораздо более широкими масштабами, так и откровенно агрессивным характером. Рассмотрению наиболее значимых и малоизученных событий второй римской кампании Шапура I и посвящена данная публикация.

¹⁵ Здесь и далее все даты, кроме отдельно отмеченных случаев, – н. э.

¹⁶ О римско-персидских войнах подробнее см.: [Дмитриев, 2018].

Результаты и их обсуждение

Середина III в. стала для Римского государства временем тяжелых испытаний. На императорском троне царил настоящий хаос; за четыре года, предшествовавшие персидскому вторжению, в Риме сменилось три императора: Деций (249–251), Требониан Галл (251–253) и Эмилиан (253), не считая их соправителей и узурпаторов, которые также формально считались императорами. Вся эта «императорская чехарда» происходила на фоне постоянных вторжений на территорию Империи германских и других племен на рейнско-дунайской границе [Циркин, 2015, с. 152–183].

Казалось бы, в такой ситуации и речи не могло идти о проведении Римом какой-то активной внешней политики и уж тем более об инициировании римлянами серьезного военного конфликта. Однако события приняли иной оборот. Дело в том, что в 249 г. царь Великой Армении Хосров I (238–251) развернул активную антиперсидскую деятельность, и реакция со стороны Сасанидов не замедлила себя ждать: в 251 г. Хосров пал жертвой подосланных персами наемных убийц, а в 252 г. Армения была оккупирована сасанидскими войсками [Дмитриев, 2019, с. 50–52]. В контексте же римско-иранских взаимоотношений главной проблемой было то, что в армяно-персидский конфликт вмешался Рим, оказавший армянам военную помощь (судя по всему, весьма скромную) вопреки заключенному в 244 г. римско-персидскому договору, выводившему Армению из сферы влияния Римской империи [Дмитриев, 2018, с. 192–193]. Таким образом, недалековидные действия римлян создали для Шапура полноценный *casus belli*, и шаханшах, учитывая всю сложность положения, в котором находилась в это время Римская империя, не мог им не воспользоваться. В обострении римско-персидских отношений сыграл свою роль и тот факт, что с захватом Армении была пробита брешь в буферной зоне, традиционно отделявшей владения Сасанидов от территории Римской империи в позднеантичную эпоху [Болгов, 2009, с. 54]. Иначе говоря, столкновение Рима и Ирана в начале 250-х гг. стало фактически неизбежным.

Из, хотя и относительно многочисленных, однако зачастую несогласующихся или откровенно противоречащих друг другу источников, наиболее содержательным из которых является надпись Шапура I на Каабе Зороастра (ŠKZ)¹⁷, вырисовывается следующая картина событий второй войны Шапура с Римом. В 253 г. армия персов выступила из Ктесифона и двинулась вверх по долине Евфрата¹⁸. Первой римской крепостью, стоявшей на пути Шапура I и взятой им, была Анафа – это следует как из расположения города (он находился ближе всех остальных к персидской столице), так и из надписи Шапура (ŠKZ. MP. 7; Parth. 5; Gr. 12). Дальше войско шаханшаха продолжило движение, захватывая находившиеся на берегах Евфрата римские города (Дура-Европос, Киркесий¹⁹, Зенобия). Близ небольшой крепости под названием Барбалисс (в районе совр. Мескены в Северной Сирии) путь персам преградило римское войско. Как утверждает Шапур в своей надписи, римлян насчитывалось 60 000 чел. (ŠKZ. MP. 6; Parth. 4; Gr. 11), однако эта цифра представляется завышенной – такое количество воинов Рим мог выставить только при условии четкого функционирования системы комплектования армии и наличии необходимых финансовых средств, но в ситуации тогдашней полной неразберихи в столице и развала административно-налоговой системы империи это было практически нереально. Вероятно, войско, с которым столкнулись персы, было сформировано из гарнизонов местных рим-

¹⁷ Наиболее полный обзор источников по истории войн Шапура I с Римом см. в работе: [Edwell, 2010].

¹⁸ Вопрос о маршрутах продвижения сасанидских войск в ходе Римских кампаний Шапура I специально рассматривался Э. Кеттенхофеном [Kettenhofen, 1982].

¹⁹ Т. Ньоли, однако, полагает, что Дура-Европос и Киркесий не подверглись осаде и остались в тылу у персов, стремившихся сохранить эффект неожиданности [Gnoli, 2007, p. 82–83]. В рассуждениях Ньоли есть своя логика, поскольку, как мы увидим ниже, Дура-Европос действительно был взят персами не в 253 г., а несколько позднее, в 256 г.

ских крепостей, и его численность была относительно невелика. После одержанной победы путь персам на запад был открыт.

Персидскому вторжению подверглась вся римская Сирия и прилегающие территории. Наиболее болезненным ударом для Империи стал захват персами сирийской столицы – Антиохии. Пожалуй, это единственный эпизод в ходе второй римской кампании Шапура I²⁰, которому в западных источниках уделено пристальное внимание; о взятии Антиохии сообщают Либаний, Аммиан Марцеллин, *Historia Augusta*, Зосим, Евтихий, Малала и др. авторы. Взять город персам помогло предательство одного из знатных горожан по имени Мариад²¹ (Amm. Marc. XXIII. 5.3; SHA. XXIV. 2. 1–4; Dio. cont. Fr. 1; Malal. Chron. XII. 295–296). Вот что сообщает об этом *Historia Augusta*: «...Он, человек богатый и знатный, ...похитил большую часть золота и неисчислимое количество серебра и устремился к персам. Там, сблизившись с царем Сапором и став его другом, он начал подстрекать его идти войной на римлян, привел на римскую землю сначала Одомаста²², а затем Сапора; после взятия Антиохии и Цезареи он удостоился звания Цезаря. Затем он был назван Августом и наводил ужас на весь Восток своей силой и дерзостью. Он умертвил своего отца (другие историки отрицают это), сам же был убит вследствие козней своих приближенных» (SHA. XXIV. 2.1–3) (пер. С.П. Кондратьева).

Картину дополняет рассказ Иоанна Малалы: «Один из магистратов Антиохии Великой по имени Мариад был изгнан из совета по единодушному решению совета и всех граждан из-за ненадлежащего исполнения своих обязанностей по организации гонок на колесницах: он не купил лошадей для той команды наездников, за которую отвечал, и присвоил государственные средства, выделенные на эти цели. Он бежал в Персию и поведал царю Сапору, что хотел бы передать ему Антиохию Великую, свой родной город. Сапор, царь Персии, перейдя с большим войском границу в районе Халкиды, захватил и разграбил всю Сирию. Он захватил Антиохию Великую вечером, разграбил ее, а потом разрушил и сжег... После этого царь обезглавил магистрата, поскольку тот предал свою собственную страну» (Malal. Chron. XII. 295–296).

О взятии Антиохии при содействии Мариада сообщает и Аммиан Марцеллин: «Когда однажды в Антиохии во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки, и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой²³. Мариад, который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым» (Amm. Marc. XXIII. 5.3) (пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни).

Часть антиохийцев погибла во время захвата города персами, но еще большее их количество, включая патриарха антиохийского Димитриана [Зайцев, 2012]²⁴, было депор-

²⁰ Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIII. 5.3) ошибочно относит это событие к правлению Галлиена (260–268).

²¹ Libanius. Orationes, LX. 2.

²² Под именем Одомаста здесь фигурирует сасанидский наследник престола и будущий шаханшах Ормизд-Ардашир [Луконин, 1987, с. 264], как мы видим, наравне с отцом принимавший самое непосредственное участие в командовании персидской армией.

²³ О том, что персы беспрепятственно покинули Антиохию, забрав с собой всю захваченную добычу, сообщает и Зосим (Zos. I. 27.2).

²⁴ Патриарх Димитриан, оказавшись в плену, стал первым епископом Гундишапура и, таким образом, явился основателем местной христианской общины (Seert. 2) [Baum, Winkler, 2003, p. 9]. Вообще говоря, переселение Сасанидами на территорию Персии пленных римлян явилось важным (если не ключевым) фактором распространения христианства за пределы Римской империи. О месте и роли христиан в Сасанидском государстве подробнее см.: [Пигулевская, 1979, с. 196–222; Колесников, 1990].

тировано в Персию (Zos. I. 27.2; Seert. 2). Пленных было так много, что позднее для их размещения Шапур был вынужден построить несколько (согласно «Хронике Сирта» – три (Seert. 2)) новых городов, самым значительным из которых стал Вех-Антиох-Шапур (ср.-перс. *Weh-Andiōk-Šābuhr*, букв. «Лучше, [чем] Антиохию, Шапур [построил]»), более известный как Гундишапур и со временем превратившийся в один из крупнейших экономических, политических и культурных центров Сасанидской державы²⁵.

На фоне столь грандиозных успехов персов из ряда вон выходящим событием, воспринятым современниками как чудо, стал случай, произошедший в Эмесе (совр. г. Хомс в Сирии). Здесь отряд персов, подступивший к городу и, очевидно, намеревавшийся овладеть им, получил решительный отпор со стороны местных ополченцев во главе с неким Сампсигером (Σαμπσιγέραμος), которого Иоанн Малала называет «жрецом Афродиты» (Malal. *Chron.* XII. 296). Этот Сампсигер, как правило, ассоциируется с эмесским узурпатором Луцием Юлием Аврелием Сульпицием Уранием Антонином, известным по монетам, чеканившимся им в 565 г. селевкидской эры, т. е. с октября 253 по октябрь 254 гг. [Dekbrueck, 1948, p. 203–206; Циркин, 2015, с. 179]. Малала (Malal. *Chron.* XII. 296–297) приводит историю анекдотического характера о том, что во время переговоров между Сампсигером и предводителем персов, которого историк называет (явно ошибочно) «царем Шапуrom», один из эмесян внезапно выпустил из пращи камень в командира вражеского войска; бросок оказался весьма удачным – перс был сражен наповал. Гибель «Шапура» посеяла панику среди персидских воинов, посчитавших, что на помощь Эмесе прибыло настоящее римское войско, и персы обратились в бегство.

Всю эту историю действительно можно было бы посчитать не более чем историческим анекдотом, если бы она не имела документального подтверждения в виде наскальных надписей, обнаруженных близ города Хама (в районе совр. Хомса) и датированных 252/253 г. Их смысл в силу специфики такого рода источников (тексты надписей часто составлялись без строгого соблюдения грамматики и, что называется, на скорую руку) не до конца ясен, но на отдельные интересующие нас моменты они указывают совершенно четко. Одна из надписей начинается с таких строк: «В 564 г. [греческой эры; соответствует 252/253 г. н. э. – В.Д.] люди подверглись гневу Немезиды. Но этот герой воззвал к Кроносу, и победа была дарована ему» [Dodgeon, Lieu, 1994, p. 48]. Далее следует не совсем понятная фраза, в которой говорится о неких варварах и каком-то справедливом наказании. Вторая надпись, размещенная рядом с первой, гласит: «Прочти написанное и поверь» [Dodgeon, Lieu, 1994, p. 48]. Как мы видим, сообщение Малалы и процитированные эпиграфические источники очень хорошо согласуются друг с другом и, несомненно, относятся к одному и тому же событию, а спасение Эмесы и ее окрестностей от персидского набега было действительно воспринято местными жителями как заступничество богов (в данном случае – Кроноса).

Говоря о второй Римской кампании Шапура I, нельзя обойти вниманием еще один сюжет. В ŠKZ среди захваченных им городов фигурирует Дура-Европос (ŠKZ. *Parth.* 7; *Gr.* 17) – крепость на Евфрате, располагавшаяся примерно в 100 км юго-восточнее совр. Дейр-эз-Зора в Восточной Сирии. Совокупность же имеющихся источников указывает на то, что в 254–256 гг. в Дура-Европос стоял римский гарнизон [Rostovtzeff, 1943, p. 52], а город был потерян римлянами только в 256 г. (или даже в 257 г. [MacDonald, 1986, p. 63–64]). Возникает несколько странная ситуация: Шапур, повествуя в своей надписи о событиях 253 г., упоминает и Дура-Европос, в котором в последующие несколько лет размещались римские войска. В связи с этим в историографии не раз предпринимались попытки выдвинуть какие-то предположения, которые примирили бы данные, с одной стороны, ŠKZ, а с другой – плохо согласующегося с ней археологического, нумизматического, эпиграфического и иного материала. В связи с этим еще М.И. Ростовцев предположил,

²⁵ Подробнее см.: [Chaumont, 1986; Shahbazi, Richter-Bernburg, 2002].

что город действительно был взят Сасанидами в 253 г., но потом он был отбит римлянами у персов и окончательно перешел в руки Шапура I только в 256 г. [Rostovtzeff, 1943, p. 51–53; James, 2011, p. 73; Мирзоев, 2016, с. 103, 113–116]. Это позволяет несколько иначе взглянуть на вопрос о продолжительности второй кампании Шапура I против Рима. Вероятно, начавшись в 253 г., она длилась не один год, а гораздо дольше – как минимум до 256 г. [Sprengling, 1953, p. 5²⁶; Frye, 1983, p. 125]. В таком случае сообщение Шапура в ŠKZ о битве при Барбалиссе следует расценивать лишь как указание на начало этой войны, а все перечисленные завоевания, о которых говорится в этой части надписи, являются неким общим итогом этого трех- или даже почти четырехлетнего конфликта²⁷. Показательно, что взятием Дура-Европос (правда, неясно, каким – первым или вторым) командовал сын и наследник Шапура I царевич Ормизд-Ардашир, о чем свидетельствует надпись, обнаруженная археологами в одном из городских зданий – так называемом «Храме Пальмирских божеств» [Луконин, 1969, с. 101].

Завершая разговор о судьбе Дура-Европос, следует сказать, что после окончательного изгнания из города римлян персы оставались в нем не очень долго, и буквально через несколько лет (видимо, в 262 г.²⁸) они по какой-то причине покинули его. Не вернулись туда и жители. Спустя некоторое время город был занесен песком и фактически заново открыт археологами уже в XX в. Интересно и то, что, согласно некоторым косвенным данным, при захвате Дура-Европос персами, возможно, было использовано своеобразное химическое оружие того времени, известное, как принято считать, еще древним грекам (Thuc. II.77), а именно – дым от горящей серы [James, 2011a; James, 2011b; см. однако: Farrokh, 2017, p. 257–259].

Со второй Римской кампанией Шапура I связан еще один по-своему загадочный сюжет. Дело в том, что арабский историк рубежа IX–X вв. Табари, повествуя о событиях этой войны, говорит о взятии персами Нисибиса, причем действиями персидской армии, если верить Табари, руководил сам шаханшах (Tabari. 826). Это сообщение вызывает интерес прежде всего потому, что сам Шапур, добросовестно перечисляющий в своей надписи все взятые им римские города, о Нисибисе – одной из наиболее важных и крупных крепостей в Северной Месопотамии – не упоминает, и, с учетом сообщения Табари, нам остается только гадать о причинах этого умолчания [Мирзоев, 2016, с. 100–101]. Кроме того, заслуживает внимания и тот факт, что Нисибис находился далеко в стороне (на удалении порядка 200 км к северо-востоку) от направления главного удара персов, которые, напомним, продвигались вверх по Евфрату с последующим выходом в Сирию. Все это указывает на то, что операция по захвату Нисибиса была проведена либо отдельной группировкой персидских сил, незадействованных в боях на территории Сирии, либо же, как и в случае с Дура-Европос (и это представляется наиболее вероятным), она состоялась несколько позже, нежели вторжение Шапура в римские владения.

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что, судя по списку городов, захваченных Шапуром I в ходе кампании 253–256 гг. (всего их упомянуто 37), и перечню областей, подвергшихся нападению со стороны персов (Сирия, отчасти Каппадокия и Киликия), а также вниманию, уделенному рассмотренным событиям в источниках, это было первое столь

²⁶ М. Спренглинг говорит о трех кампаниях Шапура против Рима, Р. Фрай – о двух. Предположение А. Де Веле о трехлетней осаде персами Дура-Европос [De Waele, 2004, p. 349] кажется маловероятным.

²⁷ Впрочем, существует и другое мнение о хронологии военных событий 253–256 гг., высказанное Р. Фраем, по мнению которого вторая кампания Шапура I против Рима состоялась в 256 г., а в 253 г. (дата первого захвата персами Дура-Европос) имел место лишь незначительный набег [Фрай, 2002, с. 292].

²⁸ Персидские надписи, обнаруженные в Дура-Европос, датируются периодом с 256 по 262 гг. [Луконин, 1969, с. 58; см. также: Dağaee, 2010].

масштабное вторжение Сасанидов на территорию Римской империи. В руинах лежала одна из наиболее развитых восточных провинций Рима – Сирия. Было взято в плен и вывезено в Персию огромное количество жителей восточно-римских городов. Серьезный удар был нанесен не только по экономике и военной мощи Рима, но и по его международной репутации. Сасанидский же Иран, напротив, впервые заявил о себе как о полноценной мировой державе, способной на равных бороться за «место под Солнцем» с казавшейся до тех пор непобедимой Римской империей. Так было положено начало римско-персидскому противостоянию, явившемуся определяющим фактором международных отношений в Ближневосточном регионе в эпоху Поздней античности.

Список литературы

1. Бокщанин А.Г. 1960. Парфия и Рим. Ч. 1. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., Издательство Московского университета, 252.
2. Бокщанин А.Г. 1966. Парфия и Рим. Ч. 2. Система политического дуализма в Передней Азии. М., Издательство Московского университета, 304.
3. Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, Белгородский государственный университет, 88.
4. Дмитриев В.А. 2018. Воины Ахурамазды. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., Евразия, 402.
5. Дмитриев В.А. 2019. Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. СПб., Наука, 186.
6. Зайцев Д.В. 2012. Димитриан. В кн.: Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/172056.html> (дата обращения: 24.03.2021).
7. Колесников А.И. 1990. Отношения сасанидской администрации с христианами в освещении разных источников. В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1988 г. Ч. 1. М., Наука: 213–221.
8. Луконин В.Г. 1969. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., Наука, 244.
9. Луконин В.Г. 1987. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., Наука, 296.
10. Мирзоев Е.Б. 2016. Шапур I. Триумф над Римом. СПб., Нестор-История, 352.
11. Пигулевская Н.В. 1979. Культура сирийцев в средние века. М., Наука, 264.
12. Фрай Р. 2002. Наследие Ирана. М., Восточная литература, 463.
13. Циркин Ю.Б. 2015. «Военная анархия» в Римской империи. СПб., Нестор-История, 472.
14. Baum W., Winkler D.W. 2003. *The Church of the East: A Concise history*. London; New York, Routledge-Curzon, 204.
15. Chaumont M.L. 1986. Antioch (1). In: Yarshater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/antioch-1-northern-syria> (accessed: 24 March 2021).
16. Daryaei T. 2010. To learn and to remember from others: Persians visiting the Dura-Europos synagogue. *Scripta Judaica Cracoviensia*, 8: 29–37.
17. De Waele A. 2004. The figurative wall painting of the Sasanian period from Iran, Iraq and Syria. *Iranica Antiqua*, 39: 339–381.
18. Dekbrueck R. 1948. Uranius of Emesa. *The Numismatic Chronicle & Journal of the Royal Numismatic Society*, 8 (1/2): 11–29.
19. Dodgeon M.H., Lieu S.N.C. (eds.) 1994. *The Roman eastern frontier and the Persian Wars (A. D. 226–363). A documentary history*. London; New York, Routledge, 376.
20. Edwell P.M. 2010. The sources for the Rome's wars with Shapur I: Eurocentric and Eastern perspectives. *Ancient West and East*, 9: 155–179.
21. Farrokh K. 2017. *The armies of Ancient Persia: The Sassanians*. Barnsley, Pen & Sword Military, 466.

22. Frye R.N. 1983. The political history of Iran under Sasanians. In: Yarshater E. (ed.) *The Cambridge history of Iran: Vol. 3. Pt. 1. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods*. Cambridge etc., Cambridge University Press: 116–180.
23. Gnoli T. 2007. Some considerations about the Roman military presence along the Euphrates and the Ḥābūr. *Mediterraneo antico economie societa culture*, 10 (1–2): 71–84.
24. James S. 2011a. Dark secrets of the archive: Evidence for «chemical warfare» and martial convergences in the siege-mines of Dura-Europos. In: Brody L.R., Hoffman G.L. (eds.) *Dura-Europos. Crossroads of Antiquity*. Chestnut Hill, McMullen Museum of Art: 295–317.
25. James S. 2011b. Stratagems, combat, and «chemical warfare» in the siege mines of Dura-Europos. *American Journal of Archaeology*, 115 (1): 69–101.
26. Kettenhofen E. 1982. Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr. nach der Inschrift Šahpuhrs I. an der Ka'be-ye Zartost (ŠKZ). Wiesbaden, Reichert, 154.
27. MacDonald D. 1986. Dating the fall of Dura-Europos. *Historia*, 35 (1): 45–68.
28. Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland S.H.V. (eds.) 1949. Roman imperial coinage, Vol. 4. Pt. 3. Gordian III – Uranius Antoninus. London, Spink and Son Ltd., 246.
29. Rostovtzeff M.I. 1943. *Res Gestae Divi Saporis and Dura*. Berytus, 8 (1): 17–60.
30. Shahbazi A.S., Richter-Bernburg L. 2002. Gondēšāpur. In: Yarshater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/gondesapur> (accessed: 24 March 2021).
31. Sprengling M. 1953. *Third century Iran. Sapor and Kartir*. Chicago, Oriental Institute of University of Chicago, 114.

References

1. Bokshchanin A.G. 1960. Parfiya i Rim. Ch. 1. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Peredney Azii. [Parthia and Rome. Pt. 1. The emergence of a system of political dualism in Asia Minor]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 252 (in Russian).
2. Bokshchanin A.G. 1966. Parfiya i Rim. Ch. 2. Sistema politicheskogo dualizma v Peredney Azii [Parthia and Rome. The emergence of a system of political dualism in Asia Minor. Pt. 2. System of political dualism in Asia Minor]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 304 (in Russian).
3. Bolgov N.N. 2009. Pozdnyaya antichnost': istoriya i kul'tura [The Late Antiquity: history and culture]. Belgorod, Belgorod State University, 88 (in Russian).
4. Dmitriev V.A. 2018. Voiny Akhuramazdy. Voennoe delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh voyn [Warriors of Ahura Mazda: The art of warfare in Sasanian Iran and the history of the Roman-Persian wars]. Saint Petersburg, Evraziya, 402 (in Russian).
5. Dmitriev V.A. 2019. Politicheskaya istoriya Irana v epokhu rannikh Sasanidov [A political history of Iran under Early Sasanians]. Saint Petersburg, Nauka, 186 (in Russian).
6. Zaytsev D.V. 2012. Dimitrian [Demetrianus]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/antioch-1-northern-syria> (accessed: 24 March 2021) (in Russian).
7. Kolesnikov A.I. 1990. Otnosheniya sasanidskoy administratsii s khristianami v osveshchenii raznykh istochnikov [The relationship of the Sassanian administration with Christians in the coverage of various sources]. In: *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XXIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). 1988 g. Ch. 1* [Written sources and problems of the history of culture of the peoples of the East. XXIII annual scientific session of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (reports and communications). 1988. Pt. 1]. Moscow, Nauka: 213–221 (in Russian).
8. Lukonin V.G. 1969. Kul'tura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kul'tury [Culture of Sasanian Iran: Iran in the 3rd – 5th cent. CE. Essays on the history of culture]. Moscow, Nauka, 244 (in Russian).
9. Lukonin V.G. 1987. Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul'tury [Ancient and Early Medieval Iran. Essays on the history of culture]. Moscow, Nauka, 296 (in Russian).
10. Mirzoev E.B. 2016. Shapur I. Triumf nad Rimom [Shapur I. Triumph over Rome]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 352 (in Russian).
11. Pigulevskaya N.V. 1979. Kul'tura siriytsev v srednie veka [Culture of the Syrians in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 264 (in Russian).

12. Fray R. 2002. *Nasledie Irana* [Heritage of Iran]. Moscow, Vostochnaya literatura, 463 (in Russian).
13. Tsirkin Yu.B. 2015. «Voennaya anarkhiya» v Rimskoy imperii [«Military Anarchy» in the Roman Empire]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 472 (in Russian).
14. Baum W., Winkler D.W. 2003. *The Church of the East: A Concise history*. London; New York, Routledge-Curzon, 204.
15. Chaumont M.L. 1986. Antioch (1). In: Yarshater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/antioch-1-northern-syria> (accessed: 24 March 2021).
16. Daryaei T. 2010. To learn and to remember from others: Persians visiting the Dura-Europos synagogue. *Scripta Judaica Cracoviensia*, 8: 29–37.
17. De Waele A. 2004. The figurative wall painting of the Sasanian period from Iran, Iraq and Syria. *Iranica Antiqua*, 39: 339–381.
18. Dekbrueck R. 1948. Uranius of Emesa. *The Numismatic Chronicle & Journal of the Royal Numismatic Society*, 8 (1/2): 11–29.
19. Dodgeon M.H., Lieu S.N.C. (eds.) 1994. *The Roman eastern frontier and the Persian Wars (A. D. 226–363). A documentary history*. London; New York, Routledge, 376.
20. Edwell P.M. 2010. The sources for the Rome's wars with Shapur I: Eurocentric and Eastern perspectives. *Ancient West and East*, 9: 155–179.
21. Farrokh K. 2017. *The armies of Ancient Persia: The Sassanians*. Barnsley, Pen & Sword Military, 466.
22. Frye R.N. 1983. The political history of Iran under Sasanians. In: Yarshater E. (ed.) *The Cambridge history of Iran: Vol. 3. Pt. 1. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods*. Cambridge etc., Cambridge University Press: 116–180.
23. Gnoli T. 2007. Some considerations about the Roman military presence along the Euphrates and the Ḥābūr. *Mediterraneo antico economia societa cultura*, 10 (1–2): 71–84.
24. James S. 2011a. Dark secrets of the archive: Evidence for «chemical warfare» and martial convergences in the siege-mines of Dura-Europos. In: Brody L.R., Hoffman G.L. (eds.) *Dura-Europos. Crossroads of Antiquity*. Chestnut Hill, McMullen Museum of Art: 295–317.
25. James S. 2011b. Stratagems, combat, and «chemical warfare» in the siege mines of Dura-Europos. *American Journal of Archaeology*, 115 (1): 69–101.
26. Kettenhofen E. 1982. Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr. nach der Inschrift Šahpuhrs I. an der Ka'be-ye Zartost (ŠKZ). Wiesbaden, Reichert, 154.
27. MacDonald D. 1986. Dating the fall of Dura-Europos. *Historia*, 35 (1): 45–68.
28. Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland S.H.V. (eds.) 1949. *Roman imperial coinage, Vol. 4. Pt. 3. Gordian III – Uranius Antoninus*. London, Spink and Son Ltd., 246.
29. Rostovtzeff M.I. 1943. *Res Gestae Divi Saporis and Dura*. Berytus, 8 (1): 17–60.
30. Shahbazi A.S., Richter-Bernburg L., 2002. Gondēšāpur. In: Yarshater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/gondesapur> (accessed: 24 March 2021).
31. Sprengling M. 1953. *Third century Iran. Sapor and Kartir*. Chicago, Oriental Institute of University of Chicago, 114.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Псковского государственного университета, г. Псков, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Dmitriev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Pskov State University, Pskov, Russia

УДК 94(569.1)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-784-798

Трибон – плащ философа поздней античности

Болгова А.М., Денисова И.В., Синица М.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: bolgova@bsu.edu.ru; denisova@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается плащ-трибон как элемент одежды в позднеантичном обществе. Выясняются истоки его происхождения, эволюция, функциональное назначение, категории носителей. Изначально он был спартанским военным плащом, но на протяжении античности стал внешним атрибутом философов. В поздней античности трибон являлся отличительным признаком интеллектуалов, имел регламентированный цвет для каждой «отрасли» науки и превратился из грубого плаща в одежду хорошего качества. Постепенно его также присваивали как элемент костюма христиане, также считавшие себя философами (представителями высшей философии – богословия), превратив его впоследствии в атрибут служителей Церкви.

Ключевые слова: трибон, плащ, античный костюм, одежда философов, одежда христиан, поздняя античность.

Для цитирования: Болгова А.М., Денисова И.В., Синица М.М. 2021. Трибон – плащ философа поздней античности. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 784–798. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-784-798.

Tribon as a pallium of philosopher in late antiquity

Anna M. Bolgova, Irina V. Denisova, Marina M. Sinitza

Belgorod National Research University,
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru; denisova@bsu.edu.ru

Abstract. This article examines the tribon cloak as an element of clothing in late antique society. The sources of its origin, evolution, functional purpose, categories of carriers are being clarified. Initially, it was a Spartan military cloak, but throughout antiquity it became an external attribute of philosophers. In late antiquity, the tribon was the hallmark of the learned class, had a regulated color for each branch of science and turned from a coarse cloak into clothes of good quality. Gradually, it was also appropriated as an element of the costume by Christians, who also considered themselves philosophers, later turning it into an attribute of the servants of the Church. An attribute of the religious differentiation of a Christian in late antiquity was the black clothing worn by monks. Nevertheless, already in late antiquity, the process of attribution of the tribon as an element of clothing for the Christian class began, which finally took root in the Middle Ages, when the Church and the clergy had a monopoly on scientific studies.

Key words: tribon, cloak, antique costume, clothing of philosophers, clothing of Christians, late antiquity.

For citation: Bolgova A.M., Denisova I.V., Sinitza M.M. 2021. Tribon as a pallium of philosopher in late antiquity. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 784–798 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-784-798.

Введение

Тема данной работы связана с историей трибона как особого элемента античной одежды в поздней античности. Трибон изначально являлся одним из элементов древнегреческого костюма. Античная одежда представляла собой драпировочную одежду в виде прямоугольных полотен, различным образом оборачивавшихся вокруг тела [Мерцалова, 1993, с. 72]. Основная одежда у мужчин была двух типов: нижняя – хитон, представлявший собой вид рубашки – это вертикально сложенная ткань, вверху закрепленная застежками-фибулами; верхняя – гиматий, представлявший собой полотнище, в который заворачивались, как в плащ [Киреева, 1970, с. 10–11]. Одним из видов верхних плащей, разнovidностью гиматия, был трибон.

Аналогами хитона и гиматия в Древнем Риме были туника и тога. Причем в античном обществе считалось зазорным появляться в одном хитоне или тунике в публичных местах, в то время как носить гиматий или тогу без нижней одежды считалось допустимым [Будур, 2002, с. 41–42].

Трибон определяется как один из видов античной средиземноморской несшитой верхней одежды. Это четырехугольный льняной или шерстяной плащ-накидка, внешне сходный с греческим гиматием, являвшийся одним из его видов [Довженко, 2000, с. 121–216]. Одним из важных признаков трибона было то, что он был обычно потертым и старым. Он обозначался термином *τριβων/τριβώνιον*, и в словарях этот термин переводится в двояком смысле: в общем и применительно к одежде. У Вейсмана дается: 1) тертый, опытный, сведущий, хитрый; 2) старый изношенный плащ, простой грубый плащ (какой носили спартанцы и философы) [Вейсман, 1899, с. 1254]. У Дворецкого: 1) опытный, сведущий; ловкач, хитрец; 2) потёртый плащ, рубище. Это слово происходит от глагола *τριβω*, имеющего значения: «тереть, растирать, стирать, изнашивать, расходовать, растрачивать, удручать, топтать» [Дворецкий, 1958, с. 1643].

Результаты и их обсуждение

Чтобы понять функционал и особенности использования трибона, необходимо рассмотреть его происхождение. Трибон происходил из Спарты, будучи лакедемонским вариантом гиматия. Его часто в источниках называли плохим плащом [Секунда, 2004, с. 23]. Непрезентабельный внешний вид трибона был связан с суровым воспитанием в Спарте. Историк и писатель V–IV вв. до н. э. Ксенофонт в трактате «Лакедемонская полития» сообщает, что спартанские мальчики по государственным законам получали на год только одно платье (*ἐνὶ ἡματίῳ*)²⁹, чтобы лучше приучаться к холоду и жаре³⁰. Аналогичные сведения приводит и древнегреческий автор римской эпохи (I–II вв.) Плутарх. В главе «Ликург» из «Сравнительных жизнеописаний», а также в трактате «Древние обычаи спартанцев» (из сборника «Моралии», иногда включается в главу «Изречения спартанцев») он сообщает, что детей с 7-летнего возраста забирали у родителей, приучали стойко переносить лишения, они бегали босиком и голыми, не имея хитона, нося только гиматий, выдаваемый раз в год, грязные и запущенные, не знавшие бань и благовоний^{31,32}. Никаких украшений к гиматию не разрешалось добавлять, а некто был казнен лишь за то, что добавил к своей одежде цветную полосу³³. Военные плащи спартанцев были красного цвета. Такой цвет наиболее предпочтителен в военном походе, так как эта одежда легко чистится и не

²⁹ Оригинальные тексты произведений античных авторов: Аристофана, Ксенофонта, Демосфена, Плутарха, Эпиктета, Лукиана Самосатского, Диогена Лаэртского, Либания (древнегреческие); Марциала, Ювенала (латинские), использованы с ресурса «Voci dal mondo antico» [Frappa, 2021].

³⁰ Xenophon. De republica Lacedaemoniorum, II. 4.

³¹ Plutarchus. Vitae Parallelae. 2. Comparatio Lycurgi et Numae. Lycurgus, 16.

³² Plutarchus. Moralia. Instituta Laconica, 5 (237f).

³³ Там же, 37 (239c).

так быстро пачкается³⁴. Кроваво-красный цвет гиматиев во время войн также устрашал врага и позволял скрыть раны и кровь³⁵.

Трибон считался отличительным атрибутом спартанского облика. В главе «Никий» «Сравнительных жизнеописаний» Плутарх сообщает, что лакедемонский военачальник Гиалипп, участвовавший в Пелопонесской войне (431–404 гг. до н. э.) и в битве при Сиракузах с афинянами, носил трибон (даются формы τριβωνος, τριβωνα, τριβωνι)³⁶, а также называет посох «бактерион» и трибон Гиалиппа «символами и достоинствами Спарты» (τῆ βακτηρία καὶ τῷ τριβωνι τὸ σύμβολον καὶ τὸ ἀξίωμα τῆς Σπάρτης), говорит о них как именно о лаконских атрибутах (τριβωνος καὶ βακτηρίας Λακωνικῆς)³⁷.

В результате военных походов спартанцев и их успехов на территории материковой Греции трибон стал распространяться и среди других греческих полисов, в том числе в Афинах. Он получил распространение среди философов, которых привлекал суровый образ жизни спартанцев. Первым идеи аскетизма среди философов стал распространять знаменитый философ V в. до н. э. Сократ. Ксенофонт, являвшийся его учеником, в своем произведении «Воспоминания о Сократе» приводит беседу Сократа с Антифоном, где последний упрекает философа, что тот ходит зимой и летом в одном гиматии и без хитона³⁸. У Сократа было много последователей и подражателей, получивших прозвище «лакони-сты». Уже младший современник философа известный афинский комедиограф 2-й пол. V – начала IV вв. до н. э. Аристофан высмеивает их в своей комедии «Птицы», говоря, что все люди стали подражать лаконцам и ходили по-сократовски: заросшие, голодные и грязные, нося с собой палку (ἐλακωνομάνουν ἄπαντες ἄνθρωποι τότε, ἐκόμων, ἐλείνων, ἐρρῦπων, ἐσωκράτων, σκυτάλι' ἐφόρου)³⁹.

Мода на трибоны еще более укоренилась в Афинах в IV в. до н. э., причем теперь и среди богатых и авторитетных людей. Об этом сообщает Демосфен в своей речи «Против Конона за нанесение побоев»: он говорит о своих судебных противниках, Диотиме, Архиаде и Хайрете, что они подражают лаконцам, нося трибоны и простую обувь (лакωνίσειν φασὶ καὶ τριβωνας ἔχουσιν καὶ ἀπλᾶς ὑποδέδεντα)⁴⁰.

Наибольшее распространение трибоны приобрели у философов – последователей школы кинизма, основанной учеником Сократа Антисфеном [Лейбенсон, 2017, с. 43–70]. Об этом сообщает автор II–III вв. Диоген Лаэртский в своей работе «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Он рассказывает, что философ из Борисфениды Бион, обратившись к кинической философии, надел трибон и взял в руки котомку (λαβὼν τριβωνα καὶ πήραν)⁴¹. Первым же складывать вдвое трибон (ἐδίπλωσε τὸν τριβωνα), нося его без хитона вместе с котомкой и палкой, стал основатель кинической школы Антисфен, что Диоген Лаэртский сообщает со ссылкой на более ранних авторов Диокла и Неанфа, хотя, по Сосикрату, первым это стал делать Диодор Аспендский⁴². По другой версии, первым носить трибон и складывать его вдвое (τριβωνα διπλώσας) стал знаменитый киник Диоген Синопский, который не только ходил в этом плаще, но и спал в нём⁴³. Уже во 2-й пол. IV – III вв. до н. э. трибон становится важным атрибутом киников, которые жили в простоте, питались в меру голода и ходили в одном лишь плаще-трибоне (τριβωσι μόνοις)⁴⁴.

³⁴ Xenophon. De republica Lacedaemoniorum, XI. 3.

³⁵ Plutarchus. Moralia. Instituta Laconica, 24 (238f).

³⁶ В русских изданиях античных источников часто даются переводы слова как «плащ», «потёртый плащ», «старый плащ», «грубый плащ», «короткий плащ», «философский плащ».

³⁷ Plutarchus. Vitae Parallelae. 14. Comparatio Niciae et Crassi. Nicias, 19. 4–6.

³⁸ Xenophon. Memorabilia, I. 6. 2–3.

³⁹ Aristophanes. Aves, 1281–1283.

⁴⁰ Demosthenes. Oratio LIV. In Cononem, 34.

⁴¹ Diogenes Laertius. Vitae philosophorum, IV. 7. 51–52.

⁴² Там же, VI. 1.13.

⁴³ Там же, VI. 2.22.

⁴⁴ Там же, VI. 5.93; 9.105.

В эпоху эллинизма и римское время трибон, котомка и палка окончательно стали отличительным признаком философов-киников. 72-я речь кинического ратора Диона Хризостома (I в.) называется «О внешнем виде (философа)», где он описывает указанные внешние признаки.

Писатель-сатирик II в. Лукиан Самосатский в своем произведении «Беглые рабы» высмеивает философов-киников, сообщая, что стоит накинуть трибон, приладить котомку и взять в руки дубину (δεῖ τριβώνιον περιβαλέσθαι καὶ πήραν ἐξαρτήσασθαι καὶ ξύλον ἐν τῇ χειρὶ ἔχειν), браня и порицая всех, – и тебя уже будут считать философом⁴⁵. В другом произведении Лукиана «Киник» – правда, некоторые исследователи сомневаются в подлинности его авторства [Грабарь-Пассек, Петровский, Соболевский, 1960, с. 239], – философ-киник представлен как отравивший волосы и бороду, ходящий голым без хитона, ведущий звериный образ жизни. Его отличительная особенность в том, что он грязен, космат, лохмат, носит трибон и ходит босиком (ἐμὸν σχῆμα τοιοῦτόν ἐστιν, ἀγχιμηρὸν εἶναι, λάσιον εἶναι, τρίβωνα ἔχειν, κομᾶν, ἀνυποδητεῖν). Трибон и длинные волосы делают его неуязвимым для людской критики и дают возможность жить, как он хочет⁴⁶.

В то же время происходит дальнейшая эволюция в использовании трибона. Помимо киников в римскую эпоху его уже носят и представители других философских школ. Древнегреческий философ-стоик I–II вв. Эпиктет оставил после себя трактат «Беседы», где отличительным признаком философа называет седую бороду и трибон (πώγωνα ἔχειν πολὺν καὶ τρίβωνα). Трибона и бороды достаточно, чтоб называться философом в его время⁴⁷.

Аналогично образ философа отражен и в искусстве эпохи принципата. В скульптуре и мозаике философ представлен в виде зрелого и бородатого мужчины, завернувшегося в философский плащ, часто без хитона. Зачастую философ представлен в позе оратора и со свитком в руках, а на мозаиках – в окружении учеников. Этот образ был характерен для всех частей империи [Лейбенсон, 2017, с. 43–70].

Естественно в единой культурной среде Римской империи, объединявшей весь средиземноморский бассейн, трибон получает распространение и на латинском Западе, где он получает латинское название. Аналогом трибона как греческого плаща стали латинский паллий (pallium) и аболла (abolla) [Каган, 1988, с. 127–142; Довженко, 2000, с. 121–216]. В словаре Дворецкого abolla переводится, как: 1) зимний плотный плащ; 2) философ (иронично) [Дворецкий, 1976, с. 14]. Pallium – это: 1) покрывало, покров; 2) завеса, полог; 3) паллий, просторный греческий плащ (один из внешних признаков философа). Также есть вариант palliolum – 1) небольшой греческий плащ; 2) капюшон [Дворецкий, 1976, с. 720].

Латинский поэт I – начала II вв. Марциал посвятил одну из своих сатирических эпиграмм философу-кинику, которого описывает как старца с посохом и сумой, обросшего до груди грязной бородой, чей засаленный плащ (abolla) валяется на голой кровати⁴⁸. Его более младший современник Ювенал в «Сатирах» жестко раскритиковал засилье греков в Риме в его время, которые занимались буквально всеми видами свободных искусств ради заработка: «ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник, канатоходец, врач, маг»⁴⁹. Он упоминает паллиолу как плащ в греческих драмах (palliolo)⁵⁰, а также говорит о стойках в гимназиях, носивших аболлы (abollae)⁵¹.

В словаре лексикографа V–VI вв. Гесихия Александрийского «Сборник всех слов в алфавитном порядке» также есть определение трибона, где прямо указывается его соот-

⁴⁵ Lucianus. Fugitivi, 14.

⁴⁶ Pseudo-Lucianus. Cynicus, 1, 17, 19.

⁴⁷ Epictetus. Discourses, III. 1.24; IV. 8.5, 6, 12, 16, 34.

⁴⁸ Martialis. Epigrammata, IV. 53.

⁴⁹ Juvenalis. Saturae, I. 3. 76–77.

⁵⁰ Там же, I. 3.95.

⁵¹ Там же, I. 3. 114–116.

ветствие паллию. Дано 3 варианта: 1) τρίβων – платье, имеющее знаки гаммы (στολή ἔχουσα σημεῖα ὡς γάμμα); 2) τρίβωνα – платье (στολισμὸν); 3) τριβώνιον – паллий (πάλλιον) [Schmidt, 1867, p. 1470].

В византийском словаре X века «Суде» также есть две статьи о трибоне:

1) τρίβων – «Опытный. Аристофан говорит: не случилось ведь, чтоб трибон являлся всадником. И трибона, опытного» (ἔμπειρος. Ἀριστοφάνης: ἐτύγχανε γὰρ οὐ τρίβων ὢν ἱπτικῆς καὶ τρίβωνος, ἔμπειρου)^{52, 53}

2) τρίβωνα – «Платье. Ведь философы в трибонах зимовали, ничего не евши. И Аристофан говорит: «И замерзая, да не раздражишься слишком, и да не пожелаешь завтракать, и воздержись от вина и гимнасиев, а также других глупостей» (στολισμὸν. οἱ γὰρ φιλόσοφοι ἐν τῷ τρίβωνι ἐχείμαζον, μηδὲν ἐσθίοντες. καὶ Ἀριστοφάνης: μήτε ῥιγῶν ἀπέχθη λίαν μήτ' ἀριστᾶν ἐπιθυμῆς, οἴνου τ' ἀπέχη καὶ γυμνασίων καὶ τῶν ἄλλων ἀνοήτων)^{54, 55}.

К поздней античности происходит дальнейшая эволюция функционального назначения трибона. Трибон, или паллий, стал специфичной корпоративной одеждой, неотъемлемой принадлежностью свободных искусств и философии, индикатором философов. Об этом свидетельствует уже известный раннехристианский апологет и мученик II в. Юстин Философ в трактате «Диалог с иудеем Трифоном». Он указывает, что его собеседник по внешнему виду определил, что перед ним философ, и поспешил воспользоваться этой встречей, чтобы побеседовать о высших материях⁵⁶.

Эта роль трибона-паллия в империи ярко отражена в трактате «О плаще» (De pallio) знаменитого раннехристианского писателя I-й пол. III в. Тертуллиана. От имени плаща-паллия он пишет следующее: «В меня облачается и первый создатель письменности, и первый истолкователь речи, и первый математик, и грамматик, и ритор, и софист, и медик, и поэт, и тот, кто ударами по струнам извлекает музыку, и изучающий астрономию, и занимающийся магией. Все свободные искусства покрываются четырьмя моими концами» (de meo uestiuntur et primus informator litterarum et primus enodator uocis et primus numerorum harenarius et grammaticus et rhetor et sophista et medicus et poeta et qui musicam pulsat et qui stellarem coniectat et qui uolaticam spectat. Omnis liberalitas studiorum quattuor meis angulis tegitur)⁵⁷. То есть, паллий (трибон) окончательно становится признаком интеллектуалов и представителей «свободных профессий» Римской империи. Причём паллий противопоставляется римской тоге, то есть, речь идет о плаще греческого типа как признаке приобщения к греческой науке и культуре, венцом которой считалась философия. По мнению исследователей, Тертуллиан воспринимает паллий (трибон) как признак «высшего философского образования» [Довженко, 2000, с. 121–216]. Именно в этом контексте Тертуллиан подчеркивает, что паллий стали носить христиане, как представители «самой лучшей философии»⁵⁸.

Начиная с IV в. наблюдается дальнейшая специализация и спецификация ношения трибона учёными. В поздней античности одежда являлась регламентированной и призвана была показать и чётко отразить социальное положение и сословный статус её носителя. Важную роль играли не только форма и материал, но и цвет [Иваницкая, 2011, с. 142; Смирнова, 2009, с. 63–70]. Символика цвета и строгая регламентация одежды, её украшений в поздней античности были привнесены христианством из иудаизма, в то время как основные формы и виды одежды: мантия, туника, пенула и т. п., – взяты в античном мире [Будур, 2002, с. 36, 76–78].

⁵² Suidae Lexicon, T. 953.

⁵³ Aristophanes. Vespae, 1429.

⁵⁴ Suidae Lexicon, T. 954.

⁵⁵ Aristophanes. Nubes, 416–417.

⁵⁶ S. Justinus philosophus. Dialogus cum Trypnone Iudaeo, 1.

⁵⁷ Tertullianus. De Pallio, VI. 2.

⁵⁸ Там же, VI. 2.

Трибон также имел свою специфику, различаясь по формам и цветам. Как уже говорилось, это был по преимуществу элемент и неотъемлемый признак учёной философской одежды. В то же время его ношение распространилось и на риторов. Историк 2-й пол. IV – начала V века Евнапий в своем произведении «Жизнь философов и софистов» описывает, что его учитель, знаменитый ритор Прозерсий, в бытность учеником из-за бедности делил гиматий и трибон (ἱματίων καὶ τριβώνιον) со своим другом Гефестионом⁵⁹. Патриарх IX в. Фотий в своей работе «Мириобиблион» приводит данные из «Истории» историка начала V в. Олимпиодора Фиванского [Скржинская, 1956b, с. 232–277], в котором тот описывает свой опыт посещения Афин, а также афинские ритуалы посвящения в студенты новичков афинских софистических школ. После того, как новичок после различных шуток и насмешек от старших товарищей мылся в бане, лишь тогда он получал право носить трибон (τὸν τριβῶνα)⁶⁰.

Тем не менее трибон по-прежнему считался одним из главных атрибутов философа и визуальной индикацией этих учёных, в том числе среди христиан. Живший в IV в. св. Григорий Богослов в «Оправдательном Слове относительно удаления в Понт после рукоположения» сетует, что, если современные христиане, чуть ознакомившись с книгами Священного Писания, умеют ловко надеть трибон или походить на философа до пояса (ἢ τὸ τριβώνιον εὖ περιστελώμεθα, ἢ μέχρι τῆς ζώνης φιλοσοφήσωμεν), они уже считаются мудрецами, учителями, первыми из книжников и законников^{61, 62}. В «Слове в похвалу философу Герону» святитель высмеивает эллинских философов, которые стремятся придать себе величественность трибоном и бородой (οἱ τῷ τριβῶνι καὶ τῇ ὑπὲρ τὸ σεμνὸν ὑποδύονται)⁶³. А в «Слове о самом себе и к говорившим о его желании константинопольского престола» святитель обращается к мудрецам и философам, называя их «почтенными по бороде и трибону», и присоединяет к ним софистов и грамматиков (οἱ σοφοὶ καὶ φιλοσοφοὶ, καὶ σεμνοὶ τὴν ὑπὲρ τὴν καὶ τὸ τριβώνιον, οἱ σοφισταὶ καὶ γραμματισαὶ), а также всех, желающих народных рукоплесканий⁶⁴.

Константинопольский философ и ритор 2-й пол. IV в. Фемистий в своей речи «В ответ тем, кто считает ошибкой его участие в государственной жизни», составленной в 384 г. после занятия им поста префекта Константинополя, оправдывается за занятие высоких государственных должностей и пытается показать, что, занимаясь государственными делами, он не отступал от философии и следовал принципам античной политической философской мысли и пайдеи [Heather, Moncur, 2001, р. 304]. Для этого он всячески подчеркивает философский характер власти христианских императоров, внешним атрибутом чего для него выступает трибон. Фемистий гордится тем, что император, один из предшественников Феодосия I (считается, что это был Валент II [Heather, Moncur, 2001, р. 309–310]) часто делал его советником в трибоне, а также сотрапезничал и путешествовал вместе с ним (ἀλλὰ καὶ σύνεδρον πολλάκις ἐποιήσατο ἐν τῷ τριβωνίῳ καὶ συντράλεζον καὶ συνοδοιπόρον), прислушиваясь к советам философа⁶⁵. Говоря об императоре Феодосии I, дабы подчеркнуть философский характер его власти, Фемистий говорит, что он из тех, кто носил трибоны (τριβῶνας) на императорском престоле, следуя заветам Сократа и Платона⁶⁶.

Языческий философ конца V – 1-й пол. VI в. Дамаский в своей работе «Философская история, или Жизнь Исидора» (восстановленной исследователями из статей «Суды»

⁵⁹ Eunapius. Vitae sophistarum, 487.

⁶⁰ Photius, Bibliotheca, 80. 28.

⁶¹ В Patrologia Graeca [Migne, 1857] это «Слово» помещено под номером 2 (II), в то время как в отечественном издании [Сойкин, 1912a] оно помещено под номером 3 (III).

⁶² S. Gregorius Nazianzenus Theologus, Orationes, II (III). 49. 75–88.

⁶³ Там же, XXV. 5.5.

⁶⁴ Там же, XXXVI. 12. 12.

⁶⁵ Themistius. Orationes, XXXIV. 14.

⁶⁶ Там же, XXXIV.27.

и «Мириобиблиона» Фотия [Athanassiadi, 1999]), посвященной александрийским и афинским интеллектуалам V в., рассказывает, что известная женщина-философ начала V в. Гипатия шествовала по улицам Александрии и публично толковала Платона, Аристотеля и других философов, завернувшись в трибон (περιβαλλομένη δὲ τρίβωνα)⁶⁷. В другом месте Дамаский сообщает, что александрийский философ Асклепиодот завернул невесту в трибон философии, как если бы она была философом (ἀλλὰ καὶ τρίβωνα φιλοσοφίας περιβαλὼν, ὡς φιλόσοφος, τὴν νύμφην)⁶⁸. Но наиболее интересную информацию Дамаский сообщает о себе. Он рассказывает, что под влиянием своего друга и наставника Исидора он стал философом, а прежде произносил речи, «одетый в трибон риторики» (τὸν ἐπὶ ῥητορικῆς τρίβωνα περιθέμενος)⁶⁹. То есть риторический и философский трибон различались.

Главным различием был цвет плаща. В одной из схолий к «Словам» святителя Григория Богослова, указывается, какого цвета был каждый из этих трибонов. У риториков были красные и пурпурные (или багряные) трибоны (ἐρυθροί, φοινικί), а у философов – серые или темные трибоны (φαοί) [Migne, 1858, p. 906]. Однако также св. Григорий Богослов упоминает, что его друг христианский философ-киник Герон носил светлую одежду, которую сравнивает с ангельской, светоносной и сияющей (εἴπερ ἀγγελικὸν, ἢ λαμπροφωρία καὶ ἡ φαιδρότης). Тем не менее, говоря об одежде Герона, святитель говорит, что тот философствует по-христиански, но в чуждой для христиан одежде⁷⁰. Имеется ли в виду то, что одежда философа не соответствует христианскому облику, или святитель обратил внимание на цвет платья – непонятно.

Равно принявший христианство философ и епископ начала V в. Синезий Киренский в письме 154 (72)⁷¹ своей учительнице и другу философу Гипатии упоминает о цвете трибонов. В этом письме Синезий рассказывает о том, что написал 2 книги, подвергшиеся критике со стороны местного ученого сообщества. Он просит оценить эти работы⁷². Отличительным признаком своих критиков Синезий называет носимые ими плащи-трибоны, говоря, что некоторые из белых и некоторые из серых трибонов (τῶν ἐν λευκοῖς ἐνιοὶ τρίβωσι καὶ τῶν ἐν φαοῖς) обвинили его в философских преступлениях. Исследователи полагают, что в этом письме Синезий говорит о языческих и христианских критиках своих работ, соотнося язычников с белыми, а христиан – с серыми трибонами, соответственно, показывая отрицательное отношение первых к христианству [Cameron, Long, 1993, p. 63]. Однако, на наш взгляд, это не совсем верно, что следует из дальнейшего повествования. Синезий сначала жалуется, что философы его упрекают в слишком сильном внимании к стилю и красоте речи, в то время как философ должен пренебрегать этим. Далее он жалуется на софистов как на вторую группу своих критиков, которые упрекали его уже за философские взгляды, не совпадающие с их представлениями (по мнению Синезия, примитивными). Прося дать оценку этим работам, Синезий обещает в случае, если Гипатия оценит книги положительно, дать им ход, открыв их и для риториков, и для философов (ῥητορικῶν ἅμα καὶ φιλοσόφων), выделяя именно эти две группы.

По нашему мнению, Синезий оказался между двух огней; но софистов и философов, а не язычников и христиан. Об этом косвенно свидетельствуют и два других письма Синезия. В письме 1 (73) Никандру он сообщает о том, что пишет и философские, и риторическо-софистические работы, упражняясь в этих двух видах наук⁷³. А в знаменитом

⁶⁷ Damascius. Vita Isidori, 43.

⁶⁸ Damascius. Vita Isidori, 86.

⁶⁹ Там же, 122.

⁷⁰ S. Gregorius Nazianzenus Theologus, Orationes, XXV. 2. 79–81.

⁷¹ Согласно нумерации писем Синезия, принятой в зарубежной историографии [Garzya, 2003], следующей рукописи. В отечественном издании Т. Сидаша [Сидаш, 2014] письма перегруппированы по тематическому принципу. Номер письма по русскому изданию дан в скобках.

⁷² Synesius. Epistulae, 154.

⁷³ Там же, 1.

письме 105 (76) брату, где Синезий жалуется на то, что его избрали христианским епископом, он отнюдь не критикует христианство, а мотивирует свой первоначальный отказ от должности тем, что по образу жизни не является достойным такой великой чести, а кроме того, не хочет расставаться с женой. Там же содержится интересная информация о том, что Синезий был в свое время обвенчан патриархом Феофилом, то есть соблюдал все христианские обычаи относительно брака. Конфликт его философских взглядов с христианской религией является второстепенным, в этом вопросе он готов к компромиссам⁷⁴. Всё это позволяет нам выдвинуть предположение, что под белыми трибунами им имелись в виду не философы, а софисты и риторы, а серые трибуны были отличительным признаком философов, подчеркивающим именно отрасль науки, а не религию. В то же время христианские и языческие интеллектуалы поддерживали общение вне зависимости от конфессиональной принадлежности, если речь не шла о религиозных материях, как люди одной культуры [Watts, 2006, p. 18–19].

Что касается христиан, то они в источниках обозначались как люди в чёрных одеждах (имелись в виду монахи как отличительная группа христиан). Крупнейший ритор 2-й пол. IV в. Либаний в речи «К императору Феодосию в защиту храмов» называет христиан «одетыми в чёрное» (μελανειμοῦντες), сообщая, как они нападают на храмы и жертвенники, разрушают их и подвергают насилию жрецов в случае сопротивления⁷⁵. Евнапий в «Жизни философов и софистов» резко критикует образ жизни александрийских монахов (μοναχοῦς), которые поселились на месте языческого храма Серапеума, говоря, что любой человек, «носящий чёрную одежду» (μελαίαν φορῶν ἐσθῆτα), обладал тиранической властью, чтоб устраивать беспорядки⁷⁶. Латинский поэт-язычник начала V в. Рутилий Намациан описывает один из островов, населенных христианскими монахами, называя их «бегущими от света мужами» (lucifugis viris) и говоря, что у них «внутренности с чёрной желчью» (nigro viscera felle)⁷⁷.

Христиане также носили трибуны, но именно в качестве философов, поскольку христианство воспринималось как истинная высшая философия в отличие от античной «ложной» философии. Именно эти идеи отстаивает Тертуллиан в сочинении «О плаще»⁷⁸, делая плащ атрибутом христиан как настоящих философов [Довженко, 2000, с. 121–216]. Противопоставление христианства как истинной философии ложной античной философии встречается во многих сочинениях св. Григория Богослова [Ruether, 1969, p. 167–174], например, в вышеупомянутом «Слове в похвалу философу Героду»⁷⁹. Именно в этом ключе он и упоминает трибун у христиан как элемент философской одежды.

Эти идеи продолжали развиваться в VI в. В частности, епископ, богослов и историк 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. Захария Митиленский (Схоластик) в своей работе «Жизнь Севира» об известном монофизитском епископе начала VI в. Севире Антиохийском говорит о христианстве как о подлинной философии в контексте противопоставления его языческим философским школам⁸⁰.

Именно с этим пониманием связано и письмо 147 (124), которое Синезий адресовал своему другу Иоанну, обратившемуся от учёности в монашество⁸¹. В нём говорится о том, что Иоанн оставил земные заботы, чтобы вкушать блаженную жизнь. По свидетельству их общего друга Гана, Иоанн полностью ведет уединенную жизнь, а в городе появляется, лишь чтобы читать книги и размышлять над ними с точки зрения богословия. Здесь

⁷⁴ Synesius. Epistulae, 105.

⁷⁵ Libanius. Orationes, XXX. 8.

⁷⁶ Eunapius. Vitae sophistarum, 472.

⁷⁷ Rutilius Claudius Namatianus. De reditu suo, I. 440–448.

⁷⁸ Tertullianus. De Pallio, VI. 2.

⁷⁹ S. Gregorius Nazianzenus Theologus, Orationes, XXV.

⁸⁰ Zacharias Rhetor. Vita Severi, 4.

⁸¹ Synesius. Epistulae, 147.

интересно, что Ган сообщает Синезию, что Иоанн носит при этом серый трибон (φαῖδὸν τριβώνιον). Синезий по этому поводу рассуждает, что и путь белой (λευκόν) одежды ничуть не хуже, подразумевая светский философский образ жизни [Cameron, Long, 1993, p. 63]. Но в то же время конкретно замечает, что Иоанн отдал предпочтение чёрной одежде (τὸ μέλαν). То есть тут речь идет не о противопоставлении чёрной и белой одежды, а серый трибон упоминается в русле богословских (то есть философских) штудий. В то же время интересно упоминание Синезия о белых трибонах. То есть цвет философского и риторического плаща мог быть белым, а не только серым.

Сами трибоны в поздней античности, несмотря на скромный фасон, уже не были просто грубыми плащами для бедняков, а довольно неплохой одеждой из качественной ткани, в которой не стыдно было прийти даже к императорскому двору [Cameron, 2016, p. 188]. Историк 2-й пол. VI в. Агафий Миринейский рассказывает о некоем греческом философе Урании, который явился ко двору персидского шаха Хосрова, надев «достойнейшую одежду, которую у нас надевают ученые и учителя наук»⁸².

Впоследствии трибон окончательно стал отличительным признаком христиан, а именно духовенства и Церкви [Адамова, 2019, с. 9–32], но именно как учёных людей, ведущих научные занятия. Также не могло не повлиять на присвоение трибона как элемента одежды духовенства, а именно монашества, и его назначение как грубого плаща, защищавшего когда-то философов-киников от непогоды и служащего им подстилкой. Ведь бродячий образ жизни киников совпадал с пастушеским. А Христос воспринимался как пастырь человеческого стада, часто изображаясь в образе Доброго Пастыря [Иваницкая, 2011, с. 46]. Грубая мантия и плащ были важной принадлежностью монашества [Иваницкая, 2011, с. 152]. Недаром св. Григорий Богослов указывает на кинический образ жизни христианина⁸³.

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрен трибон как важный элемент одежды поздней античности и прослежена его историческая эволюция. Трибон изначально был спартанским военным плащом, с чем связан его скромный и непритязательный вид. Позднее в ходе взаимодействия спартанцев с остальными греческими городами его освоили и переняли афинские философы и философы-киники, пользуясь его практичностью и подчеркивая его ношением скромный образ жизни, превратив трибон в один из внешних признаков своей школы. Постепенно ношение трибона как элемента одежды распространилось на другие философские школы. В поздней античности происходит его окончательная регламентация как признака одежды представителей пайдеи и свободных искусств, а именно интеллектуалов, научного сообщества. Его стали носить не только философы, но и софисты, риторы. Важную роль играл цвет трибона для различия отраслей наук. Риторы могли носить красные трибоны, философы – серые или белые, как и софисты.

В поздней античности произошла эволюция и в их качестве, они стали гораздо более презентабельны. Трибоны служили признаком именно ученых, а не христиан, хотя христиане их также использовали, но именно в контексте того, что христианство воспринималось как высшая философия. Это подтверждается многими источниками – как языческими, так и христианскими. Атрибутом религиозной дифференциации христианина в поздней античности была чёрная одежда, которую носили монахи. Тем не менее уже в поздней античности начался процесс атрибуции трибона как элемента одежды христиан в целом, что окончательно закрепилось в средние века, когда у Церкви и духовенства в руках оказалась монополия на учёные занятия.

⁸² Agathias Myrinaeus. *Historiae*, II. 29.

⁸³ S. Gregorius Nazianzenus *Theologus*, *Orationes*, XXV. 6.9.

Список литературы

1. Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Маркиш С.П. (изд.). 1994. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 1. М., Наука, 703.
2. Адамова Т.В. 2019. История богослужебного облачения на основании анализа памятников изобразительного искусства. В: Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. № 35: 9–32.
3. Будур Н. (изд.). 2002. История костюма. М., ОЛМА-ПРЕСС, 480.
4. Вейсман А.Д. (изд.). 1899. Греческо-русский словарь. СПб., изд. автора, 1371.
5. Гаспаров М.Л., Смыка О.В. (изд.). 1982. Рутилий Намациан. Возвращение на родину. В: Поздняя латинская поэзия. М., Художественная литература: 283–302.
6. Голубцова Е.С., Маринович Л.П., Фролов Э.Д. (изд.). 1994. Демосфен. Речи. В 3 т. Т. 2. М., Памятники исторической мысли, 544.
7. Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А., Соболевский С.И. (изд.). 1960. История греческой литературы. В 3 т. Т. 3. М., Изд-во АН СССР, 440.
8. Дарк Е.В., Хорьков М.Л. (изд.). 1997. Евнапий. Жизни философов и софистов. В: Римские историки IV века. М., РОССПЭН: 225–296.
9. Дворецкий И.Х. (изд.). 1958. Древнегреческо-русский словарь. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1910.
10. Дворецкий И.Х. (изд.). 1976. Латинско-русский словарь. М., Русский язык, 1096.
11. Довженко Ю.С. 2000. К семантике плаща раннехристианского философа. В: Тертуллиан. О плаще. СПб., Алетейя: 121–216.
12. Довженко Ю.С., Тыжов А.Я. (изд.). 2000. Тертуллиан. О плаще. СПб., Алетейя, 216.
13. Зайцев А.И., Баранов Н.П. (изд.). 2001а. Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 1. СПб., Алетейя, 470.
14. Зайцев А.И., Баранов Н.П. (изд.). 2001б. Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. Т. 2. СПб., Алетейя, 538.
15. Иваницкая Я.Ю. 2011. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. Дисс. ... к. ист. н. Белгород, 265.
16. Каган Ю.М. 1988. О латинских словах, обозначающих одежду. В: Быт и история в античности. М., Наука: 127–142.
17. Киреева Е.В. 1970. История костюма. Европейские костюма от античности до XX века. М., Просвещение, 165.
18. Левченко М.В. (изд.). 1953. Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., Изд-во АН СССР, 224.
19. Лейбенсон Ю.Т. 2017. Как узнать философа: сцѣпа интеллектуала в мемориальной скульптуре античных городов Северного Причерноморья. В: Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. Т. 3 (69). № 2: 43–70.
20. Лосев А.Ф., Боровский Я.М., Гаспаров М.Л. и др. (изд.). 1999. Плутарх. Моралии: Сочинения. М., ЭКСМО-Пресс; Харьков, ФОЛИО, 1119.
21. Лосев А.Ф., Гаспаров М.Л. (изд.). 1986. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль, 571.
22. Мерцалова М.Н. 1993. Костюм разных времён и народов. В 4 т. Т. 1. М.: Академия моды, 542.
23. Петровский Ф.А. (изд.). 1994. Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб., Комплект, 446.
24. Петровский Ф.А., Ярхо В.Н. (изд.). 1954а. Аристофан. Комедии. В 2 т. Т. 1 [Ахарняне; Всадники; Облака; Осы; Мир]. М., Гослитиздат, 451.
25. Петровский Ф.А., Ярхо В.Н. (изд.). 1954б. Аристофан. Комедии. В 2 т. Т. 2 [Птицы; Лисистрата; Женщины на празднике Фесмофорий; Лягушки; Женщины в народном собрании; Плутос]. М., Гослитиздат, 503.
26. Секунда Н. 2004. Армия Спарты. Элитные войска: История – вооружение – тактика. М., Астрель, 70.
27. Сидаш Т.Г. (изд.). 2014. Синезий Киренский. Полное собрание творений. В 2 т. Т. 2. Письма. СПб., Квадривиум, 456.
28. Сидоров А.И. (изд.). 1995. Мученик Иустин философ. Разговор с Трифоном иудеем. В: Св. Иустин-философ и мученик. Творения. М., Паломник; Благовест: 125–358.

29. Скржинская Е.Ч. (изд.). 1956а. Олимпиодор. История (в записях и выборках Фотия). В: Византийский временник. Т. 8 (33): 223–232.
30. Скржинская Е.Ч. 1956b. «История» Олимпиодора. В: Византийский временник. Т. 8 (33): 232–277.
31. Смирнова Е.Д. 2009. Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика. В: Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. № 2 (23): 63–70.
32. Соболевский С.И., Полонская К.П. (изд.). 1993. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., Наука, 381.
33. Сойкин П.П. (изд.). 1912а. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 2 т. Т. 1. СПб., П.П. Сойкин, 680.
34. Сойкин П.П. (изд.). 1912b. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 2 т. Т. 2. СПб., П.П. Сойкин, 596.
35. Таронян Г.А. и др. (изд.). 1997. Беседы Эпиктета. М., Ладомир, 312.
36. Шестаков С. (изд.). 1914. Либаний. К императору Феодосию в защиту храмов. В: Речи Либания. В 2 т. Т. 1. Казань, Типо-литография Императорского ун-та: 199–218.
37. Янчевецкий Г.А., Зайков А.В. (изд.). 2013. Ксенофонт. Лакедемонская полития. В: Общество древней Спарты. Основные категории социальной структуры. Екатеринбург, Изд-во Уральского государственного ун-та: 178–194.
38. Athanassiadi P. (ed.). 1999. Damascius. The Philosophical History. Athens, ΑΠΑΜΕΙΑ, 403.
39. Bekker I. (ed.). 1824. Photii Bibliotheca. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 581.
40. Bekker I. (ed.). 1854. Suidae Lexicon. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 1158.
41. Boissonade J.F., Wyttenbach D.A. (ed.). 1822. Eunapii Sardiani, Vitas sophistarum et fragmenta historiarum. Amsterdam, Petrum den Hengst et Filium, 685.
42. Brock S., Fitzgerald B. (ed.). 2013. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. Liverpool, Liverpool University Press, 175.
43. Cameron Al. 2016. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 359.
44. Cameron Al., Long J. 1993. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, University of California Press, 442.
45. Dindorf G. (ed.). 1832. Themistii, Orationes ex codice mediolanensi. Leipzig, C. Knobloch, 756.
46. Frappa G. (ed.). 2021. Web-site «Voci dal mondo antico» URL: <http://www.poesialatina.it/index.htm> (дата обращения 23.04.2021).
47. Garzya A. 2003. Synésios de Cyrene [Oeuvres]. In 5 t. Т. 2–3. Correspondance. Tome II: Lettres I–LXIII. Tome III: Lettres LXIV–CLVI. (2 volumes non vendus séparément). Paris, Les Belles Lettres, CXLVII, 484.
48. Heather P., Moncur D. (ed.). 2001. Themistius. Oration 34. In Reply to Those who Found Fault with Him for Accepting Public Office. In: Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century. Select Orations of Themistius. Liverpool, Liverpool University Press: 310–333.
49. Heather P., Moncur D. 2001. Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century. Select Orations of Themistius. Liverpool, Liverpool University Press, 361.
50. Keene C.H., Savage-Armstrong G.-F. (ed.). 1907. Rutilii Claudii Namatiani, De reditu suo libri duo: the home-coming of Rutilius Claudius Namatianus from Rome to Gaul in the year 416 A. D. London, George Bell & Sons, 237.
51. Migne J.-P. (ed.). 1857. Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi, vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae extant omnia. In 2 t. Т. I. In: Patrologia Graeca. Т. 35. Paris, Apud J.-P. Migne Editorem, 1260.
52. Migne J.-P. (ed.). 1858. Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi, vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae extant omnia. In 2 t. Т. II. In: Patrologia Graeca. Т. 36. Paris, Apud J.-P. Migne Editorem, 1366.
53. Niebuhr B.G. (ed.). 1828. Agathiae Myrinaei, Historiarum libri quinque. In: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Т. 1. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 420.
54. Pearse R., Gerlo A. (ed.). 1999. Tertulliani de pallio. In: Web-site «The Tertullian Project». URL: http://www.tertullian.org/latin/de_pallio.htm (дата обращения 23.04.2021).
55. Ruether R.R. 1969. Gregory of Nazianzus. Rhetor and Philosopher. Oxford, At the Clarendon Press, 184.

56. Schmidt M. (ed.). 1867. *Hesyhii Alexandrini Lexicon*. Jena, Sumptibus Hermanni Dufftii, 1613.
57. Trollope W. (ed.). 1846. *S. Justini philosophi et martyris, cum Trypnone Judaeo dialogus*. Cambridge, J. Hall, 152.
58. Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.
59. Whitehead D. et al. (ed.). 2000. *Suda OnLine: Byzantine Lexicography*. In: Web-site «Suda On Line and the Stoa Consortium». URL: <https://www.cs.uky.edu/~raphael/sol/sol-html/index.html> (дата обращения 23.04.2021).

References

1. Adamova T.V. 2019. *Istoriya bogoslužebnogo oblacheniya na osnovanii analiza pamyatnikov izobrazitel'nogo iskusstva* [The history of liturgical vestments based on the analysis of visual art monuments]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities]. Ser. 5: *Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva* [Questions of History and Theory of Christian Art]. № 35: 9–32 (in Russian).
2. Averincev S.S., Gasparov M.L., Markish S.P. (ed.). 1994. *Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Plutarch. Comparative biographies]. In 2 tt. T.1. Moscow, Nauka, 703 (In Russian).
3. Budur N. (ed.). 2002. *Istoriya kostyuma* [Costume history]. Moscow, OLMA-PRESS, 480 (In Russian).
4. Vejsman A.D. (ed.). 1899. *Grechesko-russkij slovar'* [Greek-Russian Dictionary]. St. Petersburg, avt. izd-e, 1371 (In Russian).
5. Gasparov M.L., Smyka O.V. (ed.). 1982. *Rutilij Namacian. Vozvrashchenie na rodinu* [Rutilius Namatian. Homecoming]. In: *Pozdnyaya latinskaya poeziya* [Late Latin poetry]. Moscow, *Hudozhestvennaya literatura*: 283-302 (In Russian).
6. Golubcova E.S., Marinovich L.P., Frolov E.D. (ed.). 1994. *Demosfen. Rechi* [Demosthenes. Speeches]. In 3 tt. T.2. Moscow, *Pamyatniki istoricheskoy mysli*, 544 (In Russian).
7. Grabar'-Passek M.E., Petrovskij F.A., Sobolevskij S.I. (ed.). 1960. *Istoriya grecheskoj literatury* [History of Greek Literature]. In 3 tt. T.3. Moscow, *Izd-vo AN SSSR*, 440 (In Russian).
8. Dark E.V., Hor'kov M.L. (ed.). 1997. *Evnapij. Zhizni filosofov i sofistov* [Eunapius. The lives of philosophers and sophists]. In: *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the 4th century]. Moscow, *ROSSPEN*: 225-296 (In Russian).
9. Dvoreckij I.H. (ed.). 1958. *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej*, 1910 (In Russian).
10. Dvoreckij I.H. (ed.). 1976. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, *Russkij yazyk*, 1096 (In Russian).
11. Dovzhenko Yu.S. 2000. *K semantike plashcha rannekhristsianskogo filozofa* [On the semantics of the cloak of the early Christian philosopher]. In: *Tertullian. O plashche* [Tertullian. About the cloak]. St. Petersburg, *Aletejya*: 121-216 (In Russian).
12. Dovzhenko YU.S., Tyzhov A.Ya. (ed.). 2000. *Tertullian. O plashche* [Tertullian. About the cloak]. St. Petersburg: *Aletejya*, 216 (In Russian).
13. Zajcev A.I., Baranov N.P. (ed.). 2001a. *Lukian Samosatskij. Sochineniya* [Lucian of Samosatsky. Essays]. In 2 tt. T.1. St. Petersburg, *Aletejya*, 470 (In Russian).
14. Zajcev A.I., Baranov N.P. (ed.). 2001b. *Lukian Samosatskij. Sochineniya* [Lucian of Samosatsky. Essays]. In 2 tt. T.2. St. Petersburg, *Aletejya*, 538 (In Russian).
15. Ivanickaya Ya.Yu. 2011. *Hristianizaciya pozdneantichnogo obshchestva v kontekste vneshnih reprezentacij* [Christianization of late antique society in the context of external representations]. Dissertation of the candidate of historical sciences (PhD). Belgorod, 265 (In Russian).
16. Kagan Yu.M. 1988. *O latinskikh slovah, oboznachayushchih odezhdu* [About Latin words for clothes]. In: *Byt i istoriya v antichnosti* [Life and history in antiquity]. Moscow, *Nauka*: 127-142 (In Russian).
17. Kireeva E.V. 1970. *Istoriya kostyuma. Evropejskie kostyuma ot antichnosti do XX veka* [European costume from antiquity to the 20th century]. Moscow, *Prosveshchenie*, 165 (In Russian).

18. Levchenko M.V. (ed.). 1953. Agafij. O carstvovanii Yustiniana [Agathius. On the reign of Justinian]. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 224 (In Russian).
19. Lejbenson Yu.T. 2017. Kak uznat' filosofa: σχῆμα intellektuala v memorial'noj skulpture antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [How to recognize a philosopher: the σχῆμα intellectual in the memorial sculpture of the ancient cities of the Northern Black Sea region]. In: Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University]. Ser. Istoricheskie nauki [Historical sciences]. T.3 (69). №2: 43-70 (In Russian).
20. Losev A.F., Borovskij Ya.M., Gasparov M.L. et al. (ed.). 1999. Plutarh. Moralii: Sochineniya [Plutarch. Morals: Writings]. Moscow, EKSMO-Press; Har'kov, FOLIO, 1119 (In Russian).
21. Losev A.F., Gasparov M.L. (ed.). 1986. Diogen Laertsij. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filozofov [Diogenes Laertius. About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow, Mysl', 571 (In Russian).
22. Mercalova M.N. 1993. Kostyum raznyh vremyon i narodov [Costume from different times and peoples]. In 4 tt. T.1. Moscow, Akademiya mody, 542 (In Russian).
23. Petrovskij F.A. (ed.). 1994. Mark Valerij Marcial. Epigrammy [Mark Valery Martial. Epigrams]. St. Petersburg, Komplekt, 446 (In Russian).
24. Petrovskij F.A., Yarho V.N. (ed.). 1954a. Aristofan. Komedii [Aristophanes. Comedies]. In 2 tt. T.1 [Aharnyane; Vsadniki; Oblaka; Osy; Mir [Aharnians; Horsemen; Clouds; Wasps; Peace]]. Moscow, Goslitizdat, 451 (In Russian).
25. Petrovskij F.A., Yarho V.N. (ed.). 1954b. Aristofan. Komedii [Aristophanes. Comedies]. In 2 tt. T.2 [Pticy; Lisistrata; Zhenshchiny na prazdnike Fesmoforij; Lyagushki; Zhenshchiny v narodnom sobranii; Plutos [Birds; Lysistratus; Women at the feast of Thesmophoria; Frogs; Women in the National Assembly; Plutos]]. Moscow, Goslitizdat, 503 (In Russian).
26. Sekunda N. 2004. Armiya Sparty. Elitnye vojska: Istoriya-vooruzhenie-taktika [Army of Sparta. Elite Troops: History-Weapons-Tactics]. Moscow, Astrel', 70 (In Russian).
27. Sidash T.G. (ed.). 2014. Sinezij Kirenskiy. Polnoe sobranie tvorenij [Synesius of Cyrene. Complete collection of creations]. In 2 tt. Tom 2. Pis'ma [Letters]. St. Petersburg, Kvadrivium, 456 (In Russian).
28. Sidorov A.I. (ed.). 1995. Muchenik Iustin filosof. Razgovor s Trifonom iudeem [Martyr Justin the philosopher. Conversation with Tryphon the Jew]. In: Sv. Iustin-filosof i muchenik. Tvoreniya [St. Justin the Philosopher and Martyr. Creations]. Moscow, Palomnik; Blagovest, 125-358 (In Russian).
29. Skrzhinskaya E.Ch. (ed.). 1956a. Olimpiodor. Istoriya (v zapisyah i vyborkah Fotiya) [Olympiodorus. History (in records and selections of Photius)]. In: Vizantijskiy vremennik [Byzantine timeline]. T.8 (33): 223-232 (In Russian).
30. Skrzhinskaya E.Ch. 1956b. «Istoriya» Olimpiodora [“History” of Olympiodorus]. In: Vizantijskiy vremennik [Byzantine timeline]. T.8 (33): 232-277 (In Russian).
31. Smirnova E.D. 2009. Znaki srednevekovykh soslovij: cvet kostyuma i ego simvolika [Signs of the medieval estates: the color of the costume and its symbolism]. In: Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaj'naga pedagogichnaga ŷniversiteta imya I.P. Shamyakina [Bulletin of the Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin]. №2 (23): 63-70 (In Russian / Belorussian).
32. Sobolevskij S.I., Polonskaya K.P. (ed.). 1993. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate [Xenophon. Memories of Socrates]. Moscow, Nauka, 381. (In Russian).
33. Sojkin P.P. (ed.). 1912a. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Grigoriya Bogoslova, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo [Creations like the saints of our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. In 2 tt. T.1. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 680 (In Russian).
34. Sojkin P.P. (ed.). 1912b. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Grigoriya Bogoslova, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo [Creations like the saints of our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. In 2 tt. T.2. St. Petersburg, P.P. Sojkin, 596 (In Russian).
35. Taroyan G.A. et al. (ed.). 1997. Besedy Epikteta [Epictetus' Conversations]. Moscow, Ladomir, 312 (In Russian).
36. Shestakov S. (ed.). 1914. Libanij. K imperatoru Feodosiyu v zashchitu hramov [Libanius. To the Emperor Theodosius in defense of the temples]. In: Rechi Libaniya [Speeches of Libanius]. In 2 tt. T.1. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo un-ta: 199-218 (In Russian).

37. Yancheveckij G.A., Zajkov A.V. (ed.). 2013. Ksenofont. Lakedemonская politiya [Xenophon. Lacedaemonic polity]. In: Obshchestvo drevnej Sparty. Osnovnye kategorii social'noj struktury [Society of Ancient Sparta. Main categories of social structure]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo un-ta: 178-194 (In Russian).
38. Athanassiadi P. (ed.). 1999. Damascius. The Philosophical History. Athens, APAMEIA, 403.
39. Bekker I. (ed.). 1824. Photii Bibliotheca. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 581.
40. Bekker I. (ed.). 1854. Suidae Lexicon. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 1158.
41. Boissonade J.F., Wyttenbach D.A. (ed.). 1822. Eunapii Sardiani, Vitas sophistarum et fragmenta historiarum. Amsterdam, Petrum den Hengst et Filium, 685.
42. Brock S., Fitzgerald B. (ed.). 2013. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. Liverpool, Liverpool University Press, 175.
43. Cameron Al. 2016. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 359.
44. Cameron Al., Long J. 1993. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, University of California Press, 442.
45. Dindorf G. (ed.). 1832. Themistii, Orationes ex codice mediolanensi. Leipzig, C. Knobloch, 756.
46. Frappa G. (ed.). 2021. Web-site «Voci dal mondo antico» URL: <http://www.poesialatina.it/index.htm> (дата обращения 23.04.2021).
47. Garzya A. 2003. Synésios de Cyrene [Oeuvres]. In 5 t. T. 2–3. Correspondance. Tome II: Lettres I–LXIII. Tome III: Lettres LXIV–CLVI. (2 volumes non vendus séparément). Paris, Les Belles Lettres, CXLVII, 484.
48. Heather P., Moncur D. (ed.). 2001. Themistius. Oration 34. In Reply to Those who Found Fault with Him for Accepting Public Office. In: Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century. Select Orations of Themistius. Liverpool, Liverpool University Press: 310–333.
49. Heather P., Moncur D. 2001. Politics, Philosophy, and Empire in the Fourth Century. Select Orations of Themistius. Liverpool, Liverpool University Press, 361.
50. Keene C.H., Savage-Armstrong G.-F. (ed.). 1907. Rutilii Claudii Namatiani, De reditu suo libri duo: the home-coming of Rutilius Claudius Namatianus from Rome to Gaul in the year 416 A. D. London, George Bell & Sons, 237.
51. Migne J.-P. (ed.). 1857. Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi, vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae extant omnia. In 2 t. T. I. In: Patrologia Graeca. T. 35. Paris, Apud J.-P. Migne Editorem, 1260.
52. Migne J.-P. (ed.). 1858. Sancti Patris Nostri Gregorii Theologi, vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, Opera quae extant omnia. In 2 t. T. II. In: Patrologia Graeca. T. 36. Paris, Apud J.-P. Migne Editorem, 1366.
53. Niebuhr B.G. (ed.). 1828. Agathiae Myrinaei, Historiarum libri quinque. In: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 1. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 420.
54. Pearse R., Gerlo A. (ed.). 1999. Tertulliani de pallio. In: Web-site «The Tertullian Project». URL: http://www.tertullian.org/latin/de_pallio.htm (дата обращения 23.04.2021).
55. Ruether R.R. 1969. Gregory of Nazianzus. Rhetor and Philosopher. Oxford, At the Clarendon Press, 184.
56. Schmidt M. (ed.). 1867. Hesychii Alexandrini Lexicon. Jenae, Sumptibus Hermanni Dufftii, 1613.
57. Trollope W. (ed.). 1846. S. Justinii philosophi et martyris, cum Trypnone Iudaeo dialogus. Cambridge, J. Hall, 152.
58. Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.
59. Whitehead D. et al. (ed.). 2000. Suda OnLine: Byzantine Lexicography. In: Web-site «Suda On Line and the Stoa Consortium». URL: <https://www.cs.uky.edu/~raphael/sol/sol-html/index.html> (дата обращения 23.04.2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Синица Марина Михайловна, соискатель кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Bolgova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Marina M. Sinita, Applicant for the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (4) + 94 (5)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806

Политика сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христианской общины

Куликов А.О.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается религиозная политика персидского царя из династии Сасанидов Йездигерда (399–420) в частности его попытки выстроить новую систему отношений с христианскими подданными и через них – с Римской империей. Царь пытался воплотить в жизнь изменения на нескольких направлениях: установить мир с Византией, опереться на горожан западных областей и подчинить лично себе христианскую церковь, выведя её из-под возможного контроля со стороны Византии. Йездигерд посредством участия христианских лидеров восточно-римского мира пытался выстроить единую систему христианской иерархии, создать единое богословие. Однако к концу правления все попытки выстраивания новой системы потерпели крах. Христианству не нашлось места в строящейся Сасанидской государственной системе по этническим и социальным причинам, а образ самого Йездигерда в персидской литературе стал отрицательным. Неудачные попытки религиозных реформ только еще больше укрепили положение традиционных слоев персидского общества.

Ключевые слова: христианство, православие, церковь Востока, Сасаниды, Византия, Римская Империя.

Для цитирования: Куликов О.А. 2021. Политика сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христианской общины. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 799–806. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806.

Policy of the Sasanian shah Yazdgerd I relating the Christian community

Alexandr O. Kulikov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: kulickoff.aleksander@gmail.com

Abstract. In this article examines the religious policy of the Sasanian king Yazdegard (399–420), in particular, his attempts to build a new system of relations with Christian subjects and, through them, with the Roman Empire. The king tried to implement changes in several directions: the establishment of peace with Byzantium, rely on the townspeople of the western regions and personally subjugate the Christian Church, taking it out of possible control from Byzantium. Yazdegard, through the participation of Christian leaders of the East Roman world, tried to build a unified system of Christian hierarchy, to create a unified theology. During this period, the Christian Church of the East was in the process of forming a religious doctrine. However, by the end of the reign, all attempts to build a new system failed. This policy was not successful and Christianity has never become a solid pillar of Sassanian Iran. Christianity did not find a place in the Sassanid state system under construction, largely for ethnic and social reasons, and the image of Yazdegard in Persian literature became rather bad. Failed attempts at religious reform have only further strengthened the position of the traditional strata of Persian society.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, Church of the East, Sassanids, Byzantium, Roman Empire.

For citation: Kulikov A.O. 2021. Policy of the Sasanian shah Yazdgerd I relating the Christian community. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 799–806 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-799-806.

Введение

Сложность вопроса, связанного со внутренней и внешней политикой персидских шахов Сасанидской династии, напрямую связана с проблемами их взаимоотношений с христианской общиной. Христианская община была самой крупной группой меньшинств внутри Сасанидской империи и представляла влиятельную силу, способную как противопоставлять себя Сасанидской власти, так и вести с ней диалог. В правление Йездигерда произошла попытка особо значительного сближения Персии и Рима, а также Персии и христианской общины. Потенциально могла родиться совершенно новая культурно-историческая общность, которая, однако, так никогда и не родилась.

Источники по данной теме представлены, в первую очередь, христианской религиозной и мусульманской литературой. Материалы Ктесифонского Собора содержатся в издании Сирийского Восточного Синодикона [Synodicon Orientale, 1902]. Часть информации имеется в сирийской историографии, в частности в несторианской «Хронике Сеерта», издававшейся в серии *Patrologia Orientalis* с 1910 по 1919 г. [*Patrologia Orientalis*. Т. 04, 1908; *Patrologia Orientalis*. Т. 05, 1910; *Patrologia Orientalis*. Т. 07, 1911; *Patrologia Orientalis*. Т. 13, 1919]. Другая группа исторических источников представлена византийской традицией, в частности в сочинениях Сократа Схоластика [*Patrologia Graeca*, Т. 67, 1859], Проккопия Кесарийского [Чекалова, 1993] и др. В христианской литературе в целом содержится относительно положительный взгляд на личность и правление шаха Йездигерда.

Другая группа источников связана с персидской и арабо-мусульманской историографией, в частности в «Шахнаме» Фирдоуси, а также исторических сочинениях персомусульман ат-Табари [Bosworth, 1999] и ибн Мискавейха [Emami, 1379 (2001)]. Данные источники в целом крайне негативно оценивают деятельность Йездигерда.

Личность Йездигерда нередко затрагивалась в историографии. Например, оценку религиозной политики шаха дал Скотт МакДоно [McDonough, 2008], описав модели прохристианской политики персидского царя. Общий обзор его политики был дан в статье Дариая [Daryae, 2004]. Положение христиан в конце правления Йездигерда рассмотрел ван Ромпай в статье [Lamberigts, van Deun, 1972], общее положение христиан в Сасанидской империи затрагивалось в работах Брока [Brock, 1982]. Роль религиозного фактора в византийско-персидских отношениях не раз освещалась в исторической литературе, например, в статьях Френдо [Frendo, 1997], Вуда [Wood, 2010] и др.

Целью настоящей статьи является анализ политики Сасанидского шаха Йездигерда I в отношении христиан, выяснение её специфики, итогов и результатов.

Результаты и их обсуждение

Персидская империя Сасанидов была довольно сложным, полиэтничным и многоукладным государством. Ее государственной религией был зороастризм – древнее иранское учение, основанное на авестийских сказаниях. Зороастрийское жречество, так называемые «маги», было одним из самых влиятельных сословий империи. Параллельно на окраинах продолжало существовать множество древних арийских культов, а также неортодоксальных течений самого зороастризма, таких как маздакизм, манихейство и т. д.

В этих условиях христианство, начавшее распространяться со II в., показало себя в качестве популярной религии. В первую очередь стараниями сирийских проповедников были практически полностью христианизированы Вавилония (по-сирийски – Бет-Арамай,

по-персидски – Асористан), Ассирия (Бет-Гармай, Арбела и Мосул), Хузистан (Бет-Лапет и Майшан). Это были в основном арамеоязычные регионы, и процесс их христианизации упрощался по причине того, что проповедью в них занимались в основном выходцы из Сирии, говорившие на диалекте родного для большинства жителей Большого Ирака арамейского языка (хотя, конечно, источники знают примеры христиан совершенно разного этнического происхождения).

Именно в этот период благодаря деятельности выходцев из Леванта сирийский диалект выходит на первый план в качестве литературной нормы арамейского языка. Арамеоязычная среда была наиболее быстро христианизирована, став при этом костяком христианства Сасанидской империи. Немаловажную роль в этом также сыграла и географическая близость арамеов к столичным центрам Сасанидской державы.

Однако христиане не ограничивались проживанием только в этих регионах. Известно, что христианские общины были в самом сердце Персии – провинциях Фарс и Рей (центральный Иран), на побережье Каспия, на Кавказе и даже в Средней Азии и Систане, подчинявшимся в ту эпоху разным кочевым народам, таким как хиониты и эфталиты. Христиане этих областей были самостоятельны и, как предполагают некоторые авторы, находились в оппозиции к месопотамскому католикосу [Селезнев, 2001]. Более того, сама церковь Востока в данный период находилась в стадии становления и формирования догматической доктрины [Заболотный, 2019], что не могло не повлиять на степень её политического авторитета на востоке.

Если попытаться разместить эти регионы на карте, то можно увидеть наибольшую концентрацию христиан в Месопотамии, Южном Закавказье и Хузистане, остальные местности компактного проживания христиан находились на важных перевалочных пунктах Великого шелкового пути, таких как Рей, среднеазиатские города, Герат, а также Каспийские ворота. Скорее всего, это было связано с тем, что христианство распространялось торговцами, и оно в тот период было религией городской цивилизации, чем противостояло официальному зороастризму высшей знати, маздакитству и манихейству персидской оппозиции, а также архаичным культам кочевников и селян окраин огромного иранского мира.

Рост численности христиан воспринимался персидскими царями как прямая угроза. Источники знают несколько крупных гонений, происходивших в царствование шахов Шапура II и Ардашира II, которые прекращались в правление их преемников. В историографии существует точка зрения, что причиной гонений послужило принятие христианства Римом и подозрительность шаха Шапура, видевшего в христианах агентов римского влияния [Селезнев, 2001]. Подобная позиция кажется поверхностной, так как перелагает всю сложность внутренней ситуации на внешнюю политику, отрицая множество внутренних проблем внутри персидского государства, таких как борьба элит, этно-культурный фактор и сам характер христианского вероучения, резко противоречащий традиционному зороастрийскому богословию. Как бы то ни было, в любом случае гонения временно прекратились при Шапуре III, после чего начался процесс сближения христиан и шахского трона, достигший апогея в начале правления Йездигерда I.

Йездигерд в официальной персидской историографии, унаследованной затем классической исламской историографической традицией, характеризовался крайне негативно как «отступник», «грешник» и «неблагодарный» человек, особенно в противовес своему сыну, ортодоксальному зороастрийцу Бахраму V Гуру, ставшему одним из самых любимых героев персидского эпоса.

Путь, к которому шах пришёл к столь нелестным эпитетам, заслуживает глубокого рассмотрения. Йездигерд пришел к власти в 399 г. после убийства Бахрама IV. Правление его пришлось на серьёзный период внутренней борьбы в Сасанидском государстве, и можно предположить, что с самого начала правления Йездигерд искал силу, на которую он мог бы опереться, чтобы не повторить судьбу своего брата, погибшего от стрел своего

войска, то есть знати. Из последующих действий царя можно выделить несколько: установление мира с Византией, опора на горожан западных областей, подчинение христианской церкви лично шаху и выведение её из-под возможного контроля со стороны Византии. Все три этих аспекта были тесно переплетены.

Ассирийская Церковь Востока в конце IV в. была ослаблена как гонениями, так и отсутствием четкой внутренней структуры. Известны случаи, когда в одной области было несколько епископов. Некоторые исследователи объясняют такую ситуацию тем, что существовали параллельные структуры, создаваемые и местными жителями, и пленниками [Селезнев, 2001]. В подтверждение данной гипотезы можно сказать, что ситуация с одновременным правлением нескольких епископов в одном округе характерна в первую очередь для Хузистана, куда, как известно, ссылали римских пленников. При этом не стоит абсолютизировать данный фактор – всё-таки главная причина хаоса в епископате лежала в отсутствии четко оформленных канонов и централизации церковной власти. Не удивительно, что человеком, проповедовавшим христианство перед шахом, стал уроженец Востока Римской империи Маруфа Майферкатский.

Как гласит легенда, Маруфа во время своего путешествия в 399 г. творил перед царём чудеса, исцелив в разных вариантах или его самого, или его сына, или его дочь [Пикин, 2018; *Patrologia Graeca*, Т. 67, 1859, р. 753–754], а также вывезя мощи мучеников и основав Мартирополь на границе с Персией. Маруфа достаточно быстро стал известным и авторитетным человеком в Персии, что предопределило его дальнейшую судьбу.

Когда в 410 г. встал вопрос о созыве собора в Ктесифоне, представителем римской Церкви на него был избран Маруфа, которого уже хорошо знали как персы, так и римляне. Собор возглавлял сам Йездигерд, которому, впрочем, были важны только политические аспекты переговоров. Письмо от римского императора и западных иерархов прочитал и перевёл лично Маруфа. Одно из главных требований запада – принятие никейского символа веры и канонов римской церкви – было принято почти безоговорочно. Но главные споры возникли вокруг политических вопросов, таких как власть католикоса, централизация церкви, исправление ситуации в областях, где сложилась система с несколькими епископами. Правление католикоса Исхака, во время которого состоялся Ктесифонский собор, стало золотой эпохой Сирийской Церкви Востока.

В дальнейшем шах начал перенимать западные практики, в частности использование приближенных епископов в качестве послов и даже следователей. Например, как сообщает «Хроника Сеерта», католикос Мар Ахха (410–415) был избран Йездигердом для расследования махинаций шахского племянника Нахруза, утверждавшего о грабеже пиратами партии жемчуга из Индии и Китая в Фарсе [*Patrologia Orientalis*. Т. 05, р. 324]. В 417/18 г. следующий католикос, Мар Ябалаха I (415–420) был послан на территорию Восточной Римской Империи с целью заключения «мира и примирения двух империй» [Greatrex, Lieu, 2002, р. 36]. Не будучи этническими персами, Мар Ахха и Мар Ябалаха были особо приближенными к царю людьми, которым тот доверял особо важные дела. Обмен христианскими послами продолжался и позже: в 419/20 г. сирийский епископ Акакий Амидский присутствовал на втором соборе Персидской церкви в городе Вех-Ардашире. Эта ситуация «епископских посольств» продолжалась вплоть до смерти Йездигерда в 420 г.

Известно, что царь безуспешно пытался установить на должность католикоса христиан-персов, таких как Ма'ана и Фарабохт. Вероятно, одной из причин провала такой идеи являлся преимущественно арамейский характер христианства, особенно в Ктесифоне – городе, где находилась резиденция главы церкви.

Стоит сказать, что борьба внутри персидских элит имела причиной не только религию. Сасанидское государство находилось в состоянии необходимости проведения серьёзных реформ, а царская власть пыталась централизовать государство. Как замечено С. Макдоно и поддержано Ф. Вудом, в V в. верховная персидская власть оказывала давле-

ние на автономию марзбанов, централизовала добычу серебра и выпуск монет и, кроме того, начала использовать миф о Кеянидах (мифологических авестийских царях, почитавших традиции, законы, объединявших Иран и побеждавших иноземцев) как часть государственной идеологии [Wood Ph. 2013, p. 38] – всё это являлось частью осознанной и необходимой политики по укреплению государства.

Одним из аргументов, говорящих о серьезности отношений шаха и христиан, является поворотное событие V в. – разрушение христианским священником по имени Хуша' зороастрийского храма огня Фарсе [Patrologia Orientalis. T. 05, p. 328]. Если сообщение об этом событии в «Хронике Сеерта» является правдой, а не отголоском зороастрийско-христианской полемики, то можно предположить, что христиане в этот период почувствовали за собой силу и начали пытаться диктовать свои условия персидскому обществу, что было бы возможным только в ситуации полного покровительства царской власти христианской общине. Но в этой ситуации христиане проиграли: шах не смог (или не захотел) становиться на защиту своих протезе в таком тяжелом преступлении. Более того, как сообщает Синодикон, от погромщиков отказывались даже собственные епископы [Synodicon Orientale, 1902], объясняя это тем, что они якобы не имеют власти над общиной.

Прекращение покровительства над христианами не привело к резкому повороту внутренней политики Йездигерда. Конфликт закончился гибелью царя на охоте при весьма смутных обстоятельствах. Как гласит легенда, во время охоты его убил белый конь [Bosworth, 1999, p. 847–50]. В персидской традиции белый конь символизировал царскую власть и благословение Ахурамазды. Можно сказать, что эта легенда тонко намекает на то, что причиной смерти царя могло стать недовольство его ближайшего окружения, состоявшего в первую очередь из персидской знати и мобедов – наиболее консервативной части персидской элиты.

Гибель шаха всё же стоит воспринимать не только с точки зрения религии, но и с точки зрения внутренней политики. Так, в правление сына Йездигерда, Бахрама V Гура, было увеличено влияние знати при дворе, а главный мобед, Михр-Нарсе, как писал ат-Табари [Bosworth, 1999, p. 869–870], получил огромные земельные владения и почти безграничное влияние [Дашков, 2008]. Начался новый этап укрепления Сасанидской государственности.

Йездигерд, как можно предположить, испробовал альтернативный путь реформирования общества: изменений по римскому образцу, что позволяет некоторым авторам сравнивать его с Константином Великим [McDonough, 2008]. Однако всё же не стоит ставить знак равенства между Константином и Йездигердом. Шах, судя по всему, никогда не симпатизировал христианству с вероучительной и богословской точки зрения. При этом стоит помнить, что влиятельных христиан в окружении царя также не было – для персидской знати новая религия была чуждой с культурной точки зрения. Возможно, именно восприятием «чуждости» можно объяснить неудачную попытку царя сделать католикосами епископов персидского происхождения. В этом заключается трагический фатализм персидского христианства, вытесненного на роль религии, хотя и богатого и многочисленного, но всё же этнического и культурного меньшинства. Внутри Сасанидского государства христианство всё равно воспринималось «религией чужих». Знать была и оставалась чисто персидской, верной зороастрийским традициям, и не представляется, чтобы ситуация могла быть сломлена каким-либо возможным способом.

Политика Йездигерда не могла не оставить следы в поздней историографии. В зороастрийско-персидской и наследующей ей арабо-мусульманской традиции за Йездигердом закрепился образ нечестивца, грешника, несправедливого по отношению к подданным сребролюбца, как например, представлено в «Шахнаме» или в «Истории Пророков и Царей» Ат-Табари [Bosworth, 1999, p. 848–854]. Интересно, что даже в христианской несторианской Хронике Сеерта присутствует негативная оценка личных качеств шаха, который также именуется несправедливым по отношению к подданным [Patrologia

Orientalis. Т. 05, р. 316], хотя в тексте и присутствуют нотки оправдания шаха: автор текста приписывает Йездигерду слова о том, что суровость является последствием вероломств сановников, убивавших предыдущих Сасанидов. Подобную близость христианской и мусульманской позиций можно интерпретировать как возможное продолжение утерянной официальной сасанидской историографической позиции, которую был вынужден официально разделять несторианский католикосат.

Выводы

Восточное христианство в эпоху правления Йездигерда I переживало достаточно сложный этап. С одной стороны, эпоха гонений закончилась, и царская власть попыталась «приручить» новую религию, но не достигла результата. Христианство, несмотря на быстрое распространение, оставалось в основном религией иракских арамеев, что создавало этническую и языковую пропасть между персидскими элитами и христианской проповедью и усугубило царские попытки реформировать страну. Параллельно происходило укрепление персидской государственной системы, в которой христианство все больше вытеснялось на периферию. Таким образом, персидское христианство не смогло победить в сасанидской государственной системе и было обречено на поражение в более позднюю историческую эпоху.

Йездигерд стал примером царя – неудачного реформатора. Его попытки изменения сложной и многоукладной Персидской империи привели лишь к еще большей реакции и усилению позиций персидской знати. Христианская община, являвшаяся мостом с Римом и отдаленная от персидской знати, не оправдала надежд царя. Сближение Сасанидов и христиан в правление Йездигерда было поверхностным и не дало полноценный долгий эффект – как по причине этнического характера месопотамских христиан, так и по причине сильного влияния персидской знати и зороастрийского священства.

Список литературы

1. Дашков С.Б. 2008. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., СМИ-Азия, 356.
2. Заболотный Е.А. 2019. Рецепция восточными сирийцами антиохийской традиции: монастыри vs школы. В: Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 61: 38–52.
3. Пикин А.В. 2018. Так называемое завещание императора Аркадия и посольство Маруфы Майферкатского. В: Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 10: 53–60.
4. Селезнев Н.Н. 2001. Ассирийская Церковь Востока. Исторический очерк. М., АЦВ, 105.
5. Чекалова А.А. 1993. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., Наука, 578.
6. Bosworth C.E. 1999. History of al-Tabari. Vol. 5. The Sassanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.
7. Brock S.P. 1982. Christians in the Sasanian Empire: a case of divided loyalties?. In: Studies in Church History 18: 1–19.
8. Daryaee T. 2004. History, epic and numismatics: on the title of Yazdegard I. In: American Journal of Numismatics 16: 89–92.
9. Emami A. 1379 (2001). Ibn Miscawayh. Tajarib al-Umam. V. 1. Tehran, Soroush Press, 595 (in Arabian).
10. Frendo D., The Religious Factor in Byzantine-Iranian Relations. In: Bulletin of the Asia Institute, NS, 11: 105–122.
11. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook. London – New York, Routledge, 406.
12. Matthew P.C. 2009. The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran. Berkley – Los Angeles – London, University of California Press, 456.

13. McDonough S. 2008. A Second Constantine? : The Sasanian King Yazdgard in Christian History and Historiography. In: *Journal of Late Antiquity*. Jan. 1: 128–141.
14. *Patrologia Graeca*, T. 67: Socrates, *Historia Ecclesiastica*; Sozomen, *Historia Ecclesiastica*. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne ed.: 30–842.
15. *Patrologia Orientalis*. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.
16. *Patrologia Orientalis*. Tomus 05: Evetts B., Mgr Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.
17. *Patrologia Orientalis*. Tomus 07: Mgr Scher A., Guidi I., Vasiliev A.A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.
18. *Patrologia Orientalis*. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 333–639.
19. *Synodicon Orientale*. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.
20. Van Rompay L. 1972. Impetuous martyrs? The situation of the Persian Christians in the last years of Yazdegard I (419–20). In: M. Lamberigts and P. van Deun (eds.). *Martyrium in a Multi-Disciplinary Perspective*. Memorial Louis Reekmans. Louvain: 363–375.
21. Wood Ph. 2010. *We Have No King but Christ: Christian Political Thought in Greater Syria on the Eve of the Arab Conquest (c. 400–585)*. Oxford, Oxford University Press, 308.
22. Wood Ph. 2013. *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq*. Oxford, Oxford University Press, 320.

References

1. Dashkov S.B. 2008. Tsari tsarey – Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh [Kings of Kings – Sassanids. Iran III–VII centuries. in legends, historical chronicles and modern studies]. M., SMI-Aziya, 356.
2. Zabolotnyy Ye.A. 2019. Retseptsiya vostochnymi siriysami antiokhiyskoy traditsii: monastyri vs shkoly [Reception by eastern Syrians of the Antiochian tradition: monasteries vs schools]. *Vestnik PSTGU. Seriya III. Filologiya* [Bulletin of PSTGU. Series III. Philology]. 61: 38–52.
3. Pikin A.V. 2018. Tak nazvyvayemoye zaveshchaniye imperatora Arkadiya i posol'stvo Marufy Mayferkatskogo [The so-called testament of Emperor Arcadius and the embassy of Marufa of Mayferkat]. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Cursor Mundi: a man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance]. 10: 53–60.
4. Seleznev N.N. 2001. Assiriyskaya Tserkov' Vostoka. Istoricheskiy ocherk [Assyrian Church of the East. Historical sketch]. M., ATSV, 105.
5. Chekalova A.A. 1993. Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya [Procopius of Caesarea. War with the Persians. War with the vandals. Secret history]. M., Nauka, 578.
6. Bosworth C.E. 1999. *History of al-Tabari*. Vol. 5. The Sassanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany, NY, State University of New York Press, 458.
7. Brock S.P. 1982. Christians in the Sasanian Empire: a case of divided loyalties'. In: *Studies in Church History* 18: 1–19.
8. Daryaei T. 2004. History, epic and numismatics: on the title of Yazdegard I. In: *American Journal of Numismatics* 16: 89–92.
9. Emami A. 1379 (2001). *Ibn Miscawayh. Tajarib al-Umam*. V. 1. Tehran, Soroush Press, 595 (in Arabian).
10. Frendo D., *The Religious Factor in Byzantine-Iranian Relations*. In: *Bulletin of the Asia Institute*, NS, 11: 105–122.
11. Greatrex G., Lieu S.N.C. 2002. *Roman Eastern Frontier and the Persian Wars*. Part II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook. London - New York, Routledge, 406.
12. Matthew P.C. 2009. *The Two Eyes of the Earth: Art and Ritual of Kingship Between Rome and Sasanian Iran*. Berkley – Los Angeles – London, University of California Press, 456.
13. McDonough S. 2008. A Second Constantine? : The Sasanian King Yazdgard in Christian History and Historiography. In: *Journal of Late Antiquity*. Jan. 1: 128–141.

14. *Patrologia Graeca*, T. 67: Socrates, *Historia Ecclesiastica*; Sozomen, *Historia Ecclesiastica*. 1859. Paris, ex. et ven. apud J.-P. Migne ed.: 30–842.
15. *Patrologia Orientalis*. Tomus 04: Duval R., Wessely C., Mgr Scher A., Perier J., Nau F., Bousquet J., Goodspeed E.-J., Crum W.E. 1908. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 213–313.
16. *Patrologia Orientalis*. Tomus 05: Evetts B., Mgr Scher A., Dib P., Bayan G., Max de Saxe (le prince S.A.R.), Vasiliev A., Leroy L., Nau F. 1910. Paris, Librairie de Paris, Firmin-Didot et C., Imprimeurs-Éditeurs: 217–344.
17. *Patrologia Orientalis*. Tomus 07: Mgr Scher A., Guidi I., Vasiliev A.A., Brooks E.-W. 1911. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 84–203.
18. *Patrologia Orientalis*. Tomus 13: Grebaut S., Nau F., Asin M. et Palacios, S.G. Mgr Addai Sher, Griveau Robert, Pereira E. 1919. Paris., Librairie de Paris, Firmin-Didot et C, Imprimeurs-Éditeurs: 333–639.
19. *Synodicon Orientale*. 1902. Paris, Imprimerie Nationale, 698.
20. Van Rompay L. 1972. Impetuous martyrs? The situation of the Persian Christians in the last years of Yazdegard I (419–20). In: M. Lamberigts and P. van Deun (eds.). *Martyrium in a Multi-Disciplinary Perspective*. Memorial Louis Reekmans. Louvain: 363–375.
21. Wood Ph. 2010. *We Have No King but Christ: Christian Political Thought in Greater Syria on the Eve of the Arab Conquest (c. 400–585)*. Oxford, Oxford University Press, 308.
22. Wood Ph. 2013. *The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq*. Oxford, Oxford University Press, 320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликов Александр Олегович, аспирант кафедры средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr O. Kulikov, Post-graduate student of the Department of Medieval Civilizations of the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 929.7

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-807-811

Алкивиад – военный теоретик

Нефёдкин А.К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: alexknef68@gmail.com

Аннотация. В титуле «Тактики» Никифора Урана (ок. 950 – после 1007 гг.) среди источников этого труда упомянуто сочинение некоего Алкивиада. Скорее всего, это сочинение было написано или приписано Алкивиаду, сыну Клиния, известному афинскому политическому деятелю и стратегу последней четверти V в. до н. э. По жанру это сочинение могло быть обычной для опытного полководца стратегикой. Сам Уран вполне мог познакомиться с этим редким произведением Алкивиада, когда он был секретарем византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025 гг.) в Константинополе и мог пользоваться государственными книгохранилищами (ранее 980–997 гг.).

Ключевые слова: военная теория древности, Алкивиад, Никифор Уран.

Для цитирования: Нефёдкин А.К. 2021. Алкивиад – военный теоретик. Via in tempore. История Политология. 48 (4): 807–811. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-807-811.

Alcibiades is a military theorist

Alexandr K. Nefedkin

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: alexknef68@gmail.com

Abstract. In the title «Tactics» by Nicephorus Uranus (ca. 950 to after 1007), a work of one Alcibiades is mentioned among the various sources of Uranus' book. Most likely, this work was written or attributed to Alcibiades, the son of Cleinius, to the Athenian politician and strategist of the last quarter of the 5th century BC. Probably, this Alcibiades' work could be the strategy of an experienced general. The most probable assumption seems to be that Nicephorus Uranus had in mind some kind of military didactic treatise or a short military-historical essay, or even a letter that was really written by the son of Cleinius, or it was simply attributed to him. Uranus may have become acquainted with this rare Alcibiades' essay when he was secretary to the Emperor Basil II Porphyrogenitus (976–1025) in Constantinople and could use the state archives (before 980 to 997). Master Nicephorus Uranus (c. 950 – after 1007) was the imperial secretary, and later the Duke of Antioch (in 999 – between 1007 and 1011). The very same "Tactics" is the last extensive compilation work (178 chapters) of Byzantine military theory, in fact, an encyclopedia of military affairs, written in the 1000s.

Keywords: ancient military theory, Alcibiades, Nicephorus Uranus.

For citation: Nefedkin A.K. 2021 Alcibiades is a military theorist. Via in tempore. History and political science. 48 (4): 807–811 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-807-811.

Введение

Известный афинский политический деятель и полководец времен Пелопоннесской войны Алкивиад, сын Клиния (ок. 450–404 гг. до н. э.), насколько нам известно, литературного наследия не оставил, по крайней мере, об этом ничего не сообщают его антич-

ные биографы Корнелий Непот и Плутарх, сочинения которых до нас дошли (Nepos, 7; Plut. Alcib., 1–39).

Между тем в заголовке «Тактики» Никифора Урана в константинопольском кодексе (codex Constantinopolitanus, 36), содержащем первые 43 главы сочинения и датированном XIV в., подробно перечисляются следующие источники данного труда: ««Тактика», или же «Стратегия», из Арриана, Элиана, Пелопса, Полиэна, Оносандра, Алкивиада, Артаксеркса, Сириана, Ганнибала, Плутарха, Александра, Диодора, Диона, Полибия, Гераклита, Маврикия, Никифора и некоторых других, собранная с большой тщательностью магистром Никифором Ураном от многих, как было сказано, историков» [Dain, 1937, p. 13, 90].

Возникает проблема определения личности упомянутого среди прочих источников Алкивиада.

Результаты и их обсуждение

Сначала стоит заметить об авторе «Тактики», что магистр Никифор Уран (ок. 950 – после 1007) был императорским секретарем, а позднее – дукой Антиохии (в 999 – между 1007 и 1011 г.). Сама же данная «Тактика» – это последний обширный компилятивный труд (178 глав) византийской военной теории, по существу, энциклопедия военного дела, написанная в 1000-е гг. [Мохов, 2011, с. 41–49; Trombley, 1997, p. 261–264].

Теперь нужно попытаться атрибутировать список источников в заглавии трактата; он выглядит так:

- 1) «Тактическое искусство» Арриана (время Адриана (117–138 гг.) – Arr. Tact., 44,3);
- 2) «Теоретическая тактика» Элиана (время того же Адриана, как указано во введении к трактату, фактически же – эпоха Траяна (98–117 гг.) – Ael. Tact., prooem., 1); обе работы по своему жанру – тактики, т. е. описание организации и маневров войск⁸⁴;
- 3) Пелопс – время жизни и название работы неясны;
- 4) «Стратегемы» Полиэна (обращены к императорам Марку Аврелию и Луцию Веру (161 г.) – Polyae. Strat., prooem., 1); по жанру сочинение – стратегемы – военные хитрости;
- 5) «Стратегикос» Оносандра (обращен к Кв. Веранию Непоту, консулу 49 г. н. э., – Onos., prooem., 1); по жанру – стратегика – наставление военачальникам;
- 6) интересующий нас Алкивиад;
- 7) Артаксеркс – военное сочинение, написанное для первого сасанидского царя Ардашира I (224–240 гг.), по жанру – стратегика;
- 8) компендий Сириана Магистра (VI–IX вв.), не сохранившийся полностью, но реконструированный по частям; по жанру – стратегика;
- 9) ближе не известное сочинение великого карфагенского полководца Ганнибала;
- 10) сочинения моралиста Плутарха Херонейского (ок. 46 – ок. 125 гг.);
- 11) Александр – не ясно, о ком речь, вероятно – о сочинении, связанном с великим македонским царем;
- 12) историк Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), написавший «Историческую библиотеку» в сорока книгах;
- 13) «Римская история» Диона Кассия (ок. 155 – после 230 гг.);
- 14) «Всеобщая история» и / или «Тактика» Полибия (ок. 200 – ок. 120 гг. до н. э.);
- 15) Гераклит – неясно, кто это и что написал;
- 16) «Стратегикон» Маврикия (рубеж VI–VII вв.), по жанру – стратегика;
- 17) «Стратегика» императора Никифора II Фоки (963–969 гг.), по жанру – также стратегика.

Если приложить имеющиеся у нас данные к списку, то увидим, что он построен в некой тематико-хронологической последовательности. Имя Алкивиада идет в списке ше-

⁸⁴ Подробнее см.: [Нефёдкин, 2010, с. 17].

стым и стоит между стратегикой Онасандра и несохранившимся сочинением Артаксеркса и стратегикой Сириана. Следовательно, можно предполагать, что речь шла о военном сочинении в том же жанре руководства-стратегии.

Французский текстолог Альфонс Ден отказался от попыток атрибутировать Алкивиада в списке [Dain, 1937, p. 89–90]. Естественно, первая идентификация, которая приходит в голову, – это предположение о наиболее знаменитом носителе данного имени, сыне Клиния. Ведь о военной деятельности этого Алкивиада действительно рассказывается в том же сочинении Никифора Урана в главах 129,1; 144,2; 147,1; 157,2, информация которых восходит к «Стратегемам» Полиэна (Polyaen. Strat., I, 40, 1–3; 7) [Dain 1937, p. 24]. Однако первоисточник этих оригинальных стратегем неизвестен (ср.: Front. Strat., III, 11,3; 12,1).

Сам Алкивиад, сын Клиния, был достаточно образованным человеком, учеником Сократа (Plut. Alcib., 4; 7, 2–4), философа, который участвовал в военных кампаниях и рассуждал о военном деле и об обязанностях стратега вообще⁸⁵ (Xen. Oec., 4, 5–10). Алкивиад же лично командовал афинскими армиями и в начале Сицилийской экспедиции (415 г. до н. э.), и во время действий в проливах в 411–408 гг. до н. э. Он сам давал дельные советы стратегам о действиях против спартанского флота накануне роковой для Афин битвы при Эгоспотамах в 405 г. до н. э. (Xen. Hell., II, 1, 25–26; Nepos, 7, 8; Plut. Alcib., 36, 4 – 37, 3; Plut. Lys., 10, 4–5; ср.: Diod., XIII, 105, 3). И образование, и опыт вполне позволяли сыну Клиния написать некое военное руководство. Тем более он сам интересовался литературой (Plat. Alcib., I, 112b; Plut. Alcib., 7, 1) и считался весьма опытным в военном деле (Plut. Alcib., 16, 3).

Если обратиться к другим носителям этого имени, то мы увидим, что имя Алкивиада – это имя, популярное в аттическом роде Эвпатридов. Так звали деда, двоюродного брата и сына нашего героя. Дед героя, Алкивиад Старший, действительно был политическим деятелем в Афинах первой половины V в. до н. э., но само это время выглядит слишком ранним для составления военного трактата; сын же Алкивиада был, наоборот, мало-замечной личностью и вряд ли мог написать какое-то руководство или произведение подобного рода (Isocr. Orat., XVI; Lys. Orat., XIV–XV). О двоюродном брате, казненном в 410 г. до н. э., вообще особых сведений нет (Xen. Hell., I, 2, 13) [Toepffer, 1894, Sp. 1515–1532; Kirchner, 1901, p. 42–43, № 597–599; Суриков, 2011, с. 176].

Позднее, в середине III в. до н. э., в Афинах действовал кормчий Алкивиад, сын Гераклида, из дема Торик (IG, II², 1293, l. 13; SEG, XVIII, 33, l. 3). А еще позднее, в императорскую эпоху (II в. н. э.), в Афинах были архонты-эпонимы Алкивиады: в 122/3 гг. – Тит Флавий Алкивиад, сын Т. Флавия Леосфена, из дема Пеания (IG, II², 3589; 3590; 3591); в 140/1 или в 141/2 гг. – пеаниец Т. Флавий Алкивиад, сын того же Т. Флавия Алкивиада, выполнял обязанности архонта-эпонима, стратега, гимнасиарха и жреца храма Ники на Акрополе (IG, II², 3593); в период 165/6–168/9 гг. пеаниец Тит Флавий Леосфен, сын Т. Флавия Алкивиада, был архонтом-эпонимом, стратегом и гимнасиархом (IG, II², 2068; 3592) [Kirchner, 1901, p. 42–49, № 590–607]. Однако никаких сведений об их литературной деятельности не имеется.

В трактате Вегетия «Эпитома военного дела» упоминается, что не названные афиняне и спартанцы писали тактические трактаты (Veget. Epit., I, 8; III, prooem.). В данном случае эти тактические трактаты можно воспринимать расширительно, т. е. как сочинения о военном деле. По крайней мере, в Спарте в первой четверти II в. до н. э. действовал изгнанник – знатный спартанец Алкивиад, вернувшийся затем на родину (Polyb., XXII, 15, 7 – 16, 2; XXIII, 4, 3; Liv., XXXIX, 5, 7; Paus., VII, 9, 2–3). Он был связан с царским домом Еврипонтидов [Walbank, 1979, p. 195–196].

Более того, в Нисе в Карию во время правления Адриана (117–138 гг.) благодетелем полиса выступал некий Публий Элий Алкивиад (SIG, 2948), а после 138 г. нисейцы вынесли почетный декрет в честь Тита Элиана Алкивиада, сделавшего много благодеяний для их города (SEG, IV, 418).

⁸⁵ Xenophon. Memorabilia, III, 1–4.

Однако относительно всех людей с этим именем не известно, писали ли они какие-то военные, исторические либо какие-то другие труды или нет. Теоретически любой из упомянутых Алкивиадов мог написать некое сочинение, однако, похоже, что по своему политическому и военному опыту никто из них не мог сравниться со знаменитым сыном Клиния.

Выводы

Таким образом, наиболее вероятным представляется предположение, что Никифор Уран имел в виду некий военный дидактический трактат, краткое военно-историческое сочинение или даже письмо, которое действительно написал сын Клиния, или оно было просто ему приписано.

Сам же Уран вполне мог познакомиться с этим редким и не упоминаемым более произведением, когда он был секретарем императора Василия II Багрянородного (976–1025 гг.) в Константинополе и мог пользоваться государственными книгохранилищами (ранее 980–997 гг.).

Список литературы

1. Мохов А.С. 2011. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран. В: Уральский исторический вестник. 3 (32): 41–49.
2. Нефёдкин А. К. 2010. Античные тактики и «Тактическое искусство» Флавия Арриана. Арриан. Тактическое искусство. Пер. А.К. Нефёдкин. (Fontes scripti antiqui). СПб., Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История: 17–29.
3. Суриков И.Е. 2011. Античная Греция: политика в контексте эпохи: Година междоусобиц. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 328.
4. Blass F. 1913–1927. Isocrati orationes. Ed. H. Benseker. Vol. I–II. Lipsiae, B. G. Teubnerus.
5. Voeckhius A. 1833. Corpus inscriptionum Graecarum. Vol. II. Berolini, Ex officina academica, 1136.
6. Dain A. 1937. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, Les Belles Lettres, 148.
7. Freckeisen A. 1893. Cornelii Nepotis vitae. Post C. Halmium recognovit A. Fleckeisen. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 118.
8. Hondius J.E. 1929. Supplementum epigraphicum Graecum. Vol. IV. Lugduni Batavorum, Sijthoff, 146.
9. Hultsh F. 1872. Polybii historiae. Vol. IV. Berolini, apud Weidmannos, 176.
10. Keller O. 1890. Xenophontis historia Graeca. Recensuit O. Keller. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 295.
11. Kirchner I. 1901. Prosopographia Attica. Vol. I. Berolini, G. Reimerus, 603.
12. Kirchner J. 1927. Inscriptiones Graecae. Vol. II. 2 ed. Berlin, W. de Gruyter, 500.
13. Köchly H., Rüstow W. 1855. Griechische Kriegsschriftsteller. Tl. II. Abt. 1–2. Leipzig, W. Engelmann, 554.
14. Melber I. 1887. Polyeni strategematon libri octo. Ex recensione E. Woelfflin. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 562.
15. Perrin E. 1916. Plutarch's Lives. Vol. IV. London; Cambridge, W. Heinemann, 480.
16. Pomeroy S. B. 2002. Xenophon. Oeconomicus. Commentary with a new English translation. Oxford, Clarendon Press, 388.
17. Thalheim Th. 1928. Lysiae orationes Lipsiae, B. G. Teubner, 388.
18. Toepffer. 1894. Alkibiades, 1–4. Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft. Bd. I: 1515–1532.
19. Trombley F. 1997. The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism. In: P. Binkley (ed.). Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill: 261–274.
20. Walbank F. 1979. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, The Clarendon Press, 872.
21. Woodhead A.G. 1957. Supplementum epigraphicum Graecum. Vol. XVIII. Lugduni Batavorum, Sijthoff, 232.

References

1. Mokhov A.S. 2011. «Hozyain Vostoka» magistr Nikifor Uran [«Muster of Orient»: Magister Niciphorus Uranus]. In: Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin], 3 (32): 41–49.
2. Nefyodkin A.K. 2010. Antichnye taktiki i «Takticheskoe iskusstvo» Flaviya Arriana [Ancient Tactics and «Art of Tactics» by Flavius Arrianus]. In: Arrian. Takticheskoe iskusstvo. Per. A.K. Nefyodkin (Fontes scripti antiqui). St. Peterburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya: 17–29.
3. Surikov I.E. 2011. Antichnaya Greciya: politika v kontekste epohi: Godina mezhdousobic [Ancient Greece: Politics in the Context of the Epoch: The Time of Civil Wars]. M., Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 328.
4. Blass F. 1913–1927. Isocrati orationes. Ed. H. Benseler. Vol. I–II. Lipsiae, B. G. Teubnerus.
5. Boeckh A. 1833. Corpus inscriptionum Graecarum. Vol. II. Berolini, Ex officina academica, 1136.
6. Dain A. 1937. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, Les Belles Lettres, 148.
7. Freckeisen A. 1893. Cornelii Nepotis vitae. Post C. Halmium recognovit A. Fleckeisen. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 118.
8. Hondius J.E. 1929. Supplementum epigraphicum Graecum. Vol. IV. Lugduni Batavorum, Sijthoff, 146.
9. Hultsh F. 1872. Polybii historiae. Vol. IV. Berolini, apud Weidmannos, 176.
10. Keller O. 1890. Xenophontis historia Graeca. Recensuit O. Keller. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 295.
11. Kirchner I. 1901: Prosopographia Attica. Vol. I. Berolini, G. Reimerus, 603.
12. Kirchner J. 1927. Inscriptiones Graecae. Vol. II. 2 ed. Berlin, W. de Gruyter, 500.
13. Köchly H., Rüstow W. 1855. Griechische Kriegsschriftsteller. T I. II. Abt. 1–2. Leipzig, W. Engelmann, 554.
14. Melber I. 1887. Polyaeni strategematon libri octo. Ex recensione E. Woelfflin. Lipsiae, B. G. Teubnerus, 562.
15. Perrin E. 1916. Plutarch's Lives. Vol. IV. London; Cambridge, W. Heinemann, 480.
16. Pomeroy S. B. 2002. Xenophon. Oeconomicus. Commentary with a new English translation. Oxford, Clarendon Press, 388.
17. Thalheim Th. 1928. Lysiae orationes Lipsiae, B. G. Teubner, 388.
18. Toepffer. 1894: Alkibiades, 1–4. Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft. Bd. I: 1515–1532.
19. Trombley F. 1997. The Taktika of Nikephoros Ouranos and Military Encyclopaedism. In: P. Binkley (ed.). Pre-Modern Encyclopaedic Texts: Proceedings of the Second COMERS Congress, Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill: 261–274.
20. Walbank F. 1979. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, The Clarendon Press, 872.
21. Woodhead A.G. 1957. Supplementum epigraphicum Graecum. Vol. XVIII. Lugduni Batavorum, Sijthoff, 232.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нефёдкин Александр Константинович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr K. Nefedkin, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Research Laboratory, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(495).04
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-812-819

Правовое положение православного сельского духовенства в период «франкократии»

Фролов Д.Л.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Аннотация. На основании анализа текстов «Морейской хроники», корреспонденции Иннокентия III, «Ассиз Романии» и описей доходов Никколо Аччайоли в статье выявляются основные особенности правового положения византийского сельского духовенства после падения Константинополя в 1204 г. Делается вывод о том, что местный клир при власти франков сохранил возможность иметь семью и передавать земельные наделы по наследству, а его представители были полностью выведены из-под юрисдикции латинских правителей и официально уравнивались в правах с западными служителями церкви. Вместе с тем многочисленные ромейские священники, оставшиеся на землях светских феодалов, не имели возможности регулирования отношений со светской властью на основании какого-либо правового акта и были низведены до уровня «вилланов» исключительно по факту проживания на землях франкских рыцарей. Об этом свидетельствует характер возложенных на них повинностей (*servicium*, *debitum*, выплаты «*pro stasie*» и т. д.), обязательных для большинства податного населения.

Ключевые слова: «франкократия», Ахейское княжество, Латинская империя, Иннокентий III, латинский патриархат Константинополя.

Для цитирования: Фролов Д.Л. 2021. Правовое положение православного сельского духовенства в период «франкократии». *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 812–819. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-812-819.

The legal status of the orthodox rural clergy in the period of «francocracy»

Denis L. Frolov

P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russia
E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the legal status of the Byzantine rural clergy in the period of «francokratia». The author analyses the texts of the Greek version of the «Chronicle of Morea», the correspondence of Innocent III, the laws mentioned in «Assizes of Romania» and the inventories of Niccolo Acciaiuoli's income. Based on the materials of these historical sources he identifies the main features of the social position of the lower *Rhomaioi* priesthood after the fall of Constantinople in 1204. It is concluded that the local clergy under the rule of the Franks were not bounded to follow the rules of the celibate and retained the ability to have a family. Also Byzantine priests could transfer land allotments by inheritance, and all of them were completely removed from the jurisdiction of the Latin rulers. Moreover, they were officially equalized in rights with the Western clergymen. At the same time, numerous Byzantine priests who remained on the lands of secular feudal lords did not have the opportunity to regulate relations with the secular authorities on the basis of any legal act, and were reduced to the level of «villans» solely on the basis of their residence on the lands of the Frankish knights. This is evidenced by the nature of the payments and duties imposed on them (*servicium*, *debitum*, «*pro stasie*» payments etc.), which are obligatory for the majority of the taxable rural population.

Keywords: «frankokratia», Principality of Achaea, Latin Empire, Innocent III, Latina Patriarchate of Constantinople.

For citation: Frolov D.L. 2021. The legal status of the orthodox rural clergy in the period of «francocracy». *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 812–819 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-812-819.

Введение

Завоевание Константинополя в 1204 г. привело к миграции существенной части высшей ромейской аристократии с территорий, оккупированных франками. Схожая участь постигла и иерархов византийской церкви [Карпов, 2000, с. 16]. Простые же священники, проживавшие в сельской местности, вероятно, не имели возможности покинуть в полном составе земли новообразованных франкских государств. Об их длительном присутствии в светских феодах Латинской империи и вассальных ей образований свидетельствуют как тексты писем Иннокентия III, составленные вскоре после успешного окончания IV Крестового похода, так и материалы описей доходов Никколо Аччайоли⁸⁶.

Результаты и их обсуждение

С приходом новой власти правовое положение православного священства, оставшегося во владениях западного рыцарства, несомненно, претерпело многочисленные изменения, изучение которых целесообразно проводить:

1. На основании анализа фрагментов источников, посвященных специфике статуса византийского клира.

2. Путем сопоставления информации о местном священстве с данными, отражающими роль католического духовенства, которая во франкских государствах Балкан также не оставалась статичной⁸⁷. Тем более что представители западной и «греческой» церковью являлись своеобразными двойниками⁸⁸.

Данный подход к рассмотрению исторического материала обусловлен тем, что позволяет достаточно подробно осветить следующие моменты:

1. Общие и особенные черты правового положения католических и православных церковнослужителей до завоевания Византии крестоносцами.

2. Официальное отношение высших западных иерархов к простому «греческому» клиру и место последнего в системе управления Латинского патриархата Константинополя.

3. Изменение статуса, прав и обязанностей представителей Римской церкви в Ахейском княжестве и Латинской империи.

4. Трансформацию роли сельского православного духовенства после завоевания 1204–1205 г.

Первый вопрос включает в себя комплекс проблем, одной из которых является наследование недвижимого имущества латинского и ромейского клира. Различия в данной сфере были обусловлены установлением в католической церкви обязательного celibата для служителей (епископов, священников, диаконов, иподиаконов) [Вишневецкий, 2006, с. 48]. Это привело к появлению в середине XIII в. специфических сборов за вступление во владение бенефицием – аннатов [Потехина, 2013, с. 109–113; Верещагин, 2018, с. 56]. Византийские же священнослужители к 1204 г. не были ограничены столь жесткими пра-

⁸⁶ Никколо Аччайоли – флорентийский магнат, имевший существенное влияние на внутренние дела Ахейского княжества в середине XIV в.

⁸⁷ Духовенство Мореи принуждалось, например, к несению военной службы [Горянов, 1958, с. 93].

⁸⁸ Впервые термин «counterparts» – «двойники» – был использован Д. Якоби в отношении ромейских архонтов и франкских феодалов, а также западных вилланов и париков [Jacoby, 1973, p. 899; idem., 1989, p. 183, 208].

вилами и могли иметь наследников в лице своих детей. Соответственно, насаждение в отношении православных клириков практики «выкупа» недвижимого имущества стало бы существенным понижением их статуса. С другой стороны, отказ от введения новых выплат привел бы к потере доли дохода церковной казны.

Однако налоговое бремя, наложенное на духовенство до 1204 г., было весьма существенным. Несмотря на наличие каноникона, собираемого с населения, священники передавали значительную часть своих доходов высшей церковной власти и местным «магнатам». Подтверждением этому может служить как описание быта православного клира, данное Лиутпрандом Кремонским [см.: Литаврин, 1974, с. 95–96], так и наличие устойчивой практики сбора средств за хиротонию, проводимого епископами⁸⁹. В данном отношении положение низшего ромейского священства не слишком сильно отличалось от такового у его западного «двойника»⁹⁰. В связи с этим после падения Константинополя настоящей проблемой Святого Престола и местного патриархата могло стать скорее не отсутствие средств у новых «подданных», а конкуренция со светскими феодалами за получение выплат⁹¹.

Упомянутые и иные проблемы стали решаться западной церковью вскоре после основания Латинской империи. Для Иннокентия III, радовавшегося вестям о завоевании византийской столицы [Setton, 1976, p. 14; Frazee, 1978, p. 34], а также создавшего католический константинопольский патриархат, тем не менее была очевидна необходимость сохранения «греческих» священников на местах⁹². Вероятно, именно поэтому католическому клиру разрешалось занимать только покинутые православными служителями приходы [Migne, 1855, Ann. VII. Ep. CLXIV].

Впоследствии Святой Престол признал и основные постановления Второго Равеннского парламента, созванного в 1210 г. Примечательно, что, помимо представителей светской власти, в нем участвовали архиепископы Афин, Неопатр и Лариссы, а также восемь подчиненных им епископов [Setton, 1976, p. 40]. Все они являлись представителями не прибывшего константинопольского патриарха Томмазо Морозини [Успенский, 1998, с. 381]. Согласно одному из писем Гонория III, на съезде обсуждались вопросы, связанные с правовым статусом всего православного духовенства, в том числе и проживавшего во владениях франкских феодалов. Одной из решенных собравшимися проблем являлось наделение византийского клира равными правами с католическим: «Post ordinationem (filii laicorum Graecorum) vero eodem privilegio gaudeant quo funguntur clerici in obedientia Romanae Ecclesiae constituti» [Migne, 1891, Ann. XVI. Ep. CLXXXV]⁹³. Таким образом, после посвящения в сан бывший мирянин официально должен был становиться «полноценным» членом католической церкви.

Весьма интересным представляется и постановление, посвященное положению членов семьи ромейских священников: «Erunt papates cum uxoribus, filiis et familiis suis... sub Ecclesiarum dominio a laicali jurisdictione omnino liberi et immunes» [Migne, 1891, Ann. XVI. Ep. CLXXXV]⁹⁴. В данном случае следует отметить, что местное духовенство не

⁸⁹ Уже после падения Латинской империи Андроник II Палеолог безуспешно пытался побороть епископскую симонию [Лобова, 1997, с. 44].

⁹⁰ На Западе, как и в Византии, наличие налога на паству не означало отсутствия поборов со священства [Верещагин, 2018, с. 51]. Более того, выплаты могли быть нерегулярными и крайне существенными [Потехина, 2014, с. 72–73].

⁹¹ Стоит отметить, что византийская церковь изначально была более зависима от светской власти, нежели римская [Литаврин, 1974, с. 96].

⁹² О латинском патриархате Константинополя см. [Wolff, 1954].

⁹³ «После посвящения в сан (дети греческих мирян) пусть обретают те же права, коими пользуются священники, находящиеся под покровительством римской церкви».

⁹⁴ «Будут же священники со своими женами, детьми и семьями... под властью церкви полностью свободны и защищены от светской юрисдикции».

только становилось независимым от светской юрисдикции, но и не принуждалось к исполнению правил целибата, обязательных для католиков⁹⁵.

Между тем данный факт сам по себе еще не означает существования возможности передачи земли по наследству. Отметим, что к 1210 г., практически все земли франкских государств Балкан были уже разделены между завоевателями. В греческой версии «Морейской хроники» содержатся достаточно подробные сведения о процедуре выделения ленов Ахейским князем [Горянов, 1958, с. 92]. Из анализа данного материала следует, что католические архиереи государства получали феодалы из рук правителя наряду со светскими вассалами⁹⁶. В результате они становились подданными мирской власти и обязывались находиться у нее на службе⁹⁷.

Наказание за отказ в помощи сеньору могло быть достаточно суровым, о чем свидетельствует содержание следующего описания:

«Κι ὁ πρίγκιπας, ὡς τὸ ἤκουσεν, μεγάλως τὸ ἀποδέχτη· ὄρισε κ' ἐκαλέσαν τοὺς κι ἀπήλθασιν ἐνταῦτα.

Ἐζήτησέν τοὺς συμμαχίαν, ὅλοι νὰ τοῦ βοηθήσουν, λαόν, φουσσᾶτα μὲ ἄρματα, τὸν τόπον νὰ φυλάξῃ, τὸ κάστρον τῆς Μονοβασίας νὰ τὸ ἔχῃ πολεμήσει.

Κ' ἐκεῖνοι τοῦ ἀπεκρίθησαν ὅτι οὐδὲν τοῦ ἐχρεωστοῦσαν, μόνον τιμὴν, προσκύνησιν, ὡς πρίγκιπας ὅπου ἦτον, ὅτι τὰ εἶχαν καὶ κρατοῦν ἀπὸ τὸν Πάπαν τὰ εἶχαν.

Ὁ πρίγκιπας ἐχόλιασεν, ὄρισε κ' ἐκρατήσαν ὅλους τοὺς τόπους καὶ προνοίεζ ἔνθα τὲς ἐκρατοῦσαν» [Schmitt, 1904, v. 2645–2649]⁹⁸.

Соответственно, ахейский властитель полагал, что даже владения Римской церкви на Пелопоннесе являются условными и принадлежат ему как лицу, наделенному верховной властью. Данный факт вызывал весьма негативную реакцию у Святого Престола, в результате чего Жоффруа де Виллардуэн и Оттон де ла Рош даже были отлучены от церкви [Успенский, 1997, с. 358].

Итогом этого противостояния стал отказ князя от земельных притязаний. Вместе с тем, согласно одному из решений Второго Равенникского парламента, латинское и «греческое» духовенство завоеванных земель освобождалось от всех видов налогов, кроме акростиха («*excepto acrostico tantum*») [Migne, 1891, Ann. XVI. Ep. CLXXXV]⁹⁹. Несмотря на это, сельское православное священство было сосредоточено по большей части не в пределах церковных ленов, а в светских владениях¹⁰⁰. Учитывая столь яркую защиту своей собственности феодалами, мы можем предположить, что судьба многих ромейских священ-

⁹⁵ В целом отношении католической церкви к православному священству во франкских государствах крестоносцев не менялось на протяжении двух столетий. Единственная попытка введения западных норм богослужения в греческих приходах была предпринята в 1213 г. и, по сведениям Георгия Акрополита, закончилась полным провалом [Migne, 1887, p. 1028–1029]. Оцифрованная и распознанная версия текста: [http://khazarzar.skeptik.net/pgm/PG_Migne/Georgius %20Acropolita_PG %20140/Annales.pdf](http://khazarzar.skeptik.net/pgm/PG_Migne/Georgius%20Acropolita_PG%20140/Annales.pdf).

⁹⁶ Например, «митрополиту Патр в числе остальных каноников были переданы во владение восемь рыцарских ленов»: «Τοῦ μητροπολίτη τῆς Πάτροῦ μετὰ τοὺς κανονίκοις ὀχτώ φῖε καβαλλαρίων τοῦ ἐδῶκαν νὰ ἔχῃ» [Schmitt, 1904, v. 1955–1956].

⁹⁷ Церковные епископы, тамплиеры и госпитальеры освобождались от гарнизонной службы, но должны были проводить «четыре месяца в походе». [Schmitt, 1904, v. 1928–2009]. Русский перевод фрагмента см. [Горянов, 1951].

⁹⁸ «И после того как князь услышал предложение, было оно одобрено им свыше; и приказал он, чтобы каноники были созваны и предстали пред ним. Просил же он у них о помощи (и желал), чтобы все они поддержали его войсками и вооруженными отрядами, ибо должен он был защитить землю и осадить крепость Монемвасии. И они дали ему ответ, что обязаны ему как князю, коим он и является, только почитанием и оммажем, и что все имения и держания они получили от папы. Князь же разозлился, предписал и приказал, чтобы все их земли и пронии в тех местах были конфискованы».

⁹⁹ Вероятно, обязанность уплаты акростиха была перенята западными феодалами из византийской практики. В Западной Европе данный вид платежа распространен не был.

¹⁰⁰ Например, большая часть земель Пелопоннеса была передана именно светским вассалам князя. См. [Schmitt, 1904, v. 1928–2009].

ников, проживавших в их фьефах, зависела не столько от постановлений Святого Престола и участников съезда в Равеннике, сколько от воли местных баронов и рыцарей¹⁰¹. Несомненно, что формально постановления 1210 г. соблюдались Ахейскими князьями. Свидетельством этому является отсутствие каких-либо письменных норм, регулирующих жизнь католического и «греческого» священства, в Ассизах Романии – главном законодательном своде периода «франкократии» [Canciani, 1785; Topping, 1949].

Однако на практике данная ситуация могла означать лишь неподсудность низшего ромейского клира светским властям. Иные формы зависимости, не регламентированные каким-либо письменным правовым актом, вероятно, были широко распространены. На основании анализа описей доходов флорентийского магната Никколо Аччайоли, ставшего в 1348 г. великим сенешалем Морей, мы можем заключить, что в его землях находилось существенное число православных приходов¹⁰². Термин «пара» («парра») – «священник» – встречается в тексте упомянутого источника более 80 раз [Longnon, Topping, 1969]. В некотором количестве случаев рядом с именем ромейского служителя церкви имеется формула «*cum ejus familia*» («со своей семьей») [Longnon, Topping, 1969, p. 42, 47]. Встречаются и прямые указания на состав семьи: «*Papa Theofilato Carazopolo habet uxorem, filios duos, Nicola et Andreas, habet frat[er] Joh[anne]...*» [Longnon, Topping, 1969, p. 73]¹⁰³. В результате мы можем утверждать, что светские феодалы не вмешивались в традиционный уклад жизни местного священства и не стремились к насаждению правил celibata¹⁰⁴. Более того, клирики могли проживать в селениях вместе со своими отцами («*Papa Cosma... cum Draco, patre eorum*») [Longnon, Topping, 1969, p. 108], а также иметь сыновей – продолжателей их дела («*Papa Leu Sarburi habet filium Papa Christodolu*») [Longnon, Topping, 1969, p. 76]¹⁰⁵.

Вместе с тем некоторые сельские православные священники, упомянутые в описях, выплачивали акростих в пользу владельца земли, что не противоречило постановлениям, принятым на Втором Равенникском парламенте: «*Papa Chiricius cum ejus familia, qui redit anuatim pro acrostico...*» [Longnon, Topping, 1969, p. 47]¹⁰⁶. Однако к середине XIII в. или ранее они стали облагаться и рядом других выплат, не санкционированных католической церковью и именованных общим понятием «*alia jura*» («*Papa Demetrius Neoparicus cum ejus familia, qui redit anuatim pro acrostico suo et aliis juribus uerperera duo*») [Longnon, Topping, 1969, p. 42]¹⁰⁷. При изучении рассматриваемых нами записей мы находим и повинности, именуемые «*servicium*» и «*debitum*» (...*qui redit anuatim pro acrostico et ejus servicio seu jure debito uerperera duo...*) [Longnon, Topping, 1969, p. 47]¹⁰⁸. Плата с ромейского клира взималась также за возделывание части угодий сеньора («*stasia*») и аренду земель или иных построек («*appactuatio*»): «*Papa Johannes pro stasia quam tenet uerpererum unum st. tres*

¹⁰¹ Следует отметить, что даже Второй парламент в Равеннике, целью которого являлось регулирование отношений феодалов и церкви, был создан по инициативе светской власти.

¹⁰² Анализ данных источника см.: [Carile, 1974].

¹⁰³ «Священник Феофилакт Каразопул имеет жену, двух сыновей – Николая и Андрея, а также брата Иоанна».

¹⁰⁴ Примечательно, что до завоевания 1204 г. терпимость к «греческому» ритуалу и традициям православного священства проявляли власти Антиохийского княжества. См. [Hamilton, 1980, p. 172]. В Кипрском королевстве, вероятно, сложилась схожая ситуация. Например, отцом выдающегося местного хрониста Леонтия Махеры был образованный православный священник Ставринос Махера. См. [Близнюк, 2018, с. 12].

¹⁰⁵ «Священник Козьма с Драко(ном?) – его отцом», «Священник Лев Сарбури имеет сына – священника Христодула».

¹⁰⁶ «Священник Кириак со своей семьей ежегодно уплачивает за акростих...».

¹⁰⁷ «Священник Деметрий Неопарик со своей семьей ежегодно уплачивает за акростих и иные обязанности два иперпира».

¹⁰⁸ «Который уплачивает за акростих, свои отработочные повинности и ренту два иперпира...». О термине «*servicium*» см. [Longnon, Topping, 1969, p. 271].

et medium...»¹⁰⁹; «Johannes Papa Alexopulus pro medietate sue appactuacionis uyperpera duo...» [Longnon, Topping, 1969, p. 64, 28]¹¹⁰.

Изучение текста источника позволяет констатировать и то, что «греческое» священство, находившееся в пределах светских феодалов, упоминалось автором в числе иного податного деревенского населения¹¹¹, а его повинности (*servicium, debitum* и т. д.) по своей сути были идентичны «вилланским». Например, согласно содержанию фрагментов описей, зависимые крестьяне («*uratici*») вносили платежи за стась («*tenetur solvere pro reddito stasie*») [Longnon, Topping, 1969, p. 135], а также были обязаны господину акростихом и иными повинностями («*S[umm]a: uratici liiij qui habent boves XXV, asinos VI. S[umm]a: pecunia acrostici eorum: uyp. CV iiii st. IX I/I*») [Longnon, Topping, 1969, p. 109]¹¹².

Выводы

Таким образом, следует сделать вывод о том, что правовое положение сельского православного духовенства после 1204 года, с одной стороны, сохранило некоторые специфические византийские черты, а с другой – претерпело существенные изменения. Причиной этому были как действия католических иерархов, так и влияние феодалов. Основными особенностями статуса низшего ромейского клира, оставшегося во владениях пришедшей аристократии, являлись:

1. Возможность иметь семью и передавать свои земельные наделы по наследству.
2. Прямое подчинение юрисдикции Святого Престола и официально задекларированное Римом равенство прав с западными священниками.
3. Отсутствие возможности регулирования отношений со светской властью на основании какого-либо правового акта. Фактически если первые латинские правители официально считали западных служителей церкви (во главе с архиепископами) своими вассалами, то многочисленные клирики греческого происхождения были низведены до уровня «вилланов» исключительно по факту проживания на землях франкских рыцарей. Об этом свидетельствует характер возложенных на них платежей и повинностей (*servicium, debitum* выплаты «*pro stasie*» и т. д.).

Список литературы

1. Близнюк С.В. 2018. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». Москва, МГУ, 494.
2. Верещагин С.Г. 2018. Налоговая политика католической церкви в Средние века. Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 3: 48–61.
3. Вишневский А.А. 2006. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. Москва, Ин-т св. Фомы, 340.
4. Горянов Б.Т. 1951. Феодалные порядки в Морее. Военные обязанности светских феодалов и духовенства. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. Москва, АН СССР, 249.
5. Горянов Б.Т. 1958. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. Византийский временник. Т. XIV: 85–96.

¹⁰⁹ «Священник Иоанн за обрабатываемую стась (уплачивает) один иперпир и три с половиной стерлинга».

¹¹⁰ «Священник Иоанн Алексопул за половину аренды (уплачивает) два иперира...». О термине «*appactuatio*» см. [Longnon, Topping, 1969, p. 271].

¹¹¹ Например: «*In dicto casali Cremidi... Stasia Georgius Demitropoli; Stasia Papa Basilius... Stasia Vasili Calandri...*» («В упомянутой деревне Кремиди... стась Георгия Демитропула... стась священника Василия... стась Василия Халандри») [Longnon, Topping, 1969, p. 76].

¹¹² «Итог: 5 париков, что имеют 25 быков и 6 ослов. Сумма их акростиха: 105 иперпиров и 9,5 стерлингов». Об иных повинностях см. [Longnon, Topping, 1969, p. 47].

6. Карпов С.П. 2000. Латинская Романия. Санкт-Петербург, Алетейя, 256.
7. Литаврин Г.Г. 1974. Как жили византийцы. Москва, Наука, 190.
8. Лобова Л.Ю. 1997. Состояние византийской церкви конца XIII – начала XIV в. в восприятии патриарха Афанасия I. Античная древность и средние века. Вып. 28: 34–43.
9. Потехина И.П. 2013. Спории в налоговой системе средневекового папства. Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4: 109–113.
10. Потехина И.П. 2014. «Subsidia Caritativa»: от добровольного пожертвования к налогу. Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4: 70–75.
11. Успенский Ф.И. 1998. История Византийской империи: XI–XV вв. Восточный вопрос. Москва, Мысль, 830.
12. Canciani P. 1785. Liber Consuetudinum imperii Romaniae. Barbarorum leges antiquae: 495–534.
13. Carile A. 1974. La Rendita Feudale nella Morea Latina del XIV secolo. Bologna, 237.
14. Frazee C. 1978. The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453. Balkan studies. Vol. 19: 33–49.
15. Hamilton B. 1980. The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. London, Edition, 409.
16. Jacoby D. 1973. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade. The American Historical Review. V. 78. 4: 873–906.
17. Jacoby D. 1989. Social Evolution in Latin Greece. A History of the Crusades. Ed. by K.M. Setton. T. VI. Madison, 175–221.
18. Longnon J., Topping P. 1969. Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle. Paris, Ed., 326.
19. Migne J.-P. 1855. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. CCXV. Paris, 1868.
20. Migne J.-P. 1887. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. CXL. Paris, 1619.
21. Migne J.-P. 1891. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. CCXVI. Paris, 1311.
22. Schmitt J. 1904. The Chronicle of Morea. London, 640.
23. Setton K.M. 1976. The Papacy and the Levant, 1204–1571 Vol. 1. Philadelphia, 512.
24. Topping P. 1949. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: The Law Code of Frankish Greece. Philadelphia, 194.
25. Wolff R.L. 1954. Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261. Dumbarton Oaks Papers. Vol. 8: 225–303.

References

1. Bliznyuk S.V. 2018. Leontiy Makhera i ego khronika «Povest' o sladkoy zemle Kipr» [Leonty Mahera and his chronicle «The Tale of the Sweet Land of Cyprus»]. Moskva, MGU, 494 (in Russian).
2. Vereshchagin S.G. 2018. Nalogovaya politika katolicheskoy tserkvi v Srednie veka [Tax Policy of the Catholic Church in the Middle Ages]. In: Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik VGUES [Territory of new opportunities. VSUES Bulletin]. 3: 48–61 (in Russian).
3. Vishnevskiy A.A. 2006. Kanonicheskoe pravo. Drevnyaya Tserkov' i Zapadnaya traditsiya [Canon law. Ancient Church and Western Tradition]. Moskva, In-t sv. Fomy, 340 (in Russian).
4. Goryanov B.T. 1951. Feodal'nye poryadki v Moree. Voennye obyazannosti svetskikh feodalov i dukhovenstva. Sbornik dokumentov po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Vizantii [Feudal order in Morea. Military duties of secular feudal lords and clergy. Collection of documents on the socio-economic history of Byzantium]. Moskva, AN SSSR, 249 (in Russian).
5. Goryanov B.T. 1958. K voprosu ob obshchestvenno-politicheskom stroe Latinskoy imperii [On the question of the socio-political system of the Latin Empire]. Vizantiyskiy vremennik [Byzantine timeline]. T. XIV: 85–96 (in Russian).
6. Karpov S.P. 2000. Latinskaya Romaniya [Latin Romania]. Sankt-Peterburg, Aleteya, 256 (in Russian).
7. Litavrin G.G. 1974. Kak zhili vizantiytsy [How the Byzantines lived]. Moskva, Nauka, 190 (in Russian).
8. Lobova L.Yu. 1997. Sostoyanie vizantiyskoy tserkvi kontsa XIII – nachala XIV v. v vospriyatii patriarkha Afanasiya I [The state of the Byzantine church at the end of the XIII – beginning

of the XIV century. in the perception of Patriarch Athanasius I]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Вып. 28: 34–43 (in Russian).

9. Potekhina I.P. 2013. *Spolii v nalogovoy sisteme srednevekovogo papstva* [Spoli in the tax system of the medieval papacy]. *Vestnik SPbGU* [Saint Petersburg State University Bulletin]. Ser. 2. Вып. 4: 109–113 (in Russian).

10. Potekhina I.P. 2014. «Subsidia Caritativa»: ot dobrovol'nogo pozhertvovaniya k nalogu [Subsidia Caritativa: from voluntary donation to tax]. *Vestnik SPbGU* [Saint Petersburg State University Bulletin]. Ser. 2. Вып. 4: 70–75 (in Russian).

11. Uspenskiy F.I. 1998. *Istoriya Vizantiyskoy imperii: XI–XV vv. Vostochnyy vopros* [History of the Byzantine Empire: XI–XV centuries. Eastern question]. Moskva, Mysl', 830 (in Russian).

12. Canciani P. 1785. *Liber Consuetudinum imperii Romaniae. Barbarorum leges antiquae*: 495–534.

13. Carile A. 1974. *La Rendita Feudale nella Morea Latina del XIV secolo*. Bologna, 237.

14. Frazee C. 1978. *The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453*. *Balkan studies*. Vol. 19: 33–49.

15. Hamilton B. 1980. *The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church*. London, Edition, 409.

16. Jacoby D. 1973. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade*. *The American Historical Review*. V. 78. 4: 873–906.

17. Jacoby D. 1989. *Social Evolution in Latin Greece. A History of the Crusades*. Ed. by K.M. Setton. T. VI. Madison: 175–221.

18. Longnon J., Topping P. 1969. *Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle*. Paris, 326.

19. Migne J.-P. 1855. *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. T. CCXV. Paris, 1868.

20. Migne J.-P. 1887. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. T. CXL. Paris, 1619.

21. Migne J.-P. 1891. *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. T. CCXVI. Paris, 1311.

22. Schmitt J. 1904. *The Chronicle of Morea*. London, 640.

23. Setton K.M. 1976. *The Papacy and the Levant, 1204–1571* Vol. 1. Philadelphia, 512.

24. Topping P. 1949. *Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: The Law Code of Frankish Greece*. Philadelphia, 194.

25. Wolff R.L. 1954. *Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204–1261*. *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 8: 225–303.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролов Денис Леонидович, аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis L. Frolov, postgraduate student of the Department of General History of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia

УДК 94(3):94(47):355.4
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-820-826

Забытый герой. Жизнь и научное наследие Саркиса Вараковича Саркисяна (1899–1981 гг.)

*О монографии С.В. Саркисяна, или Non Numeranda, Sed Ponderanda Argumenta
(«Доказательства хороши качеством, а не количеством»)*

Арутюнян А.Ж.¹, Казаров С.С.²

1) Ереванский государственный университет,
Армения, 0025, Ереван, ул. Х. Абовяна, 52;
e-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Южный Федеральный университет;
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105
e-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Аннотация. Необычный жизненный путь прошел видный историк и военно-политический деятель Саркис Варакович Саркисян. Он был участником двух мировых войн, а после Великой Отечественной войны преподавал в Ереванском медицинском институте, передавая свой богатый опыт молодым, особенно военным врачам. Параллельно занимался изучением военной истории древней и раннесредневековой Армении (со второй половины III тыс. до н. э. вплоть до первых арабских нашествий на Армению (начало VII в.). В армянской исторической науке это была первая успешная попытка создания обобщенной работы по истории военного искусства Армении.

Ключевые слова: Саркис Варакович Саркисян, Армения (древняя, раннесредневековая), военное искусство, войско, расстановка сил, атака, отступление.

Для цитирования: Арутюнян А.Ж., Казаров С.С. 2021. Забытый герой. Жизнь и научное наследие Саркиса Вараковича Саркисяна (1899–1981 гг.). Via in tempore. История Политология. 48 (4): 820–826. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-820-826.

Forgotten hero. Life and scientific heritage of Sarkis Varakovich Sarkisyan (1899–1981)

Hakob Zh. Harutyunyan, Sarkis S. Kazarov

Yerevan State University,

52 Kh. Abovyan St., Yerevan 0025, Armenia

E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am;

Southern Federal University,

105 Bolschaya Sadovaya, Rostov-on-Don 344006, Russia

E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Abstract. Sargsyan Sargis Varakovich (Varagovich) (5.09.1899 – 26.10.1981) – Armenian military-political leader, retired colonel. Unusual life path was Sargis Varakovich. He was a participant in two world wars, after the Second World War he taught at the Yerevan Medical Institute, passing on his rich experience to young, especially to military doctors. In parallel he studied the military history of ancient and early medieval Armenia (from the second half of the III Millennium BC until the first Arab invasions of Armenia (beginning of the VII century). S.V. Sargsyan was the first in Armenian historiography to study ancient and early medieval Armenian military affairs. The result of these studies was the publication in 1969 of the monograph «From the History of Armenian Military Art». In Armenian historiography this was the first attempt to create a generalized work on the history of military art in Armenia. During the last decade,

Armenian historiography has made a big step in the study of ancient Armenian military art. However, all research in this area is of a historical and archaeological character, and so far the work of S.V. Sargsyan remains the only purely military-theoretical work in Armenian historiography.

Key words: Sarkis Varakovich Sarkisyan, Armenia (ancient, early medieval), military art, army, balance of power, attack, retreat.

For citation: Harutyunyan Hakob Zh., Kazarov S.S. 2021. Forgotten hero. Life and scientific heritage of Sarkis Varakovich Sarkisyan (1899–1981). *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 820–826 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-820-826.

Введение

Саркисян Саркис Варакович (Варагович) (5.09.1899 – 26.10.1981) – армянский военно-политический деятель, полковник в отставке. Будучи 15-летним мальчиком, участвовал в военных действиях Первой мировой войны. Участвовал в Сардарapatском и Баш Апанском сражениях против турецких захватчиков в 1918 г. Принимал участие в военных действиях Второй мировой войны.

С.В. Саркисян первым в армянской историографии стал изучать древнее и ранне-средневековое армянское военное дело. Итогом этих исследований стало издание в 1969 г. монографии «Из истории армянского военного искусства».

Результаты и их обсуждение

Монография С.В. Саркисяна посвящена изучению истории армянского военного искусства с незапамятных времен почти до середины VII в. н. э. Данный труд можно разделить на несколько частей: формирование военного искусства в Армении с древнейших времен до династии Оронтидов (до I пол. VII в. до н. э.); военное искусство эпохи царей династии Оронтидов (I пол. VII в. до н. э. – 201 г. до н. э.), военное искусство эпохи царей династии Арташесидов (189 г. до н. э. – 1 г. н. э.); военное искусство эпохи царей Аршакидов (52/66 – 428 гг.); военное искусство в постгосударственную эпоху: военное искусство Армении эпохи раннего феодализма; военное искусство в годы первых арабских нашествий в Армению (почти до середины VII в.).

Исходной точкой изучения поставленных проблем является беглый обзор Армянского нагорья для определения естественных препятствий, которые во все времена мешали врагам Армении во время нашествий¹¹³. В монографии представлена организация армии в Армении, после чего автор переходит к изучению вопросов вооружения и экипировки войск: дано краткое описание вооружения солдат со времен использования стрел до распространения боевых машин. Здесь есть упоминание и о военной машине онагр (onagres). Это подсказывает, что в Армении, как и в других странах, до распространения конницы в армии использовали осла (equus hemionus onager)¹¹⁴.

Изложение начинается с первого сражения в истории армянского народа, о котором упоминает Мовсес Хоренаци (V в.), между праотцом армян Айком и тираном Вавилонии Белом. Далее автор переходит к описанию войск Оронтидской Армении при царе Ерванде I (580–560 гг. до н. э.). О этих событиях свидетельствует и Ксенофонт. Военное дело в Армянском царстве стало успешно развиваться под натиском агрессии соседних держав. Армения тогда имела сорокатысячную пехоту и восьмидесятысячную конницу (Хен. Суг., II, I, 6; Strabo. XI, 14, 15)¹¹⁵.

¹¹³ [Саркисян, 1969, с. 10–11]. Одним из лучших описаний Армянского нагорья считается работа Х.Ф.Б. Линча [Линч, 1910].

¹¹⁴ [Нефедкин, 2003, с. 212–216]. Данному вопросу посвящена работа средневекового неизвестного армянского автора XIII в. [Лечебник лошадей и вообще вьючных животных, 1980].

¹¹⁵ См. также: [Арутюнян, 2012b, с. 150–174].

После распада Ахеменидов весь Ближний Восток вступил в эпоху эллинизма. Однако Армения при Оронтидах отстранила себя от процесса эллинизации, что стало причиной отставания Армянского царства от соседних государств. В новую эру своего развития Армения вступила после прихода к власти династии Арташесидов, основателем которой стал Арташес I (189–160 гг. до н. э.).

После издания монографии С.В. Саркисяна в аспекте изучения эллинистических армий написано много работ, особенно о катойкизации. Впервые об этом в армянской историографии поверхностно сообщил акад. Г.Х. Саркисян, хотя косвенные намеки есть и у С.В. Саркисяна¹¹⁶. Основываясь на скудных сведениях об Арташесе как военачальнике, С.В. Саркисян заключает, что он мог предугадать тактику противника на основе расстановки войск перед сражениями.

С.В. Саркисян особое внимание уделяет изучению вопроса военной тактики Тиграна II Великого. *При изучении сражения у р. Арацани 68 г. до н. э. исследователь опирается на сведения историка Диона Кассия, который выясняет причины поражения Лукулла, а далее – причины бегства римлян из Армении (Dio. XXXVI, III, 3; Sallust. IV, 69)*¹¹⁷. Исследователем составлены схематические карты сражений и представлена расстановка войск перед началом Тигранакертского сражения. Далее достаточно подробно проанализированы походы Помпея, Красса и Антония в Армению¹¹⁸.

В последующих трех главах книги (гл. VI–VIII) автор исследует военное искусство царей династии армянских Аршакидов (52/66 – 428 гг., на арм. Аршакуни). Особое внимание уделено сражению возле Каstellлум Воландум (Tacit. Ann. XIII, 41.)¹¹⁹, при этом оговорено участие мардов в военных действиях¹²⁰.

Автор показал, как могут вести согласованные действия две разные армии: начать действия одновременно и как минимум в двух направлениях; обойти противника с флангов в неожиданных для него местах и взять его «в щипцы»; сделать все, чтобы расколоть силы противника и уничтожить его по частям; вести партизанскую войну не в одном направлении, как прежде, а сразу в нескольких¹²¹. Выводы сделаны на основании работ Тацита (Tacit. Ann. XIII, 35, 39, 41, XIV, 26, XV, 3, 6, XV, 6 и слл.)¹²².

Ситуация коренным образом изменилась после прихода к власти в Римской империи второго императора новооснованной династии Антонинов (96–192 гг.) Траяна. Военные действия между тремя государствами (Римом, Парфией и Арменией) возобновились, когда в империи стал править Марк Аврелий. Поводом для новой войны против Армении и Парфии послужило назначение парфянами Пакора царем Аршакидской Армении. Генеральное сражение между воюющими сторонами произошло при Элегии¹²³. Это сражение первым среди исследователей С.В. Саркисян рассматривает подробно не только в дислокационном ракурсе, но и с военно-стратегической точки зрения. Автор находит, что успех

¹¹⁶ См. [ИАН, 1971, с. 534, 595, 674, 687; Саркисян, 1969, с. 58]. Схему Ервандашатского сражения, составленную С.В. Саркисяном, см. <http://armenianhouse.org/sargsyan/razmarvest/9.html> (на арм. яз.); также [Кашеев, 1993].

¹¹⁷ С.В. Саркисян один из первых обратил особое внимание на сведения Саллюстия, которые весьма объективны [Саркисян, 1969, с. 95, 97–98; Арутюнян, 2014а, с. 81–86]. Карту расположения сил при сражении у р. Арацани, составленную С.В. Саркисяном, см.: <http://armenianhouse.org/sargsyan/razmarvest/9.html>.

¹¹⁸ Карту военных действий между Тиграном и Лукуллом 67 г. до н. э., составленную С.В. Саркисяном, см.: <http://armenianhouse.org/sargsyan/razmarvest/9.html>. [Разин, 1999, с. 402 и слл.].

¹¹⁹ См. [Саркисян, 1969, с. 123–124]. Нами выяснено, что Каstellлум Воландум – это оз. Гайлату, которое в настоящее время находится в Турции. См. [Арутюнян, 2010, с. 154–159; Poirot, 2003, с. 89–91].

¹²⁰ Более подробно см. [Арутюнян, 2014b, с. 74–81; Арутюнян, 2012b, с. 47–54].

¹²¹ См. [Саркисян, 1969, с. 136–137].

¹²² См. также [Саркисян, 1969, с. 136–137; ИАН, 1971, с. 734, 768–776 и слл.; Фаррох, 2009, с. 161–164].

¹²³ См.: <http://armenianhouse.org/sargsyan/razmarvest/7.html>; также [ИАН, 1971, с. 782 и слл. (авт. Еремян С.Т.); Манандян, 1978].

союзников против римлян был обусловлен не только правильным выбором местности, но и искусством распределения войск¹²⁴.

С.В. Саркисян одним из первых проанализировал армянский первоисточник «Зоранамак» (Войсковое письмо, Войсковая бумага; на англ. Register list; первоисточник был обнаружен Н.Г. Адонцем). Однако он рассмотрел этот документ с точки зрения военного. Исследователь находит, что в конце IV в. армянское нахарарское войско состояло из 86 тысяч (из них 49–50 тысяч служили в коннице), а в армии Аршакидов служило 36 тысяч человек. Автор точно определяет численность войск четырех питиахов¹²⁵.

В заключительной 10-й главе С.В. Саркисян рассматривает армянское военное искусство в VI – нач. VII вв. Особое внимание автор уделяет военному искусству Вардана Мамиконяна Младшего (Вардан Красный), который руководил народно-освободительным движением против персов в Восточной Армении в 571–572 гг. Его полководческое искусство блестяще было проявлено как в сражении 571 г. под Двином, так и на поле Хагамаха. Несмотря на то, что персы имели двадцатитысячное войско и хорошо обученных боевых слонов, Вардан искусно использовал местность для окончательной победы. Он обошел противника с двух сторон, чем привлек его внимание и тем самым заставил вражеские арьергардные резервные силы вступить в бой раньше времени. Так он смог окружить неприятеля и разбить его. С.В. Саркисян заключает: «Своей тактикой ведения боя Вардан Младший превзошел своих предшественников» (Procop. Bell.)¹²⁶.

В заключении автор останавливается на изучении военного искусства Ваана Мамиконяна или Гайла (волк) Ваана. Своим прозвищем полководец обязан тому, что, подобно волку, организовывал внезапные нападения на врага.

Все упомянутые военные события были хорошо изучены многими специалистами-историками. С.В. Саркисян эти же вопросы рассматривает совершенно в другом ракурсе. Как военный, прошедший три войны, он смотрит на происходящие события через призму мировоззрения военного специалиста, что существенно отличает его исследование от других. Никто до него и после него не рассматривал эти вопросы в вышеупомянутом ракурсе.

Почему мы назвали нашу рецензию «Доказательства хороши качеством, а не количеством»? Кроме сражений, о которых пишет и анализирует С.В. Саркисян, в истории армянского народа происходило еще много боев, больших и малых. Однако автор, анализируя важнейшие из них, развивает мысль о прогрессе военного искусства в Армении с незапамятных времен вплоть до арабских нашествий. Прочитав эту книгу, можно сделать вывод, что автор хорошо понимал военное искусство, тактику ведения боя. Между строк древних историков он смог прочитать нечто новое, иное, чего не смогли сделать историки, филологи, лингвисты и другие специалисты гуманитарного профиля.

Выводы

Смело можно заявить, что эта книга по качеству содержания превосходит работы Ханса (Ганс) Готтлиба Леопольда Дельбрюка (Hans Gottlieb Leopold Delbrück – 1848–1929 гг.) и Ф. Меринга (1846–1919 гг.) и находится на том же уровне, что и работа Е.А. Разина (1898–1964 гг.)¹²⁷.

¹²⁴ [Саркисян, 1969, с. 144–145]. Также [Манандян, 1978, с. 45–50; Фаррох, 2009, с. 179–181]. Е.А. Разин достаточно подробно изучает тактику ведения войны как у римлян, так и парфян. См.: [Разин, 1999, с. 406–445 (тактика римлян), 236 и слл., 397 и слл. (тактика парфян); Poirot, 2003, с. 154 и слл.].

¹²⁵ См. [Адонц, 1971, с. 251–252; Саркисян, 1969, с. 176].

¹²⁶ [Саркисян, 1969, с. 214; ИАН, 1984, с. 257–263; Дашков, 2008, с. 148 и слл.; Фаррох, 2009, с. 266–267; Дьяконов, 1961, с. 314–315].

¹²⁷ [Меринг, 1941]. Недавно вышла новая работа Дж. Вэрри. См. [Вэрри, 2004]. См. также [Нефедкин, 2003, с. 134–148].

В течение последнего десятилетия армянская историография сделала большой шаг в вопросе изучения древнеармянского военного искусства¹²⁸. Однако все исследования в этой области носят историко-археологический характер, и пока труд С.В. Саркисяна остается единственной сугубо военно-теоретической работой в армянской историографии.

Список литературы

1. Адонц Н.Г. 1971. Армения в эпоху Юстиниана. Изд. второе. Ереван, ЕГУ, 526.
2. Айвазян А.М. 2007. Краеугольные камни армянской идентичности. Армия, язык, государство. Ереван, Лусакн, 228 (на арм. яз.).
3. Айвазян А.М. 2000. Кодекс чести армянского воинства IV–V вв. Ереван, Артагерс, 302 (на арм. яз.).
4. Акопян А. 2013а. Армянская армия и боевые искусства в эпоху Ервандуни. Ереван, Принтинфо, 412 (серия «Армянские войны и боевые искусства») (на арм. яз.).
5. Акопян А. 2013б. Армянские войны и боевые искусства времен правления Тиграна Великого. Ереван, Принтинфо, 362 (серия «Армянские войны и боевые искусства») (на арм. яз.).
6. Арутюнян А.Ж. 2010. О местонахождении «Castellum Volandum» согласно Корнелию Тациту (историко-лингвистическое и географическое исследование). Вестник СПбУ. Серия 2. История. 2. июнь. 154–159.
7. Арутюнян А.Ж. 2012а. Царство Оронтидов согласно «Описанию земли» Гекатея Милетского. Иран-Наме: научный востоковедческий журнал. 3. Алматы: 150–174.
8. Арутюнян А.Ж. 2012б. Возникновение института губерний на территории древнеармянского государства (согласно античным историкам). МАИАСП. 4: 47–54.
9. Арутюнян А.Ж. 2014а. К разгадке тайны имени Лукулла-Вайкуна. Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. Ижевск: 81–86.
10. Арутюнян А.Ж. 2014б. Марды в военно-политической истории Аршакидской Армении. Военно-исторический журнал Parabellum. СПб., 2 (35). 74–81.
11. Арутюнян Б. 2013. Вооружение Аршакидского царства Великой Армении и боевые искусства. Ереван, Принтинфо, 365 (серия «Армянские войны и боевые искусства») (на арм. яз.).
12. Вэрри Дж. 2003. Войны античности от греко-персидских войн до падения Рима. М., Эксмо, 232.
13. Геворгян А.М. 2009–2011. Войско Тиграна Великого (95–55 гг. до н. э.). Т. I. Ереван, 2009. Т. II. Ереван, 2010. Т. III. Ереван, Айастан, 2011 (на арм. яз.).
14. Дашков С.Б. 2008. Цари царей Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., СМИ-АЗИЯ, 352.
15. Демоян А. 2009а. Вооружение бронзового века и боевые искусства Армянского нагорья. Ереван, Принтинфо, 288 (серия «Армянские войны и боевые искусства») (на арм. яз.).
16. Демоян А. 2009б. Войны и боевые искусства Ванского царства. Ереван, Принтинфо, 312 (серия «Армянские войны и боевые искусства») (на арм. яз.).
17. Дьяконов М.М. 1961. Очерк истории древнего Ирана. М., Изд. Восточной лит., 444.
18. История армянского народа. 1971. Т. I. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя. Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, АН Арм. ССР, 756 (на арм. яз.).
19. История армянского народа. 1984. Армения в период раннего феодализма. Т. II. Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, АН Арм. ССР, 885 (на арм. яз.).
20. Кашеев В.И. 1993. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 380.
21. Лечебник лошадей и вообще вьючных животных (XIII в.). 1980. од ред. Б.Л. Чугасяна. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 126 (на среднеарм. яз.).
22. Линч Х.Ф.Б. 1910. Армения: Путевые очерки и этюды. Т. I. Русские провинции. Т. II. Турецкие провинции. Тифлис, Изд Торгового дома «И.Е. Питоев и К».
23. Манандян Я.А. 1978. Труды. Т. II. Ереван, АН Арм. ССР, 622 (на арм. яз.).

¹²⁸ [Демоян, 2009а; Демоян, 2009б; Акопян, 2013а; Акопян, 2013б; Арутюнян, 2013; Геворгян, 2009–2011; Айвазян, 2007; Айвазян, 2000].

24. Меринг Ф. 1941. Очерки по истории войн и военного искусства. Предисл. Е. Разина. 4-е изд. М., Воениздат, 337.
25. Нефедкин А.К. 2003. Изучение античного военного искусства в России: историографический обзор. *Studia historica*. III: 134–148.
26. Разин Е.А. 1999. История военного искусства. В 3-х т. Т. 1. История военного искусства XXXI в. до н. э. – VI в. н. э. СПб., Полигон, 560.
27. Саркисян С.В. 1969. Из истории армянского военного искусства. Ереван, Луйс, 420 (на арм. яз.).
28. Фаррох К. 2009. Персы. Армия великих царей. М., Эксмо.
29. Poirot P.P. 2003. Perceptions of Classical Armenia: Romano-Parthian Relations, 70 B. C. – A. D. 220. Lafayette, Louisiana, 89.

References

1. Adonts N.G. 1971. *Armeniya v epokhu Yustinian* [Armenia in the era of Justinian]. Erevan. Izd. «EGU», 526. Izd. vtoroe (in Russian).
2. Ayvazyan A.M. 2000. *Kodeks chesti armyanskogo voinstva IV–V vv.* [Code of honor of the armenian army IV–V centuries]. Erevan, Artagers, 302 (in Arm.).
3. Ayvazyan A.M. 2007. *Kraeugol'nye kamni armyanskoy identichnosti. Armiya, yazyk, gosudarstvo* [The cornerstones of armenian identity. Army, language, state]. Erevan, Lusakn, 228 (in Arm.).
4. Dashkov S.B. 2008. *Tsari tsarey Sasanidy. Iran III–VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennikh issledovaniyakh* [Kings of Kings of Sassanids. Iran III–VII centuries in legends, historical chronicles and modern research]. M., SMI-AZIYA, 352 (in Russian).
5. Demoyan H. 2009a. *Vooruzhenie bronzovogo veka i boevye iskusstva Armyanskogo nagor'ya* [Bronze age weapons and martial arts of the Armenian highlands]. Erevan, Printinfo, 288 (series «Armenian Wars and Martial Arts») (in Arm.).
6. Demoyan H. 2009b. *Voyny i boevye iskusstva Vanskogo korolevstva* [Wars and martial arts of the kingdom of Van]. Erevan, Printinfo, 312 (series «Armenian Wars and Martial Arts») (in Arm.).
7. D'yakonov M.M. 1961. *Ocherk istorii drevnego Irana* [An outline of the history of ancient Iran]. M., Izd. «Vost. lit.», 444 (in Russian).
8. Farrokh K. 2009. *Persy. Armiya velikikh tsarey* [Persians: The Army of the Great Kings]. M., Izd. «Eksmo» (in Russian).
9. Gevorgyan A.M. 2009–2011. *Voysko Tigrana Velikogo (95–55 gg. do n. e.)* [The army of Tigran the Great (95–55 B. C.)]. Т. I. Erevan, 2009. Т. II. Erevan, 2010, Т. III. Erevan, Hayastan, 2011 (in Arm.).
10. Hakopyan H. 2013a. *Armyanskaya armiya i boevye iskusstva v epokhu Ervanduni* [Armenian army and martial arts in the Yervanduni era]. Erevan, Printinfo, 412 (series «Armenian Wars and Martial Arts») (in Arm.).
11. Hakopyan H. 2013b. *Armyanskie voyny i boevye iskusstva vremyon pravleniya Tigrana Velikogo* [Armenian wars and martial arts during the reign of Tigran the Great]. Erevan, Printinfo, 362 (series «Armenian Wars and Martial Arts») (in Arm.).
12. Harutyunyan A.Zh. 2010. *O mestonahozhdenii «Castellum Volandum» soglasno Korneliju Tacitu (istoriko-lingvisticheskoe i geograficheskoe issledovanie)* [On the location of «Castellum Volandum» according to Cornelius Tacitus (historical-linguistic and geographical research)]. In: *Vestnik SPbU. Seriya 2. Istoriya. 2. iyun'* [SPbU Bulletin. Series 2. History. 2. June]. Вестник СПбУ. Серия 2. История. 2. Июнь. 154–159 (in Russian).
13. Harutyunyan A.Zh. 2012a. *Carstvo Orontidov soglasno «Opisaniju zemli» Gekateja Miletskogo* [Kingdom of Orontids according to the «Description of the Land» by Hecateus of Miletus]. In: *Iran-Name: nauchnyy vostokovedcheskiy zhurnal* [Iran-Nam: scientific oriental studies journal]. Almaty. 3: 150–174 (in Russian).
14. Harutyunyan A.Zh. 2012b. *Vozniknovenie instituta gubernij na territorii drevnearmjanskogo gosudarstva (soglasno antichnym istorikam)* [The emergence of the institution of provinces on the territory of the ancient Armenian state (according to ancient historians)]. In: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. IV. 47–54 (in Russian).

15. Harutyunyan A.Zh. 2014a. K razgadke tajny imeni Lukulla-Vajkuna [To unraveling the mystery of the name Lucullus-Vaikin]. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5. Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series 5. History and Philology]. Izhevsk (in Russian).
16. Harutyunyan A.Zh. 2014b. Mardy v voenno-politicheskoj istorii Arshakidskoj Armenii [Mardas in the military-political history of Arshakid Armenia]. In: Voyenno-istoricheskiy zhurnal Parabellum [Military history magazine Parabellum]. SPb. 2 (35): 74–81 (in Russian).
17. Harutyunyan B. 2013. Vooruzhenie Arshakidskogo korolevstva Velikoy Armenii i boevye iskusstva [Armament of the Arshakid kingdom of Great Armenia and martial arts]. Erevan, Printinfo, 365 (series «Armenian Wars and Martial Arts») (in Arm.).
18. Istoriya armyanskogo naroda. 1971. T. I. Armeniya v epokhu pervobytnoobshchinnogo i rabovladel'cheskogo stroya [Armenia in the era of the primitive communal and slave system]. Pod red. S.T. Eremyana Erevan, AN Arm. SSR, 756 (in Arm.).
19. Istoriya armyanskogo naroda. 1984. T. II. Armeniya v period rannego feodalizma [Armenia during the period of early feudalism]. Pod red. S.T. Eremyana. Erevan, AN Arm. SSR, 885 (in Arm.).
20. Kashcheev V.I. 1993. Ellinisticheskiy mir i Rim. Voyna, mir i diplomatiya v 220–146 gg. do n. e. [The Hellenistic World and Rome. War, Peace and Diplomacy in 220–146 B. C.]. M., Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, 380 (in Russian).
21. Lechebnik loshadey i voobshche v'yuchnykh zhitovnykh (XIII v.). 1980 [Healer for horses and beasts of burden in general (XIII century)]. Pod red. B.L. Chugaszyana. Erevan, AN Arm. SSR, 126 (in Middle Arm.).
22. Linch Kh.F.B. 1910. Armeniya: Putevyye ocherki i etyudy [Armenia: Travel Sketches and Etudes]. T. I. Russkiye provintsii [Russian provinces]. T. II. Turetskiye provintsii [Turkish provinces]. Tiflis, Izd. Torgovogo doma «I.E. Pitoev i K» (in Russian).
23. Manandyan Ya.A. 1978. Trudy [Works]. T. II. Erevan, AN Arm. SSR, 622 (in Arm.).
24. Mering F. 1941. Ocherki po istorii voyn i voyennogo iskusstva [Essays on the history of wars and military art]. Predisl. E. Razina. 4-eizd. M., Voenizdat, 337 (in Russian).
25. Nefyodkin A.K. 2003. Izuchenie antichnogo voennogo iskusstva v Rossii: istoriograficheskij obzor [The Study of Ancient Military Art in Russia: A Historiographic Review]. In: Studia historica. III: 134–148 (in Russian).
26. Razin E.A. 1999. Istoriya voyennogo iskusstva [History of military art]. V 3-kh. t. T. 1 [History of military art of the XXXI century. B. C. – VI century A. D.]. SPb., Poligon, 560 (in Russian).
27. Sarkicyan S.V. 1969. Iz istorii armyanskogo voyennogo iskusstva [From the history of Armenian military art]. Erevan, Luys, 420 (in Arm.).
28. Verri J. 2003. Voyny antichnosti ot greko-persidskikh voyn do padeniya Rima [The wars of antiquity from the Greco-Persian wars to the fall of Rome]. M., Eksmo, 232.
29. Poirot P.P. 2003. Perceptions of Classical Armenia: Romano-Parthian Relations, 70 B. C. – A. D. 220. Lafayette, Louisiana, 89.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнян Акоп Жораевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета, г. Ереван, Армения

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hakob Zh. Harutyunyan, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Sarkis S. Kazarov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838

Русские «послы» X в.: скандинавы или франки?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь,

119313, Москва, Россия

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Имена представителей древнерусской элиты, указанные в договорах с Византией X в., в подавляющем большинстве этимологизируются исследователями как скандинавские, что, в свою очередь, является серьезным аргументом в пользу норманнской теории происхождения Руси. Такие этимологические приоритеты противоречат убедительному антропонимическому материалу иного этнического происхождения. Представленные в договорах списки личных имен носят, с одной стороны, более интернациональный характер, что отвечало ситуации интенсивных межэтнических контактов в балтийском регионе в указанное время. С другой стороны, за скандинавские имена зачастую принимаются либо общегерманские, либо старонемецкие антропонимы, а также, возможно, соционимы. Появление в договорах ряда имен предположительно латинского происхождения, а также исторические данные, сближающие Древнюю Русь с «варварскими» королевствами Западной Европы и Каролингской империей, свидетельствуют о том, что этнокультурные истоки самой Руси находились скорее вне Скандинавии.

Ключевые слова: Древняя Русь, норманнская теория, антропонимия, империя Карла Великого, франки, Византия.

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2021. Русские «послы» X в.: скандинавы или франки? Via in tempore. История Политология. 48 (4): 827-838. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838.

Russian «ambassadors» of the 10th century: Scandinavians or Franks?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow, 119313, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The names of the representatives of the Old Russian elite, presented in the treaties with Byzantium of the 10th century, are overwhelmingly etymologized by researchers as Scandinavian, which in turn is a serious argument in favor of the Norman theory of the origin of Russia. Such etymological priorities contradict convincing anthroponymic material of a different ethnic origin. The lists of personal names presented in the treaties are, on the one hand, more international in nature, which corresponded to the situation of intensive interethnic contacts in the Baltic region at that time. On the other hand, Scandinavian names are often taken as either common German or Old German anthroponyms, or possibly socionyms. The appearance in the treaties of a number of names presumably of Latin origin, as well as historical data bringing Ancient Rus closer to the «barbarian» kingdoms of Western Europe and the Carolingian Empire, indicate that the ethnocultural origins of Rus itself were rather outside Scandinavia.

Key words: Ancient Russia, Norman theory, anthroponymy, Charlemagne's empire, Franks, Byzantium.

For citation: Vinogradov A.E. 2021. Russian «ambassadors» of the 10th century: Scandinavians or Franks? *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 827–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838.

Введение

Древнерусская антропонимия IX–XI вв. давно является предметом серьезных историко-лингвистических споров, связанных с той или иной точкой зрения на происхождение Руси. Особенно значительное внимание этой теме уделяют сторонники норманнской версии: якобы скандинавское происхождение большинства имен фигурантов летописной истории IX–X вв. для многих исследователей является аксиомой. Так, норманнский характер антропонимов первых князей, по Е.В. Пчелову, «однозначно подтверждается иностранными источниками», а «имя Рюрик, как известно (курсив мой – А.В.), представляет собой скандинавское *Нгоегекр*» [Пчелов, 2020, с. 308]. Через скандинавскую призму ряд исследователей начиная с XIX в. рассматривает даже, казалось бы, давно и хорошо знакомые в римской, ближневосточной, а затем и общехристианской истории антропонимы как *Африкан* и *Шимон*, пытаясь представить соответствующие имена в контексте варягов как искаженные древнерусскими летописцами норманнские *Alfrikr* (*Alfrekr*) и *Sigmundr* [Михеев, 2008, с. 31–32].

Наиболее часто объектом этих историко-антропонимических изысканий становятся имена «русских» фигурантов русско-византийских договоров, прежде всего наиболее репрезентативных в этом смысле – 911 и 944 гг., т. е. имен князей, бояр, «от рода Русаго съли и гостье», купцов (купец), а также имена тех лиц, интересы которых они представляют.

В. Томсен объяснил подавляющее большинство этих имен из древнескандинавского или старосведского языков [Thomsen, 1879, s. 74–77]. Е.А. Мельникова, развивая идеи датского филолога, пришла к выводу, что среди 15 «русских» антропонимов, упомянутых в 911 г., 13 являются скандинавскими, из 49 проанализированных имен договора 944 г. соответствующее происхождение предположительно имеют 29 [Melnikova, 2004, p. 15–17]. П.С. Стефанович полностью согласен с первой оценкой, что касается следующего по времени списка, то, по его мнению, из того же проанализированного числа такие антропонимы носили в общей сложности от 34 до 38 человек [Стефанович, 2013, с. 30]. В свою очередь, С.Л. Николаев приписывает норманнское происхождение всем именам, упомянутым в указанных договорах, кроме *Сватославъ*, *Предслава*, *Володиславъ*, *Боричъ*, а также еще пяти антропонимов, которые, на его взгляд, не имеют надежной, в том числе скандинавской этимологии [Николаев, 2017, с. 26]. А.В. Циммерлинг считает, что в договоре 911 г. все послы Руси «имеют скандинавские имена», а из 75 антропонимов, упомянутых в договоре 944 г., 67 «этимологизируются на скандинавском материале» [Циммерлинг, 2012, с. 2].

Идея о преимущественно или даже подавляюще скандинавском характере имен договоров продолжает постулироваться и в западно-, и центральноевропейской научной литературе [Panzer, 2002, p. 1041] [Duczko, 2010, s. 291–298].

Объекты и методы исследования

Вместе с тем торжество версии В. Томсена неочевидно даже для его последователей. Так, С.Л. Николаев вынужден был констатировать, что имена «русских» фигурантов договоров являются нетипичными для известного древнескандинавского антропонимикона. И наречие, на котором говорили эти фигуранты, или «русско-варяжский диалект» было особенным. Этот диалект, по предположению исследователя, «мог длительное время

развиваться где-то на полпути из Скандинавии в Восточную Европу», т.к. различные признаки указывают на его «раннее отделение» (около VI-VII вв.) и «длительную изоляцию от остальных северогерманских языков» [Николаев, 2017, с. 27].

Некоторый антропонимический материал договоров даже сторонниками норманнской версии признается вообще нескандинавским: помимо славянских им является небольшое число антропонимов предположительно финского либо неизвестного происхождения [Melnikova, 2004, p. 17]. Часть исследователей склонна существенно увеличить долю нескандинавских имен в указанном контексте, отмечая, что огромный и прекрасно изученный скандинавский антропонимикон дает большое число приблизительных совпадений преимущественно за счет большой базы. На самом деле менее исследованные именованные слова также дают пищу для размышлений. Н.И. Костомаров искал в списках 911 и 944 гг. балтийские аналогии [Костомаров, 1860, с. 15–17]. В свою очередь, А.Г. Кузьмин пытался найти там не только балтийские, славянские и западнофинские, но и вероятные кельтские, фракийские, венец-иллирийские, иранские имена [Кузьмин, 2003, с. 319–329].

На наш взгляд, интернационализм древнерусского антропонимикона сам по себе не противоречит картине «этно-культурной диффузии» на раннесредневековой Балтике [Кулаков, 2003, с. 132], рисуемой археологами. Вместе с тем, по нашему мнению, предположения о значительной этнической пестроте указанной группы имен должны иметь концептуальное оформление, иначе говоря, указания, на чем основывался союз столь разнородных и столь удаленных по своему ареалу этнических групп. При этом, например, ссылки на финский характер некоторых антропонимов, восходящие, как правило, к версии карельского этнографа В. Крохина [Крохин, 1930], выглядят малоубедительно, а возможность совмещения в одном списке кельтского, фракийского, венец-иллирийского и иранского именованных слов требует серьезных дополнительных пояснений.

При этом, безусловно, ряд имен из договоров имеет если не 100 % балтийское прочтение, то во всяком случае балтийские (др.-прусс. или литовские) аналогии: *Слуды* (Sloyde), *Тилень* (Tylenis), *Акунь*, *Якунь* (Jackunes), *Стегги* (Steige), *Етон-овъ* (Eytune), *Каршевь* (Karsow), Улѣбъ (др.-прусс. Auleps, этимология последнего не ясна). К балтийскому материалу могут относиться и имена или прозвища этногеографического происхождения *Ятвягъ* (*Явтягъ*), *Либидарь*, т. е. относящийся к племени ливов – последнюю трактовку допускает и Е.А.Мельникова [Melnikova, 2004, p. 17]. Впрочем, и упомянутый Каршевь также может относиться к Карсовии (область в низовьях Немана). Все это соответствует основанной на археологическом материале версии В.И. Кулакова, согласно которой балты явились важной составной частью «военно-торговой корпорации Русь», которая в раннем средневековье проложила торговые пути с севера на юг Восточной Европы, а затем способствовала началу Русского государства [Кулаков, 1999, с. 150].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на довольно значительное число имен, которые могут встречаться в романском (включая народно-латинские и латинизированные греческие и др. имена).

По нашему мнению, значительное число таких параллелей может быть обусловлено серьезным латинским влиянием на генезис и становление ранней Руси [Виноградов, 2020a], [Виноградов, 2020б]. В то же время нельзя исключать и появления под русско-византийскими договорами с русской стороны и некоторых имен, которые читаются скорее в греческом, чем в скандинавском или ином ключе: Тудор-овъ (Тудор, Тодор, балканская форма имени Феодор), Стемидъ (Σταμίτος). Как и в случае с античным антропонимом Σθενελίδος, практически идеально совпадающим с именем русского воеводы Свенельда, их появление в данном контексте могло быть сопряжено с интенсификацией русско-византийских контактов в IX–X вв. и культурным влиянием Византии.

Таблица 1
 Table 1

Возможные латинские имена из русско-византийских договоров
 Possible Latin Names from Russian-Byzantine Treaties

ПВЛ	Скандинавская параллель	Латинская параллель
Улѣбъ	Óláfr, Óleifrfr	Ulpus
Фостъ, Фаст (-овъ)	Fasti	Faustus
Прастѣнь		Prastina
Актеву		Octavius
Моны	Máni	Manus, Mano
Фрутанъ	*Fróðun(n)	Frontonius
Гомоль	Gamall	Homolius, Homulo
Коль	Kolr	Coll, Col [Dictionnaire historique; p. 60–61, 302, 523–527, 713–724]
Каницарь, *Кани, А[нцѣв]арь	Kani (прозвище), Antswar Ansva	Canizarres, Canizarro (прозвище)
Карнь	Kárn	Carnus
Кары	Kári	Carius
Евлиск-овъ		Eulsius
Истръ		Hister
Руарь	Hróarr/Hróarr	Ruarius (прозвище)

Все это не опровергает вывод о германском происхождении основного корпуса имен русско-византийских договоров, хотя и может представить, на наш взгляд, указанный факт несколько в ином свете. В частности, латинский характер ряда антропонимов может свидетельствовать скорее о континентальном характере отмеченного в договорах «рода Руссаго», т. к. территории севернее Германии в IX – первой половине X в. были почти не подвержены романскому влиянию. При этом еще М.А. Максимович отмечал, что скандинавская трактовка германских имен договоров не единственная: имена доверителей и послов «не только норманские, но и немецкие» [Максимович, 1841, с. 205]. Позже эту мысль развивал А.А. Романчук, указавший на то, что в раннем древнерусском летописном антропонимиконе, в т. ч. представленном в договоре 911 г., нет ни одного имени из числа наиболее распространенных в то время в Скандинавии. При этом ряд имен, стоявших под договорами 911 и 944 гг., на деле мог принадлежать континентальным германцам [Романчук, 2017, с. 247, 250, 252].

Мы также касались этого вопроса, выделяя в составе указанных имен ряд древненемецких (пользуясь терминологией Э. Фёрстмана) антропонимов [Виноградов 2018, с. 113–117]. Вместе с тем подробный анализ этих групп антропонимов в указанном контексте, насколько известно, не производился, следствием чего и является закрепившееся у немалого числа исследователей мнение о якобы сплошном скандинавском доминировании среди представителей «рода Руссаго» X в. На самом деле ситуация, как заметно уже по договору 911 года, является далеко не столь однозначной.

Таким образом, с учетом вышеуказанных латинских и древненемецких этнических вариантов (при преимуществе именных вариантов перед прозвищными), в списке 911 г. только 3 из 15 антропонимов (Фарлофъ, Руалдъ, Руарь) имеют скорее скандинавское, чем иное прочтение.

Таблица 2
Table 2

Имена из договора 911 года
Names from the 911 Treaty

	Древнесеверные, скандинавские	Древненемецкие, немецкие
Карлы	Karli	Carli, Karli
Инегельдъ	IngeldR/IngjaldR	Ingeld
Фарлофъ	Farláfr	
Веремудъ	Vermundr	Werimodus, Warmuod
Фрелавъ	Fridleifr	Frauileab, FriLiub
Рулавъ	HrúlfR, Hjör-leifr, Rollef	Roloff, Rohloff, Rotleu
Гуды	Guði/Gundi	Guda, Gudo
Руалдъ	HróaldR/HrúaldR	Rodoald
Карнь	Karn	Kaerin, Kaerni
Рюаръ	Hróarr/Hróarr	
Труанъ	Þrándr	Troannus
Лид(о)уль	LeiðóflR	Liudulf, Leottol
(Фостъ) [Полное собрание русских летописей 1846; С. 13] [Полное собрание русских летописей 1926; С. 24]	Fasti [Melnikova] [Циммерлинг] [Николаев]	Fast [Förstemann, 1856, col. 401, 416, 418, 484, 495, 530, 736, 742, 784, 874, 876–877, 1261, 421, 1199–1200] [Bach; s. 69, 73, 80] [Dictionary of American Family Names; p. 213, 215]

Не более «норманнским», на наш взгляд, является и список 944 г.

Таблица 3
Table 3

Имена из договора 914 года
Names from the 914 Treaty

	Скандинавские	Древненемецкие
Вуефастъ	Vævast, Vifast	
Иворъ	Ívarr	Ibor
Иггивладъ	Ingivaldr	
Акунъ	Hákon	Acuin
Ут(инъ)	Udde, Ótta	Utta, Utto
Шихъбернь	Sigbjørn	Siberin
Сфанъдръ	Svan-heiðr, Sveinaldr	
Егри		Egrih
Турд-уви	ÞórðR, Þórodda	
Фаст (ов), Арфаст-овъ	Arfast Arnfastr	Arfast, Arefastus
Гримъ	Grímr	Grim
Берн-овъ	Björn	Berno
Шибридъ	Sigfrøðr	Sibrath, Sichibert, Sinbret
Емигъ	Hemingr	Emig
Бруны	Brúni	Bruni
Алданъ	Hálfðann, Aldan	Aldan
Гунар-евъ	Gunnar	Gunnier, Hunnard
Фудри	Frydi	Thiodrih, Tudri
Гуд-овъ	Guði/Gundi	Guda, Gudo
Адунъ	Auðun	Auduin
Куци	Kúsi (прозвище)	Chuzzo

Окончание табл. 3

	Скандинавские	Древненемецкие
Адулбъ	Auðúlfr	Odulbis
Фрутанъ	*Fróðun(n)	Frutuin
Мутуръ		Muotar
Коль	Kolr	Colo
Стегги	Steggi?	Staeugis
Етон-овъ	Jötunn (прозвище)	
Тудковъ	ThodeRe	Duttke, Tiedeke
Кары	Kári	Caro, Caris
Стирь	Styrr	Stier
Свѣнь	Sveinn	Sueno
Турьбернь	Þórbjörn	
Сфирьк-овъ	Sverkirr, Sverrir	
Клековъ	Klakka (прозвище)	
Алвадь	Alfvaldr, Alwad	Alwald
Вузлѣвъ (Вузл-ѣвъ?)	Guðleifr	Wozil, Wuzelin
Аминод-овъ	Amundr	Amino
Олѣбъ	Óláfr, Óleiffr	Olef
Фрастенъ	Freysteinn	
Гунастръ	Gunnfastr	
Игельдь	IngeldR/IngjaldR	Ingeld
Турьбидь [Полное собрание русских летописей, 1846, с. 20] [Полное собрание русских летописей 1926, с. 34]	Þórvidr [Melnikova, 2004] [Циммерлинг, 2012] [Николаев, 2017]	[Förstemann, 1856, s. 19, 20, 58, 81, 115, 179–180, 224, 279, 233, 283, 317, 319, 360, 401, 547, 784, 935, 760, 935, 970–971, 1102, 1088–1089, 1123, 1124, 1132, 1300]

Результаты и их обсуждение

С учетом вышесказанного, а также того, что отдельные имена, например, Апубкаръ (Пубьксарь), остаются неэтимологизированными, не более одной шестой части всего списка (составляющего, за исключением повторов, около семи десятков имен) раскрывается скорее в скандинавском ключе. При этом, как и в предыдущем списке, многие имена имеют равнозначное, или часто скорее континентально-германское, чем скандинавское прочтение. Но даже если все «равнозначные» имена приписать скандинавам (что будет серьезной натяжкой), все равно последние не получают твердого большинства ни в первом, ни во втором списке. Данный вывод интересен при сравнении с антропонимией первых русских князей. На наш взгляд, и там скандинавские этимологии не являются убедительными, они скорее уступают латинским [Виноградов, 2020a]. Однако и древненемецкие (вне зависимости от их этимологии) Rurih и Sinigus, отмеченные А.А.Романчуком [Романчук, 2017, с. 250–251], заслуживают внимания.

Те же корни, возможно, имеют и другие антропонимы, отмеченные в древнерусской истории: *Дир* (Dichr, Dirr), *Асмуд* (Haasmot), *Икмор* (Hincmar, Igmor) [Förstemann, 1856, s. 337, 637, 780] и др.

На наш взгляд, изучение имен русских фигурантов договоров не может быть отделено от изучения соционимов, связанных со сложной иерархией древнерусской элиты, отмеченной приближенным Константина Багрянородного при изучении свиты княгини Ольги [Constantini Porphyrogeniti, p. 594–598]: в данном случае, «светлых и великих князей», «великих бояр», «купец» (купцов) и др. Некоторые исследователи полагают, что в

списке имен присутствуют и скрытые, по ошибке принятые за антропонимы и искаженные соционимы: так, в списке 911 г. вместо *Карлы* якобы следует читать *ярлы*, т. е. скандинавская знать [Chrzanowski, 2006, s. 13].

Мы считаем, что предположения о скрытых соционимах не лишены оснований, и к их числу, возможно, принадлежит *Прастънь*, более всех – трижды – как бы настойчиво повторяемое «имя», которое едва ли не труднее всех этимологизируется – во всяком случае в общегерманском контексте. По нашему мнению, здесь нельзя не обратить внимание на близость упомянутой формы с соционимами, которыми латиноязычные франкские источники характеризовали «варварскую» элиту окраин и пограничья Каролингской империи (например, представители ободритов в IX в. именовались как *meliores tamen ac graestantiores* [Annales regni Francorum, 1895, p. 171] – «лучшие или выдающиеся» (лат. *praestans*, старорум. *praestan* – «передний, выдающийся»). Употребление рядом с термином как будто посессивной формы *Бернов* может быть вызвано ошибкой переводчика, понявшего соответствующим образом германское имя *Berno* или *Bernovinus*.

Так же и *Фурстенъ* является практически точным фонетическим аналогом термина *Fürsten*, обозначавшим (во множественном числе) высшую знать во франкских королевствах, т. е. бывшего немецкой калькой латинского *princeps* – буквально «первые», «принцы», «князья». То, что «князья» стоят ниже «купцов», объяснимо в контексте упомянутой теории В.И. Кулакова о том, что древнейшая Русь выросла, по сути, из торговой корпорации. *Fürsten* может относиться к носителям упомянутых рядом с этим термином имен: *Роальдъ* и *Гунастръ*.

В этой связи нельзя не обратить внимание на указания источников о франкских связях Руси. Конечно, к ряду из них, в частности о франкских мечах русов [Путешествие Ибн-Фадлана, 1939, с. 79] или о том, что Рюрик с братьями и дружиной пришли «от немец» [Фомин, 2005, с. 343], следует отнестись критически: они могут быть трактованы как неопределенные в силу широкого распространения каролингского оружия в Европе и расширительного смысла понятия «немец» в ряде русских летописей. Однако ряд данных, свидетельствующих о связях Древней Руси именно не со скандинавами, а с континентальными германцами, все же носит вполне прямой характер и подтверждает приведенные выше антропонимические данные.

В частности, на происхождение Руси от франков (Φράγγων) указывала Хроника Псевдо-Симеона [Theophanes Continuatus, 1838, p. 707]. По мнению А.А. Горского, на самом деле речь могла идти о франкском культурном влиянии на предков русских князей и лиц из их окружения во время их пребывания в империи Каролингов, которое давало им возможность выводить себя «от франков» «в широком смысле этого понятия». Русы Рюрика, «видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии», и, таким образом, в IX–X вв. в Восточной Европе имело место «воздействие франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян» [Горский, 2012, с. 20–21].

Скептически оценивая версию о Руси как «франкизированных» скандинавах, мы, однако, считаем, что само предположение о континентальных германцах, косвенно или напрямую повлиявших на генезис Древней Руси, имеет под собой основания. Так, А.В. Назаренко путем сложных вычислений пришел к выводу о том, что базовая единица денежно-весовой системы Древней Руси – гривна (известная со времен краткой редакции «Русской Правды» начала XI в.) – является точным аналогом «тяжелого» солида, обращавшегося в юго-восточной провинции франкских владений – Баварском герцогстве [Назаренко, 2001, с. 142].

Такие заимствования в древнерусском словаре, как *ябетник* («должностное лицо, судья»), *скот*, («имущество, деньги»), которым зачастую приписывается скандинавское происхождение, с не меньшим успехом может исходить из франкских или саксонских наречий (*ambahti*, *skat/sket*).

В свою очередь древнейший свод русских законов – «Русская правда», как считал Н.П. Павлов-Сильванский, отличался «разительным сходством с правом германским», вплоть до деталей: виры, денежных наказаний за телесные повреждения, ордалий, судебного поединка, брачных обрядов, рабства должника и института сотских – *centenaries* (хотя и пытался объяснить это общими древними, чуть ли не индоевропейских времен, традициями) [Павлов-Сильванский, 1924, с. 47, 51]. Однако, как не раз отмечалось, «Русская правда» и во всяком случае «правды» саксов и тюрингов (VIII и даже IX в.) были очень сильно удалены по времени от эпохи индоевропейской общности. Сходство древнерусских законов с т. н. «варварскими правдами» франков, бургундов, саксов и т. д. отмечал Л.К. Гётц [Goetz, 1910, s. 83, 98, 123, 176–179, 228, 255–263]. Н.Д. Иванишев указывал, что «Русская правда» «продолжает развивать принятые ею германские начала», и это принятие связано с тем, что «народ германского происхождения явился среди коренных жителей России», при этом отмечая сходство законов этих германцев с Салической и Рипуарской правдами франков [Иванишев, 1876, с. 66–68]. Традиция возводить начала Руси к германцам проявлялась не только в летописных «немецъ». Так, Иван Грозный рассказывал о происхождении своей династии от баварского рода и соционим *бояре* возводил к *Wojagus* «баварец» [Rüssow, 1845, s. 154, 335] [Карамзин, 1821, с. 52 (II)].

Континентально-германские связи Руси приводят к серьезным противоречиям в норманистских концепциях. Так, на основании анализа многих западных источников А.В. Назаренко подошел к выводу о древневерхненемецких корнях этнонима «Русь», но принять этот вывод исследователь не смог, т. к. на его взгляд, он «резко противоречит всей сумме фактов об истории Руси IX в» [Назаренко, 2001, с. 35], т. е. традиционному набору аргументов норманистов (которого данный автор, хотя и с существенными оговорками, придерживается).

Е.А. Мельникова, комментируя рассказ о посажении родственников и мужей Рюрика в славянских и мерянских племенных центрах, ссылается на давнюю идею В.Т. Пашуто, по которому раздача городов Рюриком являлась, «по сути, раздачей ленов», состоявших из права на сбор даней («уроков»), и проводит аналогию с норманном Роллоном, получившим по Сен-Клерскому договору в лен Руан и его окрестности [Мельникова, 2008, с. 25]

Однако нетрудно заметить, что Роллон получил руанский лен от франков, имевших к тому времени развитую систему сюзеренно-вассальных отношений, отсутствовавшую у слабо феодализованных скандинавов. В свою очередь Рюрик и его команда не могли заимствовать ленную систему у восточных славян и чуди, еще только выходявших из родового строя. Стало быть, именно сами варяги должны рассматриваться как инициаторы внедрения ленных порядков в Восточной Европе, но в таком случае эти варяги по указанной причине вряд ли были скандинавами.

В контексте вышеперечисленного уже не кажется простой ошибкой появление в первом русском переводе Хроники Георгия Амартола этнонима *франки* на *варяги*. Вместе с тем гипотеза о франкском влиянии на становление Древней Руси, безусловно, нуждается и в дополнительных обоснованиях, и в ряде серьезных уточнений. Так, известие Бертинских анналов о посольстве народа *Rhos*, принятом Людовиком Благочестивым в 839 г. [Annales Bertiniani, 1883, p. 19], недвусмысленно показывает, что сами франки ранее ничего не слышали об этих *Rhos/русах*. При этом большинство отмеченных выше фактов свидетельствуют о связях Руси не только с франками в их узком конкретном смысле, а и с германскими народами, лишь постепенно вошедшими в орбиту державы Каролингов: баварцами, бургундами, саксами и др., а период этих связей может быть крайне размыт.

К этому следует добавить, что и принцип двоевластия, отмеченный арабскими авторами у русов (их хакан на самом деле номинальный верховный правитель, основная власть у его «заместителя») имеет параллели с административной традицией, существовавшей у франков и бургундов, которыми правили, по сути, не короли, а майордомы (что

зафиксировано в хрониках как принцип *Regnante rege, gubernante majore domus*). Однако она относится ко временам Меровингов, VII–VIII вв., т. е. до эпохи Карла Великого.

Заключение

Тем не менее, на наш взгляд, вышеизложенное позволяет сделать определенные выводы, главным из которых является то, что преобладающее среди исследователей ранней Руси мнение о преимущественно скандинавском характере антропонимов, зафиксированных в русско-византийских договорах, не находит достаточного подтверждения. Данный корпус имен относится в значительной мере к континентально-германскому именованию, что вкупе с зафиксированными в тех же источниках латинскими антропонимами, а также административными, правовыми и социальными параллелями между Древней Русью и германской Западной Европой подводит к мысли, что ядро летописной Руси составлял этнос не скандинавского, а западноевропейского происхождения, франков, по в принципе верному выражению А.А. Горского, «в широком смысле этого понятия».

Список источников

1. Полное собрание русских летописей. 1926. Т. I. М.-Л. АН СССР: 379.
2. Полное собрание русских летописей. 1846. Т. I. СПб, Тип. Э. Праца, XX, II: 269.
3. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. Под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л. АН СССР: 194.
4. *Annales Bertiniani*. 1883. Recens. G. Waitz. Hannoverae, Impensis bibliopolii Hahniani: X, 173.
5. *Annales regni Francorum inde AB A. 741 usque ad a. 829*. 1895. Hannoverae, Hahn: XX, 204.
6. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae*. 1839. Bonnae: ed. Weberi: LXII+807.
7. Rüssow B. 1845. *Livländische Chronik*. Reval, Koppelson: X+348.
8. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. 1838. Bonnae, E. Weber. – 952.

Список литературы

1. Виноградов А.Е. 2020а. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. *Via in tempore. История и политология*, 47 (3): 309–317.
2. Виноградов А.Е. 2018. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М., Ломоносовъ, 256.
3. Виноградов А.Е. 2020б. О «росских» названиях днепровских порогов в *De administrando imperio*. Вестник Костромского Государственного Университета. Том 26. 3: 7–13.
4. Горский А.А. 2012. Формирование русской государственности и «призвание Рюрика». В сб. 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию РАН. М., АИЦ Наука: 11–23.
5. Иванишев Н.Д. 1876. Сочинения. Киев, Тип. Университета Св. Владимира: V, 451.
6. Карамзин Н.М. 1821. История государства Российского. СПб., тип. Н.И. Греча, т. IX: 471+ 298.
7. Костомаров Н.И. 1860. Начало Руси. СПб, 32.
8. Крохин В. Начало русского государства в свете новых данных. 1930. Париж, Поволоцкий, 58.
9. Кузьмин А.Г. 2003. Начало Руси. М., Вече, 432.
10. Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus*. 5: 148–152.
11. Кулаков В.И. 2003. История Пруссии до 1283 года. М., Индрик, 432.
12. Максимович М.А. 1841. Письмо к издателю. *Москвитянин*. Ч.3. 5: 198–211.
13. Мельникова Е.А. 2008. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных сообществах. *Древняя Русь и вопросы медиевистики*. 2 (32): 12–26.

14. Михеев С.М. 2008. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст. *Древняя Русь и вопросы медиевистики*. 2 (32): 27–32.
15. Назаренко А.В. 2001. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., Языки русской культуры, 784.
16. Николаев С.Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет. *Вопросы ономастики*. Т. 14. 2: 7–54.
17. Павлов-Сильванский Н.П. 1924. Феодализм в Древней Руси. Пг., Прибой, 160.
18. Пчелов Е.В. 2020. Варяжские имена первых русских князей. *Novogardia*. 1: 308–317.
19. Романчук А.А. 2017. Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X в.) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. *Ex Ungue Leonem*. Сб. статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., Нестор-История: 245–255.
20. Стефанович П.С. 2013. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. *Труды Института российской истории РАН*. Т. XI: 19–57.
21. Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь. М., Русская панорама, 488.
22. Циммерлинг А.В. 2012. «Имена варяжских послов в Повести временных лет». Режим доступа: [https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_\(дата_обращения:_18.08.2021\)](https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_(дата_обращения:_18.08.2021)).
23. Bach A. 1952. *Deutsche Namenkunde*. Heidelberg, C. Winter. Bd. 1 T. 1: XX+ 331.
24. Chrzanowski W. 2006. *Kronika Slowian: Wielkie Morawy, Kraj Wiślan, Czechy 805–955*. Kraków – Bratislava, Egis, 317.
25. *Dictionary of American Family Names*. 2003. Ed. P. Hanks. N.Y., Oxford Univ. Press, v. 1: 1356.
26. *Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane*. 2004. t. II/I. Tübingen, M., Niemeyer: IX + 806 col.
27. Duczko W. 2010. Skandynawowie w Europie Wschodniej okresu wikingów. Wędrowka I etnogeneza w starożytności I średniowieczu / red. M. Salamon, J. Strzelczyk. Kraków, T.W. «Historia Jagellonica»: 291–298.
28. Förstemann E. 1856. *Altdeutsches Namenbuch*. Nordhausen, F. Förstemann, 1400 col.
29. Goetz L.K. 1910. *Das Russische Recht (Русская правда)* Bd. 1 Stuttgart F. Enke, 328.
30. Melnikova E.A. 2004. The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica scandinavica*. (Uppsala) Bd. 22: 5–29.
31. Panzer B. 2002. Language contact during the Old Nordic Period with Eastern Baltic. *The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Language* v. I. Berlin-New York, W. De Gruyter: 1039–1045.
32. Thomsen V. *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotha, F.A. Perthes, 1879, 156.

References

1. Vinogradov A.E. 2020a. Antroponimiya pervykh russkikh knyazey i proiskhozhdenie dinastii Rurikovichey [Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty]. *Via in tempore. Istoriya i politologiya*, 47 (3): 309–317 (in Russian).
2. Vinogradov A.E. 2018. V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In search of initial Russia. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov, 256 (in Russian).
3. Vinogradov A.E. 2020b. O «rosskikh» nazvaniyah dneprovskikh porogov v De administrando imperio [On the «Russian» names of the Dnieper rapids in De administrando imperio]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Tom 26. 3: 7–13 (in Russian).
4. Gorskij A.A. 2012. Formirovanie russkoj gosudarstvennosti i «prizvanie Rurika». [Formation of Russian statehood and the «vocation of Rurik»]. V sb. 1150 let rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. *Materialy k Obshchemu sobraniyu RAN*. Moscow, AITs Nauka: 11–23 (in Russian).
5. Ivanishev N.D. 1876. *Sochineniya [Works]*. Kiev, Tip. Universiteta Sv. Vladimira: V+ 451. (in Russian).
6. Karamzin N.M. 1821. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Government]*. SPb., tip. N.I. Grecha, 182. 1 t. IX.: 471+298 (in Russian).

7. Kostomarov N.I. 1860. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]. SPb., 32 (in Russian).
8. Krokhin V. 1930. Nachalo russkogo gosudarstva v svete novyh dannyh [The beginning of the Russian state in the light of new data]. Paris, Povolotskii, 58 (in Russian).
9. Kuzmin A.G. 2003. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]. Moscow, Veche, 432 (in Russian).
10. Kulakov V.I. 1999. Baltijskij variant dvizheniya vikingov [Baltic version of the Viking movement] *Stratum plus*, 5: 148–152 (in Russian).
11. Kulakov V.I. 2003. Istoriya Prussii do 1283 goda [History of Prussia until 1283]. Moscow, Indrik, 432 (in Russian).
12. Maksimovich M.A. 1841. Pis'mo k izdatel'nyu [Letter to the publisher] *Moskvityanin*. Part 3. 5: 198–211 (in Russian).
13. Melnikova E.A. 2008. Ukroshchenie neukrotimyh: dogovory s normannami kak sposob ih integrirovaniya v inokul'turnyh soobshchestvah [The taming of the indomitable: agreements with the Normans as a way of integrating them in foreign cultural communities] *Drevnyaya Rus' i voprosy medievistiki*. 2 (32): 12–26 (in Russian).
14. Mikheev S.M. 2008. Varyazhskie knyaz'ya Yakun, Afrikan i Shimon: literaturnye syuzhety, transformaciya imen i istoricheskij kontekst [Varangian princes Yakun, African and Shimon: literary plots, transformation of names and historical context] *Drevnyaya Rus' i voprosy medievistiki*. 2 (32): 27–32 (in Russian).
15. Nazarenko A.V. 2001. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX–XII vekov [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary sketches of cultural, trade, political ties of the 9th – 12th centuries]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 784 (in Russian).
16. Nikolaev S.L. 2017. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoi fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v Povesti vremennyh let [On the etymology and comparative-historical phonetics of the names of North German (Scandinavian) origin in the Tale of Bygone Years] *Voprosy onomastiki*, t. 14. 2: 7–54 (in Russian).
17. Pavlov-Silvansky N.P. 1924. Feodalizm v Drevnej Rusi [Feudalism in Ancient Russia]. Petrograd, Priboj, 160 (in Russian).
18. Pchelov E.V. 2020. Varyazhskie imena pervyh russkikh knyazej [Varangian names of the first Russian princes]. *Novogardia*, 1: 308–317 (in Russian).
19. Romanchuk A.A. 2017. Varyazhskij antroponimikon PVL (do serediny X v.) i antroponimikon skandinavskih runicheskikh nadpisej: sravnitel'nyj analiz [Varangian anthroponymicon PVL (until the middle of the 10th century) and anthroponymicon of Scandinavian runic inscriptions: a comparative analysis] *Ex Ungue Leonem*. Sb. statej k 90-letiyu L.S. Klejna SPb., Nestor-Istoriya: 245–255 (in Russian).
20. Stefanovich P.S. 2013. Pravyashchaya verhushka Rusi po russko-vizantijskim dogovorom X v. [The ruling elite of Russia according to the Russian-Byzantine treaties of the 10th century]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. t. XI: 19–57 (in Russian).
21. Fomin V.V. 2005. Varyagi i varyazhskaya Rus' [Varangians and Varangian Rus']. Moscow, Russkaya panorama, 488 (in Russian).
22. Zimmerling A.V. 2012. «Imena varyazhskikh poslov v Povesti vremennyh let» [«The names of the Varangian ambassadors in the Tale of Bygone Years»]. – URL: [https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_\(In_Russian\)](https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_(In_Russian)).
23. Bach A. 1952. *Deutsche Namenkunde*. Heidelberg, C. Winter, Bd. 1 T. 1: XX+331.
24. Chrzanowski W. 2006. *Kronika Slowian: Wielkie Morawy, Kraj Wiślan, Czechy 805–955*. Kraków – Bratislava, Egis, 317.
25. *Dictionary of American Family Names*. 2003. / Ed. P. Hanks. N.Y., Oxford Univ. Press. v. 1.: 1356.
26. *Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane*. 2004. t. II/I. Tübingen, M. Niemeyer. IX +403 (806 col).
27. Duczko W. 2010. Skandynawowie w Europie Wschodniej okresu wikingow // *Wędrowka I etnogeneza w starożytności I średniowieczu* / red. M. Salamon, J. Strzelczyk. Kraków, T.W. «Historia Jagellonica»: 291–298.
28. Förstemann E. 1856. *Altdeutsches Namenbuch*. Nordhausen, F. Förstemann, 700 (1400 col).

29. Goetz L.K. 1910. Das Russische Recht (Русская правда) Bd. 1 Stuttgart F. Enke, 328.
30. Melnikova E.A. 2004. The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica scandinavica*. (Uppsala) Bd. 22: 5–29.
31. Panzer B. 2002. Language contact during the Old Nordic Period with Eastern Baltic. *The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Language*. v. I. Berlin-New York, W. De Gruyter: 1039–1045.
32. Thomsen V. 1879. *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotha, F.A. Perthes, 156.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, Independent Researcher, Moscow, Russia

УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-839-848

Инициирование православным духовенством Курской епархии сбора денежных средств в рамках церковной благотворительности во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Залого И.В., Мошкин А.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: ioanis@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальная деятельность и благотворительность православного духовенства и приходов Курской епархии в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Исследуются все формы и методы, которые использовались для сбора пожертвований в пользу санитарных нужд действующей армии, а также характеризуются их количественные и качественные показатели. Описаны церковно-административные распоряжения и региональные особенности деятельности священнослужителей и приходов по направлению социального служения. На основании использованных источников делается вывод о том, что главным акцентом церковной благотворительности в обозначенные хронологические рамки была идея всеобщего участия и поддержки государственной политики. Церковное социальное служение развивалось в двух направлениях: во-первых, в активизации филантропических установок прихожан через устную тематическую проповедь, распространение информации о нуждах фронта и о уже сделанных пожертвованиях; во-вторых, личным участием православного духовенства и прихожан в сборе пожертвований.

Ключевые слова: Курская епархия, православное духовенство, социальное служение, благотворительность, пожертвования, проповедь, приход.

Для цитирования: Залого И.В., Мошкин А.Н. 2021. Инициирование православным духовенством Курской епархии сбора денежных средств в рамках церковной благотворительности во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 839–848. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-839-848.

Initiation by the Orthodox clergy of the Kursk diocese of the raise of funds within the framework of church charity during the Russian-Turkish War of 1877–1878

Ivan V. Zaloga, Aleksandr N. Moshkin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: ioanis@yandex.ru

Abstract. The article examines the social activities and charity of the Orthodox clergy and parishes of the Kursk diocese during the Russian-Turkish War of 1877–1878. All forms and methods that were used to collect donations in favor of the sanitary needs of the active army are investigated, and their quantitative and qualitative indicators are also characterized. Church administrative orders and regional peculiarities of the activity of clergy and parishes in the direction of social service are described. Based on the sources used, it is concluded that the main emphasis of church charity in the designated chronological framework was the idea of universal participation and support of state policy. Church social service developed in two

directions: firstly, in activating the philanthropic attitudes of parishioners through oral thematic preaching, dissemination of information about the needs of the front and about donations already made; secondly, personal participation of the Orthodox clergy and parishioners in collecting donations.

Keywords: Kursk diocese, Orthodox clergy, social service, charity, donations, preaching, church parish.

For citation: Zaloga I.V., Moshkin A.N. 2021. Initiation by the Orthodox clergy of the Kursk diocese of the raise of funds within the framework of church charity during the Russian-Turkish War of 1877–1878. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 839–848 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-839-848.

Введение

В современной жизни российского общества особый интерес представляет вопрос церковно-государственных отношений в области реализации социальных проектов и благотворительности. Во второй половине XIX века Церковь была не только регулятором нравственности, но и проводником многих государственных идей. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала самым важным событием в российской внешней политике второй половины XIX века. Предыстория этой войны прежде всего была связана с усилением национально-освободительного движения южнославянских христианских народов против власти мусульманской Порты. Правительство Российской империи, чтобы не потерять влияния в этом регионе, старалось дипломатическими методами сгладить нарастающий конфликт и пыталось решить все вопросы через доступный разумный компромисс. Параллельное развитие греко-болгарского церковного спора вызвало в российском обществе возрастание панславянских настроений. Невозможность решить все эти вопросы мирным путем стала причиной того, что Александром II 12 апреля 1877 года был подписан «Высочайший Манифест о вступлении российских войск в пределы Турции». Объявление войны вызвало широкий общественный подъем, активную роль в котором со временем стало играть православное духовенство. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Российская Православная церковь, большая часть общества и государственная власть выступили в тесном единстве. Православным духовенством была оказана духовная поддержка населения и посильная материальная помощь действующей армии. В Курской епархии церковное социальное служение и благотворительность развивались в двух направлениях: во-первых, в активизации филантропических установок прихожан через устную тематическую проповедь, распространение информации о нуждах фронта и о уже сделанных пожертвованиях; во-вторых, личным участием православного духовенства и прихожан в сборе пожертвований.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является социальное служение и благотворительность Российской Православной Церкви во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Комплекс исторических источников представлен неопубликованными материалами официального делопроизводства, хранящимися в объединенном архивном фонде «Церкви Курской губернии» Государственного архива Курской области (ГАКО и материалами официальной региональной епархиальной печати – «Курских епархиальных ведомостей» за 1877–1878 гг.).

В современной историографии тема участия и роли Русской православной церкви в российской войне с Турцией неоднократно была предметом научного исследования. Отдельные аспекты были рассмотрены в работах И.А. Курляндского [Курляндский, 2002], С.А. Кочукова [Кочуков, 2012], С.В. Архипова [Архипов, 2016] и Л.В. Мельниковой [Мельникова, 2019; 2020].

Исходя из методологических принципов, в исследовании используются следующие методы исследования:

- историко-генетический метод использовался при рассмотрении причин появления и дальнейшего изменения форм и методов благотворительности;
- контент-анализ применялся при рассмотрении церковной проповеди в социальной деятельности;
- сравнительно-исторический метод использовался при исследовании общих и частных особенностей деятельности и вклада православного духовенства и приходов храмов Курской епархии для действующей армии в русско-турецкой войне.

Результаты и их обсуждение

С началом русско-турецкой войны высший орган управления Российской Православной Церкви Святейший Правительствующий Синод определением «О возношении вседневных молитв о победе над врагом» от 19 апреля 1877 года распорядился ежедневно на богослужении в храме возносить особые молитвы о победе. Для этого в типографии было отпечатано пятьдесят тысяч экземпляров текстов молитв, которые были разосланы по всем епархиям [Определение, 1877в, с. 496]. Спустя месяц, в мае 1877 года, Святейший Синод указом пригласил духовенство и православные приходы к пожертвованиям на санитарные нужды действующей армии [Определение, 1877а, с. 497–498]. Все виды пожертвований принимало и распределяло «Общество попечения о раненых и больных воинах».

Императрицей Марией Александровной в день подписания манифеста об объявлении войны Турции было сделано обращение к Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах. В «Высочайшем рескрипте» от 12 апреля 1877 года была подчеркнута особая важность деятельности Общества в наступающее военное время и высказано пожелание, чтобы были созданы все необходимые условия для реализации жителям Российской империи своих филантропических порывов [Мария, 1877, с. 331]. Именно эти слова часто цитировали священнослужители Курской епархии в своих проповедях [См., например: Пр. М. Н., 1877, с. 355–360; Платонов, 1877а, с. 705–707].

Все жертвования передавались в «Общество попечения о раненых и больных воинах» несколькими способами, один из которых – через православные храмы. Жертвования принимались как деньгами, так и одеждой, медикаментами [Объявление, 1877, с. 409]. В разосланном по всем губерниям циркуляре Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах от 14 мая 1877 года было предписано собирать пожертвования в специальные ящики, по-церковному называющиеся кружками, на которые наносили крест красного цвета [Солнцев, 1877, с. 772]. Они должны были находиться в легкодоступных общественных местах, в том числе и в храмах [Циркуляр, 1877, с. 502]. В храме всегда было несколько кружек на различные целевые пожертвования. В мирное время все они обносились во время богослужения в поочередном порядке. Однако во время войны с Турцией Святейший Синод предписал кружку с красным крестом для пожертвований на Общество попечения о раненых и больных воинах обносить на каждом богослужении в первую очередь [Определение, 1878, с. 3–4].

Вместе с приглашением к добровольным пожертвованиям Святейший Синод передал «сто тысяч рублей государственными непрерывноходными четырехпроцентными билетами» на санитарные нужды войны [Определение, 1877а, с. 497–498]. Позже Святейшим Синодом в Главное управление «Общества попечения о раненых и больных воинах» была направлена 21 000 экземпляров различных изданий духовно-нравственного содержания для пациентов военных госпиталей [Пожертвования, 1877, 22: 1029]. Информация об этом была опубликована во всех церковных изданиях, а сам акт позже был отмечен благодарностью государя. По евангельской традиции все дела милосердия не должны подлежать огласке, однако в качестве наглядного примера в епархиальной периодической

печати довольно часто публиковалась информация о многочисленных пожертвованиях в других епархиях. Эта информация использовалась и как материал для составления проповедей [Архипов, 2016, с. 22].

31 мая 1877 года Курская духовная консистория, исполняя поручение Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, разместила объявление в № 35 «Курских епархиальных ведомостей» о необходимости подписки на еженедельный журнал «Вестник народной помощи». Здесь же от Святейшего Синода было размещено распоряжение об обязательном приобретении этого издания всем церковно-приходским попечительствам храмов епархии для того, чтобы «вернее утвердилась живая память в народе о высоком подвиге ... для освобождения единых с ним по вере и племени народов» [Распоряжение, 1877, 11: 554, 14: 688–689].

Православное духовенство, в свою очередь, оповещало своих прихожан о всех примерах благотворительности, которые публиковались в епархиальной периодической печати. Зачастую священнослужители Курской епархии сами являлись активными жертвователями. В «Курских епархиальных ведомостях» было опубликовано сообщение о том, что по инициативе благочинного Путивльского уезда священника Михаила Попова состоялось собрание духовенства, на котором по прочтении письма-обращения Курского управления «Общества Красного Креста» о приглашении к посильным пожертвованиям на санитарные нужды армии священнослужителями единогласно было принято решение принять участие в сборе средств и были переданы деньги через благочинного [Пожертвования, 1877, 13: 664–665].

Священнослужители Курской епархии посредством устной проповеди призывали прихожан к активному участию в пожертвованиях. Как правило, через священника приходского храма передавались новости и объявления. Поэтому сразу с оглашением манифеста об объявлении войны Турции произносилось и поучение [См., например: Пр. М. Н., 1877, с. 355–360; Платонов, 1877а, с. 705–707]. Поводом к произнесению тематической проповеди могло быть не только событие на фронте военных действий, но и личное желание священнослужителя [См., например: Солнцев, 1877, с. 769–778].

В материалах проповедей, кроме их информативной составляющей, весьма интересными являлись способы и методы формирования общественного мнения по вопросам благотворительности. С.А. Кочуков отмечал, что до официального объявления войны в православных храмах было запрещено говорить проповеди о поддержке национально-освободительного движения на Балканском полуострове [Кочуков, 2012, с. 36]. После издания манифеста о вступлении России в войну такие проповеди стали формой поддержки государя и его политики.

Так, Старооскольский священник Тимофей Лисицын в своей проповеди прихожанам 28 апреля по поводу подписания манифеста отмечал, что эта война стала вынужденной мерой для императора и что были исчерпаны все дипломатические средства урегулирования конфликта. В этом поучении Александр II назывался «освободителем», «заступником православной веры, над которой кощунствовали турки, и всех православных христиан, которых многие годы притесняли как иноверцев». Священник призывал поддерживать в этом деле государя своими молитвами и, конечно, добродетельными пожертвованиями: «изъявим готовность для спасения наших братьев – славян ... жертвовать всем – и имуществом, и даже самою жизнью» [Лисицын, 1877, с. 468].

В словах другого священника, подписывающегося «Пр. М. Н.», можно найти еще больше эпитетов для дегуманизации турецкой власти: «ослепленная Магометанская Порта высокомерно отвергла все миролюбивые предложения», «истощилось и умолкло слово мира», «миролюбие Великого Миротворца исчерпано до конца» [Пр. М. Н., 1877, с. 355]. Такое общественное мнение формировалось для того, чтобы оправдать решение императора Александра II начать войну с Турцией по «чувству любви и сострадания к страждущим и угнетенным христианам» [Пр. М. Н., 1877, с. 356]. Е.А. Сучалкин отмечал, что в

мемуарах современников русско-турецкой войны упоминалось о существовавшем в тогдашнем обществе разногласии мнений по поводу вопроса помощи и поддержки славян и вступлении Российской Империи в войну [Сучалкин, 2013, с. 16]. Поэтому необходимо было сакрализировать в общественном мнении это решение государя [Пр. М. Н., 1877, с. 357]. Обосновать необходимо было и само решение. Начало войны священником рассматривалось как «великое событие» и «великий акт в народной жизни», а сама война – «великим и святым подвигом», где «христолюбивые воины ... будут проливать кровь свою за святое и правое дело» [Пр. М. Н., 1877, с. 356, 358–359]. Следует отметить, что все эти красочные сравнения, разнообразные объяснения причин и следствий служения великой цели приводились для того, чтобы логически подвести слушателя к основной мысли – необходимо участие в благотворительной помощи действующей армии. Поэтому духовенство Курской епархии призывало всех к активному участию в пожертвованиях «на святое дело» [Пр. М. Н., 1877, с. 359].

Аналогичные риторические формы использовались и для напутствия новобранцев. Путивльский благочинный священник Михаил Попов в своем напутствии к призывникам, отправляемым к месту назначения на военную службу, прежде всего подчеркивал важность самой военной службы, потому что к ней призывает их «Благодетель, Освободитель, общий Русский Православный Царь» [Попов, 1877, с. 1261]. В частности, он отмечал, что новобранцы становились участниками борьбы за свободу и спасение христиан. Награду и благодарность за добрую военную службу они получают от государя, православно-го Отечества и от Бога, а погибшие – «Царство Небесное, как мученики, положившие душу за други своя» [Попов, 1877, с. 1264]. Священник села Нечаевка Белгородского уезда Павел Протопопов в своей проповеди развивает еще одну мысль о том, что война является средством «отмщения оскорбителям и поругателям святыни» [Протопопов, 1877, с. 709].

Следует отметить, что Синод от 13–30 июля 1877 года издал указ «О провозглашении при совершении молебствий по случаю особо важных и радостных событий на театре военных действий вечной памяти убиенным воинам» [Определение, 1877б, с. 737]. Для этого в «Курских епархиальных ведомостях» регулярно публиковались списки погибших на войне земляков [Список, 1877–1878].

Материалы «Курских епархиальных ведомостей» и проповедническая деятельность православного духовенства Курской епархии дала свои результаты. Так, после обнародования манифеста о начале войны с Турцией преподаватели и учащиеся Курской духовной семинарии приняли решение жертвовать по четыре процента с получаемого жалования на нужды больных и раненых воинов. Это составляло 56 рублей 70 копеек ежемесячных отчислений. Уже в апреле месяце 1877 года ими был внесен первый платеж [Пожертвования, 1877, 7: 351, 9: 465–466].

Согласно сведениям епархиальной периодической печати новость об объявлении войны Турции вызвала в народных массах всеобщее воодушевление, как и по всей Российской империи [см.: Мельникова, 2020, с. 105–109]. Так, в городе Судже после произнесения поучения о христианском участии в попечении о раненых и больных воинах священник Измаил Платонов собрал пятьдесят три рубля, а проповеднический успех его коллеги, тоже суджанского священника Иоанна Терлецкого, – восемьсот рублей [Платонов, 1877б, с. 696–697].

Без предварительной подготовки и личного участия священнослужителей, сумма пожертвований была бы меньше. К примеру, из стационарно установленной церковной кружки для сбора пожертвований в пользу раненых и больных воинов в кафедральном Казанско-Богородичном соборе города Курска за второе полугодие 1877 года было «высыпано» 54,75 рубля¹²⁹, а за следующее полугодие – 93,01 рубля¹³⁰. А вот в Благовещенском

¹²⁹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 81. Л. 14.

¹³⁰ Там же. Л. 24.

храме города Курска за полугодие 1878 года было извлечено 21,63 рубля¹³¹. В селах была совсем иная ситуация. К примеру, за второе полугодие 1877 года в храме села Горки Фатежского уезда было «высыпано из кружки» на больных и раненых воинов 3 рубля 20 копеек¹³², а в храме села Борисово этого же уезда – 2 рубля¹³³. Поэтому 26 августа суджанский священник Измаил Платонов снова произнес проповедь и собрал 31,45 рубля на нужды больных и раненых воинов [Пожертвования, 1877, 18: 917].

Зачастую щедростью пожертвований отличались частные лица. К примеру, староста тимского храма Григорий Дойников передал 60 рублей на санитарные нужды действующей армии [Пожертвования, 1877, 17: 874]. Особый вклад в сборе пожертвований вносили и разнообразные благотворительные акции. К примеру, Курским архиерейским хором было передано в Общество попечения о раненых и больных воинов четверть вырученных денег с благотворительного концерта. Общая сумма составила 63 рубля [Пожертвования, 1877, 17: 875].

В «Курских епархиальных ведомостях» были опубликованы данные о поступлении денежных средств с января по сентябрь на «Общество попечения о раненых и больных воинах». Здесь можно встретить запись, указывающую, что в Курское местное управление Красного Креста поступили пожертвования от священника села Дарьина Суджанского уезда Василия Одинцова в сумме 9,5 рублей [Пожертвования, 1877, 17: 875]. Такая формулировка не уточняла сведений, от кого именно поступили пожертвования: от самого священника или они были переданы через него прихожанами храма. Также трудно понять, от кого именно средства, когда в «Ведомости» указывалось, что пожертвования поступили «от благочинного». Не вызывает вопросов, когда говорится, что пожертвования поступили как «вынутые из кружек подведомственных ему (священнику) церковей» [Пожертвования, 1877, 17: 876] или были «собраны по приходу», как это значилось рядом с суммой от священника села Ломово Корочанского уезда Алексея Слюнина [Пожертвования, 1877, 17: 875]. Значительные суммы поступали и от церковно-приходских попечительств. Так, 301 рубль был передан на санитарные нужды действующей армии от церковно-приходского попечительства Николаевского храма города Старый Оскол [Пожертвования, 1877, 17: 875].

В этом контексте весьма интересными являются и сами размеры пожертвований. Так, за один и тот же отчетный период, июнь 1877 года, от Курского благочинного Иоанна Танкова поступило 52,19 рубля, а от Курского уездного благочинного священника Иоанна Шкорбатова – 182,10 рубля. Еще одно сравнение: от белгородского уездного благочинного священника Иоанна Слюнина было передано 100 рублей, а от священника Преображенского храма города Белгорода Иоанна Софонова – 128 рублей. Согласно «Ведомости», в этом же месяце, июне, самая большая сумма в размере 221, 89 рубля поступила от старооскольского благочинного Тимофея Лисицина [Пожертвования, 1877, 17: 856]. Объяснить такую разницу можно двумя прямо пропорциональными параметрами: богатый приход храма и активность клира.

На страницах «Курских епархиальных ведомостей», как и в печатных изданиях других епархий, размещались новости о событиях на фронте, летописи пожертвований для раненых со всей Российской империи и посещениях царской фамилией лазаретов, свидетельства очевидцев о безнравственных действиях турок, идеализируя государственную власть и «бескорыстность» русского народа [Архипов, 2016, с. 22]. Эта информация использовалась духовенством и православными приходами храмов как повод для совершения обильных пожертвований. Так, в селе Поченное Дмитриевского уезда священник Дмитрий Соколов в день Рождества Христова, когда в храме по обычаю присутствуют все

¹³¹ Там же. Д. 221. Л. 28.

¹³² Там же. Д. 4775. Л. 12.

¹³³ Там же. Д. 4866. Л. 6.

прихожане, после праздничного приветствия рассказал об обстоятельствах и положении раненых действующей армии. В течение Рождественских Святков прихожане сделали «обильные» пожертвования. В селе Графовка Суджанского уезда священник Алексей Косминский на праздник Рождества Христова произнес проповедь с призывом о помощи раненым и больным воинам и сам взял кружку с изображением красного креста и прошел с ней по храму, собирая пожертвования. В селе Ивня Обоянского уезда жертвователями на санитарные нужды действующей армии выступили не только прихожане православного храма, но и католики и лютеране, которые отозвались на призыв православного священника Павла Дмитриевского [Пожертвования, 1878, 3: 117–118].

Заключение

Таким образом, с первых дней православное духовенство благословило русско-турецкую войну 1877–1878 гг., воспринимая и позиционируя ее как «священную», направленную на освобождение единоверных и единоплеменных народов и исполнение Российской империей своего исторического долга и призвания. Православное духовенство и приходы Курской епархии развернули активную благотворительную кампанию по сбору денежных средств на санитарные нужды действующей армии, тесно взаимодействуя с «Обществом попечения о раненых и больных воинах». Епархиальные власти регулярно размещали информацию о событиях на фронте, об участии в благотворительности других епархий, а также образцовые тематические проповеди на страницах региональных церковных периодических изданий. Духовенство использовало эти сведения для составления специальных обращений к своим прихожанам, вдохновляя их на посильное и активное участие в благотворительности. Священнослужители стали инициаторами нового социального проекта по сбору средств на санитарные нужды действующей армии и внесли существенный вклад в добровольческое движение: напутствовали новобранцев, совершали богослужения об успехе на фронте и молились за погибших. С благословения священноначалия православные приходы организовывали и проводили сборы пожертвований. Церковная деятельность социальной направленности православного духовенства и прихожан по всей территории Курской епархии стала идеологической и духовно-нравственной основой широкого общественного подъема и активного участия в благотворительности.

Список литературы

1. Архипов С.В. 2016. Русская православная церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 26.
2. Кочуков С.А. 2012. Общество, правящая элита, армия Российской империи и русско-турецкая война 1877–1878 гг. Автореф. дис. ... док. ист. наук. Саратов, 50.
3. Курляндский И.А. 2002. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., Инт-т рос. истории РАН, 330.
4. Лисицын Т. 1877. Поучение, сказанное в Старооскольском Богоявленском Соборе 28 апреля 1877 г. по случаю объявления Высочайшего Манифеста о начатии войны России Турции. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 9: 466–469.
5. Мария. 1877. Высочайший рескрипт от 12 апреля 1877 г. Главному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 7: 331–332.
6. Мельникова Л.В. 2019. За братьев славян: церковь, общество и государственная власть Российской империи во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Александр II и его время: к 200-летию со дня рождения. СПб.: 262–275.
7. Мельникова Л.В. 2020. Русская православная церковь и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., Воевода, Кучково пол, 400.
8. Объявление от Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах. 1877. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 8: 409.

9. Определение Святейшаго Синода. 1877а. О пожертвованиях по духовному ведомству в «Общество Краснаго Креста» от 6–9 мая 1877 года. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 10: 497–498.
10. Определение Святейшаго Синода. 1877б. О провозглашении при совершении молебствий по случаю особо важных и радостных событий на театре военных действий вечной памяти убиенным воинам от 13–30 июля 1877 года за № 1069. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 15: 737.
11. Определение Святейшаго Синода. 1877в. От 19 апреля 1877 года за № 5, с экземплярами всedневных молитв о победе над врагом. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 10: 496.
12. Определение Святейшаго Синода. 1877г. Относительно Высочайшей Св. Синоду благодарности за пожертвование ста тысяч на санитарные нужды действующей армии от 20 июня – 18 августа 1877 года № 71. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 17: 848–849.
13. Определение Святейшаго Синода. 1878. О разрешении обнашивать в церкви при каждом богослужении кружки для сбора пожертвований в пользу больных и раненых воинов от 23 ноября 1877 за № 1791. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 1: 3–4.
14. Платонов И. 1877а. Поучение о христианском участии в попечении о раненых и больных воинах. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 14: 705–707.
15. Платонов И. 1877б. Сбор пожертвований на нужды больных и раненых воинов в городе Суджи. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 14: 696–697.
16. Пожертвования в пользу раненых и больных воинов. 1877–1878. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 7: 351; 9: 465–466; 12: 599; 13: 664–665; 22: 1029–1130; 1878. 3: 117–118.
17. Попов М. 1877. Речь при напутствии рекрут, отправлявшихся из дому к местам своего назначения. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 24: 1260–1264.
18. Пр. М. Н. 1877. Речь по прочтении Высочайшего Манифеста об объявлении войны Турции в Белгородском Троицком монастыре. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 7: 355–360.
19. Протопопов П. 1877. Поучение воинам, идущим на войну с турками. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 14: 708–710.
20. Распоряжение Курскаго Епархиальнаго Начальства по отношению Председателя Главнаго управления общества попечения о раненых и больных воинах от 31 мая 1877 г. № 35 об издании журнала «Вестник народной помощи». 1877. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 11: 554–555.
21. Солнцев И. 1877. Слово в Неделю 7-ю по Пятыдесятнице. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 14: 769–778.
22. Список выбивших из строя нижних чинов из уроженцев Курской губернии. 1877–1878. Курские епархиальные ведомости. Неофициальная часть, 17: 899; 19: 1003; 21: 1096–1097; 22: 1152–1154; 1878. 17: 808–811.
23. Список пожертвований, поступивших в Курское местное управление общества «Краснаго Креста». 1877. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 17: 874–877.
24. Сучалкин Е.А. 2013 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в оценках российских современников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 26.
25. Циркуляр главнаго управления управлениям и комитетам Общества попечения о раненых и больных воинах от 14 мая 1877 года № 2668. 1877. Курские епархиальные ведомости. Официальная часть, 10: 501–503.

References

1. Arkhipov S.V. 2016. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i Vostochnyy krizis 1875–1878 gg. [The Russian Orthodox Church and the Eastern Crisis of 1875–1878]. Avtoref. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 26 (in Russian).
2. Kochukov S.A. 2012. Obshchestvo, pravyashchaya elita, armiya Rossiyskoy imperii i russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg [Society, the ruling elite, the army of the Russian Empire and the Russian-Turkish War of 1877–1878]. Avtoref. dis. ... dok. ist. nauk. Saratov, 50 (in Russian).

3. Kurlyandskiy I.A. 2002. Innokentiy (Veniaminov) – mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy [Innokenty (Veniaminov) – Metropolitan of Moscow and Kolomna]. M., Int-t ros. istorii RAN, 330 (in Russian).
4. Lisitsyn T. 1877. Pouchenie, skazannoe v Starooskol'skom Bogoyavlenskom Sobore, 28 aprelya 1877 g. po sluchayu ob"yavleniya Vysochayshego Manifesta o nachatii voyny Rossii Turtsii [The teaching said in the Starooskolsky Epiphany Cathedral on April 28, 1877 on the occasion of the announcement of the Highest Manifesto about the beginning of the war of Russia against Turkey]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 9: 466–469 (in Russian).
5. Mariya. 1877. Vysochayshiy reskript ot 12 aprelya 1877 g. Glavnomu upravleniyu Obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh voynakh [The highest rescript of April 12, 1877 to the Main Directorate of the society for the care of wounded and sick soldiers]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 7: 331–332 (in Russian).
6. Mel'nikova L.V. 2019. Za brat'ev slavyan: tserkov', obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' Rossiyskoy imperii vo vremya russko-turetskoy voyny 1877–1878 godov [For the brothers of the Slavs: the Church, society and state power of the Russian Empire during the Russian-Turkish War of 1877–1878]. Aleksandr II i ego vremya: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya. SPb., S. 262–275 (in Russian).
7. Mel'nikova L.V. 2020. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg. [Russian Orthodox Church and the Russian-Turkish war of 1877–1878]. M., Voevoda, Kuchkovo pole: 400 (in Russian).
8. Ob"yavlenie ot Glavnogo upravleniya Obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh voynakh [Announcement from the Main Department of the society for the care of wounded and sick soldiers]. 1877. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 8: 409 (in Russian).
9. Opredelenie Svyateyshago Sinoda. 1877a. O pozhertvovaniyakh po dukhovnomu vedomstvu v «Obshchestvo Krasnago Kresta» ot 6–9 maya 1877 goda [About donations on the spiritual department to the «Society of the Red Cross» from May 6–9, 1877]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 10: 497–498 (in Russian).
10. Opredelenie Svyateyshago Sinoda. 1877b. O provozglashenii pri sovershenii molebstviy po sluchayu osobo vazhnykh i radostnykh sobytii na teatre voennykh deystviy vechnoy pamyati ubiennym voynam ot 13–30 iyulya 1877 goda za № 1069 [On the proclamation of the eternal memory of the slain soldiers during the performance of prayers on the occasion of particularly important and joyful events in the theater of military operations of July 13–30, 1877 for № 1069]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 15: 737 (in Russian).
11. Opredelenie Svyateyshago Sinoda. 1877v. Ot 19 aprelya 1877 goda za № 5, s ekzempl'yarami vsednevnykh molitv o pobede nad vragom [Dated April 19, 1877 for № 5, with copies of all-day prayers for victory over the enemy]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 10: 496 (in Russian).
12. Opredelenie Svyateyshago Sinoda. 1877g. Otnositel'no Vysochayshey Sv. Sinodu blagodarnosti za pozhertvovanie sta tysyach na sanitarnye nuzhdy deystvuyushchey armii ot 20 iyunya – 18 avgusta 1877 goda № 71 [Regarding the Highest gratitude to the Holy Synod for the donation of one hundred thousand for the sanitary needs of the active army dated June 20 – August 18, 1877 № 71]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 17: 848–849 (in Russian).
13. Opredelenie Svyateyshago Sinoda. 1878. O razreshenii obnashivat' v tserkvi pri kazhdom bogoslužhenii kruzhki dlya sbora pozhertvovaniy v pol'zu bol'nykh i ranenyykh voynov ot 23 noyabrya 1877 za № 1791 [On the permission to cash out in the church at every divine service circles for collecting donations in favor of sick and wounded soldiers dated November 23, 1877 for № 1791]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 1: 3–4 (in Russian).
14. Platonov I. 1877a. Pouchenie o khristianskom uchastii v popechenii o ranenyykh i bol'nykh voynakh [Teaching about Christian participation in caring for wounded and sick soldiers]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 14: 705–707 (in Russian).
15. Platonov I. 1877b. Sbor pozhertvovaniy na nuzhdy bol'nykh i ranenyykh voynov v gorode Sudzhi [Collecting donations for the needs of sick and wounded soldiers in the city of Suji]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 14: 696–697 (in Russian).
16. Pozhertvovaniya v pol'zu ranenyykh i bol'nykh voynov [Donations for wounded and sick soldiers]. 1877–1878. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 7: 351; 9: 465–466; 12: 599; 13: 664–665; 22: 1029–1130; 1878. 3: 117–118 (in Russian).

17. Popov M. 1877. Rech' pri naputstvii rekrut, otpravlyavshikhsya iz domu k mestam svoego naznacheniya [Speech at the parting words of recruits who were going from home to their destinations]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 24: 1260–1264 (in Russian).

18. Pr. M. N. 1877. Rech' po prochtenii Vysochayshego Manifesta ob ob'yavlenii voyny Turtsii v Belgorodskom Troitskom monastyre [Speech after reading the Supreme Manifesto on the declaration of war against Turkey in the Belgorod Trinity Monastery]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 7: 355–360 (in Russian).

19. Protopopov P. 1877. Pouchenie voenam idushchim na voynu s Turkami [A lesson to soldiers going to war with the Turks]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 14: 708–710 (in Russian).

20. Rasporyazhenie Kurskago Eparkhial'nago Nachal'stva po otnosheniyu Predsedatelya Glavnago upravleniya obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh voynakh ot 31 maya 1877 g. № 35 ob izdanii zhurnala «Vestnik narodnoy pomoshchi» [Order of the Kursk Diocesan Administration, at the request of the Chairman of the Main Directorate of the society for the care of wounded and sick soldiers, dated May 31, 1877, № 35 on the publication of the journal «Bulletin of people's aid»]. 1877. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 11: 554–555 (in Russian).

21. Solntsev I. 1877. Slovo v Nedelyu 7-yu po Pyat'desyatnitse [The Word on the seventh Sunday after the feast of Pentecost]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 14: 769–778 (in Russian).

22. Spisok vybivshikh iz stroya nizhnikh chinov iz urozhentsev Kurskoy gubernii [List of retired lower ranks from the Kursk province]. 1877–1878. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'naya chast', 17: 899; 19: 1003; 21: 1096–1097; 22: 1152–1154; 1878. 17: 808–811 (in Russian).

23. Spisok pozhertvovaniy, postupivshikh v Kurskoe mestnoe upravlenie obshchestva «Krasnago Kresta» [List of donations to the Kursk Local Administration of the Red Cross Society]. 1877. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 17: 874–877 (in Russian).

24. Suchalkin E.A. 2013 Russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg. v otsenkakh rossiyskikh sovremennikov [The Russian-Turkish War of 1877–1878 in the assessments of Russian contemporaries]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 26 (in Russian).

25. Tsirkulyar glavnogo upravleniya upravleniyam i komitetam Obshchestva popecheniya o ranenyykh i bol'nykh voynakh ot 14 maya 1877 goda № 2668 [Circular of the General Directorate to the departments and committees of the society for the care of wounded and sick soldiers dated May 14, 1877 № 2668]. 1877. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Ofitsial'naya chast', 10: 501–503 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Залого Иван Валерьевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Мошкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Историческая антропология Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan V. Zaloga, post-graduate student of the Department of Russian History and Documentation of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Aleksandr N. Moschkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Research Laboratory Historical Anthropology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 323.1

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия»

Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю.

Пензенский государственный университет,

Россия, 440026, г. Пенза, улица Красная, 40

E-mail: karnishins@mail.ru, valerykarnishin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем взаимодействия имперских властей и местного сообщества Великого княжества Финляндского в начале XX века через призму трактовок современниками, что нашло свое отражение в полемике на страницах журнала «Финляндия» в 1908–1910 гг. Авторы данного издания посвящали свои статьи таким вопросам, как положение Финляндии в составе Российской империи, окраинная политика российских властей в отношении княжества. Одной из ключевых проблем национальной политики позднеимперской России являлась необходимость выработки единой модели управления окраинами, опираясь на принцип этноцентризма на базе сложившихся национально-государственных традиций. Расхождения во взглядах русских и финских государственных и общественных деятелей и публицистов были связаны с решением вопроса о переходе от имперского к национальному принципу имперской политики на окраинах, что в первую очередь относилось к западным губерниям Российской империи начиная со второй половины XIX века. Автономный статус Финляндии предопределял перевес именно национального принципа окраинной политики над имперским.

Ключевые слова: окраины государства, национальная политика Российской империи, периодическая печать, областная автономия.

Для цитирования: Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в начале XX в.: по материалам журнала «Финляндия». *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 849–858. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858.

Grand Duchy of Finland in the Russian Empire at the beginning of the XX century: on the publications of the magazine «Finland»

Natalia G. Karnishina, Valery Yu. Karnishin

Penza State University,

40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

E-mail: karnishins@mail.ru, valerykarnishin@mail.ru

Abstract. In this article authors investigate the problems of interaction and relationship between the imperial authorities and the local community of the Grand Duchy of Finland at the beginning of the XX century in the publications of contemporaries, which was reflected in the polemics on the pages of the magazine «Finland» in 1908–1910. The authors of this publication devoted their articles to such issues as the situation of Finland within the Russian Empire, the policy of the Russian authorities in remote parts in relation to the centre of empire. The most important problem of the national policy of late Imperial Russia was the need to develop a unified model of management of the remote parts, based on the principle of ethnocentrism on the basis of established national and state traditions. The differences in the views of Russian and Finnish statesmen and public figures and publicists were connected with the decision on the transition from the imperial to the national principle of imperial policy on the outskirts, which, first of all, related to the remote parts of the Russian Empire, starting from the second half of the XIX century. The

autonomous status of Finland predetermined the preponderance of the national principle of marginal politics over the imperial one.

Keywords: margins of the state, national policy of the Russian Empire, periodical press, regional autonomy.

For citation: Karnishina N.G., Karnishin V.Yu. Grand Duchy of Finland in the Russian Empire at the beginning of the XX century: on the publications of the magazine «Finland». Via in tempore. History and political science. 48 (4): 849–858 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-849-858.

Введение

Вопросам управления Великим княжеством Финляндским, истории российско-финляндских отношений, а также правовому положению данной территории в составе Российской империи в XIX – начале XX вв. посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных авторов [Могунова, 2005; Оссио, 2009; Карнишина, 2010; Миллер, 2010; Неземанн, 2015; Ковальов, 2017; Куликов, 2017; Weeks, 1996; Nygård, 2003].

Цель данной статьи – на основе материалов периодической печати, мемуарной литературы провести анализ восприятия современниками сущности и особенностей имперской политики на национальных окраинах Российской империи на протяжении конца XIX – начала XX вв. на примере положения Великого княжества Финляндского.

Отношение местного сообщества к русскоязычному населению, статус государственного языка, проблема русификации, процесс насаждения административных институтов по имперскому образцу – все эти вопросы поднимали авторы публикаций. В имперском измерении российской истории историография проблемы была посвящена исследованию административно-политических и правовых структур империи, а также внешнеполитического фактора в разрезе национальной политики Российской империи. Несмотря на наличие ряда статей, посвященных анализу образа Финляндии периода нахождения в составе Российской империи в русской периодической печати [Жабоедов-Господарец, 2013; Новикова, 2014], авторы не использовали публикации в журнале «Финляндия» как источник для исследования взглядов современников на аспект взаимодействия имперской власти и финского общества. Наиболее полный историографический анализ статуса окраин Российской империи именно в разрезе государственного управления и национальной политики представлен в монографии А.Ю. Бахтуриной [Бахтурина, 2004].

Объекты и методы исследования

Использованы сравнительно-исторический и статистический методы исторического исследования. Исследование проведено на материалах периодической печати, в частности это материалы журнала «Финляндия», обозначенного издателями как «литературный популярный журнал политической и общественной жизни Финляндии», который издавался в Санкт-Петербурге в 1908–1910 гг.

Результаты и их обсуждение

Полемика на страницах журнала «Финляндия» в 1908–1910 гг.

Проблема нахождения Финляндии в составе Российской империи в начале XX вв. привлекала внимание не только историков, государствоведов, но и публицистов того периода по многим причинам, в том числе неурегулированным правовым положением присоединенной территории.

Факт присоединения Финляндии к России был закреплен Фридрихсгамским мирным договором, заключенным 5 (17) сентября 1809 г. между шведским королем Карлом XIII и Российским императором Александром I, по которому Российская империя приняла

обязательство не менять старые государственные институты Финляндии, шведскую конституцию, шведский язык в качестве государственного и не назначать в Финляндию русских чиновников, за исключением своего представителя – генерал-губернатора, который, как правило, шведским языком не владел, что существенно ограничивало его возможности управления данной территорией.

Многие документы, закрепляющие особый статус Финляндии, воспринимались как номинальные и были продиктованы, в частности, тем фактом, что «все делопроизводство в княжестве велось на шведском языке» [Бородкин, 1905, с. 8].

Император четко выразил свое намерение сохранить государственный строй и национальное законодательство Финляндии [Акты для выяснения политического положения ... 1908, с. 5]. Тот факт, что Финляндия сохраняла все основы национального государственного устройства, и стал исходной точкой для последующей полемики по поводу статуса данной территории в составе империи.

Финляндские юристы на протяжении всего XIX века исходили из трактовки статуса Финляндии не как одной из провинций, а как территории, наделенной широкой автономией [Лундаль, 1857; Мехелин, 1888; Заключение по проекту..., 1891; Даниельсон-Кальмари, 1892; Ньюгольм, 1901; Некрасов, 2010].

М. Могилянский в статье «Финляндский вопрос в правовом освещении (по поводу брошюры Л. Мехелина и к вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией)», опубликованной в журнале «Финляндия» в октябре 1909 г., писал: «Александр II при утверждении сеймового устава в 1869 г. и Александр III при пересмотре его в 1886 г. в ясных выражениях подтвердили, что правовым основанием прерогативы монарха в Финляндии является форма правления 1772 г. и Акт Соединения и Охранения 1789 г. Наконец, и в настоящее время в текущей государственной жизни Финляндии правительственная власть на каждом шагу осуществляет мероприятия, всецело основанные на вышеупомянутых конституционных актах шведского времени и в спорных случаях прямо ссылается на те или иные параграфы Формы Правления, как это, например, было в январе текущего года при временном продлении взимания ранее утвержденных налогов» [Могилянский, 1909].

Ряд русских государствоведов в отношении определения статуса Финляндии исходил из теории союзного государства, а именно союза государств, подчеркивая, что в данном случае имеет место пример предоставления широкой автономии отдельному княжеству.

Например, А. Романович-Словатинский доказывал, что Финляндия «не инкорпорирована, но находится в унии с Империей, в унии реальной, но не личной, т. к. они связаны неразрывно» [Романович-Словатинский, 1886]. В данном случае мы видим прямой отказ автора считать княжество одной из провинций Российской империи.

Отчасти данный подход разделял Б.Н. Чичерин, который исходил из того факта, что Финляндия присоединена к России не как завоеванная область, а как «отдельное государство, неразрывно связанное с Россией, но имеющее свою особенную конституцию» [Чичерин, 1894].

Ф. Кокошкин в 1910 г. подвел итог полемике финских и русских государственных и общественных деятелей, утверждая, что на вопрос о том, может ли быть юридическое положение Финляндии изменено без согласия ее законодательных учреждений, подавляющее большинство юристов даст отрицательный ответ.

В подтверждение данного тезиса автор приводит выдержку из Манифеста 9 февраля 1816 г. «О переименовании императорского правительствующего совета в императорский финляндский Сенат», в котором говорится, что «... конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского народа примененные и с давних пор положившие основания гражданской его свободы и устройству, не могут быть ограничиваемы и отменены без нарушения оных. Мы при восприятии царствования над сим краем не только тор-

жественнейше утвердили конституцию и законы сии с прилегающими на основании оных каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство под названием правительствующего совета, состоящего из коренных финляндцев, которой доселе управлял гражданской частью края сего и решал судебные дела в качестве последней инстанции, не зависев ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными монаршей нашей воли» [Кокошкин, 1910, с. 378].

Царское правительство в конце XIX в. предприняло попытку установить в Финляндии общероссийское законодательство. Так, Указ 1899 г. предусматривал применение в Финляндии общероссийского законодательства, если тот или иной вопрос «затрагивал общероссийские интересы». Данные изменения объясняют рост интереса общественных кругов России и Финляндии к этой проблеме.

Погодин А.Л. в статье «Финляндия и Польша» так оценивал положение дел: «Если уже в конце минувшего царствования подготавливались меры, имевшие целью разрешить спорный вопрос о юридическом положении Великого Княжества Финляндского в духе русской автократии, то все же лишь с 1899 г. начинается вполне определенная политика уничтожения конституционных форм в этой стране. Логический ход мыслей, который приводил к отрицанию финляндской конституции, совершенно ясен: он обнаружился и в 1869 г., когда финляндцам не удалось получить свободу печати, и в начале 1890-х гг., когда в новом уголовном уложении Великого Княжества заметили слишком легкое отношение к политическим преступлениям. Финляндия должна была лишиться тех прав, которые стояли в слишком резком противоречии с нормами, привычными и излюбленными правительством в России» [Погодин, 1909, с. 13].

Принятие Правил 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи» дало толчок дискуссии финляндских и русских государственных деятелей и на страницах периодических изданий, и в стенах Государственной Думы.

Ф. Кокошкин откликнулся на эти события обстоятельной публикацией в журнале «Финляндия» [Кокошкин, 1909]. Он писал: «Что же до затяжного кризиса в русско-финляндских отношениях, свидетелями которого мы являемся в настоящее время, то наиболее значимым событием, определяющим его характер, нужно признать, несомненно, правила 20 мая 1908 г. Правила эти, которые в Финляндии не без основания сравнивают с Манифестом 3 февраля 1899 г., ибо они действительно проводят в области финляндского верховного управления те же начала, которые данный манифест проводил в области законодательства, не явились совершенно неожиданными. Уже в 1907 г. и в июне 1908 г., и вопреки установленному порядку доклада финляндских законодательных и правительственных дел через финляндские органы, некоторые из таких дел восходили на Высочайшее разрешение через Совет министров».

Автор статьи привел отрывок из речи П.А. Столыпина в Государственной Думе, по смыслу которого: «...внутренняя самостоятельность Финляндии, гарантированная утвержденной Александром I конституцией, простирается исключительно на внутренние финляндские дела, но не на отношения ее и России на их «общие» дела Империи и Великого княжества, к которым и относятся Правила 20 мая. Дела общие России и Финляндии – это международные сношения и внешнее управление, поскольку оно не касается предметов сеймового законодательства и финансового хозяйства Финляндии. Совет министров приобретает право определять свою собственную компетенцию в области, выходящей из подлинного круга его ведомств, и тем самым определять и компетенцию имперской власти в сфере законодательства и управления автономией страны. В руки этого органа переходит компетенция, которая считает неотъемлемой принадлежностью и характерным признаком суверенитета власти». Следует отметить, что данная речь П.А. Столыпина вызвала широ-

кий общественный резонанс ввиду того, что в ней, по сути, провозглашается распространение имперского законодательства на Великое княжество Финляндское.

Сословно-представительный Сейм рассматривался в Финляндии как главный орган защиты интересов населения. Сейм начиная с 1863 г. принял целый ряд законов, с помощью которых осуществлялись широкие преобразования в государственной жизни Финляндии.

Интересна позиция П. Ренвалла, который связывал принятие Сеймового устава в 1869 г. с принятием нового церковного закона. Тем самым, по его мнению, новый Сеймовый устав способствовал «...устройству общинной представительной системы и реорганизации представительных собраний в лютеранской церкви Финляндии» [Ренвалл, 1969, с. 14–15].

Сейм в таком виде сохранялся до 1906 г., когда Николай II подписал Сеймовый устав, которым предусматривалось образование однопалатного Сейма, избираемого на основе всеобщего и прямого избирательного права. Впервые в Европе избирательные права получили женщины Финляндии.

В статье «История одной юридической теории Совета министров» С. Корф довольно резко критиковал новую редакцию Сеймового устава. В частности, он писал: «Зимой этого года Совет министров устроил маленький сюрприз юристам-государственникам, выпустив в свет своей теории о ничтожности актов распущенного законодательного собрания, в частности, эта теория была направлена против строптивых финляндцев и их сейма, гласила же она, что всякий акт распущенного сейма его *ipso* теряет всякую силу и значение. Центр тяжести теперь перенесен на благоусмотрение Монарха, который может в виде наказания распускать сейм и объявить его акты ничтожными» [Корф, 1909, 141]. Автор статьи доказывал, что таким подходом Петербург разрушает основы особого статуса княжества и подрывает доверие к имперским властям.

По поводу новой редакции Сеймового устава Ф.Ф. Кокошкин на страницах журнала «Финляндия» детально останавливался на анализе модели государственного управления княжеством в позднеимперский период, подвергая довольно резкой критике предпринятые царским правительством меры по ограничению автономии княжества. В частности, он писал: «На основании заключения Совета министров 24 марта 1908 г. был распущен первый финляндский сейм, избранный путем всеобщего голосования. Правила 20 марта 1906 г. коренным образом изменяют установленный ранее порядок. Согласно первому пункту их «суждения о том, какие из возникающих по Великому Княжеству Финляндскому дел затрагивают вместе с тем и интересы Империи и посему возлагаются на совет министров». Соответственно этому в следующих пунктах устанавливается, что все законодательные и важнейшие административные дела (пределы управления) одновременно с передачей их министру статс-секретарю Финляндии сообщаются в копиях на предварительный просмотр совета министров, и без заключения последнего дело не может быть доложено Государю Императору. Приведенные правила были встречены в Финляндии как ограничения установленной финляндской конституцией внутренней автономии края» [Кокошкин, 1909].

Как видно из приведенных цитат, авторы журнала «Финляндия» неоднократно критиковали решения правительства Николая II по ограничению законодательной компетенции сейма и подтверждению верховных прав императорской власти на Финляндию. Стоит упомянуть в этой связи и генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, проводившего курс на ограничение автономии Великого княжества, чья политика нередко подвергалась критике авторами на страницах журнала «Финляндия».

Ф.Ф. Кокошкин выразил свое отношение к проводимой администрацией Николая II политике в отношении Финляндии следующим образом: «Целая страна, правда, небольшая, но своеобразная и обособленная в национальном, культурном и правовом отношении, имеющая свою особую конституцию, свое особенное правительство, как бы поступа-

ет в специальное коллегиальное ведение высшего правительственного учреждения огромной империи, учреждения, которое в силу существующей в этой империи бюрократической централизации загружено и без того заведомо необозримым множеством разнообразнейших дел» [Кокошкин, 1909, с. 59].

В журнале «Финляндия» нашла отражение и такая важная составляющая проблемы окраинной политики Российской империи, как положение русских граждан в Великом княжестве Финляндском.

В 1908 г. в первом номере в редакционной колонке была опубликована статья «О правах русских в Финляндии (в освещении финляндских юристов)». Редактор писал: «За последнее время много говорилось и писалось редакционным органом печати о правовом положении русских в Финляндии, проводились сравнения с теми правами, которые принадлежали финляндским гражданам в империи и даже высказывалось пожелание приравнения финляндцев, проживающих в империи, к иностранцам. При сравнении прав русских в Финляндии и финляндцев в России действительно обнаруживаются существенные различия, заключающиеся в том, что финляндцы, перешедшие на жительство в империю, приобретают в ней все те права, которыми пользуются русские уроженцы, и притом без особого акта приобретения русского гражданства, тогда как русские в Великом Княжестве Финляндском почти во всех отношениях приравнены к иностранцам и лишь посредством натурализации могут приобрести те же права, как и финляндцы».

Вывод автор публикации сформулировал предельно категорично: «Русские подчинены действиям правительственной власти и законов Империи, финляндцы не подчинены правительственной власти и законам Великого Княжества. Исходя из этого положения Финляндия имеет полное право требовать, чтобы приобретение всех прав финляндских уроженцев для лиц, переселяющихся в Великое Княжество из других стран, обуславливалось переходом в финляндское гражданство» [Финляндия, 1908].

По поводу положения финского населения в составе Российской империи автор публикации приводит цитату Р. Германсона: «Не может противоречить интересам России, чтобы народ, населяющий эту часть территории Российского государства, пользовался свободным развитием и не чувствовал себя покоренным народом или смотрел на себя как на средство для удовлетворения интересов другой нации [Финляндия, 1910, с. 16].

По сути, в редакционной статье выражена позиция журнала в понимании автономии Финляндии на уровне государства в государстве.

Рубеж XIX–XX вв. стал переломным для имперских властей в определении подходов к окраинной политике на фоне возрастания межнациональных противоречий. Попытки преодоления изоляции Финляндии путем правовой, административной и экономической интеграции княжества потерпели крах. Юристы, политики и общественные деятели России и Финляндии констатировали на страницах журнала «Финляндия», что юридическое положение Великого княжества оставалось неотрегулированным и неопределенным и выходило за пределы общей национальной окраинной политики империи.

Заключение

В центре внимания публицистов, государственных и общественных деятелей начала XX в. были различные аспекты административного, правового, межкультурного взаимодействия в контексте национальной политики Российской империи. Авторы приводят позиции представителей местных локальных сообществ на проблемы языковой, этноконфессиональной политики империи.

На всем протяжении пребывания Финляндии в составе Российской империи в XIX – начале XX вв. создавались обстоятельства, способствующие возникновению противоречий и недовольства со стороны местной элиты. При этом законодательство в отношении Финляндии конца XIX – начала XX вв. не нарушало основ автономного статуса

территории. Материалы журнала «Финляндия» 1908–1910 гг. достаточно полно отражали спектр взглядов на данную проблему, показывая через призму отношения к финляндской конституции позиции различных государственных и общественных деятелей, в том числе депутатов Государственной Думы, П.А. Столыпина, а также представителей партии октябристов к окраинной политике в целом и к статусу Финляндии в частности.

Список литературы

1. Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. 1908. СПб., Изд. Г. Борениус, 86
2. Бахтурина А.Ю. 2004. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 392.
3. Бородкин М.М. 1905. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобринского. СПб., Т-во З. Голике А. Вильборг, 482.
4. Жабоедов-Господарец В.П. 2013. Характеристика правового статуса Великого княжества Финляндского по материалам периодической печати начала XX столетия / В.П. Жабоедов-Господарец. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (25): 17–31.
5. Заключение по проекту основных законов Великого Княжества Финляндского: «формы правления» и «сословных привилегий», выработанному Особым, учрежденным по высочайшему повелению 9/21 марта 1885 г. комитетом в г. Гельсингфорсе. Санкт-Петербург, 1891, 100.
6. Карнишина Н.Г. 2010. Статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в оценках дореволюционных ученых-юристов. История государства и права, 15: 24–28.
7. Ковальов Д.В. 2017. Зарождение и развитие свекоманской оппозиции в Великом княжестве Финляндском. Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2 (14): 28–35.
8. Корф С.А. 1909. История одной юридической теории Совета министров. Финляндия. 8: 139–141.
9. Кокошкин Ф.Ф. 1909. Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел». Финляндия. 5: 21–29.
10. Кокошкин Ф.Ф. 1910. Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел». Финляндия. 1: 377–382.
11. Куликов С.В. 2017. Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов. Санкт-Петербургский исторический журнал. 1: 126–141.
12. Лундаль Б. Руководство к законам Великого княжества Финляндии. Сост. Б. Лундаль. Гельсингфорс: тип. насл. вдовы Симелиус. 1857. VIII, 88.
13. Мехелин Л.Г. 1888. Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина. *Precis du droit public du grand duché de Finlande*. Par. L. Mechelin, membre du Sénat impérial de Finlande, ancien prof. de droit à l'Université d'Helsingfors; Пер. и доп. примеч. по рус. документам К. Ординым. СПб., Тип. И.Н. Скороходова, 156.
14. Миллер А.И. 2010. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., Новое литературное обозрение, 320.
15. Могунова М.А. 2005. Государственное право Финляндии. М., ОАО «Издательский Дом Городец», 368.
16. Могилянский М.М. 1909. В статье «Финляндский вопрос в правовом освещении (по поводу брошюры Л. Мехелина и к вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией)». Финляндия. 17: 543–547.
17. Неземанн Ф. 2015. От завоевания к автономии: Политические и государственно-правовые причины особого положения Финляндии в Российской империи. Ф. Неземанн. Русский Сборник: исследования по истории России. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., Модест Колеров, 2015: 113–143.

18. Некрасов Е.В. 2010. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли. Вестник Омского университета. Омск, Изд-во ОмГУ, 1: 53–61.
19. Новая книга о финляндском вопросе (Германсон Р. По вопросу о положении Финляндии. Гельсингфорс, 1909). Автор А. В. Финляндия. 1910. 10: 377–382.
20. Новикова И. 2014. «Пороховой склад», «притон для революционеров», «плацдарм для террористов»: образ Финляндии в российской националистической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Финляндия и Россия: образы общего прошлого: Finland and Russia: images of the shared past: сборник научных статей. Междисциплинарный научно-образовательный центр прибалтийско-финских исслед. FENNICA; сост. и науч. ред.: И.Р. Такала, А.В. Толстиков. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 2014: 189–198.
21. Ньюгольм К.В. 1901. Положение Финляндии в Российской державе: К.В. Ньюгольм. Берлин: кн. маг. Штура (владелец И. Реде), 1901. VI, [2]: 125.
22. Оссио Ю. 2009. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Перевод с финского языка. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009, 860.
23. Погодин А.Л. 1909. Финляндия и Польша. Финляндия. 5 (23): 13–16.
24. Ренвалл П. 1969. Семьсот лет народного представительства в Финляндии. Парламент Финляндии. Поорво-Хельсинки: 14–15.
25. Oivo Nygård. 2003. Autonomian menetys. Itsenäisyyden sarastus. Teoksessa: Zetterberg, S. (toim.) Suomen historian pikkujättiläinen: 566–580.
26. Weeks Th.R. 1996. Nations and State in late Imperial Russia. Nationalism and russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Northern Illinois University Press, 216.

References

1. Akty dlya vyyasneniya politicheskogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo [Acts to clarify the political situation of the Grand Duchy of Finland]. 1908. SPb., Izd. G. Borenus, 86.
2. Bakhturina A.Yu. 2004. Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [Outskirts of the Russian Empire: State Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 392.
3. Borodkin M.M. 1905. Iz noveyshey istorii Finlyandii. Vremya upravleniya N.I. Bobrikova [From the recent history of Finland. Time management N.I. Bobrikov]. SPb., T-vo Z. Golike A. Vil'borg, 482.
4. Zhaboedov-Gospodarets V.P. 2013. Kharakteristika pravovogo statusa Velikogo knyazhestva Finlyandskogo po materialam periodicheskoy pechati nachala XX stoletiya [Characteristics of the legal status of the Grand Duchy of Finland based on materials from periodicals of the early XX century]. V.P. Zhaboedov-Gospodarets. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. № 1 (25): 17–31.
5. Zaklyuchenie po proektu osnovnykh zakonov Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo: «formy pravleniya» i «soslovykh privilegii» vyrabotannomu Osobym, uchrezhdennym, po vysochayshemu poveleniyu 9/21 marta 1885 g., komitetom v g. Gel'singforse [Conclusion on the draft of the basic laws of the Grand Duchy of Finland: «forms of government» and «estate privileges» developed by the Special, established by the highest order on March 9/21, 1885, by a committee in the city of Helsingfors]. Sankt-Peterburg, 1891, 100.
6. Karnishina N.G. 2010. Status Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sostave Rossiyskoy imperii v otsenkakh dorevolyutsionnykh uchenykh-yuristov [The status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire in the assessments of pre-revolutionary scholars-lawyers]. Istoriya gosudarstva i prava, 15: 24–28.
7. Koval'ov D.V. 2017. Zarozhdenie i razvitiye svekomanskoй oppozitsii v Velikom knyazhestve Finlyandskom [The origin and development of the svekoman opposition in the Grand Duchy of Finland. Omsk University Bulletin]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki, 2 (14): 28–35.
8. Korf S.A. 1909. Istoriya odnoy yuridicheskoy teorii Soveta ministrov [The History of a Legal Theory of the Council of Ministers]. Finlyandiya. 8: 139–141.
9. Kokoshkin F.F. 1909. Pravila 20 maya 1908 g. «O poryadke napravleniya finlyandskikh del» [Regulations on May 20, 1908 «On the procedure for the direction of Finnish affairs»]. Finlyandiya. 5: 21–29.

10. Kokoshkin F.F. 1910. Pravila 20 maya 1908 g. O poryadke napravleniya finlyandskikh del [Regulations on May 20, 1908 «On the procedure for the direction of Finnish affairs»]. *Finlyandiya*. 1: 377–382.
11. Kulikov S.V. 2017. Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii i Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v 1905–1906 gg.: diskussii o gosudarstvenno-pravovom statuse Finlyandii pri podgotovke Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov [The bureaucratic elite of the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland in 1905–1906: discussions about the state and legal status of Finland in the preparation of the Basic State Laws]. *Sankt-Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1: 126–141.
12. Lundal', Bir'er Rukovodstvo k zakonam Velikogo knyazhestva Finlyandii [Lundal, Birier Guide to the laws of the Grand Duchy of Finland]. Sost. B. Lundal'. Gel'singfors: tip. nasl. vdovy Simelius. 1857. VIII, 88.
13. Mekhelin L.G. 1888. Konstitutsiya Finlyandii v izlozhenii mestnogo senatora L. Mekhelina. *Precis du droit public du grand duché de Finlande* [Constitution of Finland as presented by the local senator L. Mechelin]. Par. L. Mechelin, membre du Sénat impérial de Finlande, ancien prof. de droit à l'Université d'Helsingfors; Per. i dop. primech. po rus. dokumentam K. Ordinyam. SPb., Tip. I.N. Skorokhodova, 156.
14. Miller A.I. 2010. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 320.
15. Mogunova M.A. 2005. Gosudarstvennoe pravo Finlyandii [State Law of Finland]. M., OAO «Izdatel'skiy Dom Gorodets», 368.
16. Mogilyanskiy M.M. 1909. V stat'e «Finlyandskiy vopros v pravovom osveshchenii (po povodu broshyury L. Mekhelina i k voprosu o blizhayshe opredelenii pravovykh otnosheniy mezhdu Rossiei i Finlyandiei)» [In the article «The Finland question in legal coverage (concerning L. Mechelin's brochure and the question of the nearest definition of legal relations between Russia and Finland)»]. *Finlyandiya*. 17: 543–547.
17. Nezemann F. 2015. Ot zavoevaniya k avtonomii: Politicheskie i gosudarstvenno-pravovye prichiny osobogo polozheniya Finlyandii v Rossiyskoy imperii [From conquest to autonomy: Political and state-legal reasons for the special position of Finland in the Russian Empire. F. Nezemann. Russian Collection: research on the history of Russia]. F. Nezemann. *Russkiy Sbornik: issledovaniya po istorii Rocsii*. Red.-sost. O.R. Ayrapetov, M.A. Kolerov, Bryus Menning, Pol Cheysti. T. XVII: *Finlyandiya i Rossiya*. M., Modest Kolerov, 2015: 113–143.
18. Nekrasov E.V. 2010. Vopros o gosudarstvenno-pravovom statuse Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sostave Rossiyskoy imperii v dorevolyutsionnoy otechestvennoy istoriko-pravovoy mysli [The issue of the state and legal status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire in pre-revolutionary domestic historical and legal thought]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Omsk, Izd-vo OmGU, 1: 53–61.
19. Novaya kniga o finlyandskom voprose (Germanson R. Po voprosu o polozhenii Finlyandii. Gel'singfors, 1909) [New book about the Finnish question (Hermanson R. On the question of the situation in Finland. Helsingfors, 1909)]. Avtor A. V. *Finlyandiya*. 1910. 10: 377–382.
20. Novikova I. 2014. «Porokhovoy sklad», «priton dlya revolyutsionerov», «platsdarm dlya terroristov»: obraz Finlyandii v rossiyskoy natsionalisticheskoy pechati (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [«Powder warehouse», «a den for revolutionaries», «a springboard for terrorists»: the image of Finland in the Russian nationalist press (second half of the 19th – early 20th century). *Finland and Russia: images of the shared past: a collection of scientific articles*]. *Finlyandiya i Rossiya: obrazy obshchego proshlogo: Finland and Russia: images of the shared past: sbornik nauchnykh statey. Mezhdistsiplinarnyy Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr pribaltiysko-finskikh issled. FENNICA*; sost. i nauch. red.: I.R. Takala, A.V. Tolstikov. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2014: 189–198.
21. Nyugol'm K.V. 1901. Polozhenie Finlyandii v Rossiyskoy derzhave [The position of Finland in the Russian state]. Berlin: kn. mag. Shtura (vladelets I. Rede), 1901. VI, [2]: 125.
22. Ossio Yu. 2009. Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe 1809–1917 [Grand Duchy of Finland 1809–1917. Translation from Finnish]. *Perevod s finskogo yazyka*. Khel'sinki: Ruslania Books Oy, 2009, 860.
23. Pogodin A.L. 1909. Finlyandiya i Pol'sha [Finland and Poland]. *Finlyandiya*. 5 (23): 13–16.

24. Renvall P. 1969. Sem'sot let narodnogo predstavitel'stva v Finlyandii. Parlament Finlyandii [Seven hundred years of national representation in Finland. Parliament of Finland]. Poorvo-Khel'sinki: 14–15.

25. Oivo Nygård. 2003. Autonomian menetys. Itsenäisyyden sarastus. Teoksessa: Zetterberg, S. (toim.) Suomen historian pikkujättiläinen: 566–580.

26. Weeks Th.R. 1996. Nations and State in late Imperial Russia. Nationalism and russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, Northern Illinois University Press, 216.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Карнишина Наталья Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры История Отечества, государства и права Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Natalia G. Karnishina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Fatherland, State and Law, Penza State University, Penza, Russia

Карнишин Валерий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой История Отечества, государства и права Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Valery Yu. Karnishin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of the Fatherland, State and Law, Penza State University, Penza, Russia

УДК 94.87

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-859-870

Продовольственные заготовки в Центрально-Черноземном районе в годы Первой мировой войны (1914–1917)

Оськин М.В.

Международная полицейская академия ВПА,
300025, Россия, г. Тула, ул. Рязанская, 1
E-mail: maxozv@yandex.ru

Аннотация. Одной из важнейших задач власти в период Первой мировой войны стало снабжение армии и фронта продовольствием и фуражом. Центрально-Черноземный регион, расположенный в центре России, рядом с второй столицей империи – Москвой, должен был взять на себя обязанности по снабжению как фронта, так и тыловых потребляющих районов. Большую часть хлеба воюющей России поставляли малороссийские и поволжские регионы. Однако значение великороссийских черноземных губерний нельзя переоценить – с наступлением продовольственного кризиса именно они работали на снабжение старой столицы Москвы и расположенного в Белоруссии Западного фронта. С расширением номенклатуры централизованных заготовок продуктов питания и нарастания транспортных затруднений роль Центральной России в деле снабжения еще более возросла.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, Центрально-Черноземный район, Министерство земледелия, хлебная разверстка, заготовки продовольствия, продфураж.

Для цитирования статьи: Оськин М.В. 2021. Продовольственные заготовки в Центрально-Черноземном районе в годы Первой мировой войны (1914–1917). *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 859–870. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-859-870.

The food procurement in the Central-Chernozem district during the First World War (1914–1917)

Maxim V. Os`kin

WPA International, Police Academy
1, Ryazanskaya St., Tula, Russia, 300025
E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract. One of the most important tasks of the government during the First World War was to supply the army and the front with food and fodder. Food-producing regions played a leading role in this task. One of these economic districts was the Central-Chernozem district, located South of Moscow. Most of the bread of the warring Russia was supplied by the little Russian and Volga regions. The entire set of food products for the army – bread, meat, vegetables, fats, sugar – was supplied by the Central Black Earth region due to the diversity of its geography. If the northern provinces specialized in oats, the southern ones gave vegetable oils. However, the significance of the great Russian black earth provinces cannot be overestimated – with the onset of the food crisis, they worked to supply the old capital-Moscow, and the Western front located in Belarus. With the expansion of the range of centralized food supplies and increasing transport difficulties, the role of Central Russia in the supply chain has increased even more. The gradual transition of the procurement policy to fixed prices and centralized planning took into account the surpluses of all types of food products. The proximity of the Central Chernozem region to the front lines suggested that the military authorities would purchase some of the products themselves, bypassing the structures of the Ministry of Agriculture. In 1917, almost all food was subject to the state monopoly, since the country, exhausted by the war, now supplied all raw materials to the front.

Keywords: food supply, Central-Chernozem district, Ministry of agriculture, grain distribution, food procurement, food storage.

For citation: Os`kin M.V. 2021. The food procurement in the Central-Chernozem district during the First World war (1914–1917). Via in tempore. History and political science. 48 (4): 859–870 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-859-870.

Введение

Актуальность исследования российской истории периода поздней империи во многом определяется самим фактом революционного крушения государственности, а значит, осмыслением причин произошедшего. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. важным вопросом, от решения которого зависел ход вооруженного конфликта, стал продовольственный, выдвинувшийся на первое место в комплексе проблем, с которыми столкнулась Россия в военное время, в силу его всеобъемлющего влияния на жизнь воюющей страны. Продовольственный вопрос неизменно является важным звеном в цепи функционирования общественных и государственных институтов.

В связи с этим анализ переломного периода в истории России, когда этот вопрос сыграл одну из ведущих ролей в надломе российской государственности и смене политического строя, несомненно, отличается новизной своего исследования. Использование принципа историзма позволяет выстроить причинно-следственную цепь действий государства в продовольственной политике периода войны, показать усилия избранного региона в процессе снабжения, вариативность в преодолении трудностей военного времени в отношении продовольственного вопроса.

Изучение состояния продовольственного снабжения в России в период Первой мировой войны на примере Центрально-Черноземного района является целью настоящей статьи. Район «старого земледелия» внес существенный вклад в состояние продовольственного вопроса в стране. Экономическое районирование российских губерний имело два основных вида – потребляющие (которым не хватало собственного хлеба) и производящие (дающие хлеб соседям). Последние играли свою роль и в хлебном экспорте.

В свою очередь, в годы войны армия требует широкой номенклатуры продовольствия, постепенно расширяющейся по мере истощения продовольственных ресурсов воюющей страны. Такие задачи требовали централизованной государственной политики, которая в России в период Первой мировой войны выполнялась Министерством земледелия. Все имевшиеся излишки продовольственной продукции спустя год после начала войны стали учитываться государством, подлежали передаче ему по твердым ценам, а в 1917 г. перешли под действие реквизиционного права.

Разумеется, производящие губернии играли в продовольственной политике государства и общества большую роль, нежели потребляющие. Во-первых, более разнообразной была номенклатура поставляемого для нужд фронта и тыла продовольствия. Во-вторых, излишками требовалось делиться с соседями – потребляющими губерниями. В-третьих, сельскохозяйственные производители снабжали не только армию, но и города своей области. Таким районом был и Центрально-Черноземный, включавший в себя весьма отличавшиеся друг от друга по количеству продовольственных излишков Воронежскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую и Тульскую губернии (хотя в историографии Тульская и Рязанская могут исключаться из данного района [Безгин, 2004, с. 4]).

Результаты и их обсуждение

Первым и главным продуктом армии и населения являлся хлеб. Центрально-Черноземный район имел свои особенности в хлебном производстве, специализируясь на ржи и овсе (исключение составляла Воронежская губерния, где были значительные посе-

вы пшеницы). Рожь – первый продукт для войск, овес – лучший корм для конского состава действующей армии. Поэтому район работал прежде всего на заготовку хлеба для армии, равно как и на снабжение Москвы и столичного промышленного региона в целом.

Экспорт ржи и овса до войны был небольшим – около 80 млн пудов, почему армия постепенно стала выбирать не только экспортный излишек, образующийся от приостановки хлебного экспорта, но и часть той продукции, что до войны шла на внутренний рынок. Значение Центрально-Черноземного района заключалось в том, что здесь сосредоточивалось 3/5 всего экспортного избытка овса (до 20 млн пудов), требовавшегося для лошадей. Армия требовала более 100 млн пудов зернового фуража, а постепенно – и еще больше, но на первом этапе войны овес закупался преимущественно в Центральном Черноземье.

Примечательно, что в Центрально-Черноземном районе излишек продовольственного хлеба (рожь и пшеница) имели всего три губернии из шести – Тамбовская, Воронежская и Курская (если считать подушное годовое потребление хлеба в 13 пудов). Справедливо мнение, что «ситуация в Центральном районе страны была двойственной: Курская, Тамбовская, Воронежская губернии имели избыток хлебов, тогда как в соседних Орловской, Тульской, Рязанской хлеба было недостаточно» [Тагилова, 2014, с. 66]. Следовательно, даже внутри района губернии должны были делиться друг с другом хлебом, пусть и в относительно небольших количествах ¹³⁴ (см. Таблицу 1).

Таблица 1
Table 1

Остаток хлеба на душу населения (в пудах) по данным Министерства земледелия
The remaining bread per capita (in pounds) according to the Ministry of Agriculture

Губерния	Средний в 1910–1914 гг.	В 1914 г.	Предполагаемый в 1915 г.
Воронежская	20,66	20,00	25,88
Курская	20,38	17,61	18,87
Орловская	12,37	9,47	11,46
Рязанская	12,16	10,62	10,30
Тамбовская	21,20	21,76	22,78
Тульская	13,23	9,01	12,11

Орловская, Рязанская и Тульская губернии имели излишки главного фуражного продукта, закупаемого армией для конского состава войск – овса, что в военный период побуждало землевладельцев расширять зернофуражный клин в посеве [Хрящева, 1921, с. 29]. В то же время Воронежская, Тамбовская и Курская губернии прежде всего поставляли продовольственный хлеб для людей, имея избытки в 13,5 млн пудов для Тамбовской губернии, 23,7 млн – для Воронежской и 8,3 млн – для Курской [Островский, 1999, с. 483]. Одна только Тамбовская губерния выращивала до 120 млн пудов зерна, из которых 50 млн шло на рынок в другие регионы [Алехина и др., 2010, с. 99]. Между тем, в отличие от соседей по экономическому району, Тульская и Рязанская губернии и до войны «находились в зоне голода» без дополнительных закупок в южных районах [Нефедов, 2010, с. 519].

Кроме того, в середине войны данный экономический район оказался разделенным по военным обстоятельствам. В 1916 г. Курская губерния вошла в тыловой район Юго-Западного фронта, а западные уезды Орловской (Брянский, Трубчевский, Карачевский, Севский и Дмитровский) – в тыл Западного фронта, что позволило военным фуражирам самостоятельно производить здесь закупки продовольствия и фуража. Следовательно, продукция этих местностей, по сути, находилась скорее в распоряжении военных властей, нежели отвечавшего за продовольственное дело в империи Министерства земледелия и его уполномоченных.

¹³⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 1366. Л. 206.

Осенью 1915 г., когда стало ясно, что война затягивается на неопределенный период, а хлебное снабжение городов было уже нарушено [Нефедов, 2005, с. 117], государство перешло к политике твердых цен, так как основная часть финансов уходила на военные нужды. Твердые цены, постепенно вводимые на разные виды продовольственной продукции министром земледелия А.Н. Наумовым и первоначально распространявшиеся лишь на закупки для армии, в первую голову затронули хлеб. Соответственно, регионы страны стали получать разнарядку на поставку хлеба – требовавшееся количество распределялось среди уполномоченных Министерства земледелия соразмерно расчетным цифрам полученного урожая и закупалось ими.

Первая такая разнарядка прошла для продукции урожая 1915 г., которая должна была обеспечить кампанию 1916 г., в том числе и Брусилловский прорыв. Основным хлебом Центрально-Черноземного района являлись рожь и овес (ячмень, посевы которого были незначительны, не закупался вовсе, а пшеница – только в Воронежской губернии)¹³⁵ (см. Таблицу 2).

Таблица 2
Table 2

Размеры заготовки хлебов для армии из урожая 1915 г. (тыс. пудов / в % к сбору 1915 г.)
 The size of the preparation of bread for the army from the harvest of 1915
 (thousand pud / % of the collection of 1915)

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Гречиха
Воронежская	3000/5,3	100/0,3	3500/15,3	750/6,5	50/2,2
Курская	2900/6,1	-	5000/18,2	175/3,4	800/16,3
Орловская	800/2,4	-	5500/19,2	60/2,8	60/4,8
Рязанская	600/2,0	-	2000/8,9	60/1,8	60/14,3
Тамбовская	7000/9,4	-	12000/26,7	750/4,9	50/14,7
Тульская	500/1,9	-	7000/32,1	50/16,1	50/9,3

В 1916 г. была проведена сельскохозяйственная перепись, дабы определить возможности России к продолжению войны в продовольственном отношении. Предварительные данные о сборе и остатке за посевом озимых хлебов в 1916 г., собранные Министерством земледелия, показали, что сбор хлебов выше среднего за 1911–1915 гг. наблюдался во всем Центральном Черноземье, дававшем продовольственный хлеб, – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях. В Рязанской губернии сбор был средним, и лишь Тульская дала хлебов ниже среднего¹³⁶. Сокращение сбора хлебов в Нечерноземье побуждало усилить их снабжение за счет черноземных регионов, увеличивая объемы поставок в 2,5 раза, что само по себе являлось невыполнимым [Анфимов, 1962, с. 311, 313].

Когда выяснилось, что урожай 1916 г. ниже среднего за последнее пятилетие не менее чем на 400 млн пудов, государство постаралось поставить на учет для последующего изъятия весь возможный хлеб. Причем его перераспределение должно было играть выходящую роль, дабы потребляющие губернии и города также получили хлеб. Расчеты Министерства земледелия базировались на цифрах вероятного остатка хлеба от урожая 1916 г. (для Центрально-Черноземного района)¹³⁷ (см. Таблицу 3).

Примечательно, что эта ведомость, представлявшая действительность в преувеличенном масштабе, была опубликована лишь 22 сентября 1917 года. Однако, исходя из этих цифр, министр земледелия А.А. Риттих составил план хлебной разверстки зимы 1917 г., требовавшей передачи государству всего требовавшегося для него хлеба, так как для полного удовлетворения потребностей государство должно было ежемесячно иметь около 91 млн пудов зернофуража [Кондратьев, 1993, с. 91].

¹³⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 28. Л. 1–5.

¹³⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 1796. Оп. 1. Д. 67а. Л. 1.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1393в. Л. 225–240.

Таблица 3
Table 3Вероятный остаток хлеба урожая 1916 г. (в пудах)
The probable remainder of the bread harvest of 1916 (in pud)

Губерния	Рожь в зерне	Пшеница в зерне	Ячмень в зерне	Овес в зерне	Весь хлеб в зерне
Воронежская	16 345 653	6 430 008	1 651 639	5 043 930	29 471 230
Курская	18 229 106	2 537 857	258 581	10 215 737	31 241 281
Орловская	15 167 975	105 721	59 490	7 403 917	22 737 103
Рязанская	9 615 375	26 547	31	5 323 522	14 965 475
Тамбовская	27 028 938	159 094	3 780	9 099 728	36 291 540
Тульская	11 181 726	46 719	890	6 313 360	17 542 695

Как известно, разверстка оказалась непосильной для большинства регионов России в связи с тем, что «правительство оказалось не в состоянии пропорционально распределить хлебные наряды по губерниям с учетом их потенциальных экономических возможностей» [Магомедов, Гришакова, 2012, с. 67], дав к лету 1917 г. лишь около 2/3 затребованного хлеба. Но хлеб требовался стране немедленно ввиду падения государственных хлебных запасов, и потому разверстка включала в себя все виды хлебов, даже пусть производство их в том или ином районе было минимальным. Министр земледелия А.А. Риттих упрекал в слабом поступлении хлеба по разверстке воронежского, курского, рязанского и тульского уполномоченных; в средней группе по выполнению оказался орловский уполномоченный, и лишь тамбовский уполномоченный получил лестную оценку [Мацузато, 1997, с. 168]. Отвечавшие за выполнение разверстки губернаторы подключали силовой ресурс, порой требуя при «необходимости оказывать всякое, в том числе силовое содействие в деле реквизиции свободных остатков хлеба у частных владельцев и крестьян» [Курская губерния, 2014, с. 71].

Всего Центрально-Черноземный район давал лишь около 190 млн пудов хлебов. Но, во-первых, были подключены все губернии без исключения (даже Рязанская, где вследствие тяжелейшей продовольственной ситуации¹³⁸ не закупами ржи, но только корма – овес, и где дело дошло до жалоб непосредственно в Ставку Верховного командования, то есть самому императору). Во-вторых, размер разверстки в большинстве превзошел преувеличенные сведения об излишках от урожая 1916 г., что на практике вело к недообеспечению городов района. Притом лишь две губернии – Воронежская и Тамбовская – давали львиную долю продовольственного хлеба, и даже Курская губерния сосредоточилась на овсе и гречихе, что показывает степень падения производства и резкого снижения запасов хлеба в связи с военными реквизициями.

Считалось, что в 1917 г. Центрально-Черноземный район должен был иметь не менее 60 млн пудов хлебного избытка¹³⁹, но дальнейшее падение сельскохозяйственного производства в 1917 г. еще более снизило возможности России по удовлетворению нужд потребителей в ситуации мировой войны. Если риттиховская разверстка рассчитывала на около 110 млн пудов продовольственного хлеба и крупы в Центрально-Черноземном районе, то Министерство продовольствия Временного правительства по расчетам урожая 1917 г. вдвое снизило эту цифру¹⁴⁰ (см. Таблицу 4).

¹³⁸ Государственный архив Рязанской области. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2998. Л. 12об.; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 244.

¹³⁹ Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918. С. 36.

¹⁴⁰ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. Л., 1967. Ч. 3. С. 451.

Таблица 4
Table 4

Сбор хлебов в 1917 г. по данным Министерства продовольствия (в тыс. пудов)
 Grain harvest in 1917 according to the Ministry of Food (in thousand pud)

Губерния	Избыток продовольственных и крупяных хлебов	Избыток или недостаток кормовых хлебов	Общий сбор хлебов
Курская	+ 12 600	+ 2 200	81 296
Орловская	+ 11 800	+ 2 500	67 389
Тульская	+ 4 200	+ 2 900	46 993
Рязанская	-	- 800	47 141
Тамбовская	+ 16 000	- 500	95 651
Воронежская	+ 13 000	- 10 500	84 473
Итого по району	+ 57 600	- 4 200	422 943

Временное правительство пыталось спасти положение дел опорой на кооперативы, в войну работавшие в тесной связи с земствами [Петровичева, 2001, с. 39], и государственной монополией на всю продовольственную продукцию. Однако «в условиях распада народного хозяйства, дезорганизации транспорта и острого продовольственного кризиса монополия торговли хлебом не могла спасти создавшегося в стране положения» [Дихтяр, 1960, с. 222]. Скорее наоборот, она подтолкнула развитие спекуляции и придерживание продукции хлебодержателями. Преодолеть развал народного хозяйства не удалось, что и далее усиливало радикализм революционного процесса, в деревне характеризующийся как «аграрный саботаж» [Люкшин, 2013, с. 245]. Неутешительный итог хлебной ситуации в Центрально-Черноземном районе к концу войны был подведен незадолго до октябрьского переворота. Четыре губернии из шести – из производящих (именно такое положение вещей рисовали цифры разверстки) – оказались в разряде потребляющих¹⁴¹ (см. Таблицу 5).

Таблица 5
Table 5

Валовый сбор ржи и пшеницы в 1917 г. и потребность в них у населения на 1917–1918 гг.
 (в тыс. пудов)
 The gross harvest of rye and wheat in 1917 and the need for them among the population for 1917–1918
 (in thousands of pud)

Губерния	Потребности населения	Валовый сбор в 1917 г.
Курская	46 874	41 786
Орловская	38 708	42 632
Тульская	29 692	28 265
Рязанская	36 000	30 004
Тамбовская	57 336	61 138
Воронежская	57 736	56 946

Вторым по важности продуктом для питания армии являлось мясо. Для войск в первые два года войны закупался крупный рогатый скот (ввиду незначительного количества рефрижераторных вагонов, большая часть мяса поставлялась фронту в живом виде) – мясной паек солдата, и свинина – жировой паек. В поставках последнего продукта огромную роль играло как раз Центральное Черноземье, так как 90 % всего экспорта свиней приходилось на 7 губерний, в том числе Воронежскую, Курскую и Орловскую [Островский, 2014, с. 337].

¹⁴¹ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 4. Д. 222. Л. 7.

В первые полтора года войны скот для армии в тылу покупался в небольших количествах и исключительно товарный излишек, так как войсками активно использовался скот прифронтовых районов. В ходе Великого отступления русской армии в апреле – сентябре 1915 г. скот Польши, Литвы, Белоруссии и Галиции эвакуировался в тыловые районы фронтов, ввиду чего этого скота хватило для питания войск вплоть до конца зимы 1915–1916 гг.

Что касается жиров, то, помимо свинины, в армию поставлялось и сливочное масло (преимущественно из Сибири). Сала для полного удовлетворения войск не хватало, почему к его закупкам были подключены все возможные регионы. В Центрально-Черноземном районе свинину поставляли Воронежская, Курская, Рязанская и Тамбовская губернии как имевшие излишки продукции по данным военно-ветеринарного управления¹⁴².

Истощение эвакуированного запаса скота к весне 1916 г. вынудило Министерство земледелия перейти к централизованным закупкам мяса для армии, как это ранее уже было сделано в отношении хлебной продукции. На 1916 г. была составлена примерная разверстка поставки крупного рогатого скота¹⁴³ (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Table 6

Размеры поставки скота для фронта в 1916 г. по Центрально-Черноземному району
The size of the supply of livestock for the front in 1916 in the Central Chernozem region

Губерния	Голов в наличии	Число голов на 100 жителей	Определено голов к поставке в 1916 г.	% от общего количества
Орловская	396 025	15	30 000	7
Тульская	323 994	17	20 000	5
Тамбовская	612 396	17	60 000	10
Рязанская	414 264	15	20 000	5
Курская	490 473	15	25 000	5
Воронежская	781 324	22	80 000	10
По 37 регионам Европейской России	27 331 713		3 288 000	

Следует заметить, что поставка скота производилась более равномерно, нежели хлебные закупки. Если большая часть российских регионов требовала хлеба для ввоза, что накладывало обязательства по поставкам только на производящие губернии, то скот у крестьян и землевладельцев имелся во всех губерниях, почему скот закупался по назначенной квоте. Тем не менее потеря коровы могла ударить по крестьянскому хозяйству куда сильнее, нежели хлебная поставка.

Поэтому, дабы более справедливо распределить поставку животных, закупки производились земствами, исходя из цифры, требуемой Министерством земледелия. Притом, чтобы не вносить рознь в деревенский социум, поставки распространялись и на помещичье стадо, нередко состоявшее из ценного племенного скота, почему владельцы получили право заменять его (то есть покупать обычных коров у крестьян и поставлять их взамен племенных животных ценных пород по распределению)¹⁴⁴ (см. Таблицу 7).

Как видно из таблицы 7, в Центральном Черноземье основным поставщиком свиней стала Тамбовская губерния, а овец – Воронежская. Закупка свиней на сало оказалась минимальной, так как крестьяне предпочитали продавать этот продукт в города, где чаще всего не хватало и растительных жиров. То есть определенная внутрирайонная специализация существовала и в данном вопросе.

¹⁴² РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 255 об.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370. Л. 2–4.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370. Л. 4–5.

Таблица 7
Table 7

Закупка скота земствами и областными организациями с 1 апреля по 1 ноября 1916 г.
Purchase of livestock by zemstvos and regional organizations from April 1 to November 1, 1916

Губерния	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи	Всего скота при пересчете на крупный рогатый скот
Орловская	7 657	64 976	7	15 782
Тульская	14 077	277	7	14 115
Тамбовская	43 254	42 100	2 655	49 843
Рязанская	24 007	8 060	137	25 083
Курская	27 279	8 659	-	28 361
Воронежская	65 171	165 853	185	85 996
Всего по 37 губерниям	2 424 284	2 161 456	33 657	2 610 923

Установление твердых цен на скот летом 1916 г. означало, что в перспективе скот будет изыматься у населения по разверстке. Земства уже не справлялись с покупкой, так как добровольная продажа упала, ибо «цены на мясные продукты не возмещали полностью ущерба от потери скота... Потому практически с самого начала войны на мясо и мясопродукты цены были фиксированными, и как только заканчивались закупки, они сразу же подсакивали» [Самохин, 2002, с. 451], а рост однокоровных крестьянских хозяйств (единственная корова не подлежала реквизиции) уменьшил доступность закупки¹⁴⁵ (см. Таблицу 8).

Таблица 8
Table 8

Разверстка скота на январь-февраль 1917 г. (в пудах)
Distribution of livestock for January-February 1917 (in pud)

Губерния	Мясо крупного рогатого скота и свиней	Свиное сало
Воронежская	60 252	18 408
Курская	78 520	18 022
Орловская	161 210	19 548
Рязанская	141 372	13 610
Тамбовская	131 962	17 836
Тульская	69 710	8 916

Поставка мяса и сала в 1917 г. исходила не из наличного излишка животных, так как такового практически не было, а из требований Министерства земледелия. После Февральской революции Временному правительству, разумеется, не удалось добиться требуемой поставки¹⁴⁶ (см. Таблицу 9).

Таблица 9
Table 9

Ведомость выполнения губерниями нарядов на мясо и сало в 1917 г. (в пудах)
Statement of the execution of orders for meat and lard by the provinces in 1917 (in pounds)

Губерния	Наряд на мясо	Поставлено мяса	Наряд на сало	Поставлено сала
Воронежская	1 588 200	1 106 697	136 600	144 443
Курская	250 376	157 073	133 700	6 407
Орловская	118 700	256 766	145 000	11 329
Рязанская	486 200	177 498	101 000	3 055
Тамбовская	823 400	407 224	132 304	12 881

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 68. Л. 65–67.

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 21. Л. 2.

Все районы в той или иной степени провалили правительственное задание, однако Орловская губерния вдвое перевыполнила план по скоту. В связи с массовой закупкой скота, вызвавшей сопротивление скотовладельцев, и нарастанием нехватки мяса для населения Министерство продовольствия пыталось частично компенсировать его рыбой (рыба поставлялась армии, но ввиду ее быстрой порчи объемы были сравнительно невелики)¹⁴⁷.

Помимо хлеба и мяса, внутри страны для нужд армии, а затем и населения потребляющих регионов закупались овощи (в сушеном и сыром виде). Причем с осени 1916 г., когда явно обозначился продовольственный кризис, уполномоченные стали покупать даже «второй хлеб» – картошку, потребление которой позволяло ликвидировать продовольственный дефицит в деревне [Островский, 2013, с. 278], не говоря о противочинной продукции (лук, чеснок) и квашеной капусте. Заготовки картофеля производились во всем Центральном Черноземье, за исключением Рязанской губернии¹⁴⁸, а капусты – в Орловской, Тамбовской и Тульской¹⁴⁹. Воронежская губерния являлась лидером в поставках репчатого лука среди всех регионов империи (300 тыс. пудов на 1917 г.), а Курская – одним из основных поставщиков чеснока¹⁵⁰. В 1917 г. все губернии Центрального Черноземья участвовали в заготовках овощей для армии и населения.

Воронежская и Тамбовская губернии с 1916 г. стали поставщиками подсолнечного масла (пусть и в небольшом количестве), которым, ввиду нехватки традиционных жиров, в фронтовом тылу стали заменять сало и сливочное масло. Например, с 1 сентября 1916 по 15 мая 1917 г. в распоряжение воронежского уполномоченного с масличных заводов поступило 860 500 пудов подсолнечного масла¹⁵¹. Также весь район поставлял действующей армии сахар (с начала войны) и с 1917 г. – яйца. Прежде всего – те же Воронежская и Тамбовская губернии, наряду с Казанью и Ярославлем являвшиеся центрами яичного производства еще перед войной [Томстон, 2008, с. 30].

Из фуражного продукта, помимо овса, Центрально-Черноземный район работал на производстве сена, причем Рязанская губерния отправляла его исключительно в Москву, чтобы «предоставить возможность другим санным губерниям работать непосредственно на фронт». По той же причине сено Тульской губернии закупалось Земским Союзом, а в Орловской (за исключением северных Севского и Трубчевского уездов) и Курской (кроме уездов, смежных с харьковским регионом) сено почти не закупалось ввиду распаханности территории¹⁵². Из 151 млн пудов сена на 1917 г. Воронежская губерния должна была дать 2 млн, Тамбовская – 3 млн пудов. Для нужд Москвы 2 млн пудов должны были поставить Московская и Тульская губернии, а также 5,2 млн – Рязанская¹⁵³.

Заключение

Таким образом, в годы Первой мировой войны Центрально-Черноземный район Российской империи внес существенный вклад в продовольственные усилия страны по снабжению действующей армии и населения производящих губерний. В черноземной деревне вплоть до 1917 г. поддерживался довоенный уровень производства, что и позволило выполнять государственные поставки вплоть до хлебной разверстки [Иванов, 2002, с. 138]. В период развития продовольственного кризиса, особенно накануне революции и в 1917 г., район играл огромную роль в поддержании сравнительно сносного продовольственного баланса в Центральной России, питая промышленность, города и потребляю-

¹⁴⁷ Государственный архив Тверской области. Ф. 1408. Оп. 2. Д. 33. Л. 213, 216, 217.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 314. Л. 2.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 322. Л. 111 об.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 169. Л. 1, 6.

¹⁵¹ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 21. Д. 8. Л. 57.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 79. Л. 46–48.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 34. Л. 34–40.

щую деревню Центрально-Промышленного района, в то время когда государственные запасы хлеба падали от месяца к месяцу.

В районе закупалась вся требовавшаяся для фронта номенклатура продуктов питания (за исключением рыбы и сливочного масла), хотя ни по одному из видов продукции район не имел решающего значения в сравнении с более хлебными (Новороссия и Поволжье) или скотоводческими (Юг и Зауралье) районами. Именно поэтому круг лиц, отвечавших за поставки продовольствия и фуража, постоянно расширялся, а под руководством уполномоченных Особого Сопровождающего по продовольственному делу создавались новые направления деятельности.

Помимо собственно армии, Центрально-Черноземный район непосредственно питал вторую столицу – Москву, где ситуация с нарастанием продовольственных затруднений лишь осложнялась. До войны столичный район снабжался хлебом не только и не столько из близлежащих, а скорее из отдаленных регионов империи [Роднов, 2012, с. 202]. Теперь же эти регионы работали на обеспечение потребностей армии и промышленности Урала. Для столичного региона Центрально-Черноземный район являлся ближайшим резервом, где москвичи могли покупать хлеб самостоятельно. Если учесть, что население столицы по численности равнялось численности войск целого фронта, то выйдет, что, помимо армий Западного фронта в Белоруссии, Центральное Черноземье снабжало еще и «второй фронт» – Москву.

Деревня Центральной России до революции не обнаруживала явных признаков кризиса даже в промышленном Подмосковье [Ковалев, 2004, с. 128]. После революции ситуация лишь ухудшалась, что накладывало дополнительные обязательства по продовольственным поставкам на черноземные губернии. Следовательно, весь военный период, в том числе и в 1917 г., Центрально-Черноземный район выступал как один из основных источников по закупкам продовольствия для фронта, так и ведущий поставщик хлебной продукции в промышленные губернии центра страны. Значение продовольственных заготовок в Центральном Черноземье заключалось в том, что они не только давали хлеб армии, но и закрывали задачу снабжения промышленного центра империи.

Список литературы

1. Алехина Е.В., Есиков С.А., Старостин М.Е., Хорошун К.Ю., Щербинин П.П., Щербинина Ю.В., 2010. Земство и кооперативное движение в Тамбовской губернии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы. Тамбов: 96–101.
2. Анфимов А.М., 1962. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., Соцэжиз, 383.
3. Безгин В.Б. 2004. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов, 303.
4. Дихтяр Г.А. 1960. Внутренняя торговля в дореволюционной России. АН СССР. М., 237.
5. Иванов А.А. 2002. Сельскохозяйственное производство в черноземной деревне в годы Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии). Барташевские чтения: Материалы II региональной научной конференции, посвященной 140-летию отмены крепостного права в России. Липецк: 129–139.
6. Ковалев Д.В. 2004. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., МПГУ, 305.
7. Кондратьев Н.Д. 1993. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 1. М., Наука, 654.
8. Курская губерния и куряне в Первой мировой войне: Курский военно-исторический сборник. 2014. Вып. 14. Курск, 100.
9. Люкшин Д.И. 2013. Аграрный саботаж лета 1917 г. – пролог общинной революции. Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. Коломна, МГОСГИ, 180.

10. Магомедов Р.Р., Гришакова Л.В. 2012. Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, ОГПУ, 171.
11. Мацузато К. 1997. «Общественная ссыпка» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. Москва: 147–176.
12. Нефедов С.А. 2005. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция. Уральский исторический вестник. № 10–11. (Власть и общество в российской провинции). Екатеринбург: 112–126.
13. Нефедов С.А. 2010. История России. Факторный анализ. Т. II: От окончания Смуты до Февральской революции. Территория будущего. М., 685.
14. Островский А.В. 1999. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб.: 482–496.
15. Островский А.В. 2013. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., Полторак, 414.
16. Островский А.В. 2014. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., Полторак, 441.
17. Петровичева Е.М. 2001. Земства Центральной России в период первой мировой войны. М., МПГУ, 125.
18. Роднов М.И. 2012. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, ДизайнПресс, 224.
19. Самохин К.В. 2002. Мобилизации, реквизиции и заготовки для армии в Тамбовской губернии в период Первой мировой войны. Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов.
20. Тагилова Н.Ф. 2014. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования. Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: 62–75.
21. Томпстон С.-Р. 2008. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. М., РОССПЭН, 470.
22. Хрящева А. 1921. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М., 45.

References

1. Alekhina E.V., Esikov S.A., Starostin M.E., Horoshun K.Yu., Shcherbinin P.P., Shcherbinina Yu.V., 2010. Zemstvo i kooperativnoe dvizhenie v Tambovskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. Rossijskij krest'yanin v gody vojn i v mirnye gody [Zemstvo and cooperative movement in the Tambov province during the First world war 1914–1918 Russian peasant during the years of wars and in years of peace]. Tambov: 96–101.
2. Anfimov A.M., 1962. Rossijskaya derevnya v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.) [Russian village during the First World War (1914 – February 1917)]. М., Socekgiz, 383.
3. Bezgin V.B. 2004. Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX century)]. М. – Tambov, 303.
4. Dihtyar G.A. 1960. Vnutrennyaya trgovlya v dorevolucionnoj Rossii [Domestic trade in pre-revolutionary Russia]. М., AN SSSR, 237.
5. Ivanov A.A. 2002. Sel'skohozyajstvennoe proizvodstvo v chernozemnoj derevne v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Tambovskoj gubernii) [Agricultural production in a black earth village during the First World War (based on materials from the Tambov province)]. Bartenevskie chteniya: Materialy II regional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu otmeny krepostnogo prava v Rossii. Lipeck: 129–139.
6. Kovalev D.V. 2004. Agrarnye preobrazovaniya i krest'yanstvo stolichnogo regiona v pervoj chetverti XX veka (po materialam Moskovskoj gubernii) [Agrarian transformations and the peasantry of the capital region in the first quarter of the XX century (based on the materials of the Moscow province)]. М., МРГУ, 305.
7. Kondrat'ev N.D. 1993. Osoboe mnenie [Dissenting opinion]. Izbrannye proizvedeniya v 2-h knigah. Kn. 1. М., Nauka, 654.

8. Kurskaya guberniya i kuryane v Pervoj mirovoj vojne: Kurskij voenno-istoricheskij sbornik [Kursk province and kuryans in the First World War: Kursk military-historical collection]. 2014. Vyp. 14. Kursk, 100.
9. Lyukshin D.I. 2013. Agrarnyj sabotazh leta 1917 g. – prolog obshchinnoj revolyucii. Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XXI veka: sbornik statej [Agrarian sabotage of the summer of 1917 – the prologue to the communal revolution. State power and the peasantry in the XIX – early XXI century: a collection of articles]. Kolomna, MGOSGI, 180.
10. Magomedov R.R., Grishakova L.V. 2012. Vojna i hleb. Istoriya prodovol'stvennoj politiki gosudarstva na Yuzhnom Urale v gody Pervoj mirovoj vojny [War and bread. The history of the food policy of the state in the South Urals during the First World War]. Orenburg, OGPU, 171.
11. Macuzato K. 1997. «Obshchestvennaya sсыпка» i voenno-prodovol'stvennaya sistema Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [«Public loading» and the military-food system of Russia during the First World War]. Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Ezhegodnik. 1997. M.: 147–176.
12. Nefedov S.A. 2005. Fevral' 1917 goda: vlast', obshchestvo, hleb i revolyuciya [February 1917: Power, Society, Bread and Revolution]. Ural'skij istoricheskij vestnik. № 10–11. (Vlast' i obshchestvo v rossijskoj provincii). Ekaterinburg: 112–126.
13. Nefedov S.A. 2010. Istoriya Rossii. Faktornyj analiz [History of Russia. Factor analysis]. T. II: Ot okonchaniya Smuty do Fevral'skoj revolyucii. Territoriya budushchego. M., 685.
14. Ostrovskij A.V. 1999. Gosudarstvenno-kapitalisticheskie i kooperativnye tendencii v ekonomike Rossii: 1914–1917 gg. [State-Capitalist and Cooperative Trends in the Russian Economy: 1914–1917] Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb.: 482–496.
15. Ostrovskij A.V. 2013. Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Grain production of European Russia in the late XIX – early XX century] SPb., Poltorak, 414.
16. Ostrovskij A.V. 2014. Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Animal husbandry in European Russia in the late XIX – early XX century] SPb., Poltorak, 441.
17. Petrovicheva E.M. 2001. Zemstva Central'noj Rossii v period pervoj mirovoj vojny [Zemstvos of Central Russia during the First World War]. M., MPGU, 125.
18. Rodnov M.I. 2012. Prostranstvo hlebnogo rynka (Ufinskaya guberniya v konce XIX – nachale XX vv.) [Space of the grain market (Ufa province in the late 19th – early 20th centuries)]. Ufa, DizajnPress, 224.
19. Samohin K.V. 2002. Mobilizacii, rekvizicii i zagotovki dlya armii v Tambovskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny [Mobilization of requisition and procurement for the army in the Tambov province during the First World War]. Social'naya istoriya rossijskoj provincii v kontekste modernizacii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv. Tambov.
20. Tagirova N.F. 2014. Hlebnaya trgovlya v Rossii 1914–1917gg.: kollizii rynochnogo i gosudarstvennogo regulirovaniya [Bread trade in Russia 1914–1917: collisions of market and state regulation]. Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya. M.: 62–75.
21. Tompston S.-R. 2008. Rossijskaya vneshnyaya trgovlya XIX – nachala XX v.: organizaciya i finansirovanie [Russian foreign trade of the XIX – early XX centuries: organization and financing]. M., ROSSPEN, 470.
22. Hryashcheva A. 1921. Krest'yanstvo v vojne i revolyucii [The peasantry in the war and revolution. Statistical and economic essays]. Statistiko-ekonomicheskie ocherki. M., 45.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оськин Максим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и теории государства и права Международной полицейской академии ВПА, г. Тула, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim V. Os`kin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of State and Law, WPA International, Police Academy, Tula, Russia

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-871-882

«Новый город» на страницах периодической печати США (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)

Макарова Н.Н., Трофимов А.Е.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,

Россия, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38

E-mail: makarovanadia@mail.ru

Аннотация. Советский проект в самом широком смысле понятия привлекал внимание как в момент его реализации, так и выступает предметом пристального внимания современных исследователей. В период форсированной индустриализации Магнитогорск – город, строительство которого началось в степях Южного Урала, – представлял собой образец «нового города», созданного на новом «пустом» месте, город, лишенный истории и прошлого, город, где возможно построить новое общество. Именно так советская пропаганда преподносила образ Магнитогорска как в пределах Советского Союза, так и за рубежом. Журнал «СССР на стройке» экспортировал пропагандистские идеи и образ «нового города» в капиталистический мир. В данной статье авторы на основе комплекса разнообразных исторических источников (делопроизводственные документы, источники личного происхождения и периодическая печать), в русле комплексного подхода и метода «плотного описания» анализируют проблему отражения истории создания Магнитогорска в периодической печати США. Основным историческим источником в данной работе выступили американские газеты «The Atlanta Constitution», «The Patterson morning call», «The modern view», «Nashville Banner», «Daily Free-Lance», «Reno gazette-journal», «Public opinion», «The Yonkers Herald», «The Cincinnati Enquirer», «News-Journal», «The Decatur daily review», «California Eagle», «The Terrill Record», «The American Guardian», «The Times Dispatch», «Star-Phoenix», «The evening news», «The Kansas City Times», «The Wisconsin Jewish Chronicle», «Santa Rosa Republican». Ключевой вывод авторов состоит в том, что образ Магнитогорска в периодике США не был однородным и во многом зависел от идеологической направленности самого издания. Однако спектр проблем, который нашел отражение в периодической печати, был разнообразным и включал как вопросы социально-бытового обслуживания первостроителей, так и проблематику инженерных решений при реализации строительства металлургического предприятия.

Ключевые слова: «Новый город», СССР, США, индустриализация, периодическая печать, Магнитогорск.

Для цитирования: Макарова Н.Н., Трофимов А.Е. 2021. «Новый город» на страницах периодической печати США (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.). *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 871–882. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-871-882.

«New city» in US periodical press (at the instigation of Magnitogorsk, 1930s.)

Nadezhda N. Makarova, Andrei E. Trofimov

Nosov Magnitogorsk State Technical University,

38 Lenina St., Magnitogorsk 455000, Russia

E-mail: makarovanadia@mail.ru

Abstract. The Soviet project in the broadest sense of the concept attracted attention both at the time of its implementation, and now as the subject of close attention of modern researchers. During the period of forced industrialization, Magnitogorsk, a city which construction began in the steppes of the Southern Urals, was an example of a «new city» created on a new «empty» place, a city devoid of history and the past, a city where it

is possible to build a new society. This is how Soviet propaganda presented the image of Magnitogorsk both within the Soviet Union and abroad. The magazine «USSR at the construction site» exported propaganda ideas and the image of the «new city» to the capitalist world. In this article, the authors analyze the problem of reflecting the history of the creation of Magnitogorsk in the US periodical press on the basis of a complex of various historical sources (office documents, sources of personal origin and periodicals), in line with an integrated approach and the method of «thick description». The main historical source in this work were the American newspapers «The Atlanta Constitution», «The Patterson morning call», «The modern view», «Nashville Banner», «Daily Free-Lance», «Reno gazette-journal», «Public opinion», «The Yonkers Herald», «The Cincinnati Enquirer», «News-Journal», «The Decatur daily review», «California Eagle», «The Terrill Record», «The American Guardian», «The Times Dispatch», «Star-Phoenix», «The evening news», «The Kansas City Times», «The Wisconsin Jewish Chronicle», «Santa Rosa Republican». The key conclusion of the authors is that the image of Magnitogorsk in the US periodicals was not homogeneous and largely depended on the ideological orientation of the publication itself. However, the range of problems that were reflected in the periodical press was diverse and included both issues of social and consumer services for first-time builders and the problems of engineering solutions in the implementation of the construction of a metallurgical enterprise.

Keywords: «New city», USSR, USA, industrialization, periodicals, Magnitogorsk.

For citation: Makarova N.N., Trofimov A.E. 2021. «New city» in US periodical press (at the instigation of Magnitogorsk, 1930s.). Via in tempore. History and political science. 48 (4): 871–882 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-871-882.

Введение

В ходе форсированной индустриализации на карте Советского Союза возникали новые города и промышленные предприятия, призванные преодолеть технико-экономическое отставание СССР от стран Европы и США и обеспечить страну независимой технической базой. Магнитогорск был одним из таких первенцев сталинской индустриализации. Место для строительства завода и города было выбрано не случайно: в недрах горы Магнитной были сосредоточены запасы железной руды. Магнитогорск занимает уникальное географическое положение, поскольку расположен в двух частях света – в Европе и в Азии. Левобережье города характеризуется активным рельефом, прежде всего горой Магнитной, правый берег имеет спокойный ландшафт. Обилие природных ресурсов предопределило значимость города и его активную роль в обеспечении страны металлом.

С начала строительства Магнитка стала амбициозным проектом, призванным продемонстрировать возможности построения «нового города», лишённого исторического прошлого. Значительные объёмы капиталовложений, привлечение иностранных специалистов, работа агитаторов и пропагандистов по стране и за ее пределами сформировали образ промышленного гиганта. Всесоюзная стройка привлекала внимание не только простых советских людей, стремившихся получить в крупном городе работу по специальности, достойную заработную плату и бытовые условия. Даже иностранцы интересовались Магнитостроем и его успехами. В город ехали американские, немецкие, венгерские рабочие в поисках лучшей доли. Зарубежная периодическая печать активно освещала события, происходившие в городе и на стройке металлургического завода.

Все вышеперечисленное позволяет задаться вопросом о том, как зарубежные газеты освещали всесоюзную стройку, насколько успешной ее считали за рубежом, наконец, как сами иностранные газеты объясняли интерес своих граждан к Советскому Союзу и Магнитогорску. Американская пресса наиболее активно освещала указанные проблемы. Кроме того, обращение к периодической печати США 1930-х гг. позволяет внести вклад в изучение советско-американских отношений (которые традиционно вызывают интерес мировой общественности). Обе державы – СССР и США – были важными геополитиче-

скими центрами и оказывали существенное влияние на мировую политику XX в. Одновременно с индустриализацией и началом строительства Магнитогорска в США началась Великая депрессия, что вынуждало население искать новые места и возможности для заработка. Одним из центров привлечения рабочих стал Советский Союз. Выбранная тема позволяет выявить причины, благодаря которым рабочие стремились попасть именно на строительство Магнитогорска. Помимо этого, на основе интервью рабочих мигрантов в печатных изданиях можно выявить новые сведения об условиях жизни разных категорий населения во время масштабного строительства.

Выбор хронологических рамок исследования объясняется повышенным интересом к Советскому Союзу в 1930-е гг., который связан с поиском новых мест работы вследствие Великой депрессии, а также с формированием и развитием Советского Союза как промышленного конкурента США.

Историография проблемы

Историография вопроса довольно обширна и условно может быть поделена на несколько блоков. Во-первых, исследования, посвященные советско-американским отношениям и формированию образа СССР в указанный период. В советской историографии этот вопрос был неразрывно связан с идеологическими штампами в силу политического и административного надзора. В.К. Фураев проанализировал аспекты взаимоотношений между СССР и США, уделил внимание анализу антисоветских стереотипов [Фураев, 1964]. Г.Н. Цветков осветил в своей работе борьбу различных политических сил США по вопросам повестки относительно СССР [Цветков, 1971]. В.И. Касьяненко анализировал мнение американского общества о советском государстве [Касьяненко, 1987]. Э.А. Иванян уделял особое внимание внутривнутриполитическим процессам в СССР и их влиянию на формирование образа страны [Иванян, 1996]. Коллективизация и пятилетки в американском общественном сознании изучал К.Т. Тихий [Тихий, 2000]. Б.М. Шпотов исследовал различные аспекты привлечения иностранных специалистов и иностранного капитала для строительства новых промышленных центров в ходе индустриализации [Шпотов, 2003, 2005, 2007]. На современном этапе в историографии не так много исследований, посвященных вопросам восприятия индустриализации в американском обществе. Так, работа О.О. Резаненко, которая на основе американской прессы и комплекса других источников, включая дипломатическую переписку и материалы советской пропаганды, проанализировала образ индустриализации советской промышленности в американском сознании 1920–1930-х гг. [Резаненко, 2016]. Главный вывод исследователя состоит в том, что методы пропаганды формирования общественного мнения в США не оказывали существенного влияния на восприятие Советского Союза.

Вторым историографическим блоком являются труды, посвященные истории Магнитогорска. В 1930–1980-е гг. было множество публикаций, посвященных строительству и функционированию города, многие из которых носят публицистический характер и имеют источниковую значимость [Макарова, 2015]. Исследование отдельных вопросов в области градостроительства Магнитогорска [Тищенко, 1932], архитектурных поисков [Пузис, 1930], развития здравоохранения [Барышев, 1976], культуры в новом городе [Кусакова, 1936; Попов, 1975] традиционно являлось объектом внимания историков. Важный этап в изучении Магнитогорска начался в 2000-е гг. благодаря функционированию центра локальной истории при кафедре истории России Магнитогорского государственного университета. Вопросами пропаганды и отражением города в фотохрониках на современном этапе занимается А.Н. Макаров [Макаров, 2012]. Л.П. Спасова исследует отдельные вопросы, связанные с адаптацией иностранных специалистов к реалиям советской жизни, опираясь на пример Магнитостроя [Спасова, 2010, 2011].

Источниковая база и методы исследования

Источниковая база исследования представлена американскими газетами 1930-х гг. Именно пресса являлась основным каналом информации. В случае с американскими изданиями зачастую не было единой информационной повестки, что позволяет выявить различные мнения и позиции общества. Поиск источников осуществлялся с помощью сервиса «newspapers.com», в котором публикуются оцифрованные газеты. Всего было найдено и проанализировано 1 008 публикаций, в которых так или иначе затрагивался Магнитогорск. Следует уточнить, что в большинстве случаев публиковались лишь сведения о том, сколько тонн той или иной продукции было выпущено в городе. Часто одна и та же статья публиковалась в разных газетах (иногда более 10 раз).

Методологической основой исследования является принцип историзма, что обеспечивает всесторонний и объективный анализ источникового материала. Хронологический и сравнительно-исторический методы позволяют рассмотреть все события в их развитии и взаимной связи, проследить эволюцию образа Магнитогорска в американской прессе. Реализация задач исследования достигается посредством использования сочетания междисциплинарного, функционального, ретроспективного и проблемно-хронологического методов.

Результаты исследования

Интерес к Магнитогорску в американской прессе не был стабильным (рис. 1). Самое значительное число упоминаний о городе в СМИ США относится к 1931 и 1932 гг., что обусловлено завершением первой пятилетки в СССР в целом и всплеском интереса к Магнитострою, где для иностранных специалистов предлагали особые условия работы.

Рис. 1. Количество упоминаний Магнитогорска (по данным портала newspapers.com)
Fig. 1. The number of mentions of Magnitogorsk (according to the portal newspapers.com)

Интерес к Магнитогорску подтверждает тот факт, что город упоминался в американских газетах в два раза чаще, чем Кузнецк и Челябинск. Именно Магнитогорску посвящены наиболее развернутые статьи, другие же промышленные центры упоминались, как правило, только в контексте сообщений об индустриализации советской промышленности.

Все публикации в американских СМИ о Магнитогорске можно с некоторой долей условности сгруппировать следующим образом: США как помощник и партнер СССР; публикации о планах развития Магнитки как «города нового типа»; интервью с американскими рабочими о Магнитострое и информация о быте различных категорий населения; сведения о происшествиях.

Первые публикации о сотрудничестве СССР и США в сфере строительства металлургического завода появились в печати в конце 1920-х гг. Так, в газете «The Atlanta Con-

stitution» от 21 декабря 1928 г. сказано, что «Шестнадцать техников сейчас находятся в пути, чтобы руководить строительством сталелитейного завода в Тобольске, Магнитогорске, Кривом Роге» [Americans and Russia. The Atlanta Constitution. 1928. December 21. P. 6]. Интересен эмоциональный фон публикации. Автор писал о сближении двух стран: «от Америки должно прийти спасение. Ни одна из европейских наций по той или иной причине не смогла удовлетворить потребности великого славянского мира <...> Но теперь надежда на Соединенные Штаты» [Americans and Russia..., 1928. December 21. P. 6]. Автор также считает, что для нового поколения советских граждан Америка наделена «ореолом романтики» [Americans and Russia..., 1928. December 21. P. 6].

17 марта 1930 г. в ряде американских газет появились сведения о том, что «американские инженеры получили контракт на советский промышленный объект стоимостью 237 млрд долларов» [Steel city is plan of soviet. Dayton Daily News. March 17, 1930. P. 23.]. Авторы указывали, что масштабы завода будут такими же, как у завода в городе Гэри. Также газеты анонсировали встречу американских инженеров и советской делегации во главе с В.А. Смольяниновым.

20 июля 1930 г. в газете «Nashville Banner» вышла статья под названием «Американские личности в российской программе» [Americans figure in Russia's program. Nashville Banner. July 20, 1930. P. 4]. В ней рассматривали американцев, задействованных в советской индустриализации. «Российская индустриализация в том виде, в каком она существует сегодня, несомненно, является самой большой вещью такого рода, когда-либо задуманной, действующей в рамках так называемой пятилетки», – писал автор [Americans figure in Russia's program..., 1930. P. 4]. В статье сообщалось о 45 заключенных контрактах с американскими производителями и участии более 600 американцев в строительстве. Оценка индустриализации в СССР как попытка создания «из ничего, так сказать, высокоиндустриального общества» не была слишком высокой. Далее автор публикации указал, что «если эта схема сработает, то перемены в русском народе <...> могут быть колоссальными» [Americans figure in Russia's program..., 1930. P. 4] и высказал опасения по поводу будущего СССР: «Если коммунистам удастся удержать народ в своей мертвой хватке и, таким образом, использовать его для осуществления своих планов мировой революции, мир может в конечном итоге столкнуться с несогласованными событиями. Остается определить, заняты ли Соединенные Штаты, Германия и другие страны изобретением Франкенштейна» [Americans figure in Russia's program..., 1930. P. 4].

25 января 1931 г. в газете «Daily Free-Lance» была опубликована большая статья, посвященная Магнитогорску, под названием «'Гэри России'» возвышается рядом с железной горой; американские инженеры подгоняют 20 000 советских рабочих» [«Gary of Russia» rises near mountain of iron; american engineers prod 20 000 soviet workers. Henryetta Daily Free-Lance, January 25, 1931. P. 6]. Автор писал, что пока город состоит «из лачуг и палаток», что строительство было бы невозможным без помощи американских специалистов и пропаганды патриотизма [«Gary of Russia» rises near mountain of iron..., January 25, 1931. P. 6].

Иногда публиковались заметки относительно конкуренции США и СССР в промышленности. Издатели стремились показать техническое преимущество Америки на долгие годы вперед. Так, 15 июля 1931 г. в «Reno gazette-journal» была опубликована статья «Не видят угрозы в российских товарах» [Sees no threat in russian goods. Reno Gazette-Journal. July 15, 1931. P. 5]. В ней были приведены размышления Бейкера, компания которого руководила строительством металлургического комбината в Магнитогорске. Он подчеркнул, что металлургическая промышленность СССР не сможет удовлетворить потребности Европы и США и не будет международным конкурентом в сфере промышленных товаров: «Расстояния велики, а транспорт в России беден. Я убежден, что пройдет много лет, прежде чем Россия сможет позаботиться о своих собственных первичных потребностях» [Sees no threat in russian goods..., 1931. P. 5].

17 марта 1932 г. в газете «Public opinion» была опубликована статья «Советский стальной город начинает производить чугун» [Soviet steel town begins to make pig iron. Public Opinion. March 17, 1932. P. 3]. В ней приводится отчет главы фирмы McKee & Co советскому правительству о строительстве комбината в Магнитогорске: «Производство чугуна является убедительным доказательством того, что плановые и строительные работы последних двух лет были выполнены должным образом и успешно» [Soviet steel town begins to make pig iron..., March 17, 1932. P. 3]. Американский инженер уточнил, что пока производительность печи составляет 500 тонн в день и не достигнет 1 000 тонн, русские не станут более опытными. «Это создает прецедент в советской промышленной практике» – говорилось в статье. Авторы указывали и на перспективы магнитогорского комбината: «Печь № 2 находится в завершающей стадии достройки и должна быть запущена ранней весной. Только эти два агрегата способны производить 2 000 тонн чугуна в сутки, что на 15 % превысило бы производительность» [Soviet steel town begins to make pig iron..., March 17, 1932. P. 3]. Также авторы отметили, что «сырье оказалось даже лучше, чем ожидалось» [Soviet steel town begins to make pig iron..., March 17, 1932. P. 3].

20 августа 1932 г. в газете «The eagle» вышла большая статья, посвященная Магнитогорску [City of Magnitogorsk giant of Soviet five-year plan; city of iron is built in three years. The Eagle. August 20, 1932, P. 6]. Автор сообщал, что Магнитка является одним из самых показательных мест, которые только можно посетить в Советском Союзе, что город – это «смесь амбиций, движущей энергии, неуверенного и некачественного исполнения, масштабного строительства, тяжелых и примитивных условий жизни, идеализма и безжалостности» [City of Magnitogorsk giant of Soviet five-year plan; city of iron is built in three years..., August 20, 1932, P. 6]. Основное внимание в статье было уделено перспективам развития города и доказательству тезиса, что Магнитогорску до завода Гэри еще далеко. По поводу жизни рабочих говорилось, что все они живут в бараках, а единственное комфортабельное жилье построено специально для иностранных специалистов.

К 1934 г. о Магнитогорске знало большое число американцев, а газеты сообщали, что новые индустриальные города необходимо посетить, чтобы понять советскую действительность. Для американских туристических компаний это стало дополнительной возможностью заработать. Так, 1 мая 1934 г. в газете «The Pittsburgh press» было опубликовано предложение: «американо-российская торговая палата организует обследование новых гигантских советских индустрий протяженностью 5 000 миль. Этот пробный тур покинет Москву 2 июля и посетит Магнитогорск, Челябинск, Новосибирск, Новокузнецк» [Soviet markets at first hand. The Pittsburgh Press. May 1, 1934. P. 5].

В целом американские издатели не упускали возможности возвысить авторитет США в глазах обычных граждан. При этом Америка становилась чуть ли не единственным и самым важным партнером СССР для реализации масштабных промышленных проектов.

Второй тип статей связан с формированием представлений о широких возможностях на Магнитострое для приезжих рабочих. Единая информационная повестка в публикациях отсутствовала. В условиях Великой депрессии привлекательный образ «нового города», в котором много рабочих мест, мотивировал американцев ехать в Магнитогорск. Так, 4 января 1930 г. в газете «The morning call» в статье «Прогнозы финансистов» [Predictions by financiers in Russia and Belgium only ones which sound decidedly optimistic tone in united press symposium. The Morning Call. January 4, 1930. P. 3] сообщалось, что лишь в СССР и Бельгии «оптимистично» развивается экономика [Predictions by financiers in Russia and Belgium only ones which sound decidedly optimistic tone in united press symposium..., January 4, 1930. P. 3]. В публикации были зафиксированы цифры: производительность промышленности должна увеличиться на 32 %, а заработная плата – на 9 %. Такие показатели экономического роста не могли не стимулировать американских рабочих, оставшихся без средств к существованию, отправиться в СССР, в том числе и в Магнитогорск. Данная статья была перепечатана под другими названиями в газетах США, например, в

«Intelligencer journal» [European experts of finance see difficult year. Intelligencer Journal. January 4, 1930. P. 14] и «The Atlanta constitution» [European business expects good year. The Atlanta Constitution. January 5, 1930. P. 22].

Отдельного внимания заслуживают газетные статьи Ю. Лайонса, который в начале 1930-х гг. активно поддерживал промышленное строительство и пропагандировал советские ценности в американских изданиях. Так, 3 апреля 1930 г. американские газеты выпустили его статью «Россия строит синтетический город» [Russia building synthetic city. The Hastings Daily Tribune. April 3, 1930. P. 3]. Ю. Лайонс писал, что «Российское правительство планирует вернуться к социалистическим идеям античной Спарты, социальная и коммунальная жизнь будут обеспечены на 100 %» [Russia building synthetic city..., April 3, 1930. P. 3]. Интересны представления автора о жизни в городе: «До 16 лет все дети будут воспитываться и содержаться самой общиной, в яслях, детских садах, в школах и лицеях. Они будут жить вдали от своих родителей, хотя будут поощряться тесные отношения посредством частных взаимных визитов» [Russia building synthetic city..., April 3, 1930. P. 3]. Ю. Лайонс пытался предсказать роль женщины в городе нового типа и отмечал, что они будут освобождены от домашних обязанностей и займут место наравне с мужчинами в новой индустриальной жизни. Согласно Ю. Лайонсу, архитектурно город должен состоять из «жилых коммун» [Russia building synthetic city..., April 3, 1930. P. 3], а каждый житель будет иметь собственную идеальную комнату. Еда для всего города должна готовиться и распределяться из «одной огромной кухни» [Russia building synthetic city..., April 3, 1930. P. 3].

12 июля 1930 г. в газете «The Yonkers Herald» вышла статья Ю. Лайонса под названием «Центральный комитет Коммунистической партии выносит предупреждение против слишком резкого вмешательства» [Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference. The Yonkers Herald, July 12, 1930. P. 11]. В публикации говорилось, что ЦК КПСС выступил против вмешательства в личную и домашнюю жизнь рабочих: «взгляды на такие вопросы [от ЦК КПСС] равносильны приказу» [Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference..., July 12, 1930. P. 11]. «Предложение о немедленном налаживании семейной жизни, об изъятии детей у родителей, об упразднении отдельных кухонь были восприняты прессой всего несколько месяцев назад с большим энтузиазмом» [Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference..., July 12, 1930. P. 11]. В статье критиковали М. Сабсовича и Н. Ларина, авторов данных нововведений в сфере социального устройства: «Он [И.В. Сталин – авт.] указывает на Ларина и Сабсовича, руководителей этих поспешных революций повседневной жизни, как на людей, виновных в крайне неразумных, фантастических и потом опасных попытках одним прыжком преодолеть все препятствия на пути к социалистическому устройству жизни» [Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference..., July 12, 1930. P. 11].

Анализируя эти газетные статьи, можно сделать вывод, что в американском сознании Магнитогорск должен был закрепиться как перспективный проект, в котором любой человек может жить во благо новых идей и ценностей. Это обстоятельство во многом способствовало прибытию американцев в Магнитогорск.

Следующая группа публикаций в американских СМИ представляет различные интервью американских рабочих, участвовавших в строительстве города. Многие интервью заранее анонсировались в газетах. Так, 9 апреля 1932 г. в ряде газет Миннеаполиса появились сведения о том, что некий Ф.У. Дэвис, управляющий опытной станцией в университете, опишет Россию такой, какой он ее видел во время работы на Магнитострое [«U» Mine expert to speak on Russ. Star Tribune. April 9, 1932. P. 7].

17 июля 1932 г. в газете «News-Journal» была опубликована статья «Эксперт рассказывает о России» [Shelby expert tells of Russia. News-Journal. July 17, 1932. P. 2]. В ней Ж. А. Габриэль делился своими впечатлениями о годичной поездке в СССР. Начинался рассказ с описания дороги до Магнитогорска («Поездка заняла четыре дня и была совершена в

поезде совсем другого типа, чем в Америке») и погодных условий («экстремальную погоду на протяжении всего путешествия») [Shelby expert tells of Russia..., July 17, 1932. P. 2]. Ж.А. Габриэль был шокирован температурой воздуха минус 37 градусов по шкале Цельсия, из-за чего нельзя было набрать воды в колодце: «шесть футов под землей были заморожены» [Shelby expert tells of Russia..., July 17, 1932. P. 2]. В Магнитогорске автор поселился в американской деревне недалеко от завода и приступил к обязанностям инженера-консультанта, отвечающего за канализацию. Говоря об условиях жизни в России, Ж.А. Габриэль заявил: «условия жизни низшего рабочего класса в Соединенных Штатах лучше, чем лучшее, что может предложить Россия. Однако русские делали для американцев все, что могли, и относились к ним даже лучше, чем к высшим российским чиновникам» [Shelby expert tells of Russia..., July 17, 1932. P. 2]. Автор отметил, что они жили в частных домах и питались в ресторане. Продолжение истории Ж.А. Габриэля [Work Moves Slowly. News-Journal. July 18, 1932. P. 2] было посвящено медленным темпам строительства [Work Moves Slowly..., July 18, 1932. P. 2] и недостаткам расположения завода [Work Moves Slowly..., July 18, 1932. P. 2]. В третьей части рассказа автор объяснял странности в костюме магнитогорцев погодными условиями: «Зимой, когда термометр держался около 29 градусов ниже нуля, конторские рабочие и инженеры были вынуждены носить кожаные пальто, подбитые собачьим мехом, высокие воротники, меховые шапки и кожаные сапоги или "малинки", валенки без подошвы» [Weather cause of oddities in Russian dress. News-Journal. July 19, 1932. P. 3].

Отдельный блок посвящен этике поведения магнитогорских рабочих во время принятия пищи. Автор указывал, что в рестораны [столовые – авт.] все ходят в рабочей одежде. «Рабочие ограничиваются в еде лишь самым необходимым. Они редко используют больше одной тарелки. Русская посуда и одежда практичны так же, как и в Америке, вместо магазинов в главном деловом районе, как у нас в Соединенных Штатах, одежда и продукты питания доставляются и передаются в руки распределительных магазинов» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3]. Ж.А. Габриэль указывал на низкое качество хлеба, недостаток кисломолочных продуктов: «Одним из самых дефицитных продуктов в продуктовой линейке России является молоко и его продукт – сливочное масло» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3].

Четвертая часть рассказа Ж.А. Габриэля была опубликована 20 июля 1932 г. под названием «Образование – одна из самых больших забот России» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3]. По мнению автора, власти делали все возможное для просвещения своего народа, чтобы обеспечить производство квалифицированными кадрами и отказаться от помощи американцев: «Существуют репетиторы для домашнего обучения по вечерам и занятия через день в главном зале или оперном театре в окрестностях Магнитогорска» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3]. Ж.А. Габриэль сообщал о роли религии в образовании и общественной жизни: «Одним из наименее упоминаемых предметов в России является вопрос религии. Ни одна религия не преподается в школах, немногие церкви открыты для богослужения» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3].

Автор говорил о том, что в Магнитогорске рабочие трудятся сверх нормы [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3] и сообщал о зарплатах отдельных работников: «Чертежники и детальщики получают около 250 рублей (\$179,50 в американских деньгах) в месяц. Опытные мужчины получают 500 рублей (359 долларов) и более в месяц. Инженеры, принадлежащие к правительственной партии, ограничиваются 500 рублями в месяц, но им предоставляются особые льготы в отношении транспорта, большего количества продовольствия и в большинстве случаев обеспечиваются зимним обмундированием» [Weather cause of oddities in Russian dress..., July 19, 1932. P. 3].

12 мая 1933 г. в газете «California Eagle» вышла заметка, в которой сварщик Дж. Скотт сообщал, что «несмотря на все сообщения, нет принудительного труда, нет безработицы, нет долгих часов в опасных отраслях, как заставила бы нас поверить амери-

канская пресса» [As I see it. California Eagle. May 12, 1933. P. 10]. Тем самым он опроверг многочисленные сообщения о трудностях на строительстве Магнитогорского комбината. Следует понимать, что Дж. Скотт был сторонником коммунистической идеологии и верил в идею построения «светлого будущего». Однако по образу Магнитогорска в американском сознании могла ударить статья «Заклученные в Советского Союзе платят за свой труд», опубликованная на страницах газеты «The American Guardian» 18 января 1935 г. По словам автора, их практически невозможно отличить от других работников, разница состоит лишь в том, что они живут в специально отведенных бараках.

Вышеприведенные газетные статьи демонстрируют перечень фактов, на основе которых складывалось представление американцев о Магнитогорске. Первоначально американцев привлекали с помощью особых условий труда и им создавали комфортные условия для жизни. Однако социально-бытовые условия, о которых советские строители могли только мечтать, для иностранцев оказались непривлекательными. Кроме того, обещанная высокая заработная плата часто оставалась только обещанием.

В отдельную группу публикаций можно сгруппировать многочисленные заметки о происшествиях – необычных явлениях в жизни новостройки. Так, например, в американских СМИ очень популярной была тема эмансипации женщин. 10 февраля 1932 г. в газете «The Times Dispatch» была опубликована статья «Женщины будут руководить Советским Союзом в следующей войне». В качестве доказательства особой роли женщины в Магнитогорске зарубежные газеты перепечатали заметку о том, что бригада мужчин не смогла справиться с производственными задачами, а женская бригада перевыполнила план на 105 % [Women will run Soviet in next war while the men fight. The Times Dispatch. February 10, 1932. P. 9]. Любопытство у американского читателя вызвали такие случаи на Магнитострое, как низкое качество работы почтовой службы (почтальон просто сжигал письма, чтобы не разносить их адресатам)» [Mail burned by Russian clerks. Star-Phoenix. Friday, March 13, 1931. P. 13], торжества по поводу выплавки 900 тонн чугуна [Sidelights in the news of capitals. The Evening News. March 30, 1932. P. 6], переживания магнитогорцев о том, что в срок не запустят домну [Sidelights in the news of capitals..., March 30, 1932. P. 6], использование ручного труда и отсутствие механизации при работе на котловане [Huge Plant by manpower. The Charleston Daily Mail. July 25, 1932. P. 4].

С началом второй пятилетки в американской прессе чаще стали появляться публикации, формирующие негативный образ Магнитогорска. Так, статья под названием «Грязные сибирские гиганты говорят, что им нужен воздух» [Sick Siberian «Giants» are said to need air. The Norman Transcript. October 3, 1933. P. 3] была переиздана несколько раз. В ней редакторы газет ссылались на слова Г.К. Орджоникидзе, отметили медленные темпы строительства, значительные потери материалов и рабочей силы, плохие жилищные условия и некачественное питание. Религиозный и национальный вопросы в американских СМИ также использовались для укрепления негативного образа Магнитогорска. Например, публиковались статьи о преследованиях церковнослужителей [European letter. Santa Rosa Republican. December 22, 1931. P. 14].

Заключение

Таким образом, публикации в американской прессе, посвященные Магнитогорску, представляют собой богатый комплекс источников для изучения различных вопросов: советско-американские отношения в 1930-е гг., вопрос миграции специалистов в СССР вследствие экономического кризиса и депрессии, образ Магнитогорска в контексте индустриализации. В 1930-е гг. США формировали образ спасителя Советского Союза в вопросах индустриализации, подчеркивали особую роль американских компаний, специалистов и рабочих в создании металлургического завода. При этом отмечалось, что СССР не сможет стать конкурентом США в промышленной сфере. Основными мотивационными

факторами прибытия в Магнитогорск американцев являлась неблагоприятная социально-экономическая ситуация в США в связи с депрессией и активная пропаганда «нового города», отсутствия безработицы и достойных условий жизни и труда в Магнитогорске. Положительное отношение к городу как к потенциальному месту работы сохранялось лишь до 1933 г. Далее оценки в прессе сильно изменились в худшую сторону. Среди основных причин, побудивших отказаться рабочих ехать в Советский Союз, можно назвать отказ выплачивать заработную плату «валютой», начало восстановления экономики после депрессии, наличие негативного опыта пребывания в СССР некоторых американцев и увеличение количества советских специалистов в различных сферах деятельности. Образ Магнитогорска в контексте индустриализации тоже претерпевал постоянные изменения. В основном его формировали люди, дававшие интервью американским изданиям после посещения Магнитогорска и знакомства с социалистическими идеями. Личность автора интервью, его уникальный социальный опыт пребывания в Магнитогорске оказывали существенное влияние на оценку обстановки в промышленном городе. Ярким примером таких оценок могут быть публикации Дж. Скотта, настроенного прокоммунистически, и Ю. Лайонса, который формировал исключительно положительный образ города «нового» типа (свои взгляды в отношении СССР он изменил только в 1934 г.).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43032 «Повседневная жизнь и эмоциональный режим промышленного города (по материалам Магнитогорска 1930–1950-х гг.)»

Список литературы

1. Иванян Э.А. 1996. Кремль против Белого Дома. США: Экономика, политика, идеология. (2): 26–33.
2. Касьяненко В.И. 1987. Правда и ложь о Стране Советов. М., Мысль, 336.
3. Макаров А.Н. 2012. Советский индустриальный фоторепортаж 1930-х гг. как средство стереотипизации массового сознания. Проблемы истории, филологии, культуры. (3/37): 111–121.
4. Макарова Н.Н. 2015. Город Магнитогорск как объект исторических исследований (к постановке проблемы). Проблемы истории, филологии, культуры. (4): 156–166.
5. Резаненко О.О. 2016. Американская пресса о советской индустриализации в 1920–1930-е годы. Самарский научный вестник. (2/15): 115–120.
6. Спасова Л.П. 2011. Адаптация иностранных специалистов к реалиям советской жизни: опыт Магнитостроя. Проблемы истории, филологии, культуры. (2/32): 213–222.
7. Спасова Л.П. 2010. Магнитострой и «Мак-Ки»: столкновение деловых культур. Вестник Пермского университета. Серии: история и политология. (1/12): 100–109.
8. Тихий К.Т. 2000. Американское общественное мнение о Советском государстве, 1921–1933 гг., Владивосток, 2000, 471.
9. Фураев В.К. 1964. Советско-американские отношения. 1917–1939. М., Мысль, 1964, 319.
10. Цветков Г.Н. 1971. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917–1933 гг. Киев, Изд-во Киев. ун-та, 1971, 243.
11. Шпотов Б.М. 2007. Взаимовосприятие американцев и русских в годы первой пятилетки (по материалам прессы и деловой переписки). Отечественная история. (4): 135–140.
12. Шпотов Б.М. 2005. Использование опыта США при организации и управлении строительством в СССР в 1920-е – 1930-е гг. Рос. журнал менеджмента. (3/1): 145–162.
13. Шпотов Б.М. 2003. Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР. Проблемы теории и практики управления. (4): 119–122.
14. «Gary of Russia» rises near mountain of iron; American engineers prod 20 000 soviet workers. Henryetta Daily Free-Lance, January 25, 1931.
15. Americans and Russia. The Atlanta Constitution. 1928. December 21.
16. As I see it. California Eagle. May 12, 1933. P. 10.

17. Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference. *The Yonkers Herald*, July 12, 1930.
18. City of Magnitogorsk giant of Soviet five-year plan; city of iron is built in three years. *The Eagle*. August 20, 1932.
19. European business expects good year. *The Atlanta Constitution*. January 5, 1930.
20. European experts of finance see difficult year. *Intelligencer Journal*. January 4, 1930.
21. European letter. *Santa Rosa Republican*. December 22, 1931.
22. Mail burned by Russian clerks. *Star-Phoenix*. Friday, March 13, 1931.
23. Predictions by financiers in Russia and Belgium only ones which sound decidedly optimistic tone in united press symposium. *The Morning Call*. January 4, 1930.
24. Russia building synthetic city. *The Hastings Daily Tribune*. April 3, 1930.
25. Sees no threat in russian goods. *Reno Gazette-Journal*. July 15, 1931.
26. Shelby expert aided in Russia by interpreter. *News-Journal*. July 22, 1932.
27. Shelby expert telss of Russia. *News-Journal*. July 17, 1932.
28. Sick Siberian «Giants» are said to need air. *The Norman Transcript*. October 3, 1933.
29. Sidelights in the news of capitals. *The Evening News*. March 30, 1932.
30. Soviet markets at first hand. *The Pittsburgh Press*. May 1, 1934.
31. Soviet steel town begins to make pig iron. *Public Opinion*. March 17, 1932.
32. Steel city is plan of soviet. *Dayton Daily News*. March 17, 1930.
33. Weather cause of oddities in Russian dress. *News-Journal*. July 19, 1932.
34. Women will run Soviet in next war while the men fight. *The Times Dispatch*. February 10, 1932.
35. Work Moves Slowly. *News-Journal*. July 18, 1932.

References

1. Ivanjan Je.A. 1996. Kreml' protiv Belogo Doma [Kremlin vs. White House]. *SShA: Jekonomika, politika, ideologija*. (2): 26–33.
2. Kas'janenko V.I. 1987. Pravda i lozh' o Strane Sovetov [Truth and lies about the Land of the Soviets]. *M., Mysl'*, 336.
3. Makarov A.N. 2012. Sovetskij industrial'nyj fotoreportazh 1930-h gg. kak sredstvo stereotipizacii massovogo soznaniya [Soviet industrial photo report of the 1930s. as a means of stereotyping mass consciousness]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. (3/37): 111–121.
4. Makarova N.N. 2015. Gorod Magnitogorsk kak ob"ekt istoricheskikh issledovaniy (k postanovke problemy) [The city of Magnitogorsk as an object of historical research (to problem statement)]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. (4): 156–166.
5. Rezanenko O.O. 2016. Amerikanskaja pressa o sovetskoj industrializacii v 1920–1930-e gody [American press on Soviet industrialization in the 1920s and 1930s]. *Samarskij nauchnyj vestnik*. (2/15): 115–120.
6. Spasova L.P. 2011. Adaptacija inostrannyh specialistov k realijam sovetskoj zhizni: opyt Magnitostroja [Adaptation of foreign specialists to the realities of Soviet life: the experience of Magnitostroi]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. (2/32): 213–222.
7. Spasova L.P. 2010. Magnitostroj i «Mak-Ki»: stolknovenie delovyh kul'tur [Magnetostroy and McKee: a clash of business cultures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: istorija i politologija*. (1/12): 100–109.
8. Tihij K.T. 2000. Amerikanskoe obshhestvennoe mnenie o Sovetskom gosudarstve, 1921–1933 gg. [American Public Opinion about the Soviet State, 1921–1933]. *Vladivostok*, 471.
9. Furaev V.K. 1964. Sovetsko-amerikanskije otnoshenija 1917–1939 [Soviet-American relations. 1917–1939]. *M., Mysl'*, 319.
10. Cvetkov G.N. 1971. Shestnadcat' let nepriznaniya: Politika SShA v otnoshenii Sovetskogo gosudarstva v 1917–1933 gg. [Sixteen Years of Non-Recognition: US Policy Toward the Soviet State in 1917–1933] *Kiev, Izd-vo Kiev. un-ta*, 243.
11. Shpotov B.M. 2007. Vzaimovosprijatie amerikancev i russkikh v gody pervoj pjatiletki (po materialam pressy i delovoj perepiski) [Mutual perception of Americans and Russians during the first five-year plan (based on materials from the press and business correspondence)]. *Otechestvennaja istorija*. (4): 135–140.

12. Shpotov B.M. 2005. Ispol'zovanie opyta SShA pri organizacii i upravlenii stroitel'stvom v SSSR v 1920-e – 1930-e gg. [Using the US experience in organizing and managing construction in the USSR in the 1920s – 1930s.]. Ros. zhurnal menedzhmenta. (3/1): 145–162.
13. Shpotov B.M. 2003. Politika ispol'zovaniya zapadnyh tehnologij kak faktor sozdanija krupnoj industrii v SSSR [The policy of using Western technologies as a factor in the creation of a large industry in the USSR]. Problemy teorii i praktiki upravlenija. (4): 119–122.
14. «Gary of Russia» rises near mountain of iron; American engineers prod 20 000 soviet workers. Henryetta Daily Free-Lance, January 25, 1931.
15. Americans and Russia. The Atlanta Constitution. 1928. December 21.
16. As I see it. California Eagle. May 12, 1933.
17. Central committee of the communist party issues a warning against too drastic interference. The Yonkers Herald, July 12, 1930.
18. City of Magnitogorsk giant of Soviet five-year plan; city of iron is built in three years. The Eagle. August 20, 1932.
19. European business expects good year. The Atlanta Constitution. January 5, 1930.
20. European experts of finance see difficult year. Intelligencer Journal. January 4, 1930.
21. European letter. Santa Rosa Republican. December 22, 1931.
22. Mail burned by Russian clerks. Star-Phoenix. Friday, March 13, 1931.
23. Predictions by financiers in Russia and Belgium only ones which sound decidedly optimistic tone in united press symposium. The Morning Call. January 4, 1930.
24. Russia building synthetic city. The Hastings Daily Tribune. April 3, 1930.
25. Sees no threat in russian goods. Reno Gazette-Journal. July 15, 1931.
26. Shelby expert aided in Russia by interpreter. News-Journal. July 22, 1932.
27. Shelby expert telss of Russia. News-Journal. July 17, 1932.
28. Sick Siberian «Giants» are said to need air. The Norman Transcript. October 3, 1933.
29. Sidelights in the news of capitals. The Evening News. March 30, 1932.
30. Soviet markets at first hand. The Pittsburgh Press. May 1, 1934.
31. Soviet steel town begins to make pig iron. Public Opinion. March 17, 1932.
32. Steel city is plan of soviet. Dayton Daily News. March 17, 1930.
33. Weather cause of oddities in Russian dress. News-Journal. July 19, 1932.
34. Women will run Soviet in next war while the men fight. The Times Dispatch. February 10, 1932.
35. Work Moves Slowly. News-Journal. July 18, 1932.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

Nadezhda N. Makarova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research, Institute of Humanitarian Education, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia

Трофимов Андрей Евгеньевич, студент Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

Andrey E. Trofimov, student of the Institute of Humanitarian Education, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-883-891

Деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки к Курской битве: проблемы функционирования и анализ их решения

Иваненко Я.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: shlif89@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки к Курской битве. В качестве источника исследования выступили ранее не опубликованные документы, содержащие сведения о функционировании военно-автомобильных дорог Воронежского фронта в апреле – начале июля 1943 г., которые хранятся в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ. Изучение данных архивных документов позволило установить протяженность и маршруты военно-автомобильных дорог Воронежского фронта анализируемого периода, выявить конкретные проблемы, имевшиеся в процессе их функционирования в апреле-мае 1943 г. и преодоленные к началу Курской битвы. На основании приведенных статистических данных автор приходит к выводу, что Управлением автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта была проделана существенная работа по организации транспортного обеспечения подчиненных войск. Автор анализирует конкретные меры, принятые в рамках этой работы, позволившие обеспечить снабжение войск всем необходимым в ходе Курской битвы и в конечном итоге внести существенный вклад в победу Красной армии в напряженном вооруженном противостоянии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, Воронежский фронт, Управление автотранспортной и дорожной службы, военно-автомобильные дороги, автотранспорт.

Для цитирования: Иваненко Я.И. 2021. Деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки к Курской битве: проблемы функционирования и анализ их решения. *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 883–892. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-883-891.

Activities of the Department of Motor Transport and Road services of the Voronezh Front to ensure the operation of military roads in preparation for the Battle of Kursk: functioning problems and analysis of their solutions

Yaroslav I. Ivanenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: shlif89@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the activities of the Department of Motor Transport and Road Services of the Voronezh Front to ensure the operation of military roads during the preparation for the Battle of Kursk (from April 1 to July 4, 1943). The source of the study is previously unpublished documents containing information about the functioning of the military roads of the Voronezh Front in April – early July 1943, which are stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The study of these archival documents made it possible to get an idea of the length and routes of the military roads of the Voronezh Front of the analyzed period,

the specific difficulties and problems that existed during the time of their functioning in April 1943, as well as overcoming these difficulties by the beginning of the Battle of Kursk. Based on the above statistical data, the author concludes that the Department of the Motor Transport and Road Service of the Voronezh Front has done a lot of work to organize transport support for the relevant military forces. Ultimately, this led to the fact that the military roads during the Battle of Kursk, in general, provided the troops with everything they needed.

Keywords: The Great Patriotic War, Battle of Kursk, Voronezh Front, Department of Motor Transport and Road services, military roads, vehicles.

For citation: Ivanenko Ya.I. 2021. Activities of the Department of Motor Transport and Road services of the Voronezh Front to ensure the operation of military roads in preparation for the Battle of Kursk: functioning problems and analysis of their solutions. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 883–892. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-883-891.

Введение

Исход битвы на Курской дуге окончательно закрепил переход стратегической инициативы от вермахта к советскому командованию, начало которого было положено с момента решительной победы Красной армии в Сталинграде. Одним из факторов, обеспечивших победу наших вооруженных сил в ожесточенной Курской битве, стала бесперебойная работа транспорта, позволившего осуществлять доставку всего необходимого войскам. Данный факт обусловил наличие в отечественной историографии ряда научных трудов, в которых рассматриваются различные аспекты функционирования советского транспорта как в ходе Великой Отечественной войны в целом, так и Курской битвы в частности. Например, общая характеристика транспортного снабжения Красной армии в Курской битве содержится в одной из глав монографии И.В. Ковалева [Ковалев, 1981]. В данной главе «Транспорт в разгроме врага на Курской дуге» И.В. Ковалев делает упор в основном на функционировании железнодорожного транспорта, работа автомобильного транспорта и состояние автомобильных дорог характеризуется лишь фрагментарно.

Существует большое количество научных трудов, в которых анализируется вклад советских железнодорожников в победу наших вооруженных сил на Курской дуге. Так, в монографии Г.А. Куманева дается характеристика работы железных дорог, обеспечивавших Красную армию в ходе подготовки и проведения битвы на Курской дуге [Куманев, 1976].

В диссертационных исследованиях Т.В. Русановой [Русанова, 2002] и Ю.Г. Сенчука [Сенчук, 2003] характеризуется деятельность железнодорожников центра и юга России в период подготовки и проведения Курской битвы.

Многочисленные аспекты функционирования железнодорожного транспорта данного периода Великой Отечественной войны анализируются в трудах историка А.Н. Манжосова [Манжосов, 2002, 2003, 2013], коллективной монографии В.В. Коровина, А.В. Величко, А.Н. Манжосова и др. [Коровин, Величко, Манжосов и др., 2017].

Помимо исследования роли железных дорог в снабжении Красной армии в ходе подготовки и проведения стратегических операций на Курской дуге, в отечественной историографии существует крайне немногочисленные труды, в которых рассматривается работа автотранспортных и военно-дорожных частей РККА этого периода. К ним можно отнести статью В.П. Гриднева, содержащую анализ деятельности Военных советов Центрального и Воронежского фронтов по организации тылового обеспечения своих войск в марте-августе 1943 г. [Гриднев, 2017]. В данной работе уделяется внимание конкретным мерам, принимаемым Военными советами фронтов по налаживанию четкой и слаженной работы автотранспортных частей в период подготовки к Курской битве.

Значение автомобильного транспорта в обеспечении военных операций Красной армии 1943 г. анализируется в публикации Р.А. Тошева [Тошев, 2015]. Однако следует заметить, что автор сосредоточил свое внимание по большей части на технических аспек-

тах различных видов автомобилей, ограничившись лишь несколькими примерами работы автотранспорта Центрального фронта в период Курской битвы и подготовки к ней.

Хотелось бы отметить научную статью Байрамова Р.С., в которой дается не только общая характеристика работы автотранспортной службы Центрального фронта в февралепавгусте 1943 г., но и уделяется внимание деятельности военно-дорожных частей по содержанию тыловых автогужевых дорог [Байрамов, 2021].

Однако, несмотря на наличие ряда научных трудов, посвященных анализу транспортнообеспечения наших войск в Курской битве, в отечественной историографии не нашло должного отражения состояние и функционирование автотранспортных коммуникаций Воронежского фронта в период подготовки и проведения столь важного сражения Великой Отечественной войны. Вместе с тем именно Воронежский фронт отразил удар наиболее сильной группировки противника, сосредоточенной на южном фланге Курской дуги. Кроме того, войска Воронежского фронта сыграли важную роль в последующем контрнаступлении Красной армии и ликвидации Белгородско-Харьковской группировки вермахта. Таким образом, выступив одним из факторов победы Красной армии в битве на Курской дуге, транспортное обеспечение войск Воронежского фронта (в части, касающейся состояния и функционирования автотранспортной и дорожной службы) на настоящий момент не получило должного освещения в отечественной историографии. Данное обстоятельство определило актуальность исследования.

Объект и методы исследования

С учетом изложенного, цель настоящей статьи – проанализировать деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки Курской битвы, основываясь на архивных документах, выявить конкретные проблемы и пути их решения, имевшиеся в этой сфере. При этом в целях уточнения следует отметить, что с принятием Постановления Государственного комитета обороны № 3544с от 9 июня 1943 г. Управления автотранспортной и дорожной службы фронтов были реорганизованы в Дорожные управления фронтов.

Объектом исследования выступает деятельность Управления автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта по обеспечению работы военно-автомобильных дорог в период подготовки Курской битвы.

Методологическую основу статьи составил ряд общенаучных и частно-научных методов. Такие методы, как диалектический и хронологический, позволили проследить рассматриваемую проблему в развитии, последовательности происходивших событий. Применение сравнительно-исторического метода предоставило возможность сопоставить показатели работы различных военно-автомобильных дорог Воронежского фронта рассматриваемого периода и сделать соответствующие выводы. Посредством метода индукции получили обобщение выявленные проблемы, возникавшие в ходе функционирования каждой военно-автомобильной дороги в отдельности. С помощью статистического метода были проанализированы результаты работы военно-автомобильных дорог, выраженные в конкретных количественных показателях.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1 апреля 1943 г. по 4 июля 1943 г. Выделение нижнего и верхнего предела обусловлено длительной оперативной паузой на советско-германском фронте в районе Курского выступа, на протяжении которой осуществлялась интенсивная подготовка наших вооруженных сил к летней кампании 1943 г.

Географические рамки статьи включают в себя территорию Воронежской и Курской области, освобожденную от немецко-фашистской оккупации к апрелю 1943 г., по которой проходили маршруты военно-автомобильных дорог Воронежского фронта.

Источниками исследования послужили ранее не опубликованные документы, содержащие сведения о функционировании военно-автомобильных дорог Воронежского фронта в апрелеиюле 1943 г., которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. В ходе работы над статьей были использованы материалы фонда 90 (дорожно-эксплуатационный от-

дел Главного дорожного управления Красной армии), отражающие информацию о работе военно-автомобильных дорог Воронежского фронта в период с 1 апреля по 4 июля 1943 г.

Результаты и их обсуждение

Согласно перечню мероприятий по строительству основных фронтовых дорог Главным управлением автотранспортной и дорожной службы Красной армии (ГУАДС КА) планировалось, что главной дорогой для Воронежского фронта в 1943 г. станет маршрут Бобров – Лиски – Острогожск – Буденный – Новый Оскол – Короча протяженностью 240 км¹⁵⁴. С учетом данного маршрута в последующем строилась система автотранспортных коммуникаций фронта.

К началу апреля 1943 г. на советско-германском фронте в районе Курского выступа активные боевые действия временно прекратились. Каждая из противоборствующих сторон с этого момента вела интенсивные приготовления к грядущей летней кампании. Отсутствие боевых действий и стабилизация фронта, наряду с осуществлением масштабного оборонительного строительства, позволили заняться созданием развитой системы тыловых транспортных коммуникаций.

В апреле-мае 1943 г. ГУАДС КА провело проверку всех военно-автомобильных дорог, приданных фронтам. С этой целью создавались специальные комиссии, направленные на различные участки советско-германского фронта. Ознакомление с содержанием справки-доклада о результатах проверки работы военно-автомобильных дорог комиссиями ГУАДС КА позволяет установить, что в систему тыловых автотранспортных коммуникаций Воронежского фронта в апреле-мае 1943 г. были включены две военно-автомобильные дороги (ВАД-7 и ВАД-21)¹⁵⁵. Все участки этих военно-автомобильных дорог имели грунтовое покрытие. Данное обстоятельство создавало существенные трудности их эксплуатации в период весенней распутицы и дождей. Так, в пояснительной записке к отчету о работе автотранспорта Управления автотранспортной и дорожной службы (УАДС) Воронежского фронта в апреле 1943 г. констатировалось, что автотранспорт работал с большим перенапряжением в виду удаленности баз снабжения, растяжения маршрутов на 450–500 км, плохих дорожных условий из-за весенней распутицы и большой изношенности машин¹⁵⁶.

Подробные сведения о функционировании военно-автомобильных дорог Воронежского фронта содержат материалы проверок, проведенных комиссией ГУАДС КА в мае 1943 г. В этих документах отражены такие показатели их работы, как организация службы регулирования, состояние охраны и обороны трассы, уровень боевой подготовки личного состава, техническое состояние дорожного полотна и искусственных сооружений и др.

В акте проверки ВАД-21 от 22 мая 1943 г. отмечалось, что военно-автомобильная дорога на всем протяжении обслуживаемых маршрутов имеет грунтовый профиль, обеспечивает двухстороннее движение транспорта и находится в проезжем состоянии¹⁵⁷. Конкретные данные обо всех трассах, закрепленных за ВАД-21, в рассматриваемом документе отсутствуют – содержатся лишь указания о состоянии отдельных участков пути. Однако установить маршруты, обслуживаемые в этот момент ВАД-21, позволяют сведения о дислокации военно-автомобильных дорог и отдельных дорожно-эксплуатационных батальонов Воронежского фронта по состоянию на 1 июня 1943 г.¹⁵⁸. Согласно этому документу, ВАД-21 обслуживала маршруты: Короча – Скородное – Старый Оскол – Синие Липяги – Малышево; Старый Оскол – Горшечное; Синие Липяги – Оськино – Архангельское; Оськино – Селавино общей протяженностью 295 км.

Следует заметить, что содержание некоторых дорожных участков ВАД-21 вызвало замечания со стороны инспектировавших ее должностных лиц. В частности, в акте про-

¹⁵⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 90. Оп. 12247. Д. 63. Л. 78.

¹⁵⁵ Там же. Д. 53. Л. 201.

¹⁵⁶ Там же. Оп. 12249. Д. 77. Л. 70.

¹⁵⁷ ЦАМО. Ф. 90. Оп. 12247. Д. 53. Л. 144.

¹⁵⁸ Там же. Д. 158. Л. 120.

верки отмечалось, что отрезок пути от г. Старый Оскол до с. Горшечное плохо очищен от трофейного имущества¹⁵⁹. Данное обстоятельство местами создавало помехи для проезда автотранспорта, не позволяя ему двигаться со скоростью более чем 20–25 км/час. С аналогичной скоростью автомобили могли осуществлять движение и по маршруту от с. Скородное до г. Короча, который требовал ямочного ремонта. В то же время другие, проверенные участки, не вызвали нареканий. К ним относился отрезок пути от с. Лукьяновка до г. Старый Оскол, скорость движения автомобилей по которому составляла 30–40 км/час.

В документе отмечалось, что мобилизация местного населения на земляные работы проводится удовлетворительно, однако нормы выработки до сведения работников личным составом военно-автомобильной дороги не доводятся и контроль за их выполнением не производится¹⁶⁰. Помимо этого, выявленные недостатки содержания дороги выражались в отсутствии необходимого количества щелей для укрытия людей и указателей к ним, а также наличии большого количества объездов, требующих ямочного ремонта.

Среди серьезных проблем комиссия отметила недостатки в работе руководящего состава. В частности, в акте проверки ВАД-21 от 22 мая 1943 г. констатировалось, что «Обязанности служб и командиров штаба распределены нечетко... Взаимоотношения между начальниками служб не налажены, каждый из них работает самостоятельно... Начсостав не сколочен как штаб и не инициативен, при проверке ДКУ (дорожно-комендантского участка – прим. Иваненко Я.И.) выявленные недочеты на местах не устраняет и своих прав ... не использует, в ДКУ не авторитетен»¹⁶¹. В документе отмечалось, что штаб ВАД-21 не укомплектован по штату (на момент проверки в нем имелось 8 вакантных должностей, включая начальника штаба, заместителя начальника дороги по политчасти, автоинспектора, врача, командира взвода связи и др.).

Негативную оценку комиссии заслужил уровень подготовки личного состава ВАД-21 в сфере охраны и обороны дороги. В материалах проверки зафиксировано, что «Схемы обороны дороги не имеется. План и инструкция с боевым расчетом сбора и действий по воздушной, химической и пожарной тревогам не разработаны, не доведены до командиров и бойцов... Личное оружие бойцов и комначсостава содержится в неудовлетворительном состоянии»¹⁶².

В целом положительно характеризовалась работа службы регулирования ВАД-21: «Внешний вид и строевая выправка бойцов-регулирующих хорошая... Приказы по службе регулирования бойцы-регулирующие знают хорошо... Проверка документов у проходящих машин проводится удовлетворительно»¹⁶³.

В мае 1943 г. комиссией ГУАДС КА была также произведена проверка работы второй военно-автомобильной дороги Воронежского фронта – ВАД-7. В акте проверки от 25 мая 1943 г. указывалось, что она обслуживает маршруты: ст. Лиски – Острогжск – Буденный – Новый Оскол – Короча; Новый Оскол – Старый Оскол и Новый Оскол – Волоконовка общим протяжением 327 км¹⁶⁴. Все обслуживаемые трассы имели профилированное грунтовое покрытие с большим количеством подъемов, допускавшее в сухое время движение автотранспорта со скоростью 25–30 км/час.

Дорожные работы на обслуживаемых ВАД-7 маршрутах осуществлялись силами 41 и 46 военно-дорожных отрядов (ВДО). В акте проверки отмечалась плохая организация работ и низкая производительность труда, особенно 41 ВДО и местного населения¹⁶⁵. Причины этого виделись представителям проверяющей комиссии в том, что все работы производились без непосредственного контроля со стороны начальника дороги. По дан-

¹⁵⁹ Там же. Д. 53. Л. 144.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ЦАМО. Ф. 90. Оп. 12247. Д. 53. Л. 220.

¹⁶⁵ Там же.

ному вопросу в документе резюмировалось: «Необходимо начальника дороги поставить в условия действительного хозяина дороги, подчинив ему все дорожные части, работающие на дороге. ... При существующем положении, когда за строительные работы отвечают ВДО, а за нормальное обеспечение движения автотранспорта и людского потока — начальник дороги, надлежащего порядка на дороге добиться трудно»¹⁶⁶.

Относительно командно-начальствующего состава ВАД-7 был сделан вывод о том, что в большинстве своем он соответствует занимаемым должностям¹⁶⁷. Укомплектованность дороги начальствующим и рядовым составом, транспортом и вооружением на момент проверки составляла 100 %.

Применительно к службе регулирования ВАД-7 в документе отмечалось, что она организована в соответствии с наставлениями, однако акцентировалось внимание на том, что контрольно-пропускным и регулировочным пунктам не даны указания по применению оружия регулировщиками, как того требуют соответствующие указания начальника ГУАДС КА¹⁶⁸.

Серьезные нарекания вызвала организация охраны и обороны дороги. Комиссия констатировала: «Вопросу караульной службы уделено последнее место, устав гарнизонной службы упрощен, а порой и искажен ... развода по караулам не производится, постовых ведомостей нет, пароль не отдается...»¹⁶⁹.

Таким образом, на момент проверки в мае 1943 г. на обеих военно-автомобильных дорогах Воронежского фронта имелись недостатки, прежде всего организационного характера, которые препятствовали их эффективной работе. Представляется, что во многом они были вызваны необходимостью частой передислокации военно-автомобильных дорог в январе-марте 1943 г. Данное обстоятельство, в свою очередь, было обусловлено стремительным продвижением Красной армии в ходе Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции, а также последовавшей за ней утраты части освобожденной от оккупантов территории. Так, из доклада начальника управления ВАД-21 о проделанной работе за 1 квартал 1943 г. следует, что за период с 7 января по 15 апреля 1943 г. маршруты обслуживания дороги изменялись 9 раз¹⁷⁰. Тем не менее выявленные недостатки предстояло устранить в самые кратчайшие сроки. Как показывает анализ последующих документов, в целом это было сделано.

В докладе о дорожно-комендантской службе Воронежского фронта по состоянию на 1 июля 1943 г. уже отмечалось общее упорядочение этапно-комендантской службы на фронтовых и армейских дорогах¹⁷¹. Однако имели место проявления неорганизованности, особенно в моменты усиленного движения по маршрутам колонн пехоты. В качестве примера такой неорганизованности в документе приводится случай, произошедший 28 июня 1943 г. на КПП дорожно-комендантского участка № 1 ВАД-21 в г. Старый Оскол, когда личный состав дороги не предпринял оперативных мер по ликвидации образовавшегося скопления пехоты, расположившейся на отдых в составе около 1 500 человек с обозом¹⁷². Создавшая ситуация серьезно затруднила движение по военно-автомобильной дороге. Кроме того, столь большое скопление людей было чрезвычайно уязвимо в случае налета авиации противника. Но подобный случай носил скорее единичный характер.

Заключение

В целом Управлением автотранспортной и дорожной службы Воронежского фронта в период оперативной паузы (с 1 апреля 1943 г. по 4 июля 1943 г.) был проделан большой объем

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. Л. 223.

¹⁶⁸ Там же. Л. 221.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. Л. 91.

¹⁷¹ Там же. Д. 158. Л. 129.

¹⁷² ЦАМО. Ф. 90. Оп. 12247. Д. 158. Л. 129.

работ, направленных на обеспечение надлежащего функционирования военно-автомобильных дорог. Они получили свое непосредственное выражение в принятии следующих мер:

- доукомплектование военно-автомобильных дорог новыми кадрами и повышение квалификации имеющегося личного состава (путем организации и проведения соответствующих занятий и краткосрочных сборов), что позволило увеличить пропускную способность путей сообщения, добиться более эффективной и слаженной работы всех служб;
- систематическое проведение учений, направленных на отработку действий личного состава в случае объявления боевой, воздушной и пожарной тревоги;
- создание дублирующих путей, позволяющих во время дождя своевременно направить движение транспорта по обходному маршруту, обеспечивая тем самым сохранность основного полотна военно-автомобильной дороги;
- установление на военно-автомобильных дорогах с 5 июня 1943 г. круглосуточного дежурства средних командиров, задачей которых являлось курсирование по обслуживаемым маршрутам с целью оперативного выявления проблем и принятия неотложных мер по их разрешению;
- оборудование всех контрольно-пропускных пунктов местами для ожидания путных машин, дежурными санитарными постами, автомеханиками, что позволило оказывать всем нуждающимся первую медицинскую помощь и оперативно осуществлять мелкий ремонт транспортных средств;
- обеспечение наличия на каждом дорожно-комендантском участке буксирных средств, позволяющих своевременно производить эвакуацию вышедших из строя машин;
- установление практики выделения дорожно-комендантскими участками представителей для встречи и сопровождения проходящих маршевых колонн, что способствовало высоким темпам их продвижения, препятствовало образованию заторов на обслуживаемых участках дороги.

Все эти меры позволили военно-автомобильным дорогам Воронежского фронта, несмотря на ряд имеющихся трудностей как субъективного (проблемы организационного характера) так и объективного характера (прохождение всех обслуживаемых маршрутов по грунтовым участкам дорог, наличие большого количества спусков и подъемов на некоторых участках), наладить свою работу. Следствием этого стала возможность в целом обеспечить подчиненные войска Воронежского фронта в период Курской битвы всем необходимым. Конкретные результаты проделанной работы наглядно демонстрируют статистические данные интенсивности функционирования военно-автомобильных дорог Воронежского фронта в июле-августе 1943 г., представленные в табл. 1.

Таблица 1

Table 1

Показатели работы военно-автомобильных дорог Воронежского фронта в июле-августе 1943 г.¹⁷³
Performance indicators of the military roads of the Voronezh Front in July-August 1943

№ ВАД	месяц 1943 г.	количество пропущенных автомашин	количество перевезенных людей	число людей, обслуженных пунктами питания	количество машин, обслуженных передвижными техническими пунктами	количество людей, обслуженных медицинскими пунктами
ВАД-7	июль	53620	-	81671	753	516
	август	41477	31690	112631	339	1059
ВАД-21	июль	150731	31971	19664	563	1495
	август	66980	-	70433	966	2430

¹⁷³ При составлении таблицы были использованы данные Сводной таблицы проделанной работы ВАД, приданных фронтам (ЦАМО. Ф. 90. Оп. 12247. Д. 194. Л. 36). Там, где в графах таблицы стоит знак «-» – он стоит и в оригинале документа – прим. Иваненко Я.И.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю, доктору исторических наук Александру Николаевичу Щерба и кандидату исторических наук Дмитрию Геннадьевичу Гужва за помощь, оказанную при подготовке настоящей статьи.

Список литературы

1. Байрамов Р.С. 2021. Деятельность автотранспортных и дорожных служб Центрального фронта накануне и в ходе Курской битвы. В кн.: Одна на всех трагедия и одна Победа. Сборник статей Международной научно-практической конференции к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург: 36–40.
2. Гриднев В.П. 2017. Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве. Управленческое консультирование. 11: 131–139.
3. Ковалев И.В. 1981. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Москва, Наука, 480.
4. Коровин В.В., Величко А.В., Манжосов А.Н. и др. 2017. Слава стоявшим на трудных постах. Трудовая деятельность железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений в годы Великой Отечественной войны. Курск, Юго-Западный государственный университет, 232.
5. Куманев Г.А. 1976. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. Москва, Наука, 455.
6. Манжосов А.Н. 2002. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Курск, Издательство Курского государственного педагогического университета, 215.
7. Манжосов А.Н. 2003. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): (По материалам Центр. и Центр.-Чернозем. регионов РСФСР). Курск, Издательство Курского государственного педагогического университета, 227.
8. Манжосов А.Н. 2013. Железнодорожники прифронтовой магистрали имени Ф.Э. Дзержинского в период подготовки и проведения Курской битвы. В кн.: Огненная дуга. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященные к 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве. Курск: 12–16.
9. Русанова Т.В. 2002. Работа железнодорожников Юга России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): по материалам Курской области. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 272.
10. Сенчук Ю.Г. 2003. Железнодорожники Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны: по материалам Московской железной дороги. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 278.
11. Тошев Р.А. 2015. Автомобильный транспорт в военных операциях Красной армии в 1943 году: исторический аспект. Вестник Челябинского государственного университета. 14: 124–129.

References

1. Bajramov R.S. 2021. Dejatel'nost' avtotransportnyh i dorozhnyh sluzhbb Central'nogo fronta nakanune i v hode Kurskoj bitvy [The activities of the transport and road services of the Central Front on the eve and during the Battle of Kursk]. In: Odn na vseh tragedija i odna Pobeda. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii k 80-letiju nachala Velikoj Otechestvennoj vojny. Orenburg: 36–40 (in Russian).
2. Gridnev V.P. 2017. Rukovodstvo tylovyim obespecheniem vojsk v Kurskoj bitve [Control of Logistic Support of Troops in the Battle of Kursk]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 11: 131–139 (in Russian).
3. Kovalev I.V. 1981. Transport v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moskva, Nauka, 480 (in Russian).
4. Korovin V.V., Velichko A.V., Manzhosov A.N. i dr. 2017. Slava stojavshim na trudnyh postah. Trudovaja dejatel'nost' zheleznodorozhnikov magistralej Zapadnogo i Juzhnogo napravlenij v

gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Glory to those who stood in difficult posts. Labor activity of railway workers of the main lines of the Western and Southern directions during the Great Patriotic War]. Kursk, Jugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 232 (in Russian).

5. Kumanev G.A. 1976. Na sluzhbe fronta i tyła. Zheleznodorozhnyj transport nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1938–1945 gg. [In the service of the front and rear. Railway transport on the eve and during the Great Patriotic War of 1938–1945]. Moskva, Nauka, 455 (in Russian).

6. Manzhosov A.N. 2002. Zheleznodorozhniki Central'nogo Chernozem'ja Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) [Railway workers of the Central Black Earth Region of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 215 (in Russian).

7. Manzhosov A.N. 2003. Zheleznodorozhniki Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): (Po materialam Centr. i Centr.-Chernozem. regionov RSFSR) [Railway workers of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945): (Based on materials from the Central and Central Black Earth regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic)]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 227 (in Russian).

8. Manzhosov A.N. 2013. Zheleznodorozhniki prifrontovoj magistrali imeni F.E. Dzerzhinskogo v period podgotovki i provedeniya Kurskoj bitvy [Railwaymen of the front line named after F.E. Dzerzhinsky during the preparation and conduct of the Battle of Kursk]. In: Ognennaja duga. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennye k 70-letiju razgroma nemecko-fashistskih vojsk v Kurskoj bitve. Kursk: 12–16 (in Russian).

9. Rusanova T.V. 2002. Rabota zheleznodorozhnikov Juga Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.): po materialam Kurskoj oblasti [The work of railway workers in the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945): based on materials from the Kursk region]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk, 272 (in Russian).

10. Senchuk Ju.G. 2003. Zheleznodorozhniki Central'nogo i Central'no-Chernozemnogo regionov RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: po materialam Moskovskoj zheleznoj dorogi [Railwaymen of the Central and Central Black Earth Regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the Great Patriotic War: Based on the Materials of the Moscow Railway]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk, 278 (in Russian).

11. Toshev R.A. 2015. Avtomobil'nyj transport v voennyh operacijah Krasnoj armii v 1943 godu: istoricheskij aspekt [Road transport in the military operations of the Red Army in 1943: a historical aspect]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 14: 124–129 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иваненко Ярослав Игоревич, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Yaroslav I. Ivanenko, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 364.694-056.263:061(470.325)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-892-900

Образование и начало деятельности Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих»

Дудка А.И., Оноприенко И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: dudka@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образование и начальный период деятельности созданного в 1954 г. Белгородского отделения ВОГ, которое прошло достаточно сложный путь, решая сложную задачу социализации граждан-инвалидов по слуху, являясь восприимчиком опыта прошлого и носителем ценностей настоящего. Его деятельность продолжает отечественные традиции благотворительности и попечительства. Однако в советский и постсоветский период подходы к ним подверглись серьезному пересмотру. Основой оказания помощи инвалидам стала государственная поддержка. С первых дней своего существования Белгородское отделение ВОГ стало частью общественно-политической системы страны, что придало специфику его деятельности (от подбора кадров до повседневной работы). Целью оказания помощи инвалидам стало создание условий и возможностей для их вхождения в общество как полноправных граждан.

Ключевые слова: Белгородское отделение ВОГ, глухонемые, глухие, благотворительность и попечительство, социализация инвалидов.

Для цитирования: Дудка А.И., Оноприенко И.Г. 2021. Образование и начало деятельности Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих». *Via in tempore. История Политология.* 48 (4): 893–901. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-892-900.

Formation and start of activities of the Belgorod regional branch of the All-Russian public organization of disabled people «All-Russian Society of the Deaf»

Anna I. Dudka, Inna G. Onoprienko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: dudka@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the education and the initial period of activity of the Belgorod branch of the All-Russian Society of the Deaf, created in 1954, which went through a rather difficult path, solving the difficult problem of socialization of hearing-impaired citizens, being the successor of the experience of the past and the bearer of the values of the present. The story is about the provision of social and medical assistance to the deaf and dumb in Russia in the pre-revolutionary period, which was based on the traditions of charity and guardianship. However, in the Soviet and post-Soviet periods, approaches to them underwent a serious revision. State support has become the basis for rendering assistance to disabled people. From the first days of its existence, the Belgorod branch of the All-Russian Society of the Deaf became part of the socio-political system of the country, which gave the specifics of its activities (from the selection of personnel to daily work). The purpose of rendering assistance to disabled people was to create conditions and opportunities for their entry into society as full citizens.

Key words: Belgorod branch of the All-Russian society of the deaf, deaf and dumb, deaf, charity and guardianship, socialization of disabled people.

For citation: Dudka A.I., Onoprienko I.G. 2021. Formation and start of activities of the Belgorod regional branch of the All-Russian public organization of disabled people «All-Russian Society of the Deaf». *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 893–901 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-892-900.

Введение

XX век продемонстрировал миру различные подходы к решению проблем инвалидов: от изоляции или физического уничтожения «неполноценных» членов общества (как то было в фашистской Германии) до признания за ними полных прав на участие в жизни общества, что означало всестороннюю социализацию граждан с предоставлением им демократических прав и свобод.

В 90-е годы на государственном уровне проблеме инвалидов уделялось серьезное внимание, были разработаны документы, регламентировавшие и направлявшие деятельность организаций инвалидов страны. В 1995 году утверждена Федеральная комплексная программа «Социальная поддержка инвалидов», был принят Федеральный закон от 20 июля 1995 г. «О социальной защите инвалидов в РФ», в котором было дано современное понятие реабилитации¹⁷⁴. Их развитием стала Федеральная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы», принятая в январе 2000 года Правительством РФ¹⁷⁵. Впервые она была дополнена программами поддержки отдельных категорий инвалидов.

К проблеме инвалидов обращались историки, социологи, юристы, медики и специалисты других научных дисциплин. Они акцентировали внимание на отдельных ее аспектах, обосновывали собственное видение подходов и путей ее решения в условиях современного общества.

Историк Г.Г. Коровянский рассмотрел проблему реабилитации инвалидов в контексте историко-культурного развития России рубежа XX–XXI веков¹⁷⁶. Качество жизни инвалидов в контексте социальной политики государства проанализировала социолог С.М. Нечаева¹⁷⁷.

Достаточно многочисленна группа ученых-юристов (М.П. Ливицкая, Т.А. Зыкина, Е.Я. Карновская, О.А. Парягина), изучавших правовое положение инвалидов [Карновская, 1984; Зыкина, 1989; Парягина, 1989; Ливицкая, 1994].

Вопросы профессиональной реабилитации и трудоустройства инвалидов рассмотрели в своих работах ученые-экономисты: Е.А. Белослюдова, В.Н. Конторина, Л.П. Храпылина, Г.А. Шаматава, М.Н. Мироненкова [Белослюдова, 1993; Шаматава, 1993; Храпылина, 1994; Конторина, 1995; Мироненкова, 1996].

Предметом внимания Л.А. Карасаевой¹⁷⁸ и Е.Г. Свистуновой¹⁷⁹ стало медико-социальное восстановление инвалидов.

¹⁷⁴ Постановление Правительства РФ от 16 января 1995 г. «О федеральной комплексной программе «Социальная поддержка инвалидов». Собрание законодательства Российской Федерации. Москва, 1995. № 5. Ст. 416. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. Москва, 1995. № 48. Ст. 4563.

¹⁷⁵ Федеральная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы». Собрание законодательства Российской Федерации. Москва, 2000. № 4. Ст. 393.

¹⁷⁶ Коровянский Г.Г. «Реализация государственной социальной политики по реабилитации инвалидов в Российской Федерации: 90-е годы XX – начало XXI веков». URL: <https://www.dissercat.com/content/realizatsiya-gosudarstvennoi-sotsialnoi-politiki-po-reabilitatsii-invalidov-v-rossiiskoi-fed> (дата обращения: 06.11.2021).

¹⁷⁷ Нечаева С.М. Качество жизни инвалидов в контексте социальной политики государства. URL: <https://www.dissercat.com/content/kachestvo-zhizni-invalidov-v-kontekste-sotsialnoi-politiki>. (дата обращения: 06.11.2021)

¹⁷⁸ Карасаева Л.А. Научное обоснование и совершенствование организационно-методических, правовых и медико-социальных основ системы профессиональной реабилитации инвалидов в Российской Федерации стало темой диссертационного исследования доктор медицинских наук. URL:

Усиление научно-практического интереса исследователей к проблемам инвалидов со второй половины 80-х годов XX века можно объяснить активизацией государственной социальной политики и происходившими в новых условиях изменениями основных направлений и приоритетов их медицинской, профессиональной и социальной реабилитации. Увеличением численности инвалидов и объективной ограниченностью их возможностей для полноценного участия в жизни общества объясняется усиление внимания государства к проблемам этой социальной группы [На пути к закону, 1995, с. 32].

Объект и методы исследования

Поддержка лиц, имеющих проблемы со здоровьем, была предметом внимания нашего государства практически с первых дней его существования. Провозгласив гарантии равенства «прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» в ст. 19 Конституции РФ, государство признало, что состояние здоровья не может служить основанием для какой бы то ни было дискриминации. Задача социализации граждан и предоставления равных возможностей для их участия в жизни общества стала основой социальной политики.

Результаты и их обсуждение

Организацией, объединяющей сегодня инвалидов по слуху, является Всероссийское общество глухих. Его формирование началось в середине 20-х гг. XX в. в Москве с выступления с докладом «Будущее глухонемых и организация «ВОГ» П.А. Савельева 7 августа 1925 года перед собравшимися в помещении центрального рабочего клуба. 25 сентября 1926 года стало днем создания Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийского общества глухих»¹⁸⁰. Со временем она выросла в организацию, способную оказывать многообразную помощь и имеющую сложную структуру. В наши дни ее частью является Белгородское отделение ВОГ, успешно осуществляющее свою деятельность в городах и сельских районах области.

ВОГ стало продолжателем традиции заботы об инвалидах, свойственной российскому обществу на основе добровольности и благотворительности. Глухонемые были той категорией, которая нуждалась в социальной и медицинской помощи на всем протяжении жизни.

В 1898 г. по инициативе вдовствующей императрицы Марии Федоровны было создано «Состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительство государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых» для «...попечения о глухонемых всех возрастов» [Положение о состоящем..., 1909]. Это ведомство оказывало помощь подданным империи из разных губерний, большое внимание уделялось формам и методам работы с инвалидами [Хитров, 2009, с. 30]. Постепенно сложилась весьма стройная система управления этой деятельностью, охватывавшая столицы и губернии. Однако мастерские, дома трудолюбия, богадельни (для взрослых), школы, учебные мастерские, приюты (для детей) финансировались на основе благотворительности и нерегулярно, что не позволяло в полном объеме решать проблемы обеспечения поддержки глухонемых и значительно ограничивало количество призревавшихся Попечительством лиц [Хитров, 2009, с. 32].

<https://www.dissercat.com/content/nauchnoe-obosnovanie-i-sovershenstvovanie-organizatsionno-metodicheskikh-pravovuykh-i-mediko> (дата обращения: 06.11.2021).

¹⁷⁹ Свистунова Е.Г. Организационно-методические и социально-правовые аспекты медико-социальной реабилитации инвалидов. URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsionno-metodicheskie-i-sotsialno-pravovye-aspekty-mediko-sotsialnoi-reabilitatsii-i>. (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁸⁰ ВОГ. URL: <https://voginfo.ru/about/#> (дата обращения: 10.11.2021).

В дореволюционный период глухонемые состояли под опекой до 21 года, но фактически они оставались под опекой всю жизнь и не обладали гражданскими правами¹⁸¹.

Деятельность Попечительного общества получала неоднозначные оценки в конце XIX – начале XX в., но сам факт уделения внимания на высочайшем уровне положению инвалидов показателен как один из вариантов соединения благотворительности и усилий государства в деле оказания социальной и медицинской помощи инвалидам. Нарботанные формы и подходы к решению проблем инвалидов были изучены и использовались в XX веке и в весьма трансформированном виде нашли применение в практике деятельности организаций инвалидов в наши дни.

После Октябрьской революции решение вопроса о поддержке инвалидов взяло на себя государство. В первую очередь изменилась правовая сторона: уже в 1918 г. при выборах в Советы депутатами стали избираться неслышащие. Далее государство обеспечило правовую основу деятельности по оказанию помощи лицам с проблемами здоровья. Новым явлением стало создание организаций инвалидов, получивших большую самостоятельность и развернувших деятельность по социализации ее членов.

Большое внимание уделялось проблемам как детей, так и взрослых инвалидов. Проанализировав деятельность возникших в стране организаций и сочтя ее полезной, Совет народных комиссаров РСФСР Декретом от 23 июня 1926 года утвердил «Положение о Всероссийском объединении глухонемых» с целью «их обеспечения, культурного и политического воспитания и образования, обучения доступным для них ремеслам, промыслам и другим видам и формам общепольного труда»¹⁸². Тогда же СНК РСФСР утвердил «Положение о Всероссийском объединении глухонемых». Качественно изменился подход к проблеме: была поставлена цель включения инвалидов в общественные отношения как полноправных граждан.

Реализовать столь сложную цель предполагалось через «...учет глухонемых; изыскание способов и принятие необходимых мер к приспособлению масс глухонемых к доступному для них труду и вовлечению их в трудовые процессы; участие в работах народных комиссариатов просвещения и здравоохранения по рациональной постановке школьного и дошкольного воспитания и образования глухонемых, развитие среди них профессионального и общего образования и политико-просветительной работы, открытие соответствующих мастерских, учебных и иных заведений и курсов, общежитий, колоний и т. п., оказание медицинской помощи и проведение в жизнь всех мероприятий по лечению и предупреждению глухонемоты; урегулирование правового положения глухонемых в хозяйственном и общегосударственном советском строительстве»¹⁸³. Их формулировка свидетельствовала о намерении государства подойти к решению проблемы инвалидов целенаправленно и привлечь все возможные ресурсы.

На основе Положения был разработан и принят 21 сентября 1926 г. Устав Всероссийского объединения глухонемых и сформирован Центральный Совет в составе П.А. Савельева, С.И. Соколова, Э.М. Тотьмянина, Н.Н. Минакова, Н.М. Крылова, П.П. Демчева, М.С. Минцловой-Пиотровской, А.Н. Калугиной, Д.Л. Марковича, Е.Е. Журомского, М.П. Калашниковой, В.Г. Стасенко, А.С. Колмазина и И.К. Лабунского. Председателем правления был избран П.А. Савельев. Руководство ревизионной комиссией было поручено Е.Е. Журомскому. Оба руководителя имели опыт работы в выборных органах, где зарекомендовали себя знающими и ответственными работниками.

В 20-30-е годы начала складываться достаточно сложная и одновременно гибкая система руководства, обеспечивалось взаимодействие между государственными учрежде-

¹⁸¹ Преодолевая взгляды прошлого. 90 лет Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих». URL: <https://archive.pskov.ru/node/4270> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸² Декрет об утверждении «Положения о Всероссийском объединении глухонемых» от 23 июня 1926 года. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2941.htm (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸³ Положение о Всероссийском объединении глухонемых. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2941.htm (дата обращения: 10.10.2021).

ниями, конкретизировались функции и уточнялись полномочия каждого. Высокие требования выдвигались по отношению к кадрам: претенденты на должности должны были обладать определенными знаниями, опытом работы в организациях инвалидов, в государственных и партийных органах. Эти меры свидетельствовали о формировании нового подхода к решению проблем инвалидов. Большая часть инициатив и организация их осуществления исходили от государственных структур. Система заботы об инвалидах получила законодательную основу, на которой она будет развиваться до сегодняшнего дня, совершенствуя ее в соответствии с требованиями времени.

Опыт деятельности российских организаций инвалидов был распространен на всю территорию СССР. В создании организационной структуры отделений общества в союзных республиках руководством выступал Устав Всероссийского объединения глухонемых, принятый 19 октября 1926 г., а в их деятельности использовался опыт работы российских организаций инвалидов. В 30–40-е годы организации доказали свою жизнеспособность и полезность для общества. Государство координировало и контролировало финансовую, педагогическую и медицинскую сторону деятельности центральных и местных организаций.

В послевоенные годы эта система продолжала существовать и эволюционировать вместе с государством. Образование Белгородской области в январе 1954 года сопровождалось образованием собственных органов управления и общественных организаций. Поскольку в состав области вошли районы, прежде относившиеся к Курской и Воронежской областям, где уже существовали отделения ВОГ, задача состояла в первую очередь в формировании областных структур и, во-вторых, в налаживании взаимодействия между местными отделениями ВОГ Белгородской области.

15 июля 1954 г. состоялось заседание I Пленума правления Белгородского областного отделения ВОГ. В повестку дня был внесен вопрос о выборах председателя и членов Президиума Белгородского отделения. Открытым голосованием председателем Президиума Белгородского областного отделения ВОГ был единогласно избран Федор Андреевич Ткаченко, членами Президиума – Елена Андреевна Павленко и Анатолий Иванович Коваленко¹⁸⁴.

Сохранилась анкета делегата 2-й Белгородской областной конференции ВОГ Ф.А. Ткаченко, в которой он сообщал о себе следующие сведения: родился в 1921 г., член КПСС, национальность – русский, социальное происхождение – служащий, образование – среднее, в ВОГ состоит с 1948 г., имеет правительственные награды – медали «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁸⁵ Выбор кандидатуры на пост председателя нельзя назвать случайным: руководителем новой организации стал убежденный коммунист, прошедший войну, обладавший жизненным опытом, знавший работу общества, молодой и энергичный.

Елена Андреевна Павленко в анкете делегата 2-й Белгородской областной конференции о себе написала: год рождения 1923, национальность – русская, беспартийная, социальное происхождение – служащая, образование – незаконченное среднее, член ВОГ с 1944 г., имеет правительственную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.»¹⁸⁶

Анатолий Иванович Коваленко стал третьим членом президиума. Его анкета позволяет узнать о нем следующее: год рождения 1924, социальное происхождение – рабочий, национальность – русский, образование – начальное, партийность – член ВЛКСМ, место работы – артель «13 лет Октября», токарь, правительственных наград нет.

Анализ документов показывает, что при выборах руководящего органа был соблюден принцип сплоченности членов КПСС, беспартийных и членов ВЛКСМ как трех частей общества, что символизировало единство народа. Обращает на себя внимание низкий

¹⁸⁴ Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁸⁵ Там же. Л. 21.

¹⁸⁶ Там же. Л. 18.

образовательный уровень делегатов, что можно объяснить тем, что все избравшиеся пережили войну и тяжелый послевоенный восстановительный период, когда возможностей для получения образования не было или они отодвигались на второй план проблемами материального характера. Важным критерием было социальное происхождение кандидатов и опыт их участия в общественно-политической жизни, а также их участие в военных действиях или трудовая помощь фронту, отмеченные государственными наградами или имевшие место. Включение женщины-активистки в состав руководящего органа тоже нельзя назвать случайным: оно не только подтверждало равноправие мужчин и женщин в общественно-политической жизни страны, но и возможности, которые открывались перед ними в стране. Таким образом, эти небольшие по объему документы можно рассматривать как яркие свидетельства политики партии и государства того периода.

Заключение

Для Белгородчины создание собственного отделения ВОГ было весьма важным, поскольку инвалиды с проблемами слуха получили большие возможности для решения своих проблем и включения в общественно-политическую и культурную жизнь страны.

15 июля 1954 г. состоялась 1-я Белгородская областная конференция Всероссийского общества глухонемых. Заслушав и обсудив доклад председателя Президиума Белгородского областного отделения Ф.А. Ткаченко о работе оргбюро областного отделения ВОГ, конференция отметила, что «...Оргбюро Областного отделения ВОГ с помощью местных партийных и советских органов направляло деятельность общества на дальнейшее усиление организационно-массовой и культурно-просветительной работы. На основе этого повысилась политическая и производственная активность членов общества. Из числа работающих глухонемых на производстве и в сельском хозяйстве являются стахановцами производства и передовыми в колхозах», выполнявшими и перевыполнявшими производственный план и нормы выработки¹⁸⁷.

На конференции были названы имена лучших стахановцев: по Белгородскому отделу ВОГ Е.А. Павленко, токарь Котлостроительного завода, ежемесячно выполнявший план на 200–250 % и М.П. Череповская – мастер-швея артели «Новый путь», выполнявшая план на 200 %; по Валуйскому городскому отделу ВОГ Елкина – рабочая мясокомбината, выполнявшая план на 200 % и Дремина – подсобная рабочая ОРС, выполнявшая план на 180 %; по Алексеевскому районному отделу ВОГ Куценко – сапожник, выполнявший план на 150–180 %¹⁸⁸.

Передовиками сельского хозяйства также стали члены ВОГ Краснояружского района колхоза при Графовском сельсовете М.И. Дмитренко, Н.И. Дмитренко, Г.Е. Зашула, Е.Е. Еременко, И.И. Горовко, В.И. Головкова и А.И. Еременко, работавшие бригадой, состоявшей из глухонемых¹⁸⁹.

Обобщив полученный опыт, в решение Конференции был внесен следующий пункт: «В целях дальнейшего улучшения трудового устройства и обслуживания рекомендовать МРО и районным отделениям сосредоточивать глухонемых группами на предприятиях, совхозах, МТС и колхозах»¹⁹⁰.

Участники конференции отмечали, что Оргбюро «обеспечило бесперебойную работу организаций и учреждений общества и создало условия для дальнейшей планомерной работы по обслуживанию глухонемых, трудящихся области и удовлетворению их культурных и бытовых вопросов». Выступающие главную задачу правления областного отделения ВОГ видели в том, чтобы «мобилизовать членов общества на успешную произ-

¹⁸⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸⁸ ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

¹⁸⁹ Там же. Л. 8.

¹⁹⁰ Там же. Л. 9

водственную работу на предприятиях, в совхозах, МТС и колхозах, развивать социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов предприятий, совхозов, МТС и колхозов, неустанно повышать политическую и производственную активность членов общества»¹⁹¹. Подобная позиция вполне соответствовала состоянию общественного мнения и отвечала задачам, возлагавшимся на ВОГ в целом.

Руководствуясь Постановлением Совета Министров РСФСР от 9 января 1952 года «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшению обслуживания глухонемых и глухих» делегаты конференции высказали просьбу Белгородскому областному Совету депутатов трудящихся об улучшении обслуживания инвалидов Белгородской области, а Президиуму Областного отделения ВОГ рекомендовали в июле 1954 г. разработать и внести конкретные предложения. Это говорило о понимании делегатами функций и возможностей органов власти и организации инвалидов, о необходимости их взаимодействия в общих интересах.

Предметом обсуждения на конференции стала необходимость усиления связи между районными и первичными организациями. Делегаты предложили пересмотреть структуру межрайонных отделов общества с целью повышения уровня агитационной и организационной практической работы, особенно с глухонемыми, работающими в совхозах, МТС и колхозах области, что способствовало бы обеспечению «безусловного выполнения заданий Центрального правления общества по организационно-массовой работе». Условием успешной работы было названо усиление «коллегиальности в работе, регулярное проведение заседаний Президиума Областного отделения ВОГ, Правления МРО и районных отделов и общих собраний первичных организаций», что содействовало бы развитию политической активности членов общества и на основе критики и самокритики устранению недостатков в работе организаций и учреждений общества. Обсуждение культурно-массовой работы Белгородского отделения общества показало заинтересованность в ней основной части членов организации, которые считали важным «повседневно улучшать культурно-просветительную работу красных уголков, развивать художественную самодеятельность и физкультурную работу, обратив особое внимание на ликвидацию неграмотности и малограмотности и организацию кружков по закреплению запаса слов»¹⁹².

В решениях Конференции были названы наиболее важные, по мнению делегатов, направления деятельности Белгородского отделения ВОГ:

- усиление со стороны Президиума Областного отделения ВОГ практической помощи межрайонным, районным отделениям и первичным организациям и повышение уровня организационного руководства всеми участками работы;
- перед МРО, районными отделениями и первичными организациями общества была поставлена задача усиления политико-воспитательной работы с членами общества, в первую очередь «широко разъяснять глухонемым трудящимся решения партии и правительства, направленные на дальнейший подъем промышленности и сельского хозяйства»;
- настойчиво улучшать работу школ грамоты, добиваться полной ликвидации неграмотности и малограмотности, обеспечить хорошую посещаемость школ».

Документ зафиксировал уверенность делегатов в том, что «глухонемые трудящиеся области, окруженные заботой партии и правительства, будут и впредь самоотверженно трудиться на благо нашей Великой Родины»¹⁹³.

Деятельность руководства организации была оценена положительно на конференциях и пленумах Белгородского отделения ВОГ, Президиум Центрального правления ВОГ положительно оценил деятельность Белгородского отделения, ввел ее в состав Всероссийской организации¹⁹⁴.

¹⁹¹ Там же. Л. 8.

¹⁹² ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹⁹³ Там же. Л. 9.

¹⁹⁴ Там же.

Уже в ноябре 1954 г. прошла очередная конференция Белгородского отделения ВОГ, были даны рекомендации по расширению состава его руководящих органов и о выборах делегатов на VI съезд ВОГ¹⁹⁵.

Белгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» сохранило традиции благотворительности и попечительства и стало полноценным участником системы государственной поддержки инвалидов.

Список источников

1. Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Саратов, 1909: 1–2.
2. Постановление СНК о согласовании функций Народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16628-10-dekabrya-postanovlenie-snk-o-soglasovanii-funktsiy-narodnyh-komissariatov-prosvescheniya-i-zdravoohraneniya-v-dele-vospitaniya-i-ohrany-zdorovya-defektivnyh-detey> (дата обращения: 10.11.2021)
3. Федеральная целевая программа «Дети России». Собрание законодательства Российской Федерации. Москва, 1994. № 17. Ст. 1955.
4. Федеральная целевая программа «Социальная защита инвалидов военной службы». Собрание законодательства Российской Федерации. Москва, 1997. № 18. Ст. 2150.

Список литературы

1. Белослюдова Е.А. 1993. Формирование системы управления социальной защитой инвалидов в сфере труда: автореф. дис. канд. эконом, наук. Санкт-Петербург, 17.
2. Зыкина Т.А. 1989. Материальное обеспечение лиц, получивших трудовое увечье: дис. канд. юрид. наук. Ленинград, 197.
3. Карновская Е.Я. 1984. Правовой статус инвалидов из числа рабочих и служащих в советском социальном обеспечении: дис. канд. юрид. наук. Москва, 191.
4. Конторина В.Н. 1995. Организационно-методические основы формирования системы рационального трудоустройства инвалидов: автореф. дис. канд. эконом, наук. Санкт-Петербург, 16.
5. Ливицкая М.П. 1994. Правовое регулирование процесса ресоциализации, труда, льгот и услуг для инвалидов в условиях становления многоукладной экономики: дис. докт. юрид. наук. Кишинёв, 100.
6. Мироненкова М.Н. 1996. Направления развития государственной системы социального обслуживания престарелых и инвалидов в условиях формирования рыночной экономики России: автореф. дис. канд. эконом, наук. Москва, 96.
7. На пути к закону. Социальное обеспечение. 1995. 5: 32.
8. Парягина О.А. 1989. «Правовые вопросы пенсионного обеспечения рабочих, служащих и колхозников по инвалидности»: автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва, 23.
9. Равные возможности для инвалидов: миф или реальность? Пути решения проблемы. 1994. Социальное обеспечение. 5: 20.
10. Хитров А.А. 2009. Благотворительная помощь глухонемым в России под покровительством императорской фамилии (конец XIX – начало XX века). Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 103: 30.
11. Храпылина Л.П. 1994. Профессиональная реабилитация и трудоустройство инвалидов в условиях перехода к рыночным отношениям: автореф. дис. докт. эконом, наук. Москва, 27.
12. Шаматава Г.А. 1993. Обеспечение гарантий занятости социально-незащищённых групп населения (на примере республики Грузия): автореф. дис. канд. эконом, наук. Москва, 24.

References

1. Beloslyudova E.A. 1993. Formirovanie sistemy upravleniya sotsial'noy zashchitoy invalidov v sfere truda: avtoref. dis. kand. ekonom. nauk [Formation of a management system for social protection of disabled people in the labor sphere]. Sankt-Peterburg, 17.

¹⁹⁵ Там же. Л. 2.

2. Zykina T.A. 1989. Material'noe obespechenie lits, poluchivshikh trudovoe uvech'e: dis. kand. jurid. nauk [Material support of persons who have received a work injury]. Leningrad, 197.
3. Karnovskaya E.Ya. 1984. Pravovoy status invalidov iz chisla rabochikh i sluzhashchikh v sovetskom sotsial'nom obespechenii: dis. kand. jurid. nauk [Legal status of disabled workers and employees in the Soviet social security]. Moskva, 191.
4. Kontorina V.N. 1995. Organizatsionno-metodicheskie osnovy formirovaniya sistemy ratsional'nogo trudoustroystva invalidov: avtoref. dis. kand. ekonom, nauk [Organizational and methodological foundations of the formation of a system of rational employment of disabled people]. Sankt-Peterburg, 16.
5. Livitskaya M.P. 1994. Pravovoe regulirovanie protsessa resotsializatsii, truda, l'got i uslug dlya invalidov v usloviyakh stanovleniya mnogoukladnoy ekonomiki: dis. dokt. jurid. nauk [Legal regulation of the process of resocialization, labor, benefits and services for people with disabilities in the formation of a multi-structured economy]. Kishinev, 100.
6. Mironenkova M.N. 1996. Napravleniya razvitiya gosudarstvennoy sistemy sotsial'nogo obsluzhivaniya prestarelykh i invalidov v usloviyakh formirovaniya rynochnoy ekonomiki Rossii: avtoref. dis.kand. ekonom, nauk [Directions of development of the state system of social services for the elderly and disabled in the conditions of the formation of a market economy in Russia]. Moskva, 96.
7. Na puti k zakonu [Towards the law]. Sotsial'noe obespechenie. 1995. 5: 32.
8. Paryagina O.A. 1989. «Pravovye voprosy pensionnogo obespecheniya rabochikh, sluzhashchikh i kolkhoznikov po invalidnosti»: avtoref. dis. kand. jurid. nauk [«Legal issues of pensions for workers, employees and collective farmers on disability»]. Moskva, 23.
9. Ravnye vozmozhnosti dlya invalidov: mif ili real'nost'? Puti resheniya problem [Equal Opportunity for People with Disabilities: Myth or Reality? Ways to solve the problem]. 1994. Sotsial'noe obespechenie. 5: 20.
10. Khitrov A.A. 2009. Blagotvoritel'naya pomoshch' glukhonemym v Rossii pod pokrovitel'stvom imperatorskoy familii (konets XIX – nachalo XX veka) [Charitable assistance to the deaf and dumb in Russia under the auspices of the imperial family (late XIX – early XX century)]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 103: 30.
11. Khrapylina L.P. 1994. Professional'naya reabilitatsiya i trudoustroystvo invalidov v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam: avtoref. dis. dokt. ekonom, nauk [Vocational rehabilitation and employment of people with disabilities in the transition to market relations]. Moskva, 27.
12. Shamatava G.A. 1993. Obespechenie garantiy zanyatosti sotsial'no-nezashchishchennykh grupp naseleniya (na primere respubliki Gruzija): avtoref. dis. kand. ekonom. nauk [Provision of employment guarantees for socially unprotected groups of the population (on the example of the Republic of Georgia)]. Moskva, 24.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудка Анна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Онопrienko Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Dudka, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Inna G. Onoprienko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 321

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-901-910

Происхождение социальной политики в Германии

Подольский В.А.

Государственный академический университет гуманитарных наук,

Россия, 119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация. Решение о введении обязательного страхования в Германии в 1880-е годы определило развитие социальной политики в Европе и других регионах на последующее столетие. Если реформы 1880-х хорошо известны в отечественной и зарубежной науке, то более ранние меры социальной политики в Германии изучены меньше. Цель настоящей статьи – рассмотреть всю историю становления социальной политики в Германии до конца XIX века. Опираясь на сравнительно-исторический подход, анализ правовых документов и институтов, статья показывает формирование норм и практик социальной политики в Германии и их значение. Созданная в 1880-е система была основана на восходящих к средневековой принципам корпоративной солидарности и взаимопомощи, а также городских программах поддержки нуждающихся. Представленные сведения о истории социальной поддержки в Германии представляют ценность для изучения социальной политики, благотворительности, самоорганизации.

Ключевые слова: социальная политика, социальное страхование, история Германии, пенсии, пособия.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Для цитирования: Подольский В.А. 2021. Происхождение социальной политики в Германии. Via in tempore. История. Политология. 48 (4): 901–910. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-901-910.

Origins of the social policy in Germany

Vadim A. Podolskiy

State Academic University for the Humanities,

26 Maronovskiy sid., Moscow 119049, Russia

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract. The introduction of the mandatory social insurance in Germany in the 1880's defined the development of the social policy in Europe and other regions for the next century. If the reforms of the 1880's are well studied in both Russian and foreign science, the earlier measures of the social policy in Germany are less known. The aim of the present article is to review the entire history of emergence of the social policy in Germany till the end of the XIX century. The article relies on the comparative and historical approach, analysis of legal documents and institutions, and describes the development of norms and practices of the social policy in Germany and their significance. The system that was created in the 1880's was based on principles of corporate solidarity and mutual help, as well as town programs of

support for the needy, that could be traced back to the Middle Ages. Presented information about the history of the social support in Germany is valuable for studies of social policy, charity, self-organisation.

Keywords: social policy, social insurance, history of Germany, pensions, benefits.

Acknowledgments: the study was made with the financial support as part of fulfillment of the SA (state assignment) of the State academic university for the humanities on the subject «Contemporary informational society and digital science: cognitive, economic, political and legal aspects» (FZNF-2020-0014).

For citation: Podolskiy V.A. 2021. Origins of the social policy in Germany. *Via in tempore. History. Political science.* 48 (4): 901–910. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-901-910.

Изучение истории немецкой социальной политики представляет интерес по трём причинам. Во-первых, большинство отечественных и зарубежных источников обычно фокусируются на реформах, проведённых при Бисмарке, период средних веков пропускают почти целиком, а социальные преобразования после реформации описывают кратко. В то же время решения Бисмарка, которые стали примером для подражания в других странах, в частности Британии и Японии, и привели к формированию современного государства «всеобщего благосостояния», опирались на средневековые корпоративные практики. Изучение раннего периода немецкой социальной политики важно, поскольку в это время создавались предпосылки для базовых решений в сфере социальной поддержки. Во-вторых, отечественная социальная политика в начале XX века подражала решениям имперской Германии, но и в XVIII–XIX веках ряд идей был перенят из Пруссии. Немецкая социальная политика повлияла на российскую и предопределила направление её развития. В-третьих, некоторые меры социальной поддержки, существующие в Германии со средних веков, не утратили своего значения по сей день. Солидарность и взаимовыручка членов корпорации, адресная поддержка нуждающихся, самоорганизация нуждающихся и благотворительность – вот те практики, изучение которых имеет ценность и для современной России.

Немецкая социальная политика хорошо исследована и в самой Германии, и в Британии, США и России благодаря вниманию к реформам Бисмарка, которым посвящены сотни монографий и статей. Но более ранний период, когда создавались предпосылки для формирования системы всеобщего страхования, но уже существовала поддержка образования, предоставлялись медицинские услуги и помощь деньгами и натурой, изучен в отечественной исторической и политической науке меньше, исследуются только отдельные институты или периоды организации помощи. Источников, в которых предлагался бы полный обзор мер поддержки в немецких государствах до образования империи в 1870-е, на русском языке нет. Историки обращаются к труду Владимира Александровича Гагена «Право бедного на призрение» (1907), но в нём приводится лишь краткое упоминание о мерах поддержки нуждающихся в немецких государствах до XIX века [Гаген, 1907, с. 28]. Самая подробная работа на английском языке – это труд историка Ларри Фромена из университета Беркли, посвященный помощи бедным в Германии с XVI до XX века [Frohman, 2008]. В самой Германии история социальной политики обычно рассматривается в обзорной литературе, например, трудах историка Михаэля Штолляйса из университета Гёте [Stolleis, 2013]. Новейшее обзорное исследование истории немецкой социальной политики, написанное правоведом Филиппа Хельвеге из университета Аугсбурга, изучает роль гильдейской помощи в происхождении современных законов о социальной защите и закона о страховании в Германии [Hellwege, 2020].

История социальной политики в Германии до реформ Бисмарка в 1880-е может быть разделена на три неравных этапа в зависимости от субъекта предоставления поддержки. Первый этап – от возникновения немецких государств до реформации. В это время организацией помощи нуждающимся, образованием и медицинскими услугами занималась католическая церковь и, реже, города и отдельные благотворители. Второй этап – от реформации до преоб-

разований в Пруссии в конце XVIII века. После отделения церковью северной Европы от Рима многие немецкие государства и города распустили монастыри и взяли на себя те функции, которые ранее выполняла церковь. Третий этап продолжался от принятия Прусского земского уложения в 1794 году до реформ Бисмарка, когда создавались ключевые институты социального государства в современном смысле. Правовые документы, регулировавшие порядок предоставления помощи, сохранились с самых ранних времён, также в качестве источника информации доступно обширное наследие историков и современников, поэтому сравнительно-исторический подход и анализ правовых документов и институтов позволяют восстановить картину социальной политики в Германии.

Начало истории государственного регулирования социальной поддержки в немецких землях положил указ 779 года Карла Великого, когда он повелел организовать всеобщее покаяние с постом и обязал монастыри, соразмерно уровню их благосостояния, выдать милостыню бедным во искупление грехов, которые не давали добиться победы в затяжной войне за Саксонию и привели к голоду [The Oxford Handbook..., 2014, p. 318]. Подобные единичные решения повторялись несколько раз, а более системным было указание в капитулярии от 806 года. Указ предписывал землевладельцам поддерживать нуждающихся на своих землях, не допускать бродяжничество, отказывать в помощи трудоспособным нищим [Фирсов, 2017, с. 127]. Разделение бедных на заслуживающих и незаслуживающих помощи в зависимости от их трудоспособности присутствовало еще в кодексе Юстиниана [Poverty and welfare..., 2017, p. 25]. Эти принципы более тысячи лет служили основанием для социальной политики в Европе. Нищим помогали на локальном уровне. Отношение к бедным зависело от возраста, состояния здоровья, репутации, почтительности, религиозности, трудолюбия в прошлом, отсутствия вредных привычек. Власти боролись с бродяжничеством, иногда прибегая к крайне жестоким мерам: телесным наказаниям, заключению, работе на галерах и даже казни, и проверяли просителей на трудоспособность, отказывая тем нищим, которые могли работать, в помощи или направляя их на общественные работы [Frohman, 2008, p. 16–22].

В средние века в Германии не менее 50 % граждан были бедными, то есть не имели собственности и накоплений, а около 5–10 % были вынуждены периодически обращаться за помощью [Frohman, 2008, p. 13]. Помощь могла предоставляться непосредственно от жертвователя просителю в виде милостыни или через пожертвования или завещания монастырям, фондам, приютам для сирот и пожилых. Выдача производилась по воскресеньям, праздникам, на похоронах. Бедные всё время перемещались в поисках средств к существованию [Frohman, 2008, p. 14]. Обычно они просили подаяние у церквей, также церкви организовывали общие трапезы для нуждающихся. Специальные «столы для бедных» были известны во всей Европе, их периодически организовывали приходы [Frohman, 2008, p. 27] для раздачи не только еды, но и денег и одежды. Иногда по праздникам бедных собирали на площадях, а городские власти обращались к гражданам с просьбой предоставить нуждающимся подаяние [Frohman, 2008, p. 22]. В средние века в Кёльне и Брауншвейге организация раздачи еды нуждающимся по праздникам производилась силами городских районов [Lindberg, 1993, p. 54].

Со средних веков церковь, опираясь на доход от десятины, церковных земель и пожертвования, не только раздавала помощь, но и создавала госпитали, которые выполняли функции и приютов для нуждающихся, и медицинских учреждений для инвалидов, прокаженных и бедных [Lindberg, 1993, p. 135]. Госпитали в основном принадлежали церковным орденам, но уже в средние века они начали получать финансирование от городов или состоятельных горожан. Так, в 1256 году за счёт горожан был создан госпиталь в Ганновере. Для того чтобы госпиталь мог продолжать работу, граждане обычно указывали его в своих завещаниях и иногда сами доживали в таких приютах свои дни. Из средств пожертвований создавались фонды, а для обеспечения их работы привлекались городские власти, которые со временем брали на себя управление госпиталями. В 1261 году в Страсбурге городской совет стал отвечать за местный госпиталь. В 1321 году городской совет Кёльна

принял решение о том, что он будет назначать управляющих в госпитале Святого духа, а в 1510 году – что во всех госпиталях города [Lindberg, 1993, p. 61–63]. В завещаниях состоятельные граждане также направляли средства на другие общественные цели, например, на создание стипендий, которые талантливые учащиеся могли использовать для оплаты образования в университетах [Lindberg, 1993, p. 145] или на общественные бани, или на проведение общественных работ для строительства объектов инфраструктуры, распорядителями в таких случаях могли быть местные власти [Lindberg, 1993, p. 65–66].

С античных времен существовали «общие фонды» различных профессиональных и иных объединений для защиты от рисков, пополнявшиеся за счет взносов членов сообществ, из этих фондов выделялись средства на лечение, погребение и иногда содержание вдов и сирот. В средние века эта идея была воплощена в гильдиях, братствах, корпорациях [Stolleis, 2013, p. 29–30]. Свои братства для взаимопомощи учреждали и нуждающиеся: в Страсбурге в 1433 году было создано братство слепых, а во Франкфурте в 1480 году – братство слепых и хромых [Lindberg, 1993, p. 44].

В XV веке города столкнулись с проблемой увеличения численности населения после её радикального снижения в XIV веке из-за чумы. Ремесленникам стало сложнее поступать в гильдии из-за возросшей конкуренции, нищих в городах стало больше. Из-за роста городов граждане уже не знали друг друга лично. Помимо известных с раннего средневековья практик запретов на попрошайничество, города также пытались ввести лицензирование для регулирования сбора милостыни нуждающимися, первым случаем обычно считается учреждение ордена бедняков по решению городского совета Нюрнберга в 1370 году. Без специальных металлических табличек сбор подаяния был запрещен, а для получения таблички проситель должен был продемонстрировать знание базовых молитв, также двое свидетелей должны были подтвердить, что соискатель действительно терпел нужду. В 1435 году похожий порядок был принят в Кёльне, в 1490 – в Вюрцбурге [Lindberg, 1993, p. 46].

Полицейское постановление Священной Римской империи 1497 года рекомендовало регулировать попрошайничество по примеру Нюрнберга [Frohman, 2008, p. 21]. Аугсбургское постановление императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга в 1530 году подтвердило территориальный принцип попечения о нуждающихся: каждая община должна была заботиться только о своих бедных, а бродяг изгонять, предписывалось обучение детей бедных ремёслам, им не разрешалось попрошайничать. После реформации многие протестантские города учредили «общий сундук» для сборов на бедных, попрошайничество было запрещено. В Ляйсниге фонд организовал лично Лютер в 1523 году, по этому примеру фонды были созданы в Галле в 1527, в Лейпциге – в 1531, в Эрфурте – в 1534 [Lindberg, 1993, p. 129]. В 1527 году сундук был создан в Гамбурге [Lindberg, 1993, p. 143]. В швейцарском Цюрихе при Цвингли также была учреждена городская система помощи бедным [Wandel 2003, p. 142]. Похожие решения принимались и в католических городах Фламандии, первым стал город Ипр в 1525 году. В 1531 году Карл V издал эдикт, который рекомендовал другим городам следовать примеру Ипра и учреждать централизованный фонд для сборов на бедных [Lindberg, 1993, p. 146–148]. Всего законы о бедных были приняты в 30 городах. Учреждалось ведомство по благотворительности для контроля ресурсов и издержек, за них отвечали видные граждане, подчиненные магистратам: помощники бедных, провизоры, хранители сундуков. Создавались правила, иерархия, централизация сбора подаяний, единообразные процедуры, нанимались сотрудники [Frohman, 2008, p. 21]. Велись книги о бедных [Stolleis, 2013, p. 12], эти отчёты позволяют оценить численность получателей помощи. Так, в Нюрнберге помощь постоянно получало около 1 % граждан, периодически – до 10 %, а в неурожайные годы – треть [Lindberg, 1993, p. 135]. В Ипре городские власти оценивали число получателей помощи в 15 % горожан [Lindberg, 1993, p. 148]. Если в протестантских городах основным институтом помощи бедным были муниципальные сборы на бедных, то в католических доминирующую роль вплоть до распада Священной Римской империи сохраняли монастыри [Poverty and welfare..., 2017, p. 33].

В XVI веке инфляция составила 30–50 % из-за притока серебра в Европу из колоний Испании, поэтому рабочие беднели [Frohman, 2008, p. 19]. Ещё более серьёзный ущерб экономике Германии был нанесён в ходе тридцатилетней войны, когда немецкие государства потеряли треть населения [Frohman, 2008, p. 38]. Из-за войны благотворительные фонды оскудели, и муниципальные чиновники взяли на себя попечение о нуждающихся [Frohman, 2008, p. 41]. Законодательство в отношении бедных в XVII веке в основном было нацелено на борьбу с бродяжничеством. Как и в Британии, за бедняка из чужого муниципалитета должен был платить муниципалитет происхождения, и земли спорили друг с другом из-за чужих бедных [Dross, 2007, p. 28]. Магистраты предоставляли бедным работу, в основном прядение, бедные пряли либо у себя дома, либо в муниципальных ткацких домах. Бродяг из других регионов обязывали чистить улицы, строить укрепления, а затем изгоняли. Работа была организована в тяжелых условиях для того, чтобы приучать просителей к труду, поскольку власти объясняли нужду плохим характером бедняков: после тридцатилетней войны Германия страдала от бродячих банд [Frohman, 2008, p. 37–39]. В XVII веке по образцу Британии и Нидерландов в Германии, Швейцарии и Австрии [Frohman, 2008, p. 32] строились работные дома, чтобы ограничить число бродяг и обеспечить трудоспособных нуждающихся работой [Stolleis, 2013, p. 15]. Их содержание было дорогим, прибыль они не приносили, количество работных домов и численность нуждающихся, которые в них состояли, было гораздо меньше, чем в Британии – около сотни домов, в которых в общей сложности содержалось несколько тысяч человек [Frohman, 2008, p. 35–40].

В XVII веке начала усиливаться Пруссия, и именно в этом государстве активнее всего развивался целый ряд направлений социальной политики. Рост бюрократии, созданной для эффективного управления армией, обусловил возникновение пенсий как выплат за услуги: чиновники рассчитывали на жалование и награды, а не собственные имения, и поэтому их лояльность государству была выше. Особое прочтение лютеранства, пиетизм, повлияло на внимание к образованию [Gawthrop, 1993, p. 237–238], и Пруссия, наряду с Шотландией, стала лидером в сфере массового образования. В конце XVII столетия богослов-пиетист Август Герман Франке создал образовательные учреждения в городе Галле, которые финансировались за счёт пожертвований, в том числе от короля Пруссии [Gawthrop, 1993, p. 130–131]. В XVIII веке в Пруссии были приняты первые в мире законы об обязательном школьном образовании. По закону от 1736 года, школы получали от церковных приходов материалы для строительства и скотину для преподавателей, а от короля – земельные участки. Также из местных средств предоставлялись дополнительные выплаты в зависимости от числа детей школьного возраста на территории общины. Согласно закону 1763 года, вводились штрафы за непосещение школ за исключением детей, учившихся дома, а образование детей из малообеспеченных семей оплачивалось из средств приходов.

В конце XVIII века швейцарский педагог Иоганн Песталоцци разработал систему начального образования и создал приюты для воспитания детей. Его опыт стал известен в Германии благодаря философу Иоганну Фихте [Phillips, 2011, p. 15–16]. С начала XIX века массово создавались учреждения для детей младшего возраста, они получали финансирование от местных властей, интерес к таким учреждениям среди благотворителей возрос после удачного опыта Вильгельма Фрёбеля в Тюрингии, автора идеи детских садов [Phillips, 2011, p. 26].

В 1794 году в Пруссии был принят свод законов, Земское уложение, в котором впервые попечение о бедных предполагалось уже не только на уровне общины, но и на уровне государства [Dross, 2007, p. 27]. Кодекс обязал общины заботиться о бедных там, где не было фондов для бедных. В тех районах, где не было объединений горожан, государство брало ответственность на себя, но просителей из других регионов изгоняли [Stolleis, 2013, p. 17].

При французах религиозные корпорации были распущены, система приходской благотворительности была упразднена, помощь бедным оказывали бюро общественного благосостояния, а госпиталями ведала централизованная комиссия по госпиталям.

В 1810 году Наполеон создал имперское общество по материнской благотворительности и потребовал, чтобы чиновники и знать учредили местные подразделения по всей империи, в том числе и в германских землях. Согласно кодексу Наполеона, государство отвечало за помощь заслуживающим бедным, если им не помогали общины или существующие корпоративные структуры [Frohman, 2008, p. 57–59].

Вследствие распространения романтизма и реставрации монархий после революции во Франции в начале XIX века возросла поддержка католической церкви. Возникли или возобновили работу многочисленные движения, помогавшие детям, бездомным, больным и нуждающимся, например, общество Сен-Венсан де Поля. Протестанты поддерживали такие организации, как учреждения Франке в Галле, детские сады, дома для душевнобольных, приюты. Также возникали светские организации взаимопомощи, которые раздавали еду, помогали беспризорникам, организовывали сберкассы [Stolleis, 2013, p. 22–23]. Благотворительные расходы вплоть до конца XIX века превышали государственные [Frohman, 2008, p. 96].

В XIX веке население Германии удвоилось, и быстрее всего возрастала численность жителей, у которых не было собственности и места в обществе. Почти четверть горожан в 1830–1840-е получали помощь [Frohman, 2008, p. 61]. Наиболее известны две городских системы помощи нуждающимся: Гамбургская, существовавшая с 1788 года до 1809, и Эльберфельдская, существовавшая с 1840-х до 1910-х. В 1788 году Гамбург был разделен на 5 районов, их возглавляло по 2 директора, районы делились на 12 кварталов с 2 надзирателями в каждом, контролировавшими работу 3 избираемых попечителей. Отвечал за общую помощь бедным исполнительный комитет, состоявший из директоров районов, администраторов приходских «сундуков для бедных», директоров благотворительных организаций города, руководителей сиротского приюта, работного дома, дома для заразных больных, и представителей административных структур города. Попечители посещали нуждающихся, изучали их жизненные обстоятельства и характер с помощью специальных опросных листов, записи о семьях-получателях сохранялись. После опроса попечители передавали свои суждения директорам районов, которые направляли их в совет для рассмотрения запросов и принятия решений о помощи. В Гамбурге также была создана программа медицинской помощи нуждающимся для снижения издержек из-за утраты трудоспособности рабочих. Город платил за школы труда, в которые были обязаны направлять своих детей получатели помощи для бедных, а также могли направлять рабочие. Детям платили за обучение, чтобы компенсировать те средства, которые они могли бы заработать, если бы трудились. Попечение об этих школах позднее было передано от системы поддержки бедных к муниципальной школьной комиссии. Гамбургская система прекратила существование после распада Священной Римской империи [Frohman, 2008, p. 47–50].

В середине XIX столетия похожая система была создана в городе Эльберфельд на юго-западе Германии. Система получала средства благодаря городскому налогу на нуждающихся. За его распределение отвечали избираемые городским советом надзиратели. Система включала в себя поддержку учреждений для проживания нуждающихся, то есть приютов и больниц, и раздачу помощи натурой и деньгами. Город был разделен на несколько округов, количество которых возрастало из-за увеличения численности населения: в городе располагались текстильные производства, и развитие отрасли привлекало новых жителей, и если в начале XIX века в Эльберфельде жило 12 тысяч человек, то к концу столетия – более 100 [Frohman, 2008, p. 89]. В округах за сбор сведений о нуждающихся и распределение средств отвечали попечители, которые работали бесплатно, причём отказ от работы попечителем о бедных вел к утрате права голоса и повышению налогов [Frohman, 2008, p. 92]. Попечители посещали просителей, вели с ними воспитательные беседы и предоставляли помощь, деньги, продукты, одежду или работу в зависимости от ситуации. Попечители проводили встречи раз в две недели для обсуждения предоставляемой поддержки. Хотя уровень помощи был ниже минимальной оплаты труда и прожиточного минимума, чтобы доход от любой занятости был более выгодным для просителя и не снижалась его мотива-

ция к труду, расходы регулярно превышали объём пожертвований из фондов, добровольных взносов и еженедельных пожертвований в церкви, недостающие средства предоставлялись налогоплательщиками [Frohman, 2008, p. 90] и из городских доходов, например, штрафов. Благодаря строгости системы, доля просителей снизилась с 10–20 % граждан в середине XIX века [Frohman, 2008, p. 89] до 2 % к концу столетия, несмотря на рост населения [Павлова 2016, с. 365–366], уличные попрошайки исчезли. Система во второй половине XIX века была перенята во многих других городах [Frohman, 2008, p. 96–97].

Вслед за Пруссией государственное регулирование социальной поддержки появилось в Баварии, где в 1816 году власти потребовали от коммун обеспечивать своих больных и бедных, а также обязали рабочих создавать кассы взаимопомощи. В 1832 году было введено обязательное медицинское страхование для некоторых профессий [Comranje et al., 2009, p. 58–59]. Нужно было платить взнос за вступление в кассу и еженедельные взносы для получения права на бесплатное медобслуживание [Dross, 2007, p. 30]. В 1850 году правительство Баварии выпустило постановление, которое обязывало муниципалитеты оплачивать медицинские услуги для рабочих, законодательно закрепив фактически сложившуюся ситуацию, когда местные власти были вынуждены финансово поддерживать страховые кассы, которые не собирали достаточный объём взносов для лечения своих членов [Comranje et al., 2009, p. 58–59]. В 1869 году в Баварии был принят закон о государственной помощи бедным и больным. Предоставлялись минимальные средства при явной нужде [Stolleis, 2013, p. 20–21]. Общины должны были создавать органы опеки, которые вместе с существующими благотворительными организациями были обязаны учреждать и поддерживать больничные кассы, сберкассы, дома для бедных и сирот, больницы, обеспечивать занятость бедных, обучать детей ремёслам. Получатели помощи должны были со временем возвращать средства в кассы или службы опеки, то есть помощь предоставлялась в долг [Чилькина, 2013, с. 233–234].

В 1825 в Пруссии был принят закон о пенсиях для офицеров, ранее офицеры, как и гражданские чиновники, получали пенсии в награду от государства, если у них не было своих источников к существованию. В 1851 году в Пруссии был принят закон о пенсиях для солдат-инвалидов, вместо пенсий они могли выбрать пребывание в доме для инвалидов, но число таких домов и мест в них было крайне невелико – всего 9 и 1 000 соответственно на всю Пруссию. Также инвалидам предоставлялись сертификаты на льготное замещение вакансий на государственной службе [Perkins, 1863, p. 33–38]. Размер пенсии зависел от степени утраты трудоспособности и составлял от 10 до 100 % жалования, а для офицеров – от 50 % жалования до 100 % в зависимости от срока службы и заслуг. Также предоставлялись выплаты семьям погибших офицеров. Дома инвалидов содержались за счёт завещаний и из фонда, созданного по королевскому указу [Perkins, 1863, p. 40]. В Австрии уровень пенсий зависел от чина и степени утраты трудоспособности и составлял от 10 % до 100 % от жалования, домов для инвалидов было 6 на 2 500 человек [Perkins, 1863, p. 45–46].

В 1840-е в Пруссии стали популярны кассы для страхования здоровья или оплаты похорон, обязанность работников делать взносы в эти кассы включалась в договор о трудоустройстве. В 1849 году в Пруссии муниципалитеты получили право обязывать индивидов присоединяться к страховым организациям [Dross, 2007, p. 27–29], в том числе рабочих-мигрантов [Dross, 2007, p. 38], в первую очередь страхование затрагивало рабочих в таких высокорисковых сферах, как добыча угля. Помимо похоронных касс создавались сберегательные кассы, кассы взаимопомощи при болезни, инвалидности, пенсионные фонды, фонды вдов и сирот, ассоциации по обучению рабочих. Эти фонды создавались как рабочими на базе гильдейских институтов, так и другими классами из соображений христианского патернализма, местного патриотизма, примирения классов. Бедные, впрочем, не зарабатывали столько, чтобы откладывать на старость [Frohman, 2008, p. 72–74]. Рабочие без постоянной занятости не могли вступать в такие ассоциации, больные и пожилые не принимались в них из-за высоких рисков, женщины и дети также не принимались в кассы, то есть помощь не получали те, кому она была нужнее всего [Frohman, 2008, p. 102], а получение

помощи для бедных вело к утрате избирательного права. В 1870 правила, аналогичные прусским, были распространены на весь Северогерманский союз [Frohman, 2008, p. 86].

Для противостояния активности социалистов консервативное правительство империи в 1880-е приняло ряд законов, направленных на поддержку рабочих. Закон 1883 года вводил страхование от нетрудоспособности из-за болезни и компенсацию расходов на лечение, а также пособия роженицам и пособия на погребения, закон 1884 года – страхование от несчастных случаев, а закон 1889 года – страховые взносы для последующей выплаты пенсий по старости и в случае инвалидности [Dross, 2007, p. 25]. Взносы в местные больничные кассы для оплаты медицинских услуг составляли 2–3 % от зарплаты, 1/3 платили работодатели, а 2/3 – рабочие [Comranje et al., 2009, p. 67]. Страховые взносы в размере в среднем порядка 1,5 % от зарплаты для выплат при несчастных случаях осуществляли работодатели, для управления системой были созданы специальные кассы, ставка взносов высчитывалась по формуле, учитывающей вероятность риска и предполагаемый объём выплат и сильно различалась в разных отраслях [Guinnane, Streb, 2012, p. 14]. Страховые взносы для выплаты пенсий по старости составляли около 1,5–2 % от зарплаты в зависимости от дохода, также деятельность касс субсидировало правительство, уровень пенсий достигал 20 % от средней зарплаты. Местные страховые агентства выпускали марки, которые рабочие получали при уплате взносов, чтобы затем подтвердить права на пенсию [Scheubel, 2013, p. 89–98]. Программы Бисмарка не требовали проверки на нуждаемость и не вели к утрате политических прав [Frohman, 2008, p. 105]. Численность жителей с медицинской страховкой страны выросла приблизительно с 3 % до 8 % в первые годы после принятия закона, а в 1890-е превысила 15 %. Страховку от несчастных случаев получила треть жителей Германии [Dross, 2007, p. 34], а пенсии по старости и инвалидности – менее 1 % граждан [Scheubel, 2013, p. 92]. В Австрии аналогичные законы были приняты примерно в то же время [Zelinka, 2005, p. 305–306]. Немецкая страховая система стала образцом для подражания для других европейских государств, в первую очередь Франции, Британии и России, а также для Японии.

Немецкая социальная политика сложилась на основе христианской этики и самоорганизации различных групп. В средневековой Германии ключевым институтом социальной поддержки была церковь: нищие собирались на церковных папертях, где получали подавание от прихожан, также церкви собирали пожертвования на помощь бедным. Церковные ордена организовывали госпитали и образовательные учреждения до реформации во всей Германии, а после XVI века – в католических немецких государствах. После реформации меры поддержки вводили города. Создавались городские фонды для сбора пожертвований, объём предоставляемой помощи регулировался в зависимости от нуждаемости просителя, из этих средств финансировалась работа приютов и госпиталей. По примеру Британии и Нидерландов, многие немецкие города давали просителям работу, а в княжествах нуждающиеся получали еду за строительство замков. Гильдии ремесленников поддерживали своих членов, помогали вдовам и сиротам. Также ещё со средних веков в Германии существовали объединения нуждающихся. Принцип корпоративной солидарности как способа распределения рисков был воплощен в системе страхования, которое стало распространяться в Германии в XIX веке. Участники страховых схем были обязаны делать взносы в кассы взаимопомощи, чтобы получить право на выплаты при нетрудоспособности или медицинские услуги. Пример самоорганизации различных групп привёл к тому, что немецкие государства, в первую очередь Пруссия, начали вводить постановления об обязательном страховании для некоторых профессий. В конце XIX века в объединённой Германии были приняты законы, согласно которым страхование – медицинское, от несчастных случаев и пенсионное – стало обязательным. Принцип солидарности и самоуправления по сей день составляет основу немецкой социальной политики, которая считается наиболее эффективной в мире. Современная Россия может использовать опыт Германии в социальной политике, как его использовала и Российская империя, реформируя образование и страхование. Наиболее ценные для решения современных задач идеи из

истории социальной политики Германии до конца XIX века – это корпоративная и локальная взаимопомощь, изучение положения нуждающихся перед предоставлением им помощи и содействие самоорганизации жителей страны, а также благотворительность.

Список литературы

1. Гаген В.А. 1907. Право бедного на призрение. Т. 1. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 649.
2. Павлова И.П. 2016. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму. Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 3: 363–376.
3. Фирсов М.В. 2017. История социальной работы: учебное пособие по направлению подготовки «Социальная работа». Москва: КНОРУС, 395.
4. Чилькина К.В. 2013. Взаимодействие двух систем социального обеспечения в Германии в XIX в.: системы призрения бедных и системы государственного социального страхования (анализ законодательства). Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2 (78): 229–238.
5. Companje K.P., Hendriks R.H.M., Veraghtert K.F.E., Widdershoven B.E.M. 2009. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770–2008. Amsterdam: Aksant, 393.
6. Dross F. 2007. The Price of Unification. The Emergence of Health & Welfare Policy in Pre-Bismarckian Prussia. *Hygiea Internationalis. An Interdisciplinary Journal for the History of Public Health* 6 (1). July: 26–39.
7. Frohman L. 2008. Poor relief and welfare in Germany from the Reformation to World War I. New York: Cambridge university press, X, 257.
8. Gawthrop R.L. 1993. Pietism and the making of eighteenth-century Prussia. Cambridge: Cambridge university press, XIII, 305.
9. Guinnane T.W., Streb J. 2012. Incentives that saved lives: Government regulation of accident insurance associations in Germany, 1884–1914. Center Discussion Paper No. 1013. New Haven: Yale University Economic Growth Center, 46.
10. Hellwege P. From Guild Welfare to Bismarck Care. Professional guilds and the origins of modern social security and insurance law in Germany. Berlin: Duncker & Humblot, 2020, 348.
11. Lindberg C. 1993. Beyond charity. Reformation Initiatives for the poor. Minneapolis: Fortress press, X, 235.
12. Perkins S.H. 1863. Report on the pension systems, and invalid hospitals of France, Prussia, Austria, Russia and Italy, with some suggestions upon the best means of disposing of our disabled soldiers. New York: Wm. C. Bryant & Co., Printers, 52.
13. Phillips D. 2011. The German example. English interest in educational provision in Germany since 1800. New York: Continuum publishing, 240.
14. Poverty and welfare in modern German history. 2017. Ed. by Lutz R. New York: Berghan Books, 256.
15. Scheubel B. 2013. Bismarck's Institutions A Historical Perspective on the Social Security Hypothesis. Tubingen: Mohr Siebeck, 280.
16. Stolleis M. 2013. History of Social Law in Germany. Berlin: Springer, VIII, 258.
17. The Oxford Handbook of Medieval Christianity. 2014. Ed. by Arnold J.H. Oxford: Oxford university press, 394.
18. Wandel L.P. 2003. Always Among Us: Images of the Poor in Zwingli's Zurich – Cambridge: Cambridge University Press, 208.
19. Zelinka I. 2005. Der autoritäre Sozialstaat: Machtgewinn durch Mitgefühl in der Genese staatlicher Fürsorge. Münster: LIT Verlag, 418.

References

1. Gagen V.A. 1907. Pravo bednogo na prizreniye. T. 1 [The right of the poor for care. Vol. 1]. Sankt-Peterburg: tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 649.

2. Pavlova I.P. 2016. The Elberfeld system of social care for the destitute: from volunteering to professionalism. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol 14. № 3: 363–376 (in Russian)
3. Firsov M.V. 2017. *Istoriya sotsialnoy raboty: uchebnoye posobiye po napravleniyu podgotovki «Sotsialnaya rabota»* [History of the social work: manual for the field of study «The social work»]. Moskva: KNORUS, 395.
4. Chilkina K.V. 2013. Interaction of two systems of social security in Germany in the nineteenth century: the care of the poor and the system of state social insurance (analysis of legislation). *Herald of the Volga state university named after V.N. Tatischev* № 2 (78): 229–238 (in Russian)
5. Companje K.P., Hendriks R.H.M., Veraghtert K.F.E., Widdershoven B.E.M. 2009. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770–2008. Amsterdam: Aksant, 393.
6. Dross F. 2007. The Price of Unification. The Emergence of Health & Welfare Policy in Pre-Bismarckian Prussia. *Hygiea Internationalis. An Interdisciplinary Journal for the History of Public Health* 6 (1). July: 26–39.
7. Frohman L. 2008. *Poor relief and welfare in Germany from the Reformation to World War I*. New York: Cambridge university press, X, 257.
8. Gawthrop R.L. 1993. *Pietism and the making of eighteenth-century Prussia*. Cambridge: Cambridge university press, XIII, 305.
9. Guinnane T.W., Streb J. 2012. Incentives that saved lives: Government regulation of accident insurance associations in Germany, 1884–1914. Center Discussion Paper No. 1013. New Haven: Yale University Economic Growth Center, 46.
10. Hellwege P. *From Guild Welfare to Bismarck Care. Professional guilds and the origins of modern social security and insurance law in Germany*. Berlin: Duncker & Humblot, 2020, 348.
11. Lindberg C. 1993. *Beyond charity. Reformation Initiatives for the poor*. Minneapolis: Fortress press, X, 235.
12. Perkins S.H. 1863. *Report on the pension systems, and invalid hospitals of France, Prussia, Austria, Russia and Italy, with some suggestions upon the best means of disposing of our disabled soldiers*. New York: Wm. C. Bryant & Co., Printers, 52.
13. Phillips D. 2011. *The German example. English interest in educational provision in Germany since 1800*. New York: Continuum publishing, 240.
14. *Poverty and welfare in modern German history*. 2017. Ed. by Lutz R. New York: Berghan Books, 256.
15. Scheubel B. 2013. *Bismarck's Institutions A Historical Perspective on the Social Security Hypothesis*. Tubingen: Mohr Siebeck, 280.
16. Stolleis M. 2013. *History of Social Law in Germany*. Berlin: Springer, VIII, 258.
17. *The Oxford Handbook of Medieval Christianity*. 2014. Ed. by Arnold J.H. Oxford: Oxford university press, 394.
18. Wandel L.P. 2003. *Always Among Us: Images of the Poor in Zwingli's Zurich* – Cambridge: Cambridge University Press, 208.
19. Zelinka I. 2005. *Der autoritäre Sozialstaat: Machtgewinn durch Mitgefühl in der Genese staatlicher Fürsorge*. Münster: LIT Verlag, 418.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольский Вадим Андреевич, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim A. Podolskiy, assistant professor at the faculty of political science of the State academic university for the humanities, Moscow, Russia

УДК 327

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-911-920

Особенности внутренней политической ситуации в Ираке в период с 1920 по 2003 гг.

Джанаби Я.С.Х., Надир М.С.Э.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, Нижний Новгород, улица Ульянова, 2
E-mail: yacoobsabih@gmail.com; e-mail: nmse90@mail.ru

Аннотация. Данное исследование призвано прояснить детали наиболее важных этапов изменений во внутренней политике Ирака с 1920 по 2003 годы. На протяжении почти всего XX столетия Ирак подвергался многократным сменам власти, а также влиянию событий, имевших место в других государствах региона, что в сумме привело страну к внутреннему хаосу и нестабильности, сопровождавшимся продолжительными раздорами среди этнических, религиозных и социальных групп. В ходе работы были проанализированы ранее не упоминавшиеся источники, что позволило получить новые подробности о предмете исследования. Дополнительные детали событий и точки зрения на них позволили ещё раз оценить влияние различных факторов на создание обстановки в стране и на развитие её отношений с внешним миром. Становится более заметна неспособность Ирака своими силами справиться с нарастающим внутренним кризисом, что привело мировое сообщество к принятию решения о вынужденном внешнем вмешательстве.

Ключевые слова: Ирак, Арабский мир, политическая ситуация, оккупация, конфликт, внешнее вмешательство.

Для цитирования: Джанаби Я.С.Х., Надир М.С.Э. 2021. Особенности внутренней политической ситуации в Ираке в период с 1920 по 2003 год. *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 911–920. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-911-920.

Features of the internal political situation in Iraq in the period from 1920 to 2003

Yaqoob Sabeeh Hasan Janabi, Mohammed Salah Eddin Nadir

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University,
2 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
E-mail: yacoobsabih@gmail.com; e-mail: nmse90@mail.ru

Abstract. This study is intended to clarify details of the most important stages of changes in the internal policy of Iraq from 1920 to 2003. Throughout almost the entire 20th century, Iraq was subjected to multiple changes of power, as well as the influence of events that took place in other states of the region, which in total led the country to internal chaos and instability, accompanied by prolonged discord among ethnic, religious and social groups. In the course of the work, previously unknown sources were analyzed, which allowed us to obtain new details about the subject of the study. Additional details of the events and points of view on them were shown, which helped to show differently the influence of various factors on the creation of the situation in the country and the development of its relations with the outside world. The inability of Iraq to cope with the growing internal crisis on its own is becoming more noticeable, which led the world community to make a decision on forced external intervention.

Keywords: Iraq, Arab world, political situation, an occupation, conflict, external interference.

For citation: Janabi Y.S.H., Nadir M.S.E. 2021. Features of the internal political situation in Iraq in the period from 1920 to 2003. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 911–920 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-911-920.

На протяжении всей истории Ирак был центром диалога и встреч цивилизаций [Shamkhi, 2019]. Но из-за своего привилегированного положения на политической карте он превратился в постоянное поле битвы с шестнадцатого века до 1918 года. В тот момент конфликт между османскими турками и персидскими Сефевидами усилился после передачи Персии контроля над шиитскими святынями в Наджафе, являвшимся символом Сефевидов. Всё это время османы пытались сохранить Ирак в качестве суннитской буферной зоны против распространения соперничающей секты [Kane, 2011]. После падения Османской империи и ввода британских войск в Ирак страна стала раздробленной, с жестокими конфликтами между племенами. Одной из причин была попытка президента США Вудро Вильсона управлять Ираком как британской колонией с привлечением на второстепенные руководящие должности индийских чиновников, не нанимая на места иракцев.

Объектом данного исследования является изучение политических проблем, с которыми столкнулся Ирак, начиная с 1920 года и до прихода в Багдад американских войск в 2003 году [Suleiman, 2017].

Основная цель исследования состоит в поиске ответа на вопрос, какие политические проблемы были наиболее важными в Ираке с 1920 по 2003 годы, а также от чего пострадал Ирак, учитывая, что политическая ситуация является основой стабильности во всех других сферах жизни. Результаты исследования могут оказать поддержку в понимании текущей ситуации в стране и выборе наиболее подходящих её решений.

Поиск новых данных по указанной проблеме является актуальным, так как исследований, проясняющих наиболее важные политические этапы, через которые прошел Ирак с 1920 по 2003 год, недостаточно.

25 апреля 1920 года Великобритания получила мандат на государство Ирак. По мере распространения информации о вступлении в силу этого мандата националистическая активность усилилась. Религиозный лидер издал указ (фетва), в котором утверждалось, что правление немусульман в мусульманской стране противоречит исламским законам, и призывал к джихаду [Johnson, 2004]. После того, как сунниты и шииты временно отложили в сторону свои разногласия, религиозные лидеры призвали их к действию через патристические проповеди.

Революция 1920 года стала поворотным моментом в современной истории Ирака – впервые к ней присоединились сунниты и шииты, целые племена и города [Scott, 1995]. Политический хаос, оставленный революцией, вынудил высокопоставленных британских чиновников в Багдаде реализовать планы по созданию иракского национального государства с арабской монархией, а также разработать конституцию и договор, которые узаконили бы британское правление в стране. 17 августа 1921 года королём Ирака был назначен Фейсал I. Ирак стал монархией.

Период с 1921 по 1936 гг. был отмечен стабильностью, которая вынудила королей Ирака поддерживать хорошие отношения с британцами в качестве обязательного правительства. Но в середине 1930-х годов на Ближнем Востоке произошел первый военный переворот, прошедший под руководством Бакра Сидки, и именно Ирак стал арабской страной, в которой начались перемены.

Переворот Бакра Сидки в 1936 году важен по следующим причинам. Иракская армия была очень крупной националистической фигурой в политике правительства. Таковой она оставалась до 1941 года [Jones, 2018] благодаря поддержке и преклонению иракцев, особенно в рядах самой армии. Многие офицеры иракской армии обратили свой интерес к политике после того, как обнаружили, что репутация армии в подавлении ассирийского

восстания в городе Мосул явилась политическим преимуществом. Большинство влиятельных офицеров были арабскими националистами, вдохновившими многих младших офицеров. Все они последовали примеру соседних Турции и Ирана, где процветали военные диктатуры. Под руководством генерал-майора Бакра Сидки армия свергла иракское правительство. Осенью 1936 года начался период военного вмешательства в политику. После того как военные осознали, что переворот предоставил более эффективный способ объединения раздробленного государства и модернизации общества, отсталого от конституционной демократии и свободного предпринимательства, авторитарный режим приобрел мощное влияние. Особенно это было справедливо для исламской страны с её специфическими традициями и проблемами [Sorby, 2015]. Во время Второй мировой войны и противостояния между странами нацистского блока и союзниками вспыхнуло восстание, которое изменило ход истории Ирака. Возглавляемое Рашидом Али аль-Гайлани и офицерами «Золотого квадрата» при поддержке начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Хусейна Фаузи, оно излучало дух национального единства Ирака с арабскими странами – Ирак согласился на концепцию независимости от Великобритании, от стратегического сотрудничества и союза с ней. Великобритания вмешалась в последнюю минуту, подорвав победу национально-освободительного движения под руководством аль-Гайлани. Часть Ирака оказалась под британской оккупацией, в результате чего британские либеральные партии господствовали еще семнадцать лет. Всё это негативно повлияло на внутреннюю ситуацию, обострив политические и социальные проблемы, подогревавшие недовольство народной оппозиции.

В июле 1958 г. вспыхнуло новое освободительное движение, которое возглавила нелегальная национальная организация офицеров под предводительством Абдула Карима Касима [Scott, 1995]. Революция 14 июля 1958 г. положила конец иракской монархии, исключив Ирак из Багдадского пакта и переориентировав внешнюю политику Ирака в сторону от Запада. Для совершения переворота Абд аль-Карим Касим воспользовался сложившейся обстановкой. Опасаясь того, что во время ливанского кризиса 1958 года сирийские силы двинутся вдоль границы Ирака, король Фейсал II и премьер-министр Нури ас-Саид приказали армии мобилизоваться для развертывания у западной границы страны. Оба войсковых соединения, получивших приказ на дислокацию, находились под общим командованием Адула Карима Касима. Их путь должен был проходить недалеко от Багдада. Воспользовавшись пробелом в безопасности, созданным этой мобилизацией, генерал-майор Касем и полковник Абдель Салам Ареф использовали секретную группу «Свободные офицеры», сформированную Гамалем Абдель Насером, для захвата радиостанции, королевского дворца и других важных объектов в столице, чтобы контролировать ключевые точки в Багдаде. В ходе дворцового переворота были убиты король, регент Абдул Иллах и все члены королевской семьи. Касим возглавил новое правительство, Ирак стал республикой [The story of the removal..., 2019].

После успеха революции генерала Касима Соединенные Штаты становились всё более обеспокоенными предполагаемой угрозой вторжения коммунистической идеологии в Ирак. Коммунистическая партия Ирака существовала, но режим Нури Саида жестоко подавил ее. Чтобы положить конец потенциальной опасности коммунизма в Ираке, Вашингтон поспешил свергнуть Абделя Карима по договоренности с Гамалем Абдель Насером через полковника Абдула Салама Арефа. Ареф был сторонником Гамалия Абдель Насера, арабиста, и хотел свержения Абдель Карима Касима – у них было давнее личное противостояние. Он стремился присоединиться к Объединенной Арабской Республике, но Касим не был в этом заинтересован и явно отверг любую идею передачи власти Насеру. Арефа поддержала националистическая партия БААС, Касима же поддержала коммунистическая партия Ирака [Allah, 2019]. В январе 1959 года Ареф был арестован по обвинению в попытке свержения правительства и приговорен к смертной казни, а затем к пожизненному заключению за недостаточностью доказательств. Позже Абдул Карим Касим

смягчил приговор и перевел Арефа из тюрьмы в дом, где тот в дальнейшем находился под домашним арестом.

После 8 февраля 1963 года (известном также как Рамадановая революция), который был запланирован и осуществлен Арабской социалистической партией БААС в сотрудничестве с независимым национальным движением и военным руководством, Ареф был избран президентом республики.

Ранее во время правления Абдула Карима Касима произошло восстание курдов под предводительством муллы Мустафы Барзани, в результате которого отношения между Эрбилем и Багдадом стали напряженными, хотя в начале революции 1958 года они были хорошими. В июле напряженность достигла пика, и армия решила нанести удар по курдской вооруженной группировке в северном регионе. Курдское восстание против правительства Багдада вспыхнуло во всех регионах северного Ирака. Рынки и фабрики были разрушены, курды жили в политическом хаосе. Восстание длилось 17 месяцев подряд – до падения режима Абдула Карима Касима в 1963 году [Khoshnik, 2017].

После успешного переворота в 1963 году Ареф, став вторым президентом в истории Республики Ирак, сформировал новое правительство, в которое вошел его брат Абд аль-Рахман Ареф. К 1964 году новый президент провёл чистку в рядах армии и правительства от членов партии БААС и заменил их насеритскими офицерами. В его союзе с насеритами главной целью было воспроизвести египетско-сирийский союз 1958 года и объединить Ирак с Египтом. В июле 1964 года правительство приняло закон, требующий объединения всех политических партий страны. Иракский арабский социалистический союз национализировал природные ресурсы государства, а также все банки и компании. Новый президент попытался использовать ту же тактику, которую использовал Касим во время своего пребывания в должности, чтобы расчистить для себя политическую почву. К 1965 году Ареф, заметив усиление насеритов на политической арене и почувствовав в этом угрозу, уволил их с постов.

В 1966 году президент Абдул Салам погиб в результате крушения вертолета на юге Ирака [Abdallat, 2020]. Во время консенсуса Совета национальной обороны его брат Абд аль-Рахман Ареф стал новым президентом Ирака [Al-Itawi, 2015]. Абд аль-Рахман Ареф максимально сохранил национальное единство, социальный мир, факторы экономического развития и цивилизованного прогресса. Его правление было совершенно свободным от столкновений и конфликтов [Al-Jawadi, 2014].

Но не прошло и двух лет, как баасисты быстро отстранили его от власти. Переворот 1968 года стал новым началом для Саддама Хусейна, которому еще до переворота была поручена ответственность за группу из партии Баас, занимающуюся вопросами разведки и контрразведки, так называемый режим Саддама [Ash-Shakraji, 2005]. Что отличает переворот 17 июля 1968 года от других переворотов, так это отсутствие кровопролития – некоторые исследователи описали его как «белый переворот» [As-Sabawi, 2019]. Так было положено начало тридцатипятилетнему правлению Баас. За это время была создана прочная система, отличавшаяся от предыдущих форм правления. Факт того, что многие участники переворота 1968 года были родом из племён, имел сильное влияние на их понимание путей сохранения власти в будущем. Трое из пяти членов-учредителей Совета революционного командования, правящего органа партии Баас, принадлежали к племени Аль-Бу Насир из Тикрита. Они обнаружили, что могут использовать традиционную клановую солидарность для создания лояльной системы, которая позволит им консолидировать свою власть [Norman, 2016].

После того, как партия Баас взяла под свой контроль правительство, она поспешила положить конец курдской революции, заключив соглашение об автономии. С одной стороны, требовалось закрепление контроля над гражданской, политической и военной поддержкой страны, а с другой – ослабить напряженность в северном Ираке. Под давлением партии БААС, Саддам Хусейн в марте 1970 года заключил соглашение с ДПК (Демокра-

тическая партия Курдистана), названное «Мартовский договор». Соглашение об автономии 1970 года удовлетворило большинство требований Барзани [Kadura, 2016]. Однако спокойствие между Багдадом и Эрбилем вскоре закончилось после того, как на фоне подписания соглашения между Советским Союзом и Ираком о дружбе и сотрудничестве, шах Ирана выдвинул новую инициативу по ослаблению Ирака и вооружению иракских курдских повстанцев. Этот шаг удивил Соединенные Штаты.

Когда шах и его союзники начали свою деятельность, первый начал убеждать Киссинджера и Никсона не допустить этот союз. Израильцы, вооружавшие и обучавшие видную курдскую группировку с 1960-х годов для подрыва Ирака, были на стороне Ирана. Курдское восстание вынудило иракские войска штурмовать дома, ослабив совместное арабское наступление на Израиль. Барзани, в свою очередь, опасался намерений Ирана, пока США не вынудили его встать на опасный путь открытого противостояния [Esty, 2017]. Шах Мухаммед Реза Пехлеви надеялся оказать давление на иракское правительство в продолжающемся пограничном споре. Три года спустя шах подписал соглашение о границе с Багдадом и прекратил поставки оружия курдам. Курдский лидер Мустафа Барзани обратился к госсекретарю США Генри Киссинджеру за поддержкой, но американцы отказались оказать ему помощь.

В 1974 году в Багдаде, в продолжение Мартовского договора, в одностороннем порядке был принят закон, не устроивший курдов, и они начали новое восстание. Оно было подавлено правительством Ирака, подписавшим в 1975 году с Ираном Алжирский договор, подразумевавший прекращение поддержки курдским повстанцам со стороны Ирана [Mroue, 2019]. Одно из важнейших положений Алжирского соглашения – разграничение сухопутных и морских границ с Ираком. Это соглашение было в интересах Ирана, и из-за него Ирак потерял большую часть своей земли и большую часть Шатт-эль-Араб [Barzani, 2002]. Тысячи курдских боевиков и их семьи были вынуждены бежать в Иран, спасаясь от иракской армии [Kinsley, 1991]. Около 200 000 курдов бежали в Иран, 40 000 из них насильно вернулись в Ирак. Призывы о помощи и убежище в США игнорировались.

В 1979 году в ходе Исламской революции шах был изгнан из Ирана и больше участия в делах страны не принимал. Позже у него был обнаружен рак, и свои последние дни он провёл в скромном доме в Маклине [Schorr, 1991] до своей смерти в марте 1979 года [The very rare moment..., 1980]. На смену ему президентом Ирана был избран Абольхасан Банисадр. Саддам Хусейн обвинил Иран в «отказе от соглашения о выводе войск из регионов, граничащих с Ираком, которое обязывает Ирак ничего не делать». Слова Саддама Хусейна указывают на опасный рост напряженности между странами. В то же время президент Ирана Абольхасан обвинил Ирак в подготовке к «интенсивному нападению» на регион Хузестан. В 1979 году Ирак начал более серьезно относиться к вопросу о границах, очевидно, пользуясь слабым положением Ирана. В частности, после прошедших в рядах иранской армии в течение 18 дней революции, чистки и полного отделения от США, поставлявших Ирану большую часть оружия вплоть до падения шаха в феврале [Ottaway, 1980].

Трудно сказать, был ли готов Иран к войне. Вначале была предпринята попытка уничтожить иранскую авиацию, применив тактику блицкрига, одновременно атаковав 10 иранских авиабаз. Но поскольку эти атаки не увенчались успехом, иракские сухопутные войска проникли к границе Ирана и начали оккупировать стратегические районы. Из-за внутренней чистки Иран потерял половину своих руководящих элементов в начале ирано-иракской войны, что нанесло серьезный удар по возможностям иранской армии в начале войны. Половина боевых пилотов, служивших в иранских ВВС, была арестована в результате политики администрации Хомейни. Иран уступил Ираку превосходство в воздухе. Война длилась с 1980 по 1988 гг. и отбросила Иран по крайней мере на 10 лет назад, оставив после себя множество проблем. Ирак и Иран потеряли по полмиллиона человек каждый [Pirinççi, 2015].

16 марта 1988 года иракский самолет пролетел над городом Халабджа – долиной, окруженной горами, полностью защищенной от остальной части Ирака. Самолеты сбросили на город несколько химических бомб. Дым появился сразу после приземления снарядов. Применённый газ действовал быстро, вызывая удушье. В последующие дни фотографии людей и животных, ставших жертвами химических атак, появлялись по телевидению и публиковались в газетах по всему миру. Позже было подсчитано, что от 3 200 до 5 000 мирных жителей были убиты в результате нападения и от 7 000 до 10 000 получили ранения. Бомбардировка Саддамом собственного народа химическим оружием вызвала гнев во всем мире [Security Council Resolution..., 1987]. 18 июля 1988 г. Иран объявил о принятии резолюции 598 Совета Безопасности [Øygarden, 2014].

Ирак вышел из войны в очень сложной ситуации, поскольку иракская экономика, города и инфраструктура были разрушены, и Ирак остро нуждался в деньгах для восстановления страны [Baker III, 1995]. За этим последовало приостановление помощи Ираку в Персидском заливе и демобилизация значительной части его армии после окончания войны с Ираном [Gause III, 2001]. Армия осталась без работы, а долги Ирака увеличились на 80 миллиардов долларов, в том числе 40 миллиардов долларов странам Персидского залива. Все эти причины побудили Саддама Хусейна задуматься о вторжении в Кувейт с целью получения денег [Al-Rumaihi, 1994].

2 августа иракские войска вторглись в Кувейт [Al-Rumaihi, 1997]. Иракская оккупация Кувейта длилась семь месяцев [Saddam Hussein's Defiance..., 1991–1997]. На протяжении всего этого периода Саддам Хусейн отказывался полностью выполнять резолюцию 660 Совета Безопасности о незаконном вторжении Ирака в Кувейт, как и все последующие резолюции. Эта резолюция в том числе уполномочивала государства-члены ООН «использовать все необходимые средства для поддержки и выполнения Резолюции 660 и всего, что следует за ней».

С этим связаны последующие решения по восстановлению международного мира и безопасности. В результате непримиримости Ирака и его нежелания освободить Кувейт, Соединенные Штаты Америки сформировали коалицию для свержения иракской армии [Michael, 2003]. Удар США полностью разрушил иракскую армию. В результате международных бомбардировок было убито более 30 000 солдат, уничтожены мосты, заводы, общественные объекты и прочая инфраструктура Ирака [Awad, 2012]. Помимо катастрофических последствий, последовавших за этой войной, Совет Безопасности ООН с помощью резолюции 661 6 августа 1990 г. [Al-Samurai, 1991] ввел экономические санкции против Ирака, от которых страна страдала в течение 13 лет [Micah, 2016]. США призвало иракскую армию и иракский народ взять дело в свои руки и вынудить диктатора Саддама Хусейна уйти в отставку. Послание Буша Ираку транслировалось по всем международным теле- и радиоканалам, а самолеты коалиции сбрасывали листовки, призывающие иракских солдат и мирных жителей «заполнить улицы и переулки и свергнуть Саддама Хусейна и его помощников». Курды на севере и шииты на юге начали революцию после многих лет тайных планов свержения Саддама Хусейна. В ходе стычек повстанцев и правительства населенным пунктам были причинены серьезные разрушения, но бунтующие были вынуждены покинуть города.

В конце концов Саддам Хусейн, используя вертолеты, дальнобойную артиллерию и бронированные наземные силы, начал жестокое контрнаступление против восстания, убив 30–60 тысяч шиитов на юге и около 20 тысяч курдов на севере. К началу апреля 1991 года режим Саддама полностью подавил сопротивление шиитов и курдов [Maynard, 2005]. По другим данным, число погибших составило 300 000 человек [Human Rights Watch, 1992]. Протестующие также совершили вандализм и многочисленные преступления. Около 70 000 из них бежали в лагерь беженцев в Саудовской Аравии, Турции и Иране [Gareth, 2003]. После того как Саддам Хусейн подавил повстанцев, Организация Объединенных Наций приняла Резолюцию 688, в которой призвала правительство Ирака прекратить свою

кампанию против гражданского населения и предоставить немедленный доступ в страну международным гуманитарным агентствам. В том же месяце Организация Объединенных Наций учредила «бесполётные зоны» на севере страны, чтобы защитить курдское население от действий Багдада.

После того как Соединенные Штаты прекратили все боевые действия в северном Ираке, иракское правительство вывело свой административный персонал из этого района. Курдам была предоставлена автономия резолюцией Совета Безопасности, и первые выборы в местные органы власти были проведены в 1992 году. Голоса Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана были настолько близки, что ни одна из сторон не выиграла выборы. Между конкурирующими политическими партиями велись переговоры о самоуправлении до новых выборов [Norwegian Refugee..., 2002]. Но их соглашение о разделении власти и влияния вскоре рухнуло – между курдами началась гражданская война за контроль над провинциями Дахук, Эрбиль и Сулеймания, длившаяся с мая 1994 по 24 ноября 1997 года [Al-Dabbagh, 2020]. Вооруженный конфликт между двумя сторонами достиг апогея 31 августа 1996 года, когда Барзани попросил Саддама о военной поддержке для противостояния силам Патриотического союза Курдистана во главе с Талабани, который взял под контроль центральную провинцию Курдистана Эрбиль. Саддам ответил на призыв Барзани, и иракские силы нарушили бесполетные зоны международной коалиции. 31 августа 1996 года, через 6 лет после войны в Персидском заливе, на севере и юге страны примерно 30 000 бронированных республиканских гвардейцев вошли в Эрбиль. Это была возможность для Саддама восстановить контроль над северными регионами страны и нанести поражение силам Талабани. Барзани смог восстановить контроль над городом Эрбиль. В результате почти 5 000 человек погибли и тысячи получили ранения. Но иракские силы были вынуждены отступить под влиянием военной операции, начатой США, известной как «Удар в пустыне». Дохук и Эрбиль оказались под контролем ДПК, а Сулеймания – под контролем Национального союза [Prados, 1999].

В 1990-е годы по Ираку было нанесено несколько ударов. Несколько авиаударов совершили США в декабре 1998 года. Были атакованы многие военные объекты под предлогом того, что Ирак не соблюдает резолюции Совета Безопасности о нарушении бесполетной зоны на севере и юге страны и пытается помешать международным инспекторам искать оружие массового уничтожения [Bacevich, 2000]. США выражало уверенность в огромной способности Ирака производить, накапливать, обслуживать и доставлять оружие массового уничтожения. Операция носила название «Пустынный лист». В результате бомбардировок была ограничена способность Саддама Хусейна вести войну против своих соседей. Соединенные Штаты и Великобритания продолжали свою жестокую кампанию бомбардировок Ирака, нанося удары каждые два-три дня, якобы для выполнения резолюций Организации Объединенных Наций [Mamdukh, 2005]. Позже, в 2003 году, Колин Пауэлл в своем выступлении в Совете Безопасности предоставил аудио- и видеозаписи, являющиеся якобы вескими доказательствами того, что Ирак обладает оружием массового уничтожения. Это повлекло за собой новый конфликт США и Ирака. Новое обвинение было ничем иным как ложью, продвигаемой американскими лидерами, в чём они позже признались, но на тот момент оно прозвучало убедительно. Пауэлл попросил Совет Безопасности ООН принять резолюцию, разрешающую Соединенным Штатам и Великобритании начать войну в Ираке для уничтожения иракского оружия массового поражения, но на самом деле решение начать войну было принято задолго до отправки своих инспекторов ООН в Ирак [Al-Baradei, 2012].

Несмотря на стремления Ирака примирить враждующие слои населения и улучшить экономическое состояние страны, производимые им действия как на своей территории, так и на мировой арене, зачастую являлись следствием личных мировоззрений и противоречивых ценностей представителей власти, захватывающих правление страной в разные периоды XX века. Это не могло не привести не только ко внутренним беспорядкам,

но и к конфликтам с другими странами, в том числе решившим воспользоваться в собственных интересах уязвимым состоянием Ирака.

References

1. Abdallat S.A. 2020. The role of tribalism and sectarianism in defining Iraqi national identity. Abstract. dis. ... Master's thesis. Harvard Extension School. 119.
2. Al-Baradei Mohamed. 2012 Time of deception. Nuclear diplomacy in times of betrayal. Dar es Salaam, printing & publishing, Egypt, 252.
3. Al-Dabbagh Ahmed. 2020. Anniversary of the fighting of the Kurds. The day of Barzani's appeal against the Talabani forces. Al-Jazeera newspaper. URL: <https://www.aljazeera.net/news/politics/2020/8/31/%D8%B0%D9%83%D8%B1%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B1%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%87%D9%84%D9%8A%D8%A9-%D8%A8%D9%83%D8%B1%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
4. Al-Itawi V.Kh. 2015. Abdul Rahman Aref and his political role in Iraq in the period 1966–1968. Center for Secular Studies and Studies in the Arab World. <https://www.ssrcaw.org/ar/print.art.asp?aid=472153&ac=2> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
5. Al-Jawadi Mohammed. 2020. Abdel-Rahman Aref ... the only Arab president, fulfilled the constitutional role of the king. URL: <https://resalapost.com/2020/05/25/%d8%b9%d8%a8%d8%af-%d8%a7%d9%84%d8%b1%d8%ad%d9%85%d9%86-%d8%b9%d8%a7%d8%b1%d9%81-%d8%a7%d9%84%d8%b1%d8%a6%d9%8a%d8%b3-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a8%d9%8a-%d8%a7%d9%84%d9%88%d8%ad%d9%8a%d8%af-%d8%a7/> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
6. Allah K.A. 2019. Abdul Karim Qasim, Saddam Hussein and the Kurdish state. Sot Al-Iraq newspaper. URL: <https://www.sotaliraq.com/2019/07/05/%D8%B9%D8%A8%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%B1%D9%8A%D9%85-%D9%82%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D9%88%D8%B5%D8%AF%D8%A7%D9%85-%D8%AD%D8%B3%D9%8A%D9%86-%D9%88%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%B1%D8%AF/> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
7. Al-Rumaihi Mohammed. 1994. Echoes of the Kuwait war – Arab reactions to the invasion and its aftermath. Dar al saqi, 129 (in Arabic).
8. Al-Rumaihi Mohammed. 1997. Fall of illusions – Arabism after the Iraq's invasion of Kuwait. Madbuli Library, 375 (in Arabic).
9. Al-Samurai O. 1991. Wreckage of the East Gate and Facts about the Bad Times in Iraq. A new reading in the first and second Gulf Wars. No. 1: 324 (in Arabic).
10. Ash-Shakraji S.M. 2005. July 17, 1968, The return of al-Bakr and Saddam. Elav newspaper. URL: <https://elaph.com/Web/ElaphWriter/2005/7/76740.html> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
11. As-Sabawi Hussein Saleh. 2019. «White coup» in Iraq (July 17–30, 1968). Alkhaleej newspaper. URL: <https://alkhaleejonline.net/%D8%A2%D8%B1%D8%A7%D8%A1/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D9%82%D9%84%D8%A7%D8%A8-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%A8%D9%8A%D8%B6-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-17-30-%D8%AA%D9%85%D9%88%D8%B2-1968> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
12. Awad A.R. 2012. Shaaban Uprising in Hill. Babil. No. 3: 6–7 (in Arabic).
13. Bacevich Andrew J. 2000. The Use of Force in the Clinton Era: Continuity or Discontinuity? Chicago Journal of International Law: Vol. 1: No. 2: 375.
14. Baker III James A. 1995. Politics of diplomacy. Translated by Magdie Sharcher. Madbuli Library. Cairo, Egypt, 687 (in Arabic).
15. Barzani Massoud. 2002. Mustafa Barzani and the Kurdish Liberation Movement (1931–1961), 745. (in Arabic).
16. Esty Jonathan C. 2017. Kissinger's Strategy in the Iraqi Kurdish Rebellion of 1972–75: False Start or Foundation of American-Kurdish Partnership? Harvey M. Applebaum '59 Award, 13. Yale university, 52.

17. Gareth R.V. Stansfield. 2003. Iraqi Kurdistan. Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 278.
18. Gause III F. Gregory. 2001. Iraq and the Gulf War: Decision-Making in Baghdad. Abstract. dis. ... Associate Professor of Political Science. University of Vermont, 34.
19. Human Rights Watch. 1992. Endless torment. The 1991 Uprising in Iraq and Its Aftermath. URL: <https://www.hrw.org/reports/1992/Iraq926.htm> (accessed: January, 2021).
20. Johnson Constance A. 2004. Iraq. Legal History and Tradition. Law Library of Congress. Center for Global Legal Research, 32.
21. Jones Scott. 2018. Occupation and Resistance in Southern Iraq: A Study of Great Britain Britain's civil Administration in the Middle Euphrates and the Great Rebellion of 1917–1920. Abstract dis. ... Master of Arts. College of Humanities and Social Sciences, DePaul University, 101.
22. Kadura E.Yu. 2016. Regional and international impact. On the Kurdish issue in Iraq (Example from practice 1972–1975). Arab Center for Research and Policy Studies, 34 (in Arabic).
23. Kane S. 2011. Previous Turkish-Iranian competition in Iraq. United States Institute of Peace, 13.
24. Khoshnik A. 2017. Historical roots of the Kurdish question. Egyptian Institute for Political and Strategic Studies. URL: <https://eipss-eg.org/%D8%A7%D9%84%D8%AC%D8%B0%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%AE%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D9%82%D8%B6%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%B1%D8%AF%D9%8A%D8%A9/> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
25. Kinsley S.F. 1991. Whatever Happened To The Iraqi Kurds? URL: <https://www.hrw.org/reports/1991/iraq/> (accessed: January, 2021).
26. Mamdukh T. 2005. When the lie is revealed. Al Bayan Emirates newspaper. URL: <https://www.albayan.ae/opinions/2005-09-24-1.101353> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
27. Maynard, B.P. 2005. The role of the ulama in Shiite social movements Bahrain, Lebanon, and Iraq. Abstract. dis. ... Master of arts in national security affairs. Naval postgraduate school. Monterey California, 101.
28. Micah Zenko. 2016. Remembering the Iraqi Uprising Twenty-Five Years Ago. Message. URL: <https://www.cfr.org/blog/remembering-iraqi-uprising-twenty-five-years-ago> (accessed: January, 2021).
29. Michael O. 2003. Estimating Casualties in a war to Overthrow Saddam. Elsevier Science Limited, 20.
30. Mroue B. 2019. For Kurds, US pull-back feels like being abandoned once more. URL: <https://apnews.com/article/eccfbcac47914858a82304cb867dd85d> (accessed: January, 2021).
31. Norman S.M. 2016. Understanding corruption in Iraq. Abstract. dis. ... Master of Arts in International Studies. Oklahoma University, 90.
32. Norwegian Refugee Council/Global IDP Project. 2002. Profile of internal displacement: Iraq. Compilation of the information available in the Global IDP Database of the Norwegian Refugee Council. Norwegian Refugee Council/Global IDP Project. Geneva – Switzerland, 91.
33. Ottaway D.B. 1980. Iraq Cancels Border Pact With Iran. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1980/09/18/iraq-cancels-border-pact-with-iran/725d6c32-0a8c-4eab-afbf-0c05e2edd019/> (accessed: January, 2021).
34. Øygarden R.H. 2014. Chemical weapons and the Iran-Iraq war. A discussion of the UN Security Council's response to the use of gas in the Iran-Iraq war. Abstract. dis. ... Master's thesis in history. University of Bergen, 120.
35. Pirinççi F. 2015. Power Struggle in the Gulf: A Re-evaluation of the Iran – Iraq War. In: Journal of Academic Inquiries, No. 10(1): 231–245.
36. Prados A.B. 1999. Iraq: Post-War Challenges and U.S. Responses, 1991–1998. Congressional Research Services. The Library of Congress, 32.
37. Saddam Hussein's Defiance of United Nations Resolutions. 1991–1999. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/iraq/decade/sect2.html>.
38. Scott J.C. 1995. Great Britain and the Rashid Ali al-Kilani uprising in the spring of 1941. Abstract. dis. ... Master of Arts in History. Portland State University, Germany, 115.

39. Schorr D. 1991. 1975 Background to betrayal. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1991/04/07/1975-background-to-betrayal/aa973065-ea5e-4270-8cf9-02361307073c/?utm_term=.8726078b2f5d (accessed: January, 2021).
40. Security Council Resolution 598: Iraq-Islamic Republic of Iran. 1987.
41. Shamkhi A.S. 2019. Geographical position of Iraq. Babil, 3 (in Arabic).
42. Sorby K. Jr. 2010. Iraq's First Coup Government (1936–1937). Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic Hlboká cesta 2, Bratislava, Slovakia, 23.
43. Suleiman A. 2017. Iraq: Roots of Internal Conflict. Egyptian Research Institute. URL: <https://eipss-eg.org/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%AC%D8%B0%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%B1%D8%A7%D8%B9%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%A7%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%A9/> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
44. The story of the removal of Abdeslam Aref and the amendments of the Ministry of July 1958-time. Azzaman newspaper, Baghdad. October 1, 2019. URL: <https://www.azzaman.com/%D9%82%D8%B5%D8%A9-%D8%A5%D9%82%D8%B5%D8%A7%D8%A1-%D8%B9%D8%A8%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%84%D8%A7%D9%85-%D8%B9%D8%A7%D8%B1%D9%81-%D9%88%D8%AA%D8%B9%D8%AF%D9%8A%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D9%88%D8%B2%D8%A7/> (accessed: January, 2021) (in Arabic).
45. The very rare moment Saddam Hussein announced the cancellation of the 1975 Algiers agreement with Iran in 1980 in front of members of his government. URL: <https://youtu.be/7TFescJUK4> (accessed: January, 2021) (in Arabic).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Джанаби Якуб Сабих Хасан, аспирант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Yaqoob Sabeeh Hasan Janabi, Postgraduate student of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

Надир Мохаммед Салах Эддин, аспирант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Mohammed Salah Eddin Nadir, Postgraduate student of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 323.22:342.25

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-921-932

Образ государства как индикатор развития региона (на примере Нижегородской области и Республики Татарстан)

Шмелева О.Ю., Блохина А.Е.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23
E-mail: o_shmeleva1977@mail.ru, allinn@list.ru

Аннотация. В статье сквозь призму изучения структурно-содержательных особенностей образа государства, специфики и закономерностей восприятия политики исследуются особенности развития и индивидуальный профиль субъектов Российской Федерации; выделяются основные маркеры регионального сознания, позволяющие скорректировать существующую систему индикаторов, обеспечивающих комплексную оценку состояния регионов. Решение поставленных задач осуществлялось посредством психосемантических методик, анкетирования, метода сравнения, а также использования аналитического ресурса WordState. Исследование показало дифференциацию моделей восприятия политики и механизмов адаптации респондентов к современной конъюнктуре; наличие общего проблемного поля, нивелирующего региональные различия; отсутствие прямой корреляционной зависимости между технократическими показателями, рейтинговыми оценками регионов и позитивным восприятием населением изучаемых субъектов власти и государства.

Ключевые слова: образ государства, перцепция, региональное политическое сознание, регионализация, индивидуальный профиль региона, индикатор развития.

Благодарность: Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31307 «Образ современного российского государства в коммуникативном пространстве Рунета: технологии конструирования и модели восприятия в молодёжной среде».

Для цитирования: Шмелева О.Ю., Блохина А.Е. 2021. Образ государства как индикатор развития региона (на примере Нижегородской области и Республики Татарстан). *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 921–932. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-921-932.

The image of the State as an indicator of the development of the Region (on The Example of the Nizhny Novgorod Region and the Republic of Tatarstan)

Olga Y. Shmeleva, Alina E. Blokhina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarina Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia
E-mail: o_shmeleva1977@mail.ru, allinn@list.ru

Abstract. The article examines the features of development and the individual profile of the constituent entities of the Russian Federation through the prism of studying the structural and substantial features of the image of the state, the specifics and patterns of perception of politics; the main markers of regional consciousness are highlighted. They made it possible to correct the existing system of indicators that provide a comprehensive assessment of the state of the regions. The tasks were solved by means of psychosemantic techniques, questionnaires, the comparison method, as well as the use of the analytical resource WordState. The study showed the differentiation of models of perception of politics and the adaptation of respondents to the modern conjuncture; the presence of a common problem field, leveling

regional differences; the absence of a direct correlation between technocratic indicators, rating assessments of regions and a positive perception by the population of the studied subjects of power and the state.

Keywords: image of the state, perception, regional political consciousness, regionalization, individual profile of the region, indicator of development.

Acknowledgments: The article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research within the framework of the scientific project No. 21-011-31307 «The image of the modern Russian state in the communicative space of the Runet: construction technology and perception patterns among youth».

For citation: Shmeleva O.Y., Blokhina A.E. 2021. The image of the State as an indicator of the development of the Region (on The Example of the Nizhny Novgorod Region and the Republic of Tatarstan). *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 921–932 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-921-932.

Введение

Субъективные элементы политики – настроения, запросы, ожидания, ценностные и мировоззренческие установки граждан – традиционно оказывали существенное воздействие на политический процесс, определяя логику его развития, характер взаимоотношений власти и общества. Образ как социально-психологический феномен отражает представления, эмоциональные состояния и реакции населения, основные тенденции, закономерности восприятия государства/власти, проблемный фон, обуславливающий общественные настроения; позволяет раскрыть и изучить различия психологических реакций и адаптивных возможностей социальных групп россиян к происходящим в стране и в мире изменениям. Поэтому при разработке системы мониторинга, стратегии устойчивого развития субъектов Российской Федерации важен учёт психологических закономерностей и изучение региональных различий.

Вместе с тем в современной российской политической практике превалирует технократический подход к анализу индивидуального профиля субъектов Российской Федерации. Приоритеты развития регионов связываются властью преимущественно с внедрением технологий, инноваций, цифровизацией и модернизацией, инвестиционной привлекательностью и пр. Они находят выражение в таких семантических категориях, как «цифровая (новая) экономика», «технологический прогресс», «умные технологии», «конвергенция знаний», «технологические и цифровые компетенции», «умная инфраструктура» и прочие¹⁹⁶. Вокруг технократических идей и ценностей (прогресс, развитие, модернизация) преимущественно строится дискурс региональных элит. Данная лексико-семантическая группа наиболее широко представлена, например, в общем массиве информационно-коммуникационных сообщений губернатора Нижегородской области (составила 33 % от общего количества слов)¹⁹⁷, акцентирующего внимание на инновационных проектах, цифровизации, технологическом обеспечении политического процесса.

¹⁹⁶ Стратегия развития Нижегородской области до 2035 года, утверждённая постановлением Правительства Нижегородской области от 21.12.2018 № 889. URL: https://strategy.government-nnov.ru/static/new_design/files/Proyekt_Strategii_Nizhegorodskoy_oblasti_2035.pdf (дата обращения: 31.08.2021); Стратегия социально-экономического развития республики Татарстан до 2030 года, принятая Государственным советом республики Татарстан 10.06.2015. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 31.08.2021).

¹⁹⁷ Подсчёты выполнены нами на основе обобщения результатов семантического и контент-анализа аккаунта губернатора Нижегородской области в Инстаграм (@gsnikitin) за период с марта по август 2021 года.

Созданная в рамках технократического подхода система индикаторов, рейтинговых оценок уровня социально-экономического, политического развития регионов не представляет целостную картину состояния субъектов Российской Федерации, не раскрывает всей глубины противоречий, формирующих контекст восприятия, в силу того, что показатели носят общий, универсальный, односторонний характер, сфокусированы на материально-технических аспектах развития территорий. Например, Татарстан и Нижегородская область по формальным показателям принадлежат к категории относительно благополучных субъектов Российской Федерации (несмотря на существующие рейтинговые различия), демонстрируя развитую сферу инноваций, средний потенциал инвестиционной привлекательности, минимальные риски для инвесторов, высокие темпы социально-экономического развития. Татарстан относится к группе регионов-лидеров: входит в пятерку субъектов Российской Федерации с наименьшими оценками уровня регионального неравенства [Климова, Чмель, 2020, с. 155], демонстрирует наилучшие показатели взаимоотношений с Центром, силовыми и правоохранительными структурами (по состоянию на 2021 год)¹⁹⁸, Нижегородская область по среднестатистическим показателям в рейтингах регионов Российской Федерации занимает 32 место (регион-середняк). Вместе с тем психологический климат и эмоционально-оценочный фон в изучаемых нами субъектах Российской Федерации отличаются социальной напряжённостью, настроениями неудовлетворённости существующей ситуацией, критичностью восприятия социально-политической действительности, дискомфортом. В складывающейся политической картине мира населения Татарстана и Нижегородской области прослеживаются проблемы как общероссийского (социальная дифференциация, бедность, коррупция), так и регионального характера (клановость, внутриэлитные конфликты и пр.), проецирующиеся на процесс восприятия государства.

Односторонность технократического подхода и прочие изъяны продуцируют политические риски, не позволяют чётко спланировать устойчивый сценарий развития регионов. Следовательно, важен учёт реакций населения на текущие политические события, происходящие изменения. В современном научном дискурсе всё чаще акцентируется внимание на субъективных факторах восприятия – аксиологических, политико-культурных [Колосов, Криндач, 1994; Морозова, 1998; Михайлёнок, 2008] и их влиянии на формирование политических образов, региональное сознание [Давыдова, 1997; Симонян, 2019; Симонян, Слуцкий, 2020]; предпринимаются попытки создания модели интегрального индекса оценки социально-психологического потенциала региона [Васильева, 2013, с. 32–44]; разрабатывается сравнительная структура, позволяющая осуществлять компаративистский анализ регионов сквозь призму психологии и теории личности, через генотип, образ жизни, характер взаимоотношений регионов с государством на разных уровнях управления [Langenhove, 2013]. В научный оборот вводится понятие «человекоориентированная парадигма регионального развития», предполагающая «инклюзивные модели роста и высокие социально-экономические показатели региона» [Коровникова, 2019, с. 171]. Влияние уровня экономического развития регионов, социального неравенства – объективного и воспринимаемого, благополучия населения, проекции данных показателей на формирование политических образов, представлений исследуются в трудах как отечественных, так и зарубежных учёных [Давыдова, 1997, с. 14; Пантелеев, 2016, с. 246; Климова, Чмель, 2020; Bjornskov и др., 2013; Austin, 2015; Oishi, Kesebir, 2015]. Вместе с тем далеко не все авторы признают наличие корреляционной зависимости между объективными показателями развития регионов и социально-психологическим климатом в них, полагая, что доходы страны/региона «могут расти, но не всегда данный рост приводит к повышению уровня субъективного благополучия ее жителей» [Easterlin, 1974].

¹⁹⁸ Татарстан относится к группе лидеров по всем параметрам. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/03/2021/6047711b9a794757a7739332> (дата обращения: 02.09.2021).

Инструментом анализа социально-психологического потенциала населения субъектов Российской Федерации, сложившегося психологического климата, уровня психоэмоционального стресса может стать образ как социально-психологический феномен, являющийся результатом отражения сущностных характеристик государства в массовом сознании. Поэтому его анализ, изучение содержательных характеристик, динамики, тенденций формирования и функционирования представляются актуальными в целях построения оптимальной модели федеративных отношений, выстраивания логики управления субъектами Российской Федерации, стратегии регионального развития в Российской Федерации, понимания закономерностей развития политического процесса на федеральном и региональном уровнях.

Объект и методы исследования

В данной статье в разрезе составляющих образа государства (на основе систематизации и анализа первичных (эмпирических) данных) исследуются социально-психологическая ситуация в Татарстане и Нижегородской области, их индивидуальный профиль; специфика перцепции государства местным населением, факторы, её обуславливающие. Методология исследования релевантна цели статьи и авторскому пониманию образа государства. Использование в работе *психосемантических методов* – ассоциативного тестирования и проективного рисунка – способствовало изучению бессознательных элементов образа посредством выявления и анализа вербальных и визуальных ассоциаций¹⁹⁹. Обработка и систематизация вербальных ассоциаций производилась с помощью формулы К. Нобла ($K = \frac{n-1}{N}$), где n – количество совпавших реакций, N – общее количество всех реакций. Полученный на основании её применения *коэффициент* позволил ранжировать эмпирические данные (лексемы) в зависимости от частоты совпадения ответов и выделить семантическое ядро в рамках ассоциативного ряда. Анализ визуальных ассоциаций осуществлялся с помощью методик интерпретации проективных рисунков, разработанных отечественными психологами Т.В. Фоломеевой, О.М. Бартеневой, Е.Б. Шестопаля и др. Расширению ассоциативного ряда к понятию «современное государство», оценке интереса пользователей к конкретным аспектам, связанным с деятельностью изучаемого политического института, способствовал мониторинг поисковых запросов пользователей Интернета в Яндексе, выполненный посредством применения аналитического ресурса «WordStat».

Рациональные компоненты образа государства изучались методом анкетирования, реализованного в ноябре 2020 года среди жителей Нижегородской области и республики Татарстан (выборка по обоим регионам составила 584 чел., возрастной диапазон – 18–65 лет).

Сравнительный метод дал возможность выявить сходства и различия в восприятии государства жителями изучаемых субъектов РФ; раскрыть региональную специфику образа на основе разработанной авторами системы индикаторов сравнительного анализа. В их числе – ключевые факторы, формирующие систему представлений, оценок и конъюнктурный контекст, структурно-содержательные характеристики образа, основные тематические блоки, актуальные проблемы, проецирующиеся на процесс восприятия государства, привлекательность/непривлекательность образа, общий эмоциональный фон. Как один из показателей нами был выделен уровень соответствия политической, экономической и социальной ситуации общественным ожиданиям и интересам.

¹⁹⁹ Психосемантические исследования проводились в ноябре 2020 года среди жителей Нижегородской области и Татарстана, выборка составила 124 и 108 респондентов соответственно, возрастной диапазон – 18–65 лет. Получено и обработано в общей сложности 1 125 вербальных и 293 визуальных ассоциации.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведённые эмпирические исследования позволяют констатировать сложность образа государства, складывающегося в сознании нижегородцев и жителей Татарстана, отличающегося внутренней рассогласованностью его структурных элементов, оценок политических институтов, уровней власти, несовпадением представлений респондентов об идеальном (желаемом) и современном государстве. В частности, патерналистские стереотипы сознания населения изучаемых субъектов, связанные с ожиданием от государства защиты, справедливости, социальных гарантий, стабильности, обеспечения безопасности, порядка, соседствуют с желанием видеть российское государство современным, демократичным, правовым. Данная тенденция визуализирована в таблицах № 1–2.

Таблица 1

Table 1

Сравнительный анализ выявленных вербальных ассоциаций по изучаемым регионам к слову «государство/современное государство»²⁰⁰

Comparative analysis of the identified verbal associations in the studied regions for the word «state / modern state»

Исследуемый регион	Семантическое ядро ассоциаций к словам-стимулам (с распределением по регионам)	
	Нижегородская область	Республика Татарстан
Слово-стимул		
Государство (желаемый образ)	19 – демократия – 0,189 7 – свобода/свободное – 0,063 5 – социальное равенство/равенство – 0,042 4 – справедливость – 0,031 2 – порядок – 0,010 2 – безопасность – 0,010 2 – суверенитет – 0,010 2 – мирное – 0,010 2 – защита – 0,010	19 – демократия – 0,067 13 – правовое – 0,044 10 – справедливость – 0,033 6 – социальное – 0,018 6 – защита – 0,018 5 – Россия – 0,014 4 – богатое – 0,011 4 – забота о гражданах – 0,011
Современное российское государство	7 – коррупция – 0,058 3 – власть – 0,019 2 – многонациональное – 0,009 2 – цензура – 0,009	27 – коррупция – 0,078 7 – налоги – 0,018 6 – демократия – 0,015 6 – чиновничье государство – 0,015 6 – несправедливость – 0,015 5 – безработица – 0,012 5 – бедность – 0,012 5 – нестабильность – 0,012 5 – власть – 0,012 5 – Путин – 0,012 4 – воровство – 0,009 4 – бюрократия – 0,009 4 – неэффективная экономика – 0,009

Патерналистские представления раскрываются через присутствующие в семантическом поле вербальные ассоциации – «защита», «забота», «помощь (выплаты/субсидии) от государства» и т. п., выявленные как в процессе ассоциативного тестирования, так и мониторинга запросов в социальных сетях. Группа запросов пользователей Интернета, отражающая патерналистско-этактистскую направленность сознания россиян («получить от государства», «помощь/выплаты от государства» и др.), наиболее широко представлена в

²⁰⁰ Коэффициент распространённости (семантической близости) ассоциаций, указанный в таблице, рассчитан с помощью формулы К. Нобла.

ряду лексических единиц, выявленных по результатам мониторинга 2021 года (18 % от общего числа обращений)²⁰¹ (таблица 2).

Таблица № 2
 Table 2

Результаты мониторинга поисковых запросов россиян в сети Интернет со словом «государство»
 Results of monitoring search queries of Russians on the Internet with the word «state»

№№	Запрос пользователей со словом «государство»	Количество запросов в месяц
1	+ Как получить + от государства	67 560
2	Враг государства	60 857
3	Правовое государство	55 967
4	Глава государства	34 520
5	Помощь от государства	32 486
6	Социальное государство	38 726
7	Государство + и общество	30 125
8	Онлайн-государство	30 128
9	Выплаты от государства	27 144
10	Бесплатно + от государства	26 433
11	Деньги + от государства	25 361
12	Экономика государства / экономическое государство	24 312/26 496
13	Современное государство + новое государство	16 195/14 103
14	Государство платит	13 614
15	Обеспечение государства	12 846
16	+ что + положено от государства	12 824
17	земля + от государства	12 204
18	субсидии от государства	10 934
19	+ как получить деньги от государства	10 620
20	защита государства	9 161

В региональном разрезе более высокий уровень этатизации сознания, запросов на государственную поддержку отмечен среди нижегородцев (47 123 запроса против 36 043 в Татарстане). Данный расклад мы связываем как с объективными факторами (злободневностью социально-экономических проблем), так и с субъективными причинами – спецификой региональной политической культуры, историческими традициями: регион – оплот ВПК, Родина ополчения.

В числе других семантических групп ассоциаций представлены лексемы, отражающие характеристики современного государства («современное», «цифровое», «правовое» и пр.), вектор его развития; психологическое состояние страха, тревоги, вызванное нарастанием международной напряжённости в мире, информационным противостоянием, формированием образа врага в лице Российской Федерации. Тенденция усиливающегося психологического дискомфорта респондентов находит отражение в появлении нового маркера в ряду вербальных ассоциаций и запросов интернет-пользователей – лексемы «*враг государства*» (60 857 запросов за август), фиксируемого ресурсом Wordstat.

В выявленном семантическом поле прослеживается устойчивая ассоциация государства с властью, его персонификация, а также общий по двум регионам проблемный фон. Наиболее острые проблемы связаны с чрезмерной социальной дифференциацией, несправедливым распределением материальных благ, ростом цен, сырьевым характером экономики, рецессией; издержками в сфере здравоохранения и образования. Они вербализованы посредством таких речевых оборотов, как «неэффективная экономика», «бедность», «малоимущие», «кризис», «безработица», «нефть и газ», «нищета», «стагнация», «плохая медицина» и пр.

²⁰¹ Подсчёты выполнены нами на основе систематизации и обобщения данных, полученных посредством аналитического ресурса WordStat по состоянию на 28.08.2021.

Значимость и актуальность для населения изучаемых регионов социально-экономической проблематики подтверждают результаты анализа обращений жителей Татарстана и Нижегородской области во власть, среди которых вопросы социальной защиты, здравоохранения в 2020 году составили 31 % и 34 % соответственно от общего числа запросов; сферы экономического развития – 19 % и 22 % соответственно²⁰². Негативный контекст восприятия формируют также проблемы ЖКХ, благоустройства, ремонта дорог, работы общественного транспорта, наиболее ярко выраженные среди запросов нижегородцев (38% от общего числа обращений, в Татарстане – 22%)²⁰³; стереотипы, отражающие недостатки в общественно-политической сфере – коррупция, популизм чиновников, бюрократизация и др.

Позитивные аспекты восприятия раскрываются через такие понятия, как «мощь», «сила» («сильное»), «ответственность», «справедливость», «безопасность», «развитие», «молодость», «один из лидеров». Положительно маркированы в сознании ассоциации, связанные с атрибутами и принципами демократического государства (плюрализм, народовластие, свободы, права и т. п.), модернизацией, внедрением технологий и инноваций, отражающие полиэтничный и многонациональный характер российского государства.

Схожий проблемный ряд прослеживается в визуальных ассоциациях респондентов изучаемых регионов (получено 282 рисунка, содержащих 293 изображения). Лидирующее место среди них принадлежит социально-экономической тематике – социальные расколы, бедность, безработица и другие. Кроме того, выявлены рисунки, визуализирующие общий вектор развития государства (тонущий Титаник, судно, идущее на айсберг, плачущий смайлик), специфику политического режима Российской Федерации (кулак, клетка/решётка), международно-политической ситуации. Последняя тематическая категория раскрывается через изображения оружия, военные сюжеты.

В проективных рисунках также прослеживается устойчивая ассоциация государства с темой чиновничества, собирательный образ которого в зеркале ряда российских прикладных исследований исполнен сарказмом [Власть и лидеры, 2019, с. 456]. Факторами, формирующими негативное восприятие чиновника, стали формальность демократических процедур в регионах, волонтаризм и нежелание госслужащих прислушиваться к мнению населения. Такой вывод позволяет сделать, например, анализ протоколов публичных слушаний в изучаемых нами субъектах, свидетельствующих о малочисленности мероприятий, привлечении ангажированных лиц, нарушениях процедурных моментов, немотивированности представителей региональной власти на диалог с гражданами и прочих изъянах²⁰⁴.

Ещё одним неблагоприятным фактором формирования образа государства в изучаемых регионах стала протестная активность, несмотря на её дифференциацию по уровню интенсивности, формам, проблематике. Татарстан по состоянию на февраль 2019 года относился к числу субъектов Российской Федерации с относительно высоким («оранжевым») уровнем протестной активности²⁰⁵ (этнолингвистический/языковой протестный

²⁰² Информация об обращениях граждан, рассмотренных в Управлении Президента Республики Татарстан по работе с обращениями граждан в 2020 году. URL: https://president.tatarstan.ru/file/pub/pub_2713511.pdf (дата обращения: 06.09.2021); Отчёт о деятельности приёмной граждан Губернатора и Правительства Нижегородской области за 2020 г. URL: <https://government-nnov.ru/?id=270093> (дата обращения: 06.09.2021).

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Материалы публичных слушаний в Верхнеуслонском муниципальном районе. [Электронный ресурс]. URL: <http://verhniy-uslon.tatarstan.ru/publichnie-slushaniya-676861.htm>; Публичные слушания в Тукаевском районе республики Татарстан. URL: <http://tukay.tatarstan.ru/rus/obshchestvennie-i-publichnie-slushaniya.htm> (дата обращения: 19.12.2019).

²⁰⁵ Рейтинг протестной активности регионов России в феврале 2019 г., составленные АНО «Институт региональной экспертизы». URL: <https://regnum.ru/news/polit/2588639.html> (дата обращения: 14.12.2019).

кейс как основной, наряду с локальными – экологическими и др. протестами). Нижегородская область вошла в категорию регионов с умеренным уровнем протестной активности, характеризующихся разрозненным характером акций в форме одиночных пикетов, флэшмобов обманутых дольщиков, родительского сообщества, выступающего против цифровизации школьного образования, экологических активистов²⁰⁶.

Ещё одну грань образа современного российского государства (рациональный срез) раскрывают материалы социологического опроса, посвящённого особенностям российского федерализма. В числе последних выделяют асимметричность, различный федеративный статус регионов и др., оказывающие «значительное влияние на восприятие» [Шестопа́л и др., 2020, с. 84]. 73 % опрошенных полагали, что сложившаяся на сегодняшний день в России система федеративных отношений в незначительной степени отвечает интересам россиян по причине свойственных ей издержек, недочётов, проблем. Среди них – проблемы *бюджетного федерализма* в России (коррупция – 69 %; нерациональное расходование бюджетных средств на региональном уровне – 57 %; дифференциация регионов по доходам – 51 %; несовершенство правового обеспечения – 19 %); *кадровой подготовки госслужащих*. Низкий уровень компетенции, непрофессионализм чиновников на региональном и местном уровнях отметили 49 % респондентов, 45 % – низкую эффективность деятельности региональной и муниципальной власти (низкий уровень доверия им). В числе факторов, сдерживающих развитие федеративных отношений в целом в Российской Федерации, были выделены также немотивированность элиты к расширению публичного пространства и нежелание делить власть с гражданским обществом (42 %); инертность граждан и отсутствие общественной инициативы (32 %); внутриэлитные конфликты на местном уровне (29 %) и др.

Наряду с общими тенденциями, критичным фоном восприятия государства, смежными актуальными проблемами, задающими рамки перцепции у жителей изучаемых регионов, в материалах исследований раскрывается региональная специфика. Респондентов из Татарстана, в частности, волнует факт «семейственности», «чрезмерной централизации», «несамостоятельности» региональной власти, связываемой с «излишней зависимостью» от федерального центра, а также от финансовых ресурсов олигархов (о чём свидетельствует неоднократное появление в ассоциативном ряду лексем «зависима», «зависит»). В материалах прикладных исследований прослеживается тенденция, связанная с политизацией этничности, актуализацией в сознании региональной (этнической) идентичностей, оказывающих «особенно заметное влияние на воспринимающих» [Шестопа́л и др., 2020, с. 89], связанных с ассоциациями «татары», «Татарстан процветает», «Татарстан», «Акбарс», «нефть». Последняя тенденция, связанная с актуализацией языкового вопроса, идеей чрезмерной централизации, лояльностью местных элит федеральному центру, стала предметом изучения в научном сообществе [Шкель, 2019, с. 49, 66]. Анализ обращений в органы исполнительной власти позволяет также говорить о росте количества сообщений граждан, поступающих на татарском языке, вопросов, касающихся изучения татарского языка в образовательных учреждениях. Следовательно, несмотря на благополучную социально-экономическую обстановку, в республике имеют место отдельные проявления сепаратистских настроений. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, что «при значительной актуализации региональной идентичности степень ее проявления и содержательное наполнение у представителей различных этнических групп отличается: для татар более значимы возможности развития здесь своего языка и культуры, для других – социально-экономические факторы» [Макарова, 2018, с. 75], что «осознание принадлежности граждан к региону не является гарантом солидарности и единства» внутри

²⁰⁶ Официальная группа жителей и дольщиков ЖК Новинки Смарт Сити. URL: <https://vk.com/novinkismartcitynn>; Протесты в Татарстане. URL: https://vk.com/wall-46321086_9875 (дата обращения: 07.09.2021).

регионального сообщества по причине «внутренних противостояний, основанных на культурной, экономической почве» [Paasi, 2011, с. 15] Однако общий социально-психологический климат в Татарстане отличается повышенным тревожным фоном и критическим восприятием власти/государства. Среди респондентов данного региона более выпукло оказались представлены ассоциации с актуальными проблемами российского государства (прежде всего, социально-экономического характера), составившие 32 % от всех изображений; отчётливее прослеживается влияние ситуативных факторов на массовое сознание (пенсионная реформа, ипотека, милитаризация и пр.).

Политические настроения нижегородцев балансируют между умеренно-критическим и сдержанно-лояльным отношением к власти: респонденты, наряду с недостатками в работе региональной и муниципальной властей, отмечают и позитивные аспекты деятельности, связанные с «нацеленностью на развитие», «старанием», «в последнее время стало лучше». В сознании нижегородцев преобладают простые образы, имеющие нейтральную оценку; проблемный фон находит отражение в 9 % рисунков, ситуативные факторы не были выявлены нами в массиве данных. Вместе с тем региональная специфика нивелируется общим проблемным фоном (прежде всего, социальной проблематикой).

Заключение и выводы

Проведённые прикладные исследования свидетельствуют о *дифференциации моделей восприятия государства и адаптации населения к конъюнктурным изменениям*, о различных способностях жителей субъектов реагировать на вызовы современности – цифровизацию, санкционную политику и её социально-экономические «эффекты», пандемию и её последствия, усиление глобального противостояния. У жителей Татарстана модель психологической адаптации связана с усилением региональной и этнической идентичности, стремлением строить гражданскую идентичность на этническом фундаменте, повышением эмоционально-критического фона восприятия, экспрессивностью. Среди нижегородцев защитный психологический механизм проявляется через усиление патерналистско-элитарной направленности массового сознания. Различия обусловлены политико-культурными, историческими, социально-экономическими особенностями регионов, спецификой региональных политических режимов. Вместе с тем они нивелируются общим проблемным фоном.

Анализ полученных эмпирических данных позволил также говорить о существовании в региональном сознании нижегородцев и жителей Татарстана устойчивого запроса на помощь/защиту от государства, усиливающегося на фоне сложной международно-политической и экономической обстановки при одновременном желании видеть государство современным, правовым, сильным (проявление амбивалентности образа); несбалансированности экономической и социально-психологических сфер в изучаемых субъектах, отсутствии прямой корреляционной зависимости между объективными рейтинговыми показателями – качества жизни, инвестиционной привлекательности и др. и позитивным настроением жителей и восприятием государства. При относительно благополучных социально-экономических показателях в изучаемых регионах отмечено снижение демократического потенциала в 2020 году.

Нерешённость социальных проблем, издержки экономической политики, институтов политического участия усиливают состояние фрустрации, депривации, выражающиеся в снижении уровня доверия к власти; становятся факторами риска формирования неблагоприятного образа государства. Вместе с тем ценностная картина строится вокруг витальных и материалистических ценностей, справедливости, ожиданий свободного, демократичного, социального государства. Данное обстоятельство актуализирует необходимость учёта при планировании стратегии регионального развития, модернизации федеративных отношений социально-психологического потенциала населения субъектов РФ,

сложившегося психологического климата, уровня психоэмоционального стресса в целях повышения эффективности государственного управления.

Список литературы

1. Васильева Е.В. 2013. Социально-психологический потенциал регионов России: состояние и тенденции. Региональная экономика: теория и практика, 27: 32–44.
2. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Изд-во Весь мир, 2019. 656 с.
3. Давыдова Н.М. 1997. Региональная специфика сознания россиян. Общественные науки и современность, 4: 12–24.
4. Климова А.М., Чмель К.Ш. 2020. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 143–176.
5. Колосов В.А., Криндач А.Д. 1994. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России. Полис. Политические исследования, 6: 120–127.
6. Коровникова Н.А. 2019. Аксиологические факторы регионального развития современной России. Россия и современный мир, 3: 171–180.
7. Макарова Г.И. 2018. Татарстан в видении элит и простых жителей республики. Журнал социологии и социальной антропологии, 21(2): 75–105. doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.3.
8. Морозова Е.В. 1998. Современная политическая культура Юга России. Полис. Политические исследования, 6. С. 113–131.
9. Михайлёнок О.М. 2008. Региональные особенности российской политической культуры. Социально-гуманитарные знания, 2: 247–262.
10. Пантелеев В.Г. 2016. Образ регионов как предмет социологических исследований // Социально-гуманитарные знания, № 12–2: 244–250.
11. Симонян Р.Х. 2019. Исследования регионального сознания как важнейшая задача регионоведения. Горизонты экономики, 5: 24–29.
12. Симонян Р.Х., Слуцкий Л.Н. 2020. Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодёжи российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничья: опыт математического моделирования. Балтийский регион, 2: 40–53.
13. Шестопаля Е.Б., Смутькина Н.В., Морозикова И.В. 2019. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. Сравнительная политика, 3: 74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031.
14. Шкель С.Н. 2019. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России. Полис. Политические исследования, 1: 49–70. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.05.
15. Austin A. 2015. On Well-Being and Public Policy: Are We Capable of Questioning the Hegemony of Happiness? Vol. 127. Social Indicators Research, 1: 123–138. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0955-0>.
16. Bjornskov C., Dreher A., Fischer J. A., Schnellenbach J., Gehring K. 2013. Inequality and Happiness: When Perceived Social Mobility and Economic Reality Do Not Match. Journal of Economic Behavior and Organization. Vol. 91: 75–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.03.017>.
17. Easterlin R.A. 1974. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Nations and Households in Economic Growth / Eds. P.A. David M.W. Reder. New York: Academic Press, 1974. P. 89–125.
18. Langenhove Luk Van. 2013. What is a region? Towards a statehood theory of regions. Contemporary Politics, 19 (4): 1–27. DOI: 10.1080/13569775.2013.853392.
19. Oishi S., Kesebir S. 2015. Income Inequality Explains Why Economic Growth Does Not Always Translate to an Increase in Happiness Vol. 26. Psychological Science, 10: 1630–1638. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797615596713>.
20. Paasi A. 2011. The region, identity and power. Procedia in Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 14: 9–16.

References

1. Vasilyeva E.V. 2013. Social'no-psihologicheskij potencial regionov Rossii: sostojanie i tendencii [Socio-psychological potential of Russian regions: state and trends]. *Regional economy: theory and practice*, 27 (306): 32–44 (in Russian).
2. Vlast' i lidery v vospriyatii rossijskih grazhdan. Chetvert' veka nabljudenij (1993–2018) [Power and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018)] / ed. E.B. Shestopal. Moscow: Ves Mir Publishing House; 2019. 656 p. (in Russian).
3. Davydova N.M. 1997. Regional'naja specifika soznaniya rossijan [Regional specificity of the consciousness of Russians. *Social sciences and modernity*], 4: 12–24. (in Russian).
4. Klimova A.M., Chmel K. Sh. 2020. Regional'nye razlichija v sub#ektivnom blagopoluchii: kompensiruet li social'naja politika jeffekty neravenstva v Rossii? [Regional differences in subjective well-being: does social policy compensate for the effects of inequality in Russia?]. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, 1: 143–176 (in Russian).
5. Kolosov V.A., Krindach A.D. 1994. Tendencii postsovetского razvitija massovogo soznaniya i politicheskaja kul'tura Juga Rossii [Trends in the post-Soviet development of mass consciousness and the political culture of the South of Russia]. *Polis. Political Studies*, 6: 120–127 (in Russian).
6. Korovnikova N.A. 2019. Aksiologicheskie faktory regional'nogo razvitija sovremennoj Rossii [Axiological factors of regional development of modern Russia]. *Russia and the modern world*, 3: 171–180 (in Russian).
7. Makarova G.I. 2018. Tatarstan v videnii jelit i prostyh zhitelej respubliki. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Tatarstan in the vision of the elites and ordinary residents of the republic]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 21 (2): 75–105 (in Russian).
8. Morozova E.V. 1998. Sovremennaja politicheskaja kul'tura Juga Rossii [Modern political culture of the South of Russia]. *Polis. Political Studies*, 6: 113–131 (in Russian).
9. Mikhalenok O.M. 2008. Regional'nye osobennosti rossijskoj politicheskaj kul'tury [Regional features of Russian political culture. *Social and humanitarian knowledge*], 2: 247–262 (in Russian).
10. Panteleev V.G. 2016. Obraz regionov kak predmet sociologicheskikh issledovanij [The image of regions as a subject of sociological research]. *Social and humanitarian knowledge*, 12 (2): 244–250 (in Russian).
11. Simonyan R.Kh. 2019. Issledovanija regional'nogo soznaniya kak vazhnejshaja zadacha regionovedenija [Research of regional consciousness as the most important task of regional studies]. *Horizons of Economics*, 5: 24–29 (in Russian).
12. Simonyan R.Kh., Slutskij L.N. 2020. Sravnitel'nyj analiz massovogo soznaniya studencheskoj molodjozhi rossijsko-evrosojuzovskogo i rossijsko-kitajskogo prigranichij: opyt matematicheskogo modelirovanija [Comparative analysis of the mass consciousness of student youth in the Russian-European Union and Russian-Chinese borderlands: the experience of mathematical modeling]. *Baltic region*, 12 (2): 40–53 (in Russian). DOI: 10.5922 / 2079-8555-2020-2-3.
13. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. 2019. Sravnitel'nyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskih regionov [Comparative analysis of the images of their country among residents of Russian regions]. *Comparative politics*, 10 (3): 74–94 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031.
14. Shkel S.N. 2019. Bastiony tradicii: jetnicheskij faktor i politicheskie mashiny v regionah Rossii. [Bastions of Tradition: Ethnic Factor and Political Machines in the Regions of Russia]. *Polis. Political Studies*, 1: 49–70 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.01.05.
15. Austin A. 2015. On Well-Being and Public Policy: Are We Capable of Questioning the Hegemony of Happiness? *Social Indicators Research*, 127 (1): 123–138. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0955-0>.
16. Bjørnskov C., Dreher A., Fischer J.A., Schnellenbach J., Gehring K. 2013. Inequality and Happiness: When Perceived Social Mobility and Economic Reality Do Not Match. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 91: 75–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.03.017>.
17. Easterlin R.A. 1974. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: David P.A., Reder M.W. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth*.
18. Langenhove Luk Van. 2013. What is a region? Towards a statehood theory of regions. *Contemporary Politics*, 19 (4): 1–27. DOI:10.1080/13569775.2013.853392.

19. Oishi S., Kesebir S. 2015. Income Inequality Explains Why Economic Growth Does Not Always Translate to an Increase in Happiness. *Psychological Science*, 26 (10): 1630–1638.

20. Paasi A. 2011. The region, identity and power. *Procedia in Social and Behavioral Sciences*, 14: 9–16. DOI:10.1016/j.sbspro.2011.03.011.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмелева Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Блохина Алина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Y. Shmeleva, associate Professor at the Department of Politology of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Alina E. Blokhina, associate Professor at the Department of History and theory of international relations of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 659.1

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-933-941

Социальные сети муниципальных депутатов: проблемы и перспективы (пример г. Ярославля)

Абрамовский И.С., Огурцова Е.В.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

E-mail: abrams25@rambler.ru, katyaogurtsova@yandex.ru

Аннотация. Ведение социальных сетей – одно из обязательных требований к успешной деятельности политика в нынешних реалиях, а также важная часть процесса функционирования политической системы. В статье описывается исследование социальных сетей муниципальных депутатов, проведенное в октябре 2020 года. Авторы проанализировали профили 20 депутатов муниципалитета города Ярославля в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Instagram с целью выявления основных стратегий ведения социальных сетей муниципальными депутатами. В результате исследования была получена классификация депутатов по уровню ведения социальных сетей с делением на «депутатов-активистов», «депутатов-формалистов», «красиво живущих депутатов» и «отстающих депутатов». В исследовании применяются контент-анализ и сравнительный метод, а также используется сервис анализа социальных сетей Popsters. Основываясь на полученных данных, авторы приходят к выводу, что муниципальным депутатам следует разнообразить контент и уделить внимание «экспертным» публикациям.

Ключевые слова: социальные сети, муниципальные депутаты, общество, коммуникация.

Для цитирования: Абрамовский И.С., Огурцова Е.В. 2021. Социальные сети муниципальных депутатов: проблемы и перспективы (пример г. Ярославля). *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 933–941. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-933-941.

Social networks of municipal deputies: problems and prospects (example of Yaroslavl)

Ilya S. Abramovsky, Ekaterina V. Ogurtsova

Yaroslavl State University,

14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

E-mail: abrams25@rambler.ru, katyaogurtsova@yandex.ru

Abstract. Having social media is one of the essential requirements in sufficient politicians' career in nowadays reality as well as a meaningful part of functioning of a political system. The article describes a research about municipal deputies' social media, which was conducted in October 2020. The authors have analyzed profiles of 20 Yaroslavl politicians in such social-network sites as VKontakte, Facebook and Instagram to reveal the main strategies of posting. The results of the study are represented in a classification of the officials due to their activity level in the abovementioned media: «enthusiastic bloggers», «formalists», «having dolce vita» and «falling behind». In the course of the research were used content-analysis and comparative method alongside with the service for social media analysis «Popsters». Based on the obtained data the authors arrived at the conclusion that the municipal deputies should diversify the content and focus on more expert topics.

Keywords: social networks, municipal deputies, society, communication

For citation: Abramovskij I.S., Ogurtsova E.V. 2021. Social networks of municipal deputies: problems and prospects (example of Yaroslavl). *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 933–941 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-933-941.

Введение

В настоящее время социальные сети – это неотъемлемая часть жизни практически каждого человека. В социальных сетях люди проводят много времени, общаясь между собой, отдыхая. Так, по данным на 2019 год, в социальных сетях россияне проводят в среднем 183 минуты в день. При этом чем моложе аудитория соцсети, тем больше времени она проводит онлайн [Аудитория социальных сетей..., 2021]. С недавнего времени социальные сети стали ещё и инструментом продвижения себя и своих идей в обществе – так появились блогеры, местные лидеры мнений и прочие.

При этом под социальными сетями понимается платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете. Коммуникации в социальных сетях наравне с личными сообщениями ведутся через посты. Пост – это публикация в социальной сети, которая включает в себя текст, прикрепленное к нему фото-, видео- или аудиоматериал. Под контентом понимается любое информационно значимое наполнение социальной сети (тексты, графика, мультимедиа).

Наиболее популярными социальными сетями в России являются ВКонтакте и Instagram. Социальная сеть Facebook в России не пользуется большой популярностью. Особенность Ярославской области состоит в том, что аудитория Facebook больше, чем в целом по России, и данная социальная сеть пользуется большой популярностью, также как ВКонтакте и Instagram. ВКонтакте и Instagram наиболее популярны у аудитории 16–24 лет, а Facebook – у аудитории старше 45 лет [Аудитория социальных сетей..., 2021].

Ведение социальных сетей стало способом воздействия на общество, электорат. Поэтому, ведение социальных сетей – одно из обязательных требований к успешной деятельности политика в сложившихся условиях. Это также относится и к муниципальным депутатам: и для победы на выборах, и в дальнейшей работе. Социальные сети помогают лучше контактировать с избирателями, выявлять наиболее острые проблемы, а также доносить до граждан свои мысли и идеи. Это делает социальные сети наиболее удобным способом обратной связи, поэтому муниципальным депутатом важно использовать их в своей работе.

Взаимодействие аудитории социальных сетей с авторами, тем более если в этой роли выступают муниципальные депутаты, вписывается в концепцию политической системы, предложенной Дэвидом Истоном. Эта система представляет собой элементы входа информации, которая выражается в импульсах требований и поддержки. Система их обрабатывает и принимает решение – выходы. От них идет обратная связь [Истон, 2015]. Пользователи пишут в социальных сетях сообщения: проблемы, требования (в личных сообщениях депутатам, в комментариях, в постах) или поддержку (через лайки, комментарии, посты-благодарности) политикам. Депутаты видят эти обращения и реагируют на них, принимая решения. Результатом решения они делятся в соцсетях: через посты и ответы на комментарии. Тем самым пользователи получают обратную связь.

Таким образом, в рамках представленной модели ведение депутатом своих социальных сетей открыто и активно – важный фактор функционирования политической системы.

Теоретические основы исследования

Одним из основоположников исследований интернет-коммуникаций стал Говард Рейнгольд – в 2002 году была опубликована его работа «Умная толпа: новая социальная революция», в которой он рассмотрел влияние цифровых инструментов коммуникации на общество [Рейнгольд, 2002]. Он показал, как массовое распространение телекоммуникационных мобильных технологий влечет за собой не только значимый количественный, но, что более важно, качественный социальный эффект [Абрамов, 2006].

Вопрос о влиянии цифровых технологий на политическую коммуникацию ставят М. Бреслер, Р. Мурзагулов, А. Сулейманов. В работе «Трансформация политической ком-

муникации и PR-деятельности в цифровом обществе» они рассматривают на основе системного подхода концепцию политической коммуникации, в рамках которой формируется множество политических акторов, взаимодействующих друг с другом [Бреслер, 2019]. Каждый участник коммуникации может быть как актором, генерирующим контент передающим информацию, так и потребителем информации.

Тема ведения социальных сетей политическими акторами также раскрывается в работах множества авторов. Стоит отметить, что современные работы по этой теме очень близки к области маркетинга и SMM. Например, в таком ключе рассматривается продвижение политика в соцсетях. Само понятие определяет как планируемые акции по привлечению общественного внимания к какому-либо изделию, идеи, лицу²⁰⁷. Так, в своей работе «Аспекты создания и продвижения персонального бренда современного политика» О. Питько затрагивает тему продвижения личного бренда политика в социальных сетях, что само по себе является маркетинговым мероприятием [Питько, 2016].

И.В. Гаврилов исследовал персональные Интернет-ресурсы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VI и VII созывов при помощи стандартизированного поискового запроса, включавшего ФИО каждого из парламентариев, а также слова «депутат», «персональный сайт», «Facebook» и «ВКонтакте», выявлял наличие у этих политических акторов персональных веб-ресурсов (учитывалось наличие персонального веб-сайта, официальных аккаунтов в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте» или микроблоге «Twitter»), индексируемых Яндексом как ключевым поисковым инструментом российского сегмента Интернета [Гаврилов, 2017].

Исследователи также изучают влияние различных инструментов социальных медиа на общественные процессы, а также специфику их применения. С. Шомова в работе «Выборы Президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики», как следует из названия, анализирует специфику применения интернет-мемов в политической кампании 2018 года. При этом автор рассматривает мем, с одной стороны, как спонтанный продукт творчества масс, а с другой – как инструмент политических PR-технологий [Шомова, 2019]. Шомова выявила, что мемы составляли большую часть политического контента, транслируемых в социальных медиа.

В политической практике эксперты все более обращают внимание на работу губернаторского корпуса в социальных сетях и мессенджерах. Здесь стоит отметить Центр политической конъюнктуры (ЦПК), который формирует так называемые цифровые портреты глав российских регионов²⁰⁸ и составляет рейтинги. Так, например, ведение губернаторами страниц в Instagram эксперты ЦПК оценивали по 6 критериям [Сторис успеха..., 2021]: подписчики, лайки, комментарии, вовлеченность, хештеги, функциональность. Также фонд «Петербургская политика» совместно с политконсультантом Леонидом Давыдовым проводят мониторинги деятельности глав регионов в публичном пространстве. Среди них еженедельный рейтинг губернаторов по упоминаемости в телеграм-каналах [Упоминаемость губернаторов..., 2021]. В таком ключе авторы телеграм-канала «Незыгарь» предприняли попытку анализа социальных сетей. В августе 2021 года «Незыгарь» опубликовал доклад «Параметры коммуникации губернаторского корпуса с обществом (итоги первого полугодия 2021 г.)», в котором рассмотрели тему ведения социальных сетей главами регионов.

Таким образом, исследовательская база представлена различными видами исследований: теоретических и прикладных, в междисциплинарной сфере. Такой подход позволяет рассмотреть тему с различных сторон.

²⁰⁷ Продвижение в социальных сетях – цели и стратегии SMM. 2019–2020 URL: <https://media-like.ru/prodvizhenie-v-soczialnyh-setyah/>

²⁰⁸ Цифровые портреты глав российских регионов (cpkr.ru). 2020–2021 URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/>

Социальные сети муниципальных депутатов в Ярославле

Сегодня существует множество различных по аудитории, формату и охвату пользователей социальных сетей, из которых каждая имеет свою специфику. Специфика ситуации заключается в том, что многие муниципальные депутаты ведут свои социальные сети несистемно, неактивно и не используют социальные сети как инструмент коммуникации с населением.

В октябре 2020 года мы проводили исследование форматов работы в социальных сетях политиков. В качестве объекта исследования выступили социальные сети муниципальных депутатов. Предметом – стратегии ведения страниц в социальных сетях муниципальными депутатами. Целью исследования было выявление основных стратегий ведения социальных сетей муниципальными депутатами.

Под стратегией ведения социальной сети мы понимаем целенаправленную работу в социальной сети, подразумевающую определенную частоту постинга, тематику постов, открытость к комментариям аудитории. То есть это некий стиль ведения страницы в социальной сети, позиционирование в социальных сетях.

В рамках исследования было сформулировано три базовых гипотезы:

- депутаты муниципалитета редко используют социальные сети как инструмент коммуникации с электоратом;
- депутаты муниципалитета редко публикуют контент в социальных сетях;
- контент, публикуемый депутатами, чаще не отражает их деятельность как депутатов, не характеризует их как экспертов в своей области.

В состав муниципалитета г. Ярославля входят 38 депутатов. В структуре муниципалитета находятся 4 фракции: ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР. Выборка составила 20 депутатов. Выборка случайная, из общего списка депутатов, который представлен на сайте муниципалитета [Состав и структура..., 2020], в выборку включался каждый второй депутат. То есть в выборку попали второй депутат в списке, четвертый, шестой, восьмой и так далее. В результате в выборку вошли депутаты всех 4 фракций. Таким образом, выборка репрезентативная, поскольку повторяет фракционное представительство муниципалитета.

В исследовании использовались сервисы анализа социальных сетей, контент-анализ, сравнительный метод. Мы проанализировали страницы депутатов муниципалитета города Ярославля в социальных сетях Facebook, Instagram, ВКонтакте. Были выбраны следующие критерии анализа. Присутствие в социальных сетях, показатели: наличие страницы в Facebook, страницы во ВКонтакте, наличие профиля в Instagram. Частота постинга, показатель: число публикаций в месяц (часто – 15–20, средне – 10–15, редко – до 10, нет публикаций). Тематика постов, показатель: число постов по определенной тематике в месяц (тематики – рассказ о работе, рассказ о личной жизни, экспертные комментарии). Активность аудитории, показатель: индекс активности, который считается путем сложения среднего числа лайков за месяц и среднего числа комментариев за месяц с коэффициентом 4. Работа с аудиторией, показатель: шкала открытости к аудитории (1. комментарии закрыты; 2. комментарии открыты, но аудитория не реагирует; 3. комментарии открыты, аудитория реагирует, депутат не отвечает; 4. комментарии открыты, аудитория реагирует, депутат отвечает). Заполненность страницы, показатели: информация о себе (+1), информация о месте работы (+1), наличие ссылки на страницы в других соцсетях (+1 за каждую ссылку), информация об увлечениях и интересах.

Исследование проводилось с помощью онлайн-сервиса Popsters [Popsters – статистика..., 2020], который позволяет анализировать посты и страницы в соцсетях, сравнивает и определяет эффективность публикаций.

Публикации депутатов в каждой социальной сети были распределены по содержанию на группы: «рабочие» публикации, личные интересы и хобби, экспертные комментарии. Чтобы отнести пост к одной из групп, мы определяли его содержание. Если в публи-

кации содержится информация о работе депутата (фотографии с заседаний, работы в округе, текстовая информация о достигнутых результатах) либо по основному месту работы, публикация относится к «рабочей». Если в публикации говорится о досуге, интересах, увлечениях и хобби, фотографии с поездок, информация о каких-либо личных достижениях, публикация относится к «личным». Если в публикации содержится комментарий событий в городе, области или стране, относящийся к сфере компетенций автора, если дано разъяснение по каким-либо вопросам с точки зрения депутата, публикация относится к «экспертным».

Итоги

В ходе исследования мы выявили, что, во-первых, не все депутаты имеют страницы в ВКонтакте, Facebook или Instagram; во-вторых, все депутаты дублируют контент, выкладывая одни и те же публикации в разных социальных сетях; в-третьих, между депутатами существует разброс в частоте постинга и тематике контента.

В результате анализа страниц депутатов мы сформировали следующую классификацию: «депутаты-активисты», «депутаты-формалисты», «красиво живущие депутаты» и «отстающие депутаты».

«Депутаты-активисты» – это те депутаты, которые активно ведут свои социальные сети. Такие депутаты имеют аккаунты в двух или трех социальных сетях, не скрывают свой род деятельности, в постах рассказывают о работе [В округе завершается..., 2020]. Информация «о себе» в профиле указывает на депутатство. «Депутаты-активисты» часто публикуют записи на своих страницах в социальных сетях, и на эти записи реагирует аудитория депутатов. Также сами депутаты общаются со своей аудиторией: отвечают на комментарии, проводят прямые эфиры.

«Депутаты-формалисты» присутствуют в социальных сетях, но формально: большая часть из них пустует. Депутат просто зарегистрирован в социальной сети, но практически не занимается ведением своей страницы. У некоторых страницы наполнены поздравлениями, записями других пользователей. Есть те, у кого из активности на странице только партийная агитация, опубликованная в период перед выборами. Такие страницы могут «активизироваться» [При беспрецедентном..., 2020] во время предвыборной кампании и после ее завершения «затухают». Ещё один вариант: страница наполнена постами, написанными сухо и неинтересно, для галочки [Ярославлю присвоено..., 2020]. Все приведенные варианты объединяет одна черта: активность на странице низкая и стимулируется извне. Таким страницам характерно отсутствие отклика от аудитории, низкая степень её вовлеченности.

«Красиво живущие депутаты» выкладывают в основном красивые фотографии своей жизни: пейзажи, путешествия, семья, охота-рыбалка, книги или любой другой досуг [И вот я снова..., 2020]. На таких страницах отсутствует экспертный и профессиональный контент. Такие депутаты могут присутствовать как во всех социальных сетях, так и только в одной. Информация в профиле может указывать на депутатскую деятельность, но публикации говорят об обратном. Активность пользователей может быть, но, как правило, это друзья, родственники или знакомые.

«Отстающие депутаты» либо не имеют страниц в социальных сетях, либо присутствуют максимум в одной и не ведут свою страницу там. Возможно, есть закрытые страницы только для «своих».

К «депутатам-активистам» мы отнесли: председателя Муниципалитета Артура Ефремова, депутатов Дмитрия Петровского и Наталию Бобрякову. К «депутатам-формалистам» отнесены: депутаты Марина Дьячевская, Сергей Зубов, Анатолий Каширин, Олег Ненилин. «Красиво живущие депутаты»: Дмитрий Волончунас, Илья Горохов, Юлия Миронова, Дмитрий Соколов. «Отстающие депутаты»: Андрей Ганелин, Павел Зи-

боров, Вадим Канашкин, Андрей Лихачев, Алексей Морозов, Алексей Таганов, Александр Черепанин, Михаил Шабанов.

Таким образом, мы сформулировали рекомендации для депутатов г. Ярославля:

1. Стараться использовать возможности площадок по-максимуму.

Так, в Instagram есть возможность проводить прямые эфиры, выкладывать так называемые «истории», создавать подборки «историй» – «актуальное», выкладывать видео IGTV и пр. Хороший пример ведения Instagram – Дмитрий Юнусов, глава Тутаевского муниципального района. Во ВКонтакте аналогичные возможности: прямые эфиры, истории.

2. Поддерживать не только образ депутата или не только образ любителя природы. Развивать в социальных сетях свои разные стороны.

3. Добавить экспертных постов.

4. Добавить узнаваемые рубрики, хэштеги.

5. Вовлекать аудиторию при помощи соответствующих механик.

Для «депутатов-активистов» главная рекомендация – более узнаваемый контент. Так, например, у А.Е. Ефремова есть прямые эфиры, и проект «Люди Дела» [Сегодня в проекте, 2020] – это «фишки» его профиля. То, что ассоциируется с его социальными сетями, запоминается. Таких узнаваемых рубрик не хватает депутатам. Также контент можно сделать чуть более разнообразным, ориентированным на целевые аудитории социальных сетей, либо же исключительно на электорат депутата.

«Депутатам-формалистам» мы рекомендуем начать стабильно вести больше чем одну социальную сеть. Важно публиковать разнообразный контент, не только поздравления и агитация. Что постить, можно посмотреть у коллег из списка выше: отчеты о выездах, о проделанной работе, рассказы о своих увлечениях и хобби, свою точку зрения на те или иные проблемы и т. д. Выход на новые площадки увеличит охват аудитории, а более открытый и стабильный постинг повысит лояльность аудитории.

Рекомендация для «красиво живущих депутатов» – добавить в свои социальные сети посты о депутатской деятельности, возможно, о работе. Также по возможности комментировать какие-то ситуации, показывать свою экспертность в той или иной области.

Для «отстающих» – у кого закрытый профиль – создать приватный аккаунт для близких друзей и сделать его закрытым и отдельный открытый рабочий аккаунт, где освещать свою деятельность и поддерживать образ не только депутата, но и эксперта в той или иной области. Для тех, у кого вообще нет никаких социальных сетей, либо все закрыто – начать вести открыто хотя бы одну, коммуницировать с аудиторией.

Таким образом, в ходе исследования мы выявили, что депутаты Муниципалитета мало внимания уделяют социальным сетям. Страницы в социальных сетях ведутся посредственно: недостаточно заполнен профиль, однообразный контент в публикациях, отсутствует работа с аудиторией. В большинстве случаев есть два варианта ведения социальной сети: либо много постов про депутатскую деятельность, либо в основном посты «про жизнь» (поездки, хобби, увлечения, фотографии красивых мест и природы).

У депутатов существует «основная соцсеть» – социальная сеть, в которой они публикуют весь контент, часть которого затем дублируется в остальные соцсети. В большинстве случаев это Facebook. Объясняется это тем, что в Ярославской области Facebook – самая популярная соцсеть, в особенности в деловой сфере. В «основной соцсети» более высокие показатели активности аудитории.

Стоит выделить особенность Facebook. В социальной сети есть возможность отмечать других пользователей, в результате публикация показывается на странице отмеченного пользователя. Таким образом, даже не публикуя собственный контент, но активно принимая участия в крупных событиях, депутат может «формировать» свой профиль.

13 сентября в Ярославской области проходили дополнительные выборы депутата Государственной Думы по одномандатному избирательному округу № 194. В период пе-

ред днем голосования и несколько дней после на страницах некоторых депутатов была большая активность. Основным контентом в этот период была предвыборная агитация. Также в этот период было много постов поддержки кандидатов. В частности, посты #ЗаКоваленко и #ЗаЛисицына. Соответственно, после завершения кампании активность депутатов упала.

Депутаты пишут либо «рабочие» посты, либо посты «про жизнь», при этом постов с экспертными комментариями нет. Единственный депутат, который регулярно публикует комментарии по актуальным событиям в области и стране – Дмитрий Петровский.

Таким образом, гипотеза подтвердилась. Депутатам муниципалитета г. Ярославля стоит изменить стратегию ведения социальных сетей, разнообразить контент, уделить внимание «экспертным» публикациям. В такой ситуации граждане получают качественную обратную связь от депутатов, депутаты смогут быстрее получать от жителей запросы на существующие проблемы, решение которых позволит им получать дополнительную поддержку жителей.

Благодарности: авторы выражают глубокую благодарность научному руководителю Соколову Александру Владимировичу, доктору политических наук, заведующему кафедрой социально-политических теорий за помощь в подготовке работы.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. 2006. Мобильные коммуникационные технологии и повседневность Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Журнал социологии и социальной антропологии. 9 (4): 185–192.
2. Аналитический доклад «НЕЗЫГАРЯ» «Параметры коммуникации губернаторского корпуса с обществом» – это отчасти буревестник для губернаторов, которые так и не научились «ходить в народ». 2021. URL – <http://rureporter.com/news/62216>.
3. Аудитория социальных сетей в России. 2019. 2020. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-grossii#:~:text=Средний%20пользователь%20проводит%20в%20интернете,года%3A%20194%20минуты%20в%20день>.
4. Бреслер М.Г., Мурзагулов Р.Р., Сулейманов А.Р. 2019. Трансформация политической коммуникации и PR-деятельности в цифровом обществе. Журнал политических исследований. 3 (3): 125–132.
5. В округе завершается ремонт дворов по программе «Решаем вместе». 2020. URL: https://vk.com/wall522597973_387
6. Гаврилов И.В. 2017. Исследование персональных интернет-ресурсов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VI и VII созывов. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 13 (1): 70–81.
7. И вот я снова могу сказать: я в хорошей форме! 2020. URL: https://www.instagram.com/p/CFATfa8Jfug/?utm_source=ig_web_copy_
8. Истон Д. 2015. Подход к анализу политических систем. Вестник Московского университета. Политические науки. 12 (5): 17–37.
9. Питько О.А. 2016. Аспекты создания и продвижения персонального бренда современного политика. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 11–6: 1163–1165.
10. При беспрецедентном использовании адмресурса. 2020. URL: https://vk.com/wall44807596_1261.
11. Рейнгольд Г. 2006. Умная толпа: новая социальная революция – Пер. с англ. А. Гарькавого. М, ФАИР ПРЕСС, 416 с.
12. Сегодня в проекте «Люди Дела». 2020 URL: https://www.instagram.com/p/CFzNPKLJTIN/?utm_source=ig_web_copy_
13. Состав и структура муниципалитета. 2017–2021. URL: <https://city-yaroslavl.ru/munitsipalitet/sostav-i-struktura-munitsipaliteta/>

14. Сторис успеха: рейтинг глав регионов в Instagram (срkr.ru). 2021. URL: <https://срkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/storis-uspekha-reyting-glav-regionov-v-instagram/>
15. Упоминаемость губернаторов в телеграм-каналах 28 июля – 3 августа 2021 года. 2021. URL: <https://davydov.in/politics/upominaemost-gubernatorov-v-telegram-kanalax-28-iyulya-3-avgusta-2021-goda/>
16. Шомова, С.А. 2019. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики. Полис. Политические исследования. 3: 157–173. DOI 10.17976/jpps/2019.03.10.
17. Ярославлю присвоено почётное звание «Город трудовой доблести». 2020. URL: <https://www.facebook.com/oleg.nenilin.5/posts/3207856795968286>
18. Popsters – статистика и аналитика социальных сетей. 2013–2021. URL: <https://popsters.ru/app/dashboard>.

References

1. Abramov R.N. 2006. Mobil'nye kommunikacionnye tekhnologii i povsednevnost' Rheingold H. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya [Mobile communication technologies and everyday life. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 9 (4): 185–192.
2. Analiticheskij doklad «NEZYGARYA» «Parametry kommunikacii gubernatorskogo korpusa s obshchestvom» – eto otchasti burevestnik dlya gubernatorov, kotorye tak i ne nauchilis' «hodit' v narod» [The analytical report of «NEZYGAR» "Parameters of communication of the governor's corps with society" is partly a petrel for governors who have not learned to «go to the people»]. 2021. URL – <http://rureporter.com/news/62216>
3. Auditoriya social'nyh setej v Rossii 2019. [The audience of social networks in Russia 2019]. 2020. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii#:~:text=Средний%20пользователь%20проводит%20в%20интернете,года%3A%20194%20минуты%20в%20день>.
4. Bresler M.G., Murzagulov R.R., Sulejmanov A.R. 2019. Transformaciya politicheskoy kommunikacii i PR-deyatelnosti v cifrovom obshchestve [Transformation of political communication and PR activities in a digital society]. Zhurnal politicheskikh issledovanij. 3 (3): 125–132.
5. V okruge zavershaetsya remont dvorov po programme «Reshaem vmeste» [In the district, the repair of courtyards under the «We decide together» program is being completed]. 2020. URL: https://vk.com/wall522597973_387.
6. Gavrilov I.V. 2017. Issledovanie personal'nyh internet-resursov deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii VI i VII sozyvov [Research of personal Internet resources of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the VI and VII convocations]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 13 (1): 70–81.
7. I vot ya snova mogu skazat': ya v horoshej forme! [And here I can say again: I'm in good shape!]. 2020. URL: https://www.instagram.com/p/CFATfa8Jfug/?utm_source=ig_web_copy_
8. Iston D. 2015. Podhod k analizu politicheskikh sistem. Vestnik Moskovskogo universiteta [An approach to the analysis of political systems]. Politicheskie nauki. 12 (5): 17–37.
9. Pit'ko O.A. 2016. Aspekty sozdaniya i prodvizheniya personal'nogo brenda sovremennogo politika [Aspects of creating and promoting a personal brand of a modern politician]. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 11–6: 1163–1165.
10. Pri besprecedentnom ispol'zovanii admresursa. [With unprecedented use of the admin resource]. 2020. URL: https://vk.com/wall44807596_1261
11. Rheingold H. 2006. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya – Per. s angl. A. Gar'kavogo [Smart Mobs: The Next Social Revolution]. M, FAIR PRESS, 416 s.
12. Segodnya v proekte «Lyudi Dela». [Today in the project "People of Business"]. 2020 URL: https://www.instagram.com/p/CFzNPKLJTIN/?utm_source=ig_web_copy_
13. Sostav i struktura municipaliteta. [Composition and structure of the municipality]. 2017–2021. URL: <https://city-yaroslavl.ru/munitsipalitet/sostav-i-struktura-munitsipaliteta/>

14. Storis uspekha: rejting glav regionov v Instagram (cpkr.ru) [Success story: rating of heads of regions on Instagram (cpkr.ru)]. 2021. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/storis-uspekha-rejting-glav-regionov-v-instagram/>

15. Upominaemost' gubernatorov v telegram-kanalah 28 iyulya – 3 avgusta 2021 goda [Mention of governors in telegram channels July 28 – August 3, 2021]. 2021. URL: <https://davydov.in/politics/upominaemost-gubernatorov-v-telegram-kanalax-28-iyulya-3-avgusta-2021-goda/>

16. Shomova S.A. 2019. Vybory prezidenta RF – 2018 v zerkale memov: novye realii politicheskoy kommunikativistiki. Polis. Politicheskie issledovaniya [Russian Presidential Elections – 2018 in the Mirror of memes: new realities of Political Communication Studies]. 3: 157–173. DOI 10.17976/jpps/2019.03.10.

17. Yaroslavlyu prisvoeno pochyotnoe zvanie "Gorod trudovoj dobresti" [Yaroslavl was awarded the honorary title "City of Labor Valor"]. 2020. URL: <https://www.facebook.com/oleg.nenilin.5/posts/3207856795968286>

18. Popsters – statistika i analitika social'nyh setej. [Popsters - statistics and analytics of social networks]. 2013-2021. URL: <https://popsters.ru/app/dashboard>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абрамовский Илья Сергеевич, студент кафедры социально политических теорий Ярославского государственного университета, г. Ярославль, Россия

Ilya S. Abramovsky, student of the Department of Socio-Political Theories of Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Огурцова Екатерина Валерьевна, студентка кафедры социально политических теорий Ярославского государственного университета, г. Ярославль, Россия

Ekaterina V. Ogurtsova, student of the Department of Socio-Political Theories of Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

УДК 327

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-942-952

Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве

Коньшева Ю.С.

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Россия, 302028, г. Орёл, Бульвар Победы, д. 5А
E-mail: yuli-konysheva@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение влияния государственных и региональных механизмов на развитие международных отношений Российской Федерации на постсоветском пространстве. Автор обобщает научные подходы к пониманию и применению в практической среде государственных механизмов в международной деятельности. Автор также определяет их значение для положения современной России в постсоветском мире. Обобщается, что стратегическая проблема концептуального обеспечения практического применения механизмов и решений на международном уровне заключается в недостаточной системности и координации в деятельности государственных ведомств и их партнерства с неправительственными аналитическими и экспертными институтами постсоветского пространства. Указывается на отсутствие устойчивого интереса к внедрению в российской внешней политике технологий и методов публичной дипломатии, зарекомендовавших себя в зарубежной практике международного сотрудничества. В качестве приоритетов развития и распространения положительных настроений на постсоветском пространстве называются развитие сотрудничества с неправительственными организациями и институтами гражданского общества стран СНГ, продвижение сетевых коммуникаций взаимодействия в обеспечении международного гуманитарного обмена.

Ключевые слова: мировое пространство, язык, международная деятельность, соотечественники, сотрудничество, государство, напряженность, система образования, экономика, наука.

Для цитирования: Коньшева Ю.С. 2021. Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве. *Via in tempore. История. Политология.* 48 (4): 942–952. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-942-952.

Mechanisms and tools of humanitarian and cultural cooperation between Russia and the states in the post-Soviet space

Yulia S. Konysheva

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА
Russia 302028, Orel, Victory Boulevard 5A,
E-mail: yuli-konysheva@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the influence of state and regional mechanisms on the development of international relations of the Russian Federation in the post-Soviet space. The author summarizes scientific approaches to understanding and application in the practical environment of state mechanisms in international activities. The author also determines their significance for the situation of modern Russia in the post-Soviet world. It is summarized that the strategic problem of conceptualizing the practical application of mechanisms and solutions at the international level is the lack of system and coordination in the activities of state departments, and their partnership with non-governmental analytical and expert institutions of the post-Soviet space. It

is indicated that there is no sustained interest in the introduction of technologies and methods of public diplomacy in Russian foreign policy, which have proven themselves in foreign practice of international cooperation. The development of cooperation with non-governmental organizations and civil society institutions of the CIS countries, the promotion of network communications of cooperation in ensuring international humanitarian exchange are called priorities for the development and dissemination of positive sentiments in the post-Soviet space.

Keywords: world space, language, international activity, compatriots, cooperation, state, tension, education system, economics, science.

For citation: Konysheva Y.S. 2021. Mechanisms and tools of humanitarian and cultural cooperation between Russia and the states in the post-Soviet space. *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 942–952 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-942-952.

Прежде всего необходимо акцентировать внимание на анализе литературы, используемой при написании данной статьи, с помощью которой автору удалось более подробно и результативно подойти к проблеме, представленной в статье. Для написания данной работы использовались актуальные статьи. Во внимание принимались статьи выдающихся экспертов-практиков в области изучения взаимодействия России с другими странами на постсоветском пространстве, в том числе эксперта МГИМО Е.Г. Пономаревой [Пономарева, 2013]. Для более углубленного изучения проблемы международных отношений я обратилась к статье ректора МГИМО А.В. Торкунова [Торкунов, 2013]. С целью более подробного представления о военно-техническом, экономическом и социальном развитии России автору необходимо было познакомиться со статьей К.П. Буртного [Буртный, 2020]. Проблему мягкой силы раскрыли в своих работах Дж. Най [Най, 2006], А.А. Громько [Громько, 2013], А.О. Наумов [Наумов, 2015], К.Р. Сарханянц [Сарханянц, 2020] и др.

Будущее Российской Федерации невозможно за пределами мирового пространства и вне всеобщей общемировой системы. Будущее любого государства и его населения целиком и полностью связано с историческими процессами, происходящими в этом государстве, с событиями и процессами в экономической сфере, на внутривнутриполитической арене, со всей совокупностью социальных структур, с развитием в области культуры и искусства советского, а теперь и постсоветского, российского общества. Современная мировая система на протяжении веков претерпевала изменения и, не побоюсь этого слова, эволюционировала.

Российская Федерация имеет границы по суше и по морю с 18 государствами. При этом Российская Федерация граничит с 8 государствами, ранее входившими в СССР [Волков, 2001]. В настоящее время Россия ведет активную внешнеполитическую и международную экономическую и гуманитарную деятельность.

На протяжении последних нескольких лет основной целью международной деятельности Российской Федерации является раскрытие потенциала международного сотрудничества России для обеспечения национальной безопасности государства, социального и экономического развития государства на международной арене. На мировом пространстве продолжается формирование геополитических сил. Данные процессы сопровождаются борьбой за экономические и природные ресурсы. Проявляются межгосударственные противоречия в области политики, экономики, что связано с борьбой за сферы влияния. Все эти процессы и действия не способствуют нормализации спорных моментов, а, напротив, увеличивают вероятность возникновения конфликтов как на государственном, так и региональном уровнях. Для того чтобы поддерживать и сохранять мир, государствам необходимо всегда находиться в состоянии диалога и постоянных контактов на разных уровнях и в разных сферах. Каким образом можно поддерживать связи между государствами? Конечно же, помогают в этом международные организации и институты,

членами которых являются государства-партнеры. Основными организациями, благодаря которым государства на постсоветском пространстве имеют возможность поддерживать отношения, являются ЕАЭС, СНГ, ШОС.

Россия, как и прежде, выступает за развитие и активное продвижение курса на укрепление международного мира. Основными понятиями для достижения целей в мировом масштабе являются всеобщая безопасность и стабильность. Россия стремится выстраивать и формировать отношения добрососедства с сопредельными государствами. Наша страна содействует устранению имеющихся конфликтных моментов и ориентирует свою политическую и дипломатическую деятельность на снижение количества вновь образованных ситуаций. Целью деятельности является снятие напряженности в соседних приграничных государствах. Российская Федерация открыта к диалогу со всеми государствами и всегда призывает партнеров к честному диалогу и отказу от политики двойных стандартов. Это позволит запустить серьезный прямой диалог между представителями государств и поспособствует продвижению принципов международного взаимодействия с целью решения острых проблем современного мира.

За последние годы при помощи активной политической деятельности Президента Российской Федерации и военно-политического руководства страны, а также благодаря проведению отличной дипломатической деятельности нашего государства отношение к России на мировой арене изменилось. Российская Федерация принимает участие в решении важнейших мировых проблем в разных аспектах и сферах. Российская Федерация принимает участие во многих событиях международного уровня. Россия является весомым участником многих международных организаций. Но, к сожалению, Россия продолжает подвергаться информационным нападкам и информационной агрессии [Буртный, 2020].

Несмотря на сложную обстановку, Российская Федерация всегда является важным участником на мировой арене. Она состоит в организациях различного рода деятельности и направленности. Российская Федерация неразрывно связана с другим миром, с мировыми экономиками, мировыми политическими процессами.

В мире постоянно происходят изменения, которые так или иначе заставляют государства считаться с ними. При принятии решений и анализе происходящего, с целью поднять и удержать авторитет государства и интерес к нашей стране и русскому языку, России приходится обращаться к мировому опыту. В данном случае речь идет о концепте «мягкой силы» (soft power) Джозефа Ная. Джозеф Най младший является значимой фигурой в политической жизни США. Руководитель Школы государственного управления им. Дж. Ф. Кеннеди, к тому же профессор Гарвардского университета и член американской Академии искусств и наук [Най, 2006].

Что же представляет собой понятие «мягкой силы»? Это способность государства или личности добиваться успеха или нужного результата при участии союзников, не применяя при этом принуждения либо силы. Это явная противоположность жесткой силы. По словам Дж. Ная, язык и культура представляют основу понятия и являются главным инструментом «мягкой силы». Эти два понятия и играют основную роль в формировании международных отношений и в выстраивании связей.

Концепция «мягкая сила» получила известность благодаря ее широкому использованию в политике: и, кстати, наработки Дж. Ная были приняты в США основополагающими при формировании международных связей и в политике [Най, 2006].

Президент нашей страны Владимир Путин на совещании послов и постоянных представителей России, имеющем место в 2021 году, призвал коллег и дипломатов обратить внимание на необходимое и полезное использование мягкой силы в своей деятельности. И это может поспособствовать активному применению интересов и подходов с помощью убеждения, привлекая внимание к своей стране и формированию положительного образа государства. По словам нашего президента, нужно брать

за основу достижения в материальной, духовной, культурной и в интеллектуальной сферах.

В современном быстро развивающемся мире к инструментам «мягкой силы» можно отнести не только язык и культуру, но и СМИ, интернет, социальные сети. Основной замысел «мягкой силы» (иначе, *soft power*) ориентирован на формирование такой власти, которая способна привлекать внимание и формировать позитивное представление о ее действиях. А достигаться такой успех должен при помощи невидимого контроля поведения и реакции людей и благодаря информационной среде. Поэтому государственное управление не должно брать за основу только убеждение или же угаривание людей. Государство имеет возможность и контролировать их реакцию на определенные события [Пономарева, 2013]. На повестке дня на совещании рассматривалась возможность реализации закона «О государственном языке Российской Федерации», а также поддержка и распространение русского языка и русской литературы за рубежом. Необходимо отметить, что на нашей стране лежит огромная ответственность за сохранение и распространение русского языка и литературы. К сожалению, в последнее время выявляются попытки искусственно сократить условные границы использования русского языка в мире. К сожалению, такая тенденция прослеживается и в странах на постсоветском пространстве.

Перед Россией поставлены две основные цели по сохранению значимости и важности русского языка в мире. Первая – обеспечение всеобщей мировой конкурентоспособности языка, для чего необходимо самому населению России быть грамотным. И вторая – это поддержка русского языка и русскоязычного населения за рубежом.

Целью данных решений является сохранение суверенитета и целостности государства, защита прав населения как в нашей стране, так и за пределами страны.

В 2010 году Президентом России были определены и сформированы основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Данная Концепция была принята для того, чтобы реализовать основные направления политики России в этой области.

В 2015 году Президентом Российской Федерации была принята Концепция государственной поддержки русского языка за рубежом. В эту Концепцию вошли основные цели, взгляды и задачи, ориентированные на деятельность России в вопросах о поддержке русского языка за рубежом и в государствах на постсоветском пространстве. В этой концепции говорится о том, что целью международной деятельности Российской Федерации является расширение международного, культурного и гуманитарного сотрудничества. Важным аспектом в данной концепции выступает формирование положительного образа нашей страны как актора на мировой арене.

С момента распада СССР на постсоветском пространстве можно было отметить значимые события. Среди них были и положительные: создание Содружества Независимых Государств, Таможенного союза, ЕАЭС, сотрудничество стран постсоветского пространства в экономической, политической и гуманитарной сферах. Также были и отрицательные моменты. К ним относятся военные и политические конфликты. Стоит отметить, что отношения России с бывшими советскими республиками все еще продолжают выстраиваться. Остаются еще спорные моменты и конфликты разного рода со странами Балтии по поводу исторического наследия постсоветского периода.

Есть такая фраза Михаила Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Данная фраза актуальна сейчас как никогда ранее. Для того чтобы молодежь в России и в странах на постсоветском пространстве помнила свою историю, необходимо как можно более активно развивать связи между государствами на постсоветском пространстве. Очевидно, что страны на постсоветском пространстве являются самостоятельными государствами, но у них была и есть общая история. Знание общей истории

в данном случае – это и есть то прошлое, без которого мы не можем двигаться дальше и развиваться.

Нужно отметить, что в настоящее время связи между государствами действительно налаживаются и активизируются. И немаловажную роль в развитии отношений играют субъекты Российской Федерации. В данной статье мы сможем привести примеры удачного и результативного гуманитарного и культурного, технического и экономического сотрудничества.

В качестве примера хотелось бы описать деятельность Правительства Белгородской области на постсоветском пространстве. Как приграничная область, Белгородская область принимала активное участие в жизнеобеспечении людей, прибывающих из соседнего сопредельного государства – Украины. На территории Белгородской области продолжает действовать координационная группа по организации подготовки, встречи и размещения прибывающего населения из соседнего государства. В связи со сложившейся ситуацией, региональное управление по труду и занятости населения в свое время отвечало за организацию мероприятий по трудоустройству граждан, прибывших из Украины, в том числе людям, обратившимся за помощью в поиске работы в службы занятости населения.

Основная цель службы занятости, в свою очередь, заключалась и заключается в том, чтобы подобрать подходящие варианты трудоустройства для прибывающих из сопредельного государства граждан, учитывая при этом интересы местного населения. Согласно статистике, в 2016 году было трудоустроено около 100 человек²⁰⁹.

В июне 2016 года в рамках сотрудничества имел место форум, организованный по инициативе Института приграничного сотрудничества и интеграции Белгородского государственного национального исследовательского университета. На уровне муниципалитетов было подписано соглашение о побратимских связях между Веселолопанским сельским поселением Белгородского района и селом Русская Киселия, расположенном в Гагаузии в Республике Молдова.

В Белгородском государственном национальном исследовательском университете интенсивную работу по развитию сотрудничества ведет управление международного сотрудничества.

Главной задачей управления является формирование и контроль за обеспечением функций, ключевых направлений международной деятельности университета. С помощью этого учебная, научная и научно-методическая работа университета становится более эффективной.

Перед управлением международного сотрудничества НИУ «БелГУ» стоят следующие задачи:

- координация деятельности подразделений университета, отвечающих за международные программы и соглашения;
- контакты с международными организациями внутри нашей страны и за рубежом (взаимодействие с посольствами других государств и продвижение международных связей университета);
- прием и сопровождение в процессе обучения иностранных студентов в соответствии с государственными образовательными стандартами;
- прием иностранных делегаций и граждан;
- подготовка необходимой документации для выезда за рубеж в командировки сотрудников и студентов университета;

²⁰⁹ Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. Белгородская область. О международной и внешнеэкономической деятельности Белгородской области в первом полугодии 2016г. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-bel//asset_publisher/Ez0NRjKfNHsl/content/id/2443709 (дата обращения: 07.10.2021).

- паспортно-визовый контроль. Ревизия по соблюдению законодательства Российской Федерации и правил внутреннего распорядка университета иностранными гражданами, прибывшими в Россию в рамках сотрудничества;
- подготовка информационных и справочных материалов на тему международной деятельности университета ²¹⁰.

На уровне университета проводятся международные тематические конференции, семинары, форумы по актуальным проблемам сотрудничества в образовательной сфере. Также осуществляется студенческий обмен.

Администрация Владимирской области также интенсивно развивает свои международные отношения и международные связи с иностранными государствами. В 2015 году был сформирован план мероприятий, ориентированный на развитие торгово-экономического, научного и технического, а также культурного сотрудничества между Владимирской областью и Республикой Беларусь. Изначально план мероприятий был рассчитан на 2015 и 2016 годы, с учетом всех предложений Правительства Республики Беларусь, которые включали в себя 29 актуальных мероприятий, ориентированных на расширение двустороннего сотрудничества ²¹¹.

На сегодняшний день Владимирская область развивает отношения с Республикой Беларусь более интенсивно. В 2020 году во Владимире проходил международный бизнес-форум, участие в котором приняли представители Республики Беларусь. Между Республикой Беларусь и Владимирской областью налажены не только дружественные, но и деловые взаимовыгодные связи. И на сегодняшний день они становятся только прочнее и результативнее.

Владимирскую область за последние годы посетили как иностранные делегации, так и делегации субъектов Российской Федерации. Целью данных визитов является обсуждение всевозможных направлений сотрудничества. Для достижения целей проводятся переговоры с руководством региона.

Администрация Владимирской области, в свою очередь, организовала визиты своих представителей в Республику Беларусь. Результатом плодотворной работы являются соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и социально-культурной сферах между администрацией Владимирской области и представителями Республики Беларусь.

Владимирская область всегда была интересна как для российских, так и для иностранных туристов. И это не случайно – Владимирская область является колыбелью российской государственности, культуры и истории, ведь именно из Владимиро-Суздальского княжества выделилось Московское княжество, после чего смогло объединить раздробленные русские земли.

Калужская область также активно участвует в развитии международных и межрегиональных связей с государствами на постсоветском пространстве. Данный субъект тесно сотрудничает с Республикой Беларусь в экономическом, техническом и научном направлениях. В данной статье представлены только некоторые регионы России, которые активно развивают международные связи: Калужская, Владимирская, Белгородская области.

Можно констатировать, что культурное и гуманитарное сотрудничество как одно из важнейших направлений внешней политики России является своеобразным

²¹⁰ Белгородский государственный национальный исследовательский университет [Официальный сайт]. Управление международного сотрудничества. URL: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/structure/detail.php?ID=10518> (дата обращения: 05.10.2021).

²¹¹ Администрация Владимирской области [Официальный сайт]. Департамент инвестиций и внешнеэкономической деятельности. Международное сотрудничество. URL: <http://dvs.avо.ru/mezdunarodnoe-sotrudnicestvo/>; URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/278337/> (дата обращения: 07.10.2021).

проводником для развития внешнеэкономических, политических связей между государствами в постсоветский период. На мировой политической арене происходят события, которые иногда формируют в умах людей негативный образ России и настраивают многие бывшие союзные страны против нашего государства. В связи с этим важным аспектом является предоставление и распространение достоверной и полной информации о России. В данном случае СМИ играет самую главную роль не только в области культурного взаимодействия, но и в других аспектах сотрудничества между странами.

Когда речь идет о выстраивании связей и добрососедских отношений с государствами на постсоветском пространстве, необходимо сказать, прежде всего, о Россотрудничестве. Это Федеральное агентство по делам соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству. Основопологающей целью данной организации является расширение круга государств, дружественных по отношению к Российской Федерации. И нужно заметить, что с каждым годом добавляются новые инструменты для реализации задач на уровне организации. Сейчас выделяются два основных приоритета развития: 1) работа с молодежью; 2) расширение присутствия организации на постсоветском пространстве.

Учитывая современные реалии, Россотрудничество «идет в ногу со временем». Организуются интернет-фестивали, конкурсы и другие мероприятия. В качестве примера хотелось бы привести организацию подготовки к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, которое отмечалось в 2020 году. Велась активная работа по привлечению партнерских организаций из стран на постсоветском пространстве и экспертов.

Главной деятельностью Россотрудничества является активная работа с общественными организациями и экспертным сообществом. Российские эксперты вовлечены в данную работу для внесения корректив и реализации проектов. Целью деятельности экспертов является продвижение и распространение русского языка и российского образования за рубежом и в странах постсоветского пространства²¹². Портал под названием «Системная поддержка русских школ», созданный Россотрудничеством, активно функционирует. Это информационный портал, который предоставляет образовательным организациям бесплатный доступ к 180 тысячам электронных книг.

Со стороны нашего государства предпринято много мер по стабилизации отношений культурного и гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве, но еще есть аспекты, которые требуют доработки и совершенствования. Необходимость диалога со странами бывшего СССР является очевидным, скорее даже фундаментальным аспектом во внешнеполитической деятельности России. Необходимо учитывать и то, что на современном этапе развития стран под влиянием глобализации происходят сложные процессы. Формируется новая система международных отношений. На первое место, кроме факторов влияния государства на мировую политику и военно-политического и экономического ресурсов, выходят факторы «мягкой силы» [Наумов, 2015].

Проблематика статьи состоит в том, чтобы выявить основные аспекты развития международных отношений России и обозначить перспективы развития связей с государствами на постсоветском пространстве. Согласно мнению специалистов, за счет реализации стратегии экспорта образовательных услуг у российской системы образования возрастет способность конкурировать с другими аналогичными системами в

²¹² Глава Россотрудничества назвала главной миссией расширение круга друзей Российской Федерации. 2019. Федеральное агентство новостей. Лента новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1168796-glava-rossotrudnichestva-nazvala-glavnoi-missiei-rasshirenije-kruga-druzei-rf> (дата обращения: 10.07.2021).

других государствах. Нужно отметить, что у России есть положительный опыт в области создания сетевого университета стран СНГ в формате магистратуры по аналогии с «Эразмус-Мундус» [Сенашенко, 2013]. Иначе говоря, разрабатывалась программа, которая функционирует в пределах единого образовательного пространства государств-членов СНГ [Торкунов, 2013]. Проект датирован 2008 годом по инициативе университета РУДН. В состав Сетевого университета вошли 16 ведущих вузов из 8 стран: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. Этот образовательный проект создан с целью развития сотрудничества между вузами в пределах территории стран СНГ [Слепухин, Костюченко, 2011]. В первую очередь студенты получают базовое, то есть основное образование в университете своего государства (в Киргизии, Казахстане или Республике Беларусь), а после этого студенты из стран СНГ смогут продолжить обучение в магистратуре в России. Они могут обучаться в таких высших учебных заведениях, как РУДН, МГУ, МГИМО и в других университетах в Российской Федерации [Рудаков, Полянин, Марченкова, 2015].

Хотелось бы отметить, что российские вузы только начинают воплощать в жизнь подобные образовательные проекты, есть еще недоработки в применении на практике учебных программ на иностранных языках. Еще нет большого количества международных согласованных между вузами научных исследований по различным направлениям для того, чтобы сделать эти учебные программы обучения международными. Но важно сказать, что активная работа в этом направлении ведется. Нашему государству еще есть над чем поработать, но нужно отметить, что начало уже положено и ведется активная работа с целью развития нашей системы образования, формирования ее привлекательности на постсоветском пространстве.

В современных реалиях распространение за рубежом языка и литературы того или иного государства определяют уровень признания государства на мировой арене и его влияния. Исходя из этого, русский язык для России является основой для продвижения экономических и гуманитарных интересов нашей страны. Формируется положительный образ нашей страны и граждан, и, как следствие, формируется соответствующее отношение к Российской Федерации со стороны мирового сообщества. Все эти процессы целиком и полностью зависят от уровня распространения и использования русского языка за рубежом. По прогнозам экспертов, результатом деятельности России по продвижению русского языка станет укрепление авторитета нашей страны и более активное присутствие России во всех аспектах международной деятельности.

Для того чтобы правильно и грамотно осуществлять деятельность по поддержке русского языка, важно учитывать и оценивать исторические особенности развития языка: чем является русский язык, какую роль он играет как в нашей стране, так и за рубежом. Русский язык – это фундамент нашей истории и культуры. Русский – это наш государственный язык. Этим языком при общении пользуется русскоязычное население в государствах на постсоветском пространстве. Важно помнить, что данный язык используют при общении наши соотечественники за рубежом, обозначая тем самым свою культурную и языковую принадлежность [Громыко, 2013]. Русский язык является официальным или же рабочим языком таких международных организаций: ООН, ЮНЕСКО, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ, МАГАТЭ, ВОЗ, ЕАЭС и других²¹³. А также остается вторым государственным языком в некоторых странах на постсоветском пространстве (например, в Казахстане).

²¹³ Указ Президента Российской Федерации от 03.11.2015. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом». URL: www.kremlin.ru/acts/news/50644. (дата обращения: 04.07.2021).

В заключение нужно сказать, что, к сожалению, меры, предпринятые нашим государством, не могут пока переломить настроения так называемой «русофобии» как в странах бывшего СССР, так и в мире в целом. Это явление уходит корнями к концу XVIII – началу XIX веков. Русофобия как феномен выражена неприязнью ко всему русскому, в том числе и к языку. В последние годы Российская Федерация успешно воплощает в жизнь меры по поддержке и продвижению русского языка в мире. Россия оказывает всю необходимую помощь и поддержку соотечественникам, проживающим в других государствах. В наше время существует необходимость сохранения для русских людей за рубежом доступа к русской литературе и культуре. Применение на практике мер по продвижению языка имеет свои плоды. Интерес к изучению русского языка возрастает. Расширение международного, политического, экономического, научного, образовательного, культурного и гуманитарного сотрудничества Российской Федерации с государствами на постсоветском пространстве на уровне международных гуманитарных организаций способствует положительной динамике в данном аспекте.

Список литературы

1. Асадов Б.Р., Баранов А.С., 2016. Организованная молодежная среда России в контексте международного гуманитарного взаимодействия на постсоветском пространстве. Управленческое консультирование, 9: 172–182.
2. Буртный К.П. 2020. Россия в современном мире. Основные направления социально-экономического, политического и военно-технического развития страны. Задачи офицерского состава на 2021 учебный год. Армейский сборник, 11; 109–115. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/278337/> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Волков В.А. 2001. Вместе или порознь? Славянские народы на пороге XXI в.: диагноз и прогнозы. Родина. 1–2: 150–156. URL: https://archive.vn/20130103170809/www.istrodina.com/rodina_articul.php3.
4. Громыко А.А. 2013. Русский язык и культура в политике «мягкой силы» России. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. М., Ин-т Европы РАН, 143.
5. Най Дж. 2006 «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. Прогнозис, 8. URL: intelros.ru/2007/08/09/mjagkaja_sila_i_evropejskoamerikanskije_otnoshenija.html (дата обращения: 10.10.2021.)
6. Наумов А.О. 2015. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. Истина. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/9147444/> URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/278337/> (дата обращения: 07.10.2021).
7. Никонов В.А. 2015. Россия: вызовы и возможности. Стратегия России. 1: 25–27.
8. Пономарева Е.Г. 2013. Железная хватка «мягкой силы». МГИМО (ФГАОУ ВО «Московский государственный университет международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации) [Официальный сайт]. Эксперты МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/> (дата обращения: 10.10.2021).
9. Рудаков О.В., Полянин А.В., Марченкова Л.М., 2015. Россия на рынке международного образования: мировые рейтинги. Среднерусский вестник общественных наук, 6: 285–293.
10. Сарханянц К.Р. 2020. Владимир Путин обеспечил Россию мягкой силой. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267683/> (дата обращения: 05.10.2021).
11. Сенашенко В.С. 2013. Образование и процессы глобализации. Высшее образование в России. 1: 48–53.
12. Слепухин А.Ю., Костюченко Л.С. 2011. Трансформация образовательной политики в Европе на современном этапе. Власть, 10: 151–154.
13. Токмакова М.В. 2013. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 189–194.

14. Торкунов А.В. 2013. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России». URL: <http://ticrussiancouncil.ru/analys-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike> (дата обращения 15.08.2021)

References

1. Asadov B.R., Baranov A.S., 2016. Organizovannaya molodezhnaya sreda Rossii v kontekste mezhdunarodnogo gumanitarnogo vzaimodejstviya na postsovetском prostranstve [Organized youth environment in Russia in the context of international humanitarian interaction in the post-Soviet space]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 9: 172–182.
2. Burtuj K.P. 2020. Rossiya v sovremennom mire. Osnovnye napravleniya social'no-ekonomicheskogo, politicheskogo i voenno-tekhnicheskogo razvitiya strany. Zadachi oficerskogo sostava na 2021 uchebnyj god [Russia in the modern world. The main directions of the socio-economic, political and military-technical development of the country. Officers' Tasks for the 2021 Academic Year]. *Armejskij sbornik*, 11; 109–115. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/278337/> (дата обрashcheniya: 07.10.2021).
3. Volkov V.A. 2001. Vmeste ili porozn'? Slavyanskije narody na poroge XXI v.: diagnoz i prognozy [Together or apart? Slavic peoples on the threshold of the XXI century: diagnosis and predictions]. *Rodina*. 1–2: 150–156. URL: https://archive.vn/20130103170809/www.istrodina.com/rodina_articul.php3.
4. Gromyko A.A. 2013. Russkij yazyk i kul'tura v politike «myagkoj sily» Rossii. Bol'shaya Evropa v global'nom mire: novye vyzovy – novye resheniya [Russian language and culture in the policy of «soft power» in Russia. Greater Europe in a Global World: New Challenges – New Solutions]. M., In-t Evropy RAN, 143.
5. Naj Dzh. 2006 «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya [Soft Power and US-European Relations]. *Prognosis*, 8. URL: http://intelros.ru/2007/08/09/mjagkaja_sila_i_evropejskoamerikanskije_otnosheniya.html (дата обрashcheniya: 10.10.2021).
6. Naumov A.O. 2015. «Myagkaya sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii. [«Soft power» and the foreign policy image of the Russian Federation]. *Istina*. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/9147444/> URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/278337/> (дата обрashcheniya: 07.10.2021).
7. Nikonov V.A. 2015. Rossiya: vyzovy i vozmozhnosti [Russia: challenges and opportunities]. *Strategiya Rossii*. 1: 25–27.
8. Ponomareva E.G. 2013. Zheleznaya hvatka «myagkoj sily» [The iron grip of «soft power»]. MGIMO (FGAOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj universitet mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii) [Oficial'nyj sajt]. *Eksperty MGIMO*. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/> (дата обрashcheniya: 10.10.2021).
9. Rudakov O.V., Polyanin A.V., Marchenkova L.M., 2015. Rossiya na rynke mezhdunarodnogo obrazovaniya: mirovye rejtingi [Russia in the international education market: world rankings]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 6: 285–293.
10. Sarhanyanc K.R. 2020. Vladimir Putin obespechil Rossiyu myagkoj siloj [Vladimir Putin gave Russia soft power]. *Kommersant*". URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267683/> (дата обрashcheniya: 05.10.2021).
11. Senashenko V.S. 2013. Obrazovanie i processy globalizacii [Education and processes of globalization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 1: 48–53.
12. Slepuhin A.Yu., Kostyuchenko L.S. 2011. Transformaciya obrazovatel'noj politiki v Evrope na sovremennom etape [Transformation of educational policy in Europe at the present stage]. *Vlast'*, 10: 151–154.
13. Tokmakova M.V. 2013. Integracionnye processy na postsovetском prostranstve [Integration processes in the post-Soviet space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 189–194.
14. Torkunov A.V. 2013. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii» [Education as an instrument of «soft power» in Russian foreign policy». URL: <http://ticrussiancouncil.ru/analys-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike> (дата обрashcheniya 15.08.2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коньшева Юлия Сергеевна, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Орел, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Konysheva, postgraduate student Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА, Orel, Russia